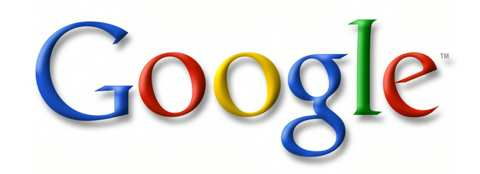


VE RI
TAS

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1893 г.

Книга 1.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная, 28.
1893.

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ

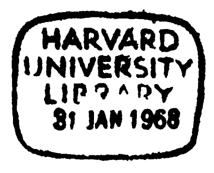
ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1893 г.

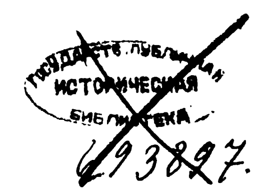
Книга 1.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная, 28.
1893.



Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета

М. Алексѣенко.



СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1070.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ,

назначенной Совѣтомъ Университета для обсужденія вопроса о возобновленіи изданія „Ученыхъ Записокъ" Университета.

Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета 16-го мая 1891 года г-мъ Ректоромъ былъ возбужденъ вопросъ о возобновленіи изданія Университетомъ „Ученыхъ Записокъ", прерванныхъ въ 1884 году. Совѣтъ Университета, находя возобновленіе изданія этихъ Записокъ весьма желательнымъ, положилъ: назначить коммиссію изъ гг. членовъ—*Андреева, Багалѣя*, *Бузескула*, *Данилевскаго В. Я.*, *Куплеваскаго*, *Скворцова*, *Стоянова*, *Шимкова* и просить ихъ о заключеніи своемъ, послѣ обсужденія вопроса, донести Совѣту. Коммиссія эта, избравъ предсѣдателемъ А. Н. Стоянова и секретаремъ Д. И. Багалѣя, прежде всего обратилась, еще въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, по предложенію Д. И. Багалѣя, во всѣ русскіе Университеты и Институты съ просьбою— „доставить свѣдѣнія объ организаціи этого дѣла какъ со стороны хозяйственной, такъ и относительно редактированія подобнаго печатнаго ȯргана". Въ теченіе наступившихъ за симъ каникулъ, получены были отвѣты, въ общемъ содержаніи весьма обстоятельные, отъ Университетовъ: *Казанскаго*, *Кіевскаго*, *Томскаго*, *Варшавскаго* и *С.-Петербургскаго*.—Доставленный этими отзывами матеріалъ былъ обработанъ въ коммиссіи вмѣстѣ съ краткою историческою замѣткою, или справкою, Д. И. Багалѣя объ изданіяхъ Харьковскаго Университета со времени его основанія и до нашихъ дней.

Оказывается, что съ 1805 года, т. е. немедленно послѣ основанія нашего Университета, начался цѣлый рядъ изданій, идущихъ почти безъ перерыва до тридцатыхъ годовъ. Первоначально печатались актовыя рѣчи и отчеты о состояніи Университета. Въ сборникъ одного года всегда входило по нѣсколько рѣчей (5—6), и, кромѣ того, Университетъ издавалъ: обозрѣнія преподаванія, каталоги кабинетовъ, положенія и правила, сочиненія профессоровъ, отчеты о командировкахъ, а также

учебники по разнымъ предметамъ, составлявшіеся профессорами. Такимъ образомъ были изданы: „Физика“ *Стойковича*, „Нѣмецкая Хрестоматія“ *Шада* и *Роммеля;* „Ciceronis Orationes“ того-же *Роммеля;* переводъ „Всеобщей Химіи“ *Гизе*, исполненный проф. *Коммишинскимъ;* „Краткое наставленіе, какъ предохранять себя отъ прилипчивыхъ болѣзней“, составленное профессоромъ *Шумлянскимъ* и *Книгинымъ.*—Въ 1811 году вышли „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Харьковскомъ Университетѣ“. Въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ *Филомафитскій, Квитка* и *Гонорскій* издавали „Украинскій Вѣстникъ“; профессоръ *Пильгеръ* выступилъ, около того-же времени, издателемъ „Украинскаго Домовода“.—Въ 1817 году, опять появились „сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Императорскаго Харьковскаго Университета“, а въ 1818 году вышло еще одно изданіе „сочиненій и переводовъ студентовъ Харьковскаго Университета“. Двадцатые годы текущаго столѣтія, 1824-й и 1825-й, заканчиваются „Украинскимъ журналомъ“ магистра *Склабовскаго*, т. е. послѣднимъ изъ многихъ изданій Харьковскаго Университета въ царствованіе его Августѣйшаго Основателя Императора Александра Перваго. Отъ 1825 г. наступаетъ долговременный перерывъ издательской дѣятельности Харьковскаго Университета до 1846 года, когда появился одинъ томъ, въ 344 страницы, „Опытовъ въ сочиненіяхъ студентовъ Харьковскаго Университета“. Затѣмъ слѣдуетъ новый перерывъ до самаго 1865 года, когда, кажется, начали печататься „Протоколы засѣданій Совѣта Харьковскаго Университета“ и „Приложенія“ къ нимъ, гдѣ помѣщались и ученыя работы [напримѣръ вступительная лекція *Геннадія Карпова* въ 1867 году, а также лекція *Иконникова*]. Съ 1874 года стали издаваться „Записки Императорскаго Харьковскаго Университета“, прекратившія свое существованіе въ 1884 году.

Таковы факты, касающіеся дѣла первостепенной важности для каждаго Университета, сознающаго всю серьезность и пользу просвѣтительной роли своей. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на цѣлую четверть столѣтія весьма почтенной и почти непрерывной издательской дѣятельности въ первую эпоху существованія нашего Университета. Съ другой стороны, въ виду настоящаго отсутствія особаго печатнаго органа, приходится всецѣло согласиться съ тѣмъ взглядомъ, который высказанъ былъ членами Коммиссіи 1873 года, предшествовавшей замѣнѣ „Протоколовъ засѣданій Совѣта“ „Записками Императорскаго Харьковскаго Университета“.

„Послѣ внимательнаго обсужденія общаго вопроса“,—читаемъ мы въ протоколахъ засѣданій Коммиссіи 1873 года,—„всѣ члены пришли къ

единогласному заключенію о необходимости и для Харьковскаго Университета особаго и обезпеченнаго относительно средствъ изданія, по примѣру всѣхъ русскихъ Университетовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, ничѣмъ нельзя ни объяснить, ни оправдать особенности, отличавшей нашъ Университетъ отъ всѣхъ другихъ. Нѣтъ нужды доказывать необходимость для каждаго Университета особаго органа, своевременно и въ точно опредѣленные сроки знакомящаго общество съ совершающеюся въ немъ дѣятельностью и ея результатами и легко распространяющагося въ обществѣ, готовомъ безъ сомнѣнія съ интересомъ и сочувствіемъ отнестись къ этой дѣятельности". Къ словамъ этимъ, вѣрно и объективно указавшимъ крупный пробѣлъ въ программѣ дѣятельности нашего Университета, остается прибавить лишь немногое. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ почтенныхъ членовъ Коммиссіи 1873 года,—мнѣніемъ, принятымъ Совѣтомъ, — мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что теорѐтическое обоснованіе мысли о необходимости общаго университетскаго органа вытекаетъ изъ самой сущности Университета какъ *Universitas litterarum*, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть механическаго соединенія 4-хъ факультетовъ, а гдѣ есть и должно быть одно органическое цѣлое съ общими научными потребностями и съ необходимостію имѣть общій органъ для ихъ удовлетворенія. То время, которое отдѣляетъ настоящій моментъ отъ 1873 года, только сильнѣе подкрѣпило наше давнишнее и глубокое убѣжденіе въ насущной потребности для Университета имѣть свое собственное ученое изданіе. Это изданіе будетъ однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ для того, чтобы вызвать и направить къ общей пользѣ научно-литературную дѣятельность не только профессоровъ, но и студентовъ. Въ общемъ итогѣ, который вносится въ годичные отчеты и становится для всѣхъ извѣстнымъ фактомъ на актовыхъ собраніяхъ Университета, число профессорскихъ работъ представляетъ собою очень не малую цифру. Затѣмъ, каждогодно появляются у насъ выдающіяся работы студентовъ на всѣхъ факультетахъ,—работы, вѣнчаемыя почетными наградами и отзывами, но обращающіяся въ мертвое достояніе архивовъ. Но едва-ли кто нибудь рѣшится отрицать ту общеизвѣстную истину, что существованіе спеціальныхъ университетскихъ органовъ способно еще болѣе усиливать научно-литературную дѣятельность, вызывая появленіе такихъ работъ, которыя не могли-бы появиться при неимѣніи подобныхъ органовъ. Есть еще соображеніе, важность и своевременность котораго, по данному вопросу, объясняются близостію столѣтняго юбилея нашего Университета. Порà намъ подумать о составленіи исторіи Харьковскаго Университета, какъ школы, просвѣщавшей главнымъ образомъ югъ Россіи,

но внесшей крупную долю труда въ благотворное дѣло народнаго образованія и въ цѣлой Россіи. Слѣдуетъ приступить къ подготовкѣ біографическаго словаря нашихъ предшественниковъ профессоровъ. Работа такая, по самому свойству своему, не можетъ быть краткосрочною и отрывочною: потребуются предварительныя, непрерывно идущія, изысканія въ архивахъ; нужно будетъ приложить къ столь многотрудному дѣлу не единичныя лишь, но и совокупныя усилія цѣлыхъ группъ людей. Не трудно заключить изъ вышесказаннаго о той поддержкѣ для разработки исторіи Университета, которую найдетъ дѣло это въ фактѣ существованія *своего собственнаго*, *университетскаго органа*. Смѣло можно сказать, что здѣсь будетъ у насъ устойчивый пунктъ, возлѣ котораго крѣпко организуется коллективная работа, необходимая для выполненія задачи—подготовить составленіе исторіи Университета и біографій его дѣятелей.

Не вполнѣ удачное веденіе послѣдняго нашего изданія „Записокъ" не можетъ служить, по мнѣнію настоящей Коммиссіи, аргументомъ противъ мысли—создать новый научный органъ для нашего Университета. Большинству членовъ Совѣта, конечно, хорошо извѣстно, что одною изъ главныхъ причинъ неуспѣха прежняго изданія было отсутствіе правильной и практичной организаціи, на которую, въ настоящее время, должно быть обращено самое серьезное вниманіе.

ПРАВИЛА и ПРОГРАММА

„Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета".

(Утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20 іюня 1892 года).

---

§ 1. Предполагаемое изданіе есть періодическое и носитъ названіе: „Записки Императорскаго Харьковскаго Университета".

§ 2. Изданіе выходитъ 4 раза въ годъ въ слѣдующіе сроки: 1-го января, 1-го марта, 1-го мая, 1-го ноября.

Примѣчаніе. Число выпусковъ можетъ быть увеличено Совѣтомъ университета по представленію Редакціоннаго комитета.

§ 3. Программа и содержаніе изданія: А) *Первая часть*, *оффиціальная;* В) *вторая часть*, *неоффиціальная*.

А) Въ оффиціальной части помѣщаются: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также другіе оффиціальные акты и документы, каковы:

Положеніе объ изданіи „Записокъ“, обозрѣнія преподаванія, годичные отчеты; въ видѣ особаго приложенія, актовыя рѣчи и отзывы профессоровъ о сочиненіяхъ студентовъ, удостоенныхъ награжденія медалями и т. д.

В) Въ неоффиціальную часть входятъ слѣдующіе отдѣлы: а) *научный отдѣлъ* (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. д.); б) *критика и библіографія* (критическія статьи о научныхъ сочиненіяхъ и матеріалахъ русской и иностранной научной литературы, библіографическія замѣтки и отзывы); в) *Харьковская университетская лѣтопись* (самостоятельныя статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго университета и критико-біографическіе очерки его профессоровъ,—некрологи профессоровъ-преподавателей и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ, обозрѣнія состоянія учебно-вспомогательныхъ учрежденій Университета, отчеты о диспутахъ); г) приложенія, отдѣльныя отъ журнала; въ нихъ помѣщаются болѣе обширныя ученыя сочиненія, диссертаціи на ученыя степени лицъ, принадлежащихъ къ Университету, курсы университетскихъ профессоровъ, каталоги библіотекъ, описи музеевъ, архивовъ и кабинетовъ.

§ 4. Въ „Запискахъ“ помѣщаются работы профессоровъ, преподавателей, служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію, студентовъ и постороннихъ лицъ.

Примѣчаніе. Статьи преподавателей Университета и лицъ, служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, соотвѣтствующія программѣ, печатаются редакторомъ, который отдаетъ ихъ на предварительный просмотръ и заключеніе одного изъ членовъ Редакціоннаго комитета соотвѣтственно тому, къ какому факультету относится предметъ статьи. Въ случаѣ недоразумѣнія вопросъ рѣшается Редакціоннымъ комитетомъ. Статьи студентовъ печатаются по ходатайству факультетовъ. Сочиненія, удостоенныя медалей—по рѣшенію факультетовъ и опредѣленію Совѣта. Сочиненія постороннихъ лицъ печатаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ по постановленію факультетовъ и съ разрѣшенія Правленія, но отдѣльные оттиски выдаются на счетъ авторовъ.

§ 5. Все изданіе, вмѣстѣ съ приложеніями заключаетъ въ себѣ, приблизительно, около 100 листовъ въ годъ.

§ 6. „Записки Харьковскаго Университета“ печатаются, приблизительно, въ количествѣ не менѣе 300-тъ экземпляровъ.

§ 7. Подписная цѣна для студентовъ Харьковскаго университета назначается по 2 руб. въ годъ, а для постороннихъ лицъ, безъ пересылки, 4 руб., а съ пересылкою 5 руб. въ годъ; отдѣльные экземпляры приложеній могутъ быть пріобрѣтаемы по цѣнѣ, опредѣляемой Редакціоннымъ комитетомъ.

§ 8. Авторы получаютъ, въ-видѣ гонорара, отдѣльные оттиски своихъ работъ, въ количествѣ до 100 экземпляровъ; число это можетъ быть увеличено по желанію автора, съ уплатою стоимости бумаги и брошюровки; денежный гонораръ предполагается выдавать за статьи по исторіи Университета и за біографіи профессоровъ по 40 руб. за печатный листъ изъ суммъ, которыя на этотъ предметъ будутъ ассигнованы Совѣтомъ Университета.

§ 9. Средства для изданія составляются изъ слѣдующихъ суммъ: a) 500 руб. сер., ассигнуемыхъ по смѣтѣ на печатаніе протоколовъ; b) изъ суммъ, ассигнуемыхъ Совѣтомъ Университета факультетамъ на печатаніе ученыхъ трудовъ; сумма эта расходуется исключительно на „приложенія“ по-возможности равномѣрно, между факультетами, т. е. для той цѣли, для которой она предназначается и въ настоящее время; c) особой суммы въ размѣрѣ 2000 руб., которая ассигнуется Совѣтомъ Университета въ распоряженіе Редакціоннаго комитета и распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1300 руб. на печатаніе „Записокъ“, 700 руб. на вознагражденіе Редактору, письмоводителю и на всѣ канцелярскіе расходы по дѣлу изданія; d) суммы, которыя ассигнуются по § 8 на гонораръ за статьи по исторіи Университета и за біографіи профессоровъ; e) выручки отъ продажи изданія.

Примѣчаніе. Изъ суммы, ассигнуемой Совѣтомъ на изданіе „Записокъ“, можетъ быть употреблено на печатаніе рисунковъ и чертежей не болѣе 400 руб.

§ 10. Во главѣ дѣла стоитъ Редакторъ, избираемый Совѣтомъ на два года и несущій на себѣ ближайшія заботы по изданію согласно инструкціи, даваемой Совѣтомъ; кромѣ того избирается также на 2 года Редакціонный комитетъ изъ 8-ми членовъ, по 2 профессора отъ каждаго факультета. Члены Редакціоннаго комитета избираются факультетами. Редакціонный комитетъ созывается Редакторомъ. Предсѣдательствуетъ въ комитетѣ одинъ изъ членовъ, избираемый комитетомъ на 2 года.

§ 11. Вопросъ о распредѣленіи количества листовъ между факультетами разрѣшается Редакціоннымъ комитетомъ, въ случаѣ столкновенія интересовъ разныхъ факультетовъ, по принципу равномѣрнаго распредѣленія матеріала.

§ 12. Существующія нынѣ изданія учебныхъ обществъ могутъ остаться на прежнемъ положеніи; настоящее изданіе „Записокъ“ не должно нарушать ихъ денежныхъ интересовъ.

§ 13. Выборъ типографіи для печатанія „Записокъ“ предоставляется Редактору изданія совмѣстно съ Редакціоннымъ комитетомъ.

§ 14. Цензура изданія принадлежитъ Университету, на основаніи существующихъ узаконеній (смотр. Уст. Университ. ст. 138 и 140).

ИНСТРУКЦІЯ РЕДАКТОРУ.

На обязанности Редактора лежитъ забота о своевременномъ выходѣ въ свѣтъ книжекъ „Записокъ"; къ нему поступаютъ отъ авторовъ рукописи, которыя должны быть четко написаны; онъ ихъ распредѣляетъ по книжкамъ „Записокъ", слѣдитъ за печатаніемъ и держитъ послѣднюю корректуру.

Редакторъ заботится о правильномъ обмѣнѣ „Записокъ" на другія изданія, для чего ведетъ особую шнуровую книгу, входитъ въ сношенія съ редакціями русскихъ и иностранныхъ изданій и пересылаетъ имъ „Записки", а получаемыя взамѣнъ ихъ изданія направляетъ въ университетскую библіотеку, помѣщаетъ объявленія о „Запискахъ" въ газетахъ и журналахъ и т. п. Окончательное утвержденіе обмѣна зависитъ отъ Редакціоннаго комитета.

Редакторъ ежегодно представляетъ Совѣту Университета отчетъ по редакціи, гдѣ указывается число книжекъ и заключающихся въ нихъ печатныхъ листовъ, опредѣляется стоимость ихъ, количество экземпляровъ, выданныхъ платнымъ и даровымъ подписчикамъ, количество и стоимость изданій, полученныхъ въ-обмѣнъ, и другія данныя. До представленія Совѣту отчетъ передается на обсужденіе и заключеніе Редакціоннаго комитета.

УСТАВЪ

Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

(Утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 февраля 1892 г.).

§ 1. Цѣль педагогическаго отдѣла — обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ историко-филологическихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2. Педагогическій отдѣлъ состоитъ изъ лицъ, преподающихъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ харьковскаго учебнаго округа, и вообще изъ лицъ, интересующихся спеціально педагогическими и научно-методологическими вопросами.

§ 3. Члены педагогическаго отдѣла избираются по рекомендаціи одного или нѣсколькихъ членовъ историко-филологическаго общества или педагогическаго отдѣла закрытою баллотировкой по большинству голосовъ.

§ 4. Члены историко-филологическаго общества состоятъ eo ipso и членами педагогическаго его отдѣла.

§ 5. При переходѣ изъ педагогическаго отдѣла въ историко-филологическое общество соблюдаются §§ 7 и 18 Устава общества, т. е. баллотировка и 5-ти-рублевый членскій годовой взносъ.

§ 6. Предсѣдатель педагогическаго отдѣла избирается отдѣломъ исключительно изъ членовъ историко-филологическаго общества, а секретарь—изъ наличнаго состава отдѣла.

§ 7. Годовой членскій взносъ для члена педагогическаго отдѣла опредѣляется въ три рубля.

§ 8. О времени засѣданій педагогическаго отдѣла и предстоящихъ сообщеніяхъ дѣлается предварительное увѣдомленіе въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ. Засѣданіе считается состоявшимся, если явится $^1/_3$ общаго числа членовъ, проживающихъ въ городѣ.

§ 9. Параграфы 9, 11, 12 и 17 Устава историко-филологическаго общества примѣняются и къ его отдѣлу.

§ 10. Изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію по §§ 13, 14 и 15, вопросы по печатанію трудовъ педагогическаго отдѣла, по обсужденіи въ отдѣлѣ, окончательное рѣшеніе получаютъ въ историко-филологическомъ обществѣ.

§ 11. Годовой отчетъ о дѣятельности педагогическаго отдѣла разсматривается въ историко-филологическомъ обществѣ, печатается въ его изданіяхъ или отдѣльно и представляется попечителю харьковскаго учебнаго округа.

§ 12. Взносы и пожертвованія въ пользу педагогическаго отдѣла поступаютъ въ кассу историко-филологическаго общества.

ПРАВИЛА

о вскрытіяхъ мертвыхъ тѣлъ въ Александровской больницѣ г. Харькова.

(Подлинный утвержденъ Начальникомъ губерніи 7 сентября 1892 г.).

---

1. Въ Александровской больницѣ, для чернорабочихъ г. Харькова, вскрытія мертвыхъ тѣлъ производятся (на основаніи § 67 Устава больницы и § 6 Положенія о госпитальныхъ клиникахъ) старшимъ врачемъ

и ординаторами больницы, съ правомъ присутствовать при сихъ вскрытіяхъ и студентамъ медицинскаго факультета; въ учебное же время, для обученія студентовъ и врачей, вскрытія мертвыхъ тѣлъ производятся профессоромъ патологической анатоміи и его помощниками (прозекторомъ или его помощникомъ) или директорами госпитальныхъ клиникъ.

Примѣчаніе. Всѣ трупы клиническихъ отдѣленій больницы обязательно поступаютъ въ распоряженіе профессора патологической анатоміи и директоровъ госпитальныхъ клиникъ.

2. Назначеніе труповъ для вскрытія въ общихъ отдѣленіяхъ больницы, а равно и назначеніе ихъ для упражненія студентовъ и врачей и для другихъ учебно-вспомогательныхъ занятій зависитъ отъ старшаго врача; въ отдѣленіяхъ же клиническихъ—отъ завѣдующихъ клиниками.

Примѣчаніе. Ближайшее завѣдываніе трупами старшій врачъ, по соглашенію съ завѣдующими клиниками и профессоромъ патологической анатоміи, поручаетъ одному изъ клиническихъ ординаторовъ, который ведетъ въ особой книгѣ списокъ всѣмъ трупамъ больницы, съ обозначеніемъ: а) какіе трупы по требованію ближайшихъ родственниковъ (родителей, дѣтей, супруговъ, родныхъ братьевъ и сестеръ) предаются погребенію безъ вскрытія; б) какіе назначаются, согласно указанію старшаго врача, для вскрытія по правиламъ судебной медицины; в) какіе для патолого-анатомическаго вскрытія, и г) какіе передаются въ анатомическій театръ университета, для занятій описательною и топографическою анатоміей, а также оперативною хирургіею, съ указаніемъ—вскрыты ли они и совершонъ ли надъ ними обрядъ погребенія. Книга эта должна быть открыта для профессоровъ госпитальныхъ клиникъ и патологической анатоміи.

3. Вскрытія по правиламъ судебной медицины производятся (§ 75 Прав. по медиц. гражд. Уст. лѣч. завед.) въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) когда больной поступилъ въ больницу съ признаками наружнаго насилія или отравленія и впослѣдствіи умеръ;

б) когда больной умеръ вскорѣ по поступленіи въ больницу, если причина болѣзни недостаточно выяснена;

в) когда больной, призрѣваемый въ больницѣ, умеръ скоропостижно съ припадками, несвойственными первоначальной болѣзни.

4. Вскрытія патолого-анатомическія съ записаніемъ протоколовъ вскрытія въ книгу больницы за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ пунктѣ *а* примѣчанія къ § 2, производятся съ разрѣшенія старшаго врача больницы, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

а) если ординаторъ найдетъ нужнымъ вскрыть умершаго для узнанія причины смерти (§ 119 Уст. лѣчебн. завед. гражд. вѣд. прав. по части медиц.);

б) въ случаяхъ замѣчательныхъ или рѣдкихъ болѣзней, припадковъ и важныхъ операцій, гдѣ вскрытіе можетъ служить къ обогащенію познаній врачебной науки (§ 100 Уст. лѣч. завед. гражд. вѣд. по части медиц.);

в) если отъ вскрытія ожидаются необыкновенные, заслуживающіе особеннаго вниманія, патологическіе препараты, которые могутъ служить къ обогащенію учебныхъ собраній университета (§ 77 Уст. лѣч. завед. гражд. вѣд. прав. по части медиц.);

г) когда завѣдующій клиникою находитъ необходимымъ дополнить вскрытіемъ клиническій разборъ больного.

5. Предназначенные старшимъ врачемъ для вскрытія трупы вскрываются профессорами госпитальныхъ клиникъ и профессоромъ патологической анатоміи. Протоколы клиническихъ вскрытій вносятся въ особую книгу, которая хранится въ конторѣ больницы.

6. О всѣхъ патолого-анатомическихъ вскрытіяхъ, назначенныхъ старшимъ врачемъ въ трупномъ покоѣ Александровской больницы, ординаторъ, завѣдующій трупами, сообщаетъ смотрителю больницы, который извѣщаетъ объ этомъ профессора патологической анатоміи и дѣлаетъ другія, зависящія отъ него, распоряженія по предстоящему вскрытію.

7. Профессоръ патологической анатоміи не пользуется отъ больницы, при производствѣ вскрытій, кромѣ служителя при трупномъ покоѣ, никакими помощниками, каковыми служатъ ему обучающіеся патологической анатоміи врачи и студенты, но въ помѣщеніи для вскрытія (трупный покой) можетъ, по соглашенію съ старшимъ врачемъ, держать необходимые для его изслѣдованій приборы, посуду и инструменты, находящіеся въ вѣдѣніи ординатора, завѣдующаго трупами больницы.

8. Мертвыя тѣла, къ которымъ не явились въ теченіе 36 часовъ, послѣ смерти, родственники, буде не подлежатъ судебно-медицинскому изслѣдованію, съ разрѣшенія старшаго врача больницы препровождаются въ анатомическій театръ университета и передаются въ распоряженіе профессоровъ описательной анатоміи и оперативной хирургіи.

9. Трупы, подлежащіе судебно-медицинскому вскрытію по распоряженію полиціи или судебной власти, вскрываются профессоромъ судебной медицины въ присутствіи студентовъ или городовымъ врачемъ, при чемъ вскрытія профессоромъ судебной медицины должны произво-

диться въ помѣщеніи судебно-медицинскаго института университета, а городовой врачъ производитъ ихъ въ трупномъ покоѣ больницы или въ другомъ помѣщеніи, назначенномъ для этой надобности городскою управою.

ОТЧЕТЪ

комитета для сооруженія памятника Василію Назаровичу Каразину.

Мм. Гг.

Комитетъ для сооруженія памятника Василію Назаровичу Каразину, дѣйствующій на основаніи „Положенія“ о немъ, утвержденнаго г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ честь представить вашему благосклонному вниманію изложенные вкратцѣ очеркъ возникновенія вопроса о сооруженіи памятника и отчетъ о результатахъ сбора потребныхъ для этого денежныхъ средствъ.

17 января 1865 г., въ 60-ю годовщину существованія Харьковскаго университета, на обѣдѣ у В. А. Кочетова, бывшаго въ то время ректоромъ, между присутствовавшими возникла рѣчь о постановкѣ памятника В. Н. Каразину, на площадкѣ университетской горки, и объ объявленіи преміи за составленіе его біографіи. При этомъ были сдѣланы указанія на то, что Одесса имѣетъ у себя памятникъ Дюку-де-Ришелье, основателю ея лицея, а въ С.-Петербургѣ, возлѣ медико-хирургической академіи, воздвигнутъ памятникъ учредителю послѣдней, баронету Вилліе.

Мысль о памятникѣ виновнику основанія университета въ г. Харьковѣ, возникшая такимъ образомъ въ средѣ университета, была опубликована землевладѣльцемъ харьковской губерніи и воспитанникомъ Харьковскаго университета, Г. П. Данилевскимъ, въ его сборникѣ, напечатанномъ въ 1866 году въ Харьковѣ, подъ заглавіемъ „*Украинская старина*“ (стр. 152).

Между присутствовавшими на упомянутомъ университетскомъ обѣдѣ у ректора находился профессоръ Н. А. Лавровскій,—въ настоящее время попечитель Дерптскаго учебнаго округа. Онъ возымѣлъ намѣреніе заняться собираніемъ матеріаловъ для исторіи Харьковскаго университета, которая естественно начиналась очеркомъ замѣчательной дѣятельности Василія Назаровича. Одни матеріалы находились въ архивахъ разныхъ учрежденій, другіе хранились у родныхъ скончавшагося (почти

за четверть вѣка передъ тѣмъ) безпримѣрнаго дѣятеля въ нашемъ краѣ. Изъ послѣднихъ матеріаловъ, т. е. хранившихся у родныхъ В. Н. Каразина, особенно много опубликовалъ сынъ его, Филадельфъ Васильевичъ, чѣмъ и воспользовался Н. А. Лавровскій, воспринявшій мысль о необходимости увѣковѣчить память о В. Н. Каразинѣ сооруженіемъ ему памятника въ гор. Харьковѣ. Мысль эта, высказанная и въ печати, была воспринята также и знаменитымъ историкомъ М. П. Погодинымъ, который писалъ проф. Лавровскому: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію (между нами), долженъ засвидѣтельствовать свою благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденіи дастъ вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ". Затѣмъ, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 1872 г., М. П. Погодинъ сообщилъ ту же мысль „въ теплыхъ словахъ" извѣстному художнику М. О. Микѣшину, принявшему эту мысль „къ сердцу" и тотчасъ же взявшемуся составить проектъ недорогаго памятника. М. О. Микѣшинъ „въ одну минуту" набросалъ эскизъ памятника, который былъ доставленъ Н. А. Лавровскому, а послѣдній передалъ его намъ, въ комитетъ.

Свою статью, подъ заглавіемъ: *В. Н. Каразинъ и основаніе Харьковскаго университета*, Н. А. Лавровскій помѣстилъ въ январской и февральской книжкахъ Журнала министр. нар. просв. за 1872 годъ. Мысль о памятникѣ виновнику основанія Харьковскаго университета получила значительное распространеніе, и Г. П. Данилевскій, уже публиковавшій о первомъ возникновеніи ея, теперь снова, имѣя въ виду приближеніе столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина и семидесятилѣтіе съ основанія Харьковскаго университета, писалъ 1 августа 1872 г. редактору *Русской Старины:* „Харьковское земство, городъ Харьковъ и Харьковскій университетъ сдѣлали бы почтенное дѣло, еслибы пособили постановкѣ памятника основателю Харьковскаго университета, В. Н. Каразину. Слѣдовало бы открыть для этого общественную подписку при университетѣ, при губернской земской управѣ и при Харьковской Думѣ" (Русс. Стар. 1872, т. VI, стр. 296).

10-го августа того же 1872 г. Г. П. Данилевскій писалъ еще и попечителю Харьковскаго учебнаго округа, А. А. Воскресенскому, болѣе подробно излагая заслугу В. Н. Каразина передъ Харьковскимъ обществомъ и краемъ. Письмо это было передано г. попечителемъ на усмотрѣніе Совѣта Харьковскаго университета, который въ засѣданіи 7 сентября постановилъ: „по вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину войти въ предварительное соглашеніе съ харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, съ харьковскою губернскою земскою управою и харьковскою городскою думою".

Всѣмъ имъ, въ октябрѣ 1872 г., были разосланы отъ имени университетскаго Совѣта соотвѣтствующія отношенія съ предложеніемъ о томъ, „не благоугодно-ли будетъ имъ принять какое-либо участіе въ ходатайствѣ о разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника В. Н. Каразину?"

Между тѣмъ оканчивался 1872 годъ и приближалась столѣтняя годовщина (30 янв. 1873 г.) со дня рожденія В. Н. Каразина. По этому случаю проф. Н. А. Лавровскій приготовилъ статью, подъ заглавіемъ: *„Воспоминанія о В. Н. Каразинѣ" (1773—1873)*, которая была имъ прочитана на торжественномъ актѣ Харьковскаго университета 17 янв. 1873 г. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой актовой рѣчи, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ почтенный авторъ ея относился къ вопросу о памятникѣ В. Н. Каразину:

„Неужели мы, отдаленные на тридцать лѣтъ отъ его смерти, останемся равнодушными, безучастными, безстрастными къ его заслугѣ, въ виду празднованія его столѣтняго юбилея? Мм. гг.! Monumentum aere perennius Горація, конечно, имѣетъ міровое значеніе. Въ скромномъ и мѣстномъ смыслѣ создалъ себѣ такой же памятникъ и Каразинъ. Къ этому невещественному памятнику мы можемъ отнестись не иначе, какъ съ глубокою признательностію. Но уже такова природа человѣческая, что она стремится выразить сильныя чувства въ вещественныхъ формахъ. Позвольте же мнѣ заключить надеждой, что предложенныя воспоминанія помогутъ хотя сколько нибудь возбужденію этой потребности выразить признательность къ заслугѣ В. Н. Каразина вещественно, хотя бы и очень скромно" (Ж. М. Н. П. 1873, мар. стр. 311).

Въ іюнѣ 1874 г. получено университетомъ отношеніе харьковской городской управы (отъ 8 числа, № 2211), въ которомъ было приведено мнѣніе городской думы, что „сооруженіе памятника В. Н. Каразину должно имѣть широкое и важное значеніе по нравственному вліянію своему на народную массу". Изъявляя совершенную готовность почтить память бывшаго харьковскаго дѣятеля, городская дума присовокупила, что „городское общество ни въ какомъ случаѣ не откажется принять дѣятельное участіе въ осуществленіи предложенія университетскаго Совѣта".

Въ ноябрѣ 1874 г. послѣдовалъ отвѣтъ отъ губернскаго предводителя дворянства (отъ 11 числа, № 324), такого содержанія, что оно „принятіемъ участія въ подпискѣ не откажетъ почтить память достойнаго участника въ учрежденіи Харьковскаго университета".

Въ томъ же ноябрѣ (28 числа, за № 5598) послѣдовалъ отвѣтъ и отъ харьковской губернской земской управы, извѣщавшій, что харьковское губернское земское собраніе, по постановленію своему, состояв-

шемуся 18 октября 1874 г., опредѣлило: ходатайствовать передъ правительствомъ, во-1-хъ, объ открытіи подписки на сооруженіе памятника В. Н. Каразину, назначивъ отъ земства на этотъ предметъ 5000 р., и, во-2-хъ, о назначеніи стипендіи отъ земства имени Каразина на содержаніе одного изъ студентовъ университета, для чего ассигновало также фондъ въ 5000 р.

По полученіи приведенныхъ отзывовъ отъ харьковскаго общества, дворянства и земства, Совѣтъ харьковскаго университета, чрезъ подлежащее начальство, вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи подписки на памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ и объ учрежденіи стипендіи его имени при университетѣ.

11 апрѣля 1875 г., по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе какъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки на памятникъ В. Н. Каразину, такъ и на учрежденіе стипендіи его имени. Объ этомъ министерство народнаго просвѣщенія сообщило Совѣту харьковскаго университета, а Начальникъ харьковской губерніи—губернской земской управѣ, извѣщая, что по сношенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ финансовъ, послѣдній предписалъ всѣмъ казеннымъ палатамъ и окружнымъ правленіямъ, чтобы всѣ суммы, поступающія въ казначейства на сооруженіе памятника, были ежемѣсячно передаваемы названными палатами и правленіями въ харьковскую губернскую земскую управу.

Правила о стипендіи имени В. Н. Каразина были вслѣдъ за тѣмъ выработаны совмѣстно университетомъ и харьковскимъ губернскимъ земствомъ и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 1 января 1880 г. Съ той поры стипендія выдается ежегодно.

О Высочайшемъ разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника В. Н. Каразину было напечатано въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ и въ Сборникѣ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Кромѣ того объ этой подпискѣ было два раза заявлено въ мѣстныхъ харьковскихъ газетахъ. Спустя годъ послѣ окончанія переписки, происходившей вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія подписки, между названными учрежденіями и лицами, Совѣтъ харьковскаго университета спрашивалъ (20 ноября 1876) губернскую земскую управу: имѣются-ли въ управѣ подписныя деньги на сооруженіе памятника В. Н. Каразину?—Управа отвѣчала (20 декабря), что кромѣ пожертвованнаго земствомъ капитала поступило еще подписныхъ денегъ всего 10 р.

Затѣмъ, черезъ 11 лѣтъ, столь же безрезультатныхъ, харьковская губернская земская управа, въ своемъ отношеніи къ Совѣту харьковскаго университета, отъ 31 декабря 1887 г., указывая на то, что

со времени разрѣшенія на открытіе подписки на памятникъ В. Н. Каразину прошло болѣе 12 лѣтъ, просила увѣдомленія о томъ, въ какомъ положеніи находится это дѣло и предвидится-ли возможность къ осуществленію его?—Вслѣдствіе этого, въ засѣданіи Совѣта 28 января 1888 г. было постановлено просить коммиссію изъ гг. профессоровъ Д. И. Багалѣя, А. И. Дудукалова, Н. О. Куплеваскаго и Ю. И. Морозова, разсмотрѣвъ дѣло о предположенномъ сооруженіи въ Харьковѣ памятника В. Н. Каразину, представить Совѣту докладъ о положеніи этого дѣла, а равно и свои соображенія о томъ, какъ оно можетъ быть приведено къ желаемому окончанію.

Докладъ, изготовленный названной коммиссіей, разсматривался Совѣтомъ харьковскаго университета въ засѣданіи 31 мая 1888 г. Въ этомъ докладѣ было указано, что въ теченіе упомянутой продолжительной паузы въ дѣлѣ о памятникѣ, въ правленіе университета поступило пожертвованій на памятникъ всего только 29 р. 20 к.—Такую скудность частныхъ пожертвованій коммиссія объясняла не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ задуманному дѣлу, а почти полною неизвѣстностію о Высочайше разрѣшенной подпискѣ. Коммиссія полагала, что на успѣхъ подписки можно разсчитывать только тогда, когда будутъ приняты надлежащія мѣры. Главною мѣрою, по мнѣнію коммиссіи, было бы учрежденіе особаго комитета, съ возложеніемъ на него опредѣленныхъ обязанностей и съ предоставленіемъ ему нѣкоторыхъ правъ и полномочій.

Совѣтъ харьковскаго университета, согласившись вполнѣ съ тѣмъ докладомъ назначенной имъ коммиссіи, постановилъ: 1) предоставить г. ректору опредѣлить, по соглашенію съ харьковскимъ губернскимъ земствомъ, число представителей въ комитетѣ отъ земства; 2) ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ объ утвержденіи составленнаго коммиссіею проекта положенія о комитетѣ; 3) напечатать отъ имени харьковскаго университета подписные листы на памятникъ В. Н. Каразину, для раздачи тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и 4) назначить временную коммиссію изъ вышеназванныхъ 4 профессоровъ для веденія дѣла по сбору пожертвованій.

Соотвѣтственно этому постановленію Совѣта, въ ноябрѣ 1888 г. послѣдовало начало раздачи и разсылки изготовленныхъ ректоромъ университета подписныхъ листовъ, которыхъ выпущено тогда 83.—Въ началѣ мая 1891 г. временная коммиссія докладывала Совѣту университета, что къ тому времени въ правленіе университета поступило пожертвованій на памятникъ въ количествѣ 2476 р. 46 к.

14 сентября 1891 г. министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ „*Положеніе о комитетѣ для сооруженія памятника В. Н. Каразину*“.

Согласно этому Положенію, въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, вошли: предсѣдатель харьковской губернской земской управы; одинъ членъ той-же управы; землевладѣлецъ Богодуховскаго уѣзда И. И. Каразинъ; художникъ Н. Н. Каразинъ и 4 профессора (по одному отъ каждаго факультета), назначенные Совѣтомъ университета (члены бывшей временной коммиссіи).

Это Положеніе о комитетѣ возлагаетъ на него слѣдующія обязанности:

а) заботиться объ успѣшномъ ходѣ подписки на памятникъ В. Н. Каразину;

б) принимать мѣры къ распространенію въ обществѣ свѣдѣній о дѣятельности В. Н. Каразина путемъ брошюръ, газетныхъ статей, публичныхъ лекцій, или иными способами;

в) составлять предположенія о формѣ памятника, его стоимости и мѣстѣ его постановки, и входить по этимъ предметамъ въ сношенія съ художниками, техниками и иными лицами,

и г) завѣдывать самымъ сооруженіемъ памятника.

Вопросъ о формѣ памятника и мѣстѣ его постановки Положеніе о комитетѣ предоставляетъ разрѣшить предварительнымъ соглашеніемъ Совѣта харьковскаго университета и харьковскаго губернскаго земскаго собранія, и за симъ долженъ быть представленъ Совѣтомъ чрезъ Губернатора на окончательное утвержденіе и разрѣшеніе, въ порядкѣ, для сего въ законѣ установленномъ. По вопросу о мѣстѣ постановки памятника Совѣтъ харьковскаго университета, въ случаѣ надобности, долженъ войти въ надлежащее соглашеніе съ общественнымъ управленіемъ гор. Харькова.

Далѣе Положеніе о комитетѣ постановляетъ, что суммы, собранныя на памятникъ В. Н. Каразину, поступаютъ въ распоряженіе комитета только тогда, когда вопросъ о формѣ памятника и мѣстѣ его постановки будетъ окончательно рѣшенъ.

Послѣдняя статья Положенія о комитетѣ возлагаетъ на него обязанность въ ноябрѣ каждаго года представлять Совѣту университета и губернскому земскому собранію отчетъ о подпискѣ вообще и о принятыхъ имъ мѣрахъ.

Составленный на приведенныхъ основаніяхъ комитетъ началъ свою дѣятельность 23 февраля настоящаго года. Въ первомъ засѣданіи его было выяснено, что во 1-хъ капиталъ, назначенный постановленіемъ харьковскаго губернскаго земскаго собранія 18 октября 1874 г., вслѣдствіе нарощенія процентовъ, возросъ до 7927 р. 50 к. и во 2-хъ, мѣрами бывшей временной коммиссіи и усердіемъ постороннихъ лицъ, къ

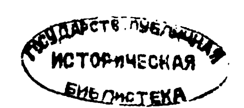
1-му января 1892 г. собрано 2536 р. 75 к. Слѣдовательно ко времени открытія дѣятельности комитета образовалась сумма въ 10,464 р. 25 к.

Начавъ сужденіе о формѣ и размѣрахъ, а слѣдовательно и о стоимости памятника, комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію, что памятникъ В. Н. Каразину долженъ быть воздвигнутъ не въ видѣ бюста на возвышенномъ пьедесталѣ, какъ это практиковалось и въ Россіи, и въ другихъ государствахъ, а въ видѣ полной фигуры, для чего потребуется сумма большая противъ уже имѣющейся. Соотвѣтственно этому комитетъ приступилъ къ развитію подписки и къ сношеніямъ съ художниками.

Ко времени 50-й годовщины со дня смерти В. Н. Каразина пожертвованный харьковскимъ земствомъ капиталъ возросъ до 8283 р. 75 к., да въ университетѣ накопилось 2620 р. 73 к., слѣдовательно всего ко дню 4 ноября образовалась сумма въ 10,904 р. 48 к. Но въ этотъ день харьковская городская дума, чествуя память виновника основанія университета въ гор. Харьковѣ, постановила отчислить изъ городской кассы 1000 руб. на увеличеніе капитала для сооруженія памятника В. Н. Каразину, и сверхъ того присутствовавшіе въ томъ засѣданіи думы гг. гласные пожертвовали для той же цѣли изъ своихъ средствъ 600 р., какъ бы свидѣтельствуя о томъ, что заслуга В. Н. Каразина передъ харьковскимъ обществомъ цѣнится высоко и что сочувствіе къ мысли о сооруженіи памятника не заглохло, какъ можно было думать, судя по ходу этого дѣла въ началѣ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ, мм. гг., отъ имени комитета принести вамъ всѣмъ глубокую благодарность за то участіе, которое вы своимъ присутствіемъ здѣсь приняли въ чествованіи памяти незабвеннаго Василія Назаровича Каразина.

Вице-предсѣдатель комитета,
заслуженный профессоръ *Ю. Морозовъ.*



ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей.

Проф. И. В. Нетушила.

ЧАСТЬ I.

Государственное устройство Рима и его державы.

А. Царскій періодъ.

I. Этнографическія свѣдѣнія [1]).

§ 1. *Латины.* Латины получили свое названіе отъ населяемой ими области Лація [2]). Нужно, однако, различать два Лація: позднѣйшій, простиравшійся на югъ за рѣку Liris и на востокъ почти до lacus Fucinus, и древнѣйшій или малый Лацій (Latium vetus), доходившій на югъ до рѣчки Нумика (вблизи Ардеи) и на востокъ до албанскихъ горъ [3]). Съ самаго начала исторіи хозяевами малаго Лація являются латины, но они не автохтоны этой области, а поселились въ ней еще въ доисторическое время, прибывши сюда, вмѣстѣ съ прочими итали-

[1]) Ср. Петровъ, лекціи I. Исторія древняго міра, обраб. Деревицкимъ (стр. 196 сл.).—Сборникъ статей Кіев. Общ. (В. Петра, Этногр. очеркъ др. Ит.) 1887.

[2]) Происхожденіе слова Lătium неизвѣстно. Наиболѣе удовлетворяетъ сопоставленіе съ lătus, eris; для перехода значенія ср. русск. „сторона" и „страна". Другія толкованія (древнія и новыя) см. у Швеглера I, 197.—Подобнымъ образомъ спорно толкованіе слова Italia, ср. Heisterbergk, Ueber den Namen Italia, 1881; достовѣрно только то, что оно примѣнялось сперва греками, и только по отношенію къ области, смежной съ Тарентскимъ заливомъ, затѣмъ для всего восточнаго берега полуострова и, наконецъ, для всей страны; для западнаго берега употреблялись также выраженія Oenotria и Ausonia.—Объ этимологіи слова Roma ср. Фил. Об. II, 2 стр. 169.

[3]) Nissen, Italische Landeskunde.

ками, откуда-то съ сѣвера, гдѣ въ долинѣ рѣки По остались послѣ нихъ несомнѣнные археологическіе слѣды въ такъ наз. terramare [1]).

Латины, принадлежа къ обширной семьѣ индоевропейскихъ народовъ, составляли первоначально лишь очень небольшую вѣтвь италійской отрасли. Ихъ принадлежность къ индоевропейцамъ выражалась не только въ языкѣ, но и въ характерѣ культуры вообще. На основаніи данныхъ, добытыхъ равномѣрно изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ, можно имѣть достаточное представленіе о бытѣ и умственномъ кругозорѣ первобытныхъ индоевропейскихъ племенъ [2]). Это было населеніе осѣдлое, имѣвшее дома съ дверьми (а не шатры съ занавѣсами), знавшее уже плаваніе на судахъ и пользовавшееся большинствомъ теперешнихъ домашнихъ животныхъ и нѣкоторыми металлами [3]). Кругъ правовыхъ понятій былъ ограниченъ. Вездѣ видно преклоненіе предъ удальствомъ и личною силою. Все общественное устройство первобытныхъ индоевропейцевъ основывается на правѣ сильнѣйшаго; на этомъ принципѣ покоится и весь семейный и имущественный порядокъ. Повсюду встрѣчаемъ кровавую месть [4]), право убивать самолично воровъ и прелюбодѣевъ и, наконецъ, доведенное до крайности долговое право (римскіе nexi). Въ связи съ безграничною отцовскою властью развилось и понятіе о преимуществѣ родства въ мужской линіи, присущее искони всѣмъ индоевропейцамъ [5]). Идея нравственной обязанности играетъ у нихъ второстепенную роль; ее замѣняетъ религіозное чувство, страхъ передъ богами. Поэтому жрецы занимали вліятельное положеніе. Индоевропейцы знали титулъ царя; но значеніе послѣдняго зависѣло отъ степени личнаго его удальства.

Дѣленіе индоевропейскихъ языковъ на двѣ группы (арійскую и европейскую) сказывается также и въ области культуры. Арійцы, очевидно, подъ вліяніемъ культурныхъ народовъ передней Азіи, ушли въ этомъ отношеніи быстро впередъ, въ то время какъ европейцы, нахо-

---

1) Helbig, Die Italiker in der Poebene 1879; Кулаковскій, Къ вопросу о началѣ Рима, стр. 34 сл.—О національномъ характерѣ древнѣйшихъ римлянъ ср. Фил. Обозр. II, 1 стр. 67.

2) Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883; Bernhöft, Staat und Recht der röm. Königszeit 1882 (§ 7).

3) Но впрочемъ, безъ желѣза, мѣсто котораго замѣняла мѣдь и бронза = лат. aes. О морѣ и корабляхъ ср. Schrader Linguistisch-historische Forschungen I стр. 39 сл.; о металлахъ ib. 121. Для домашнихъ животныхъ и растеній ср. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere.

4) Schrader, Sprachv. стр. 580. Для Рима она засвидѣтельствована сказаніемъ о смерти Тита Тація.

5) Schrader, l. c. стр. 546 сл., 559 сл.

дившіеся далеко отъ тогдашняго культурнаго центра, развивались медленнѣе. За то развитіе ихъ было самобытнѣе. Благодаря господствовавшему у нихъ родовому началу [1]) создалась форма общей земельной собственности. Земля принадлежала всей общинѣ, и отдѣльнымъ родамъ представлялись участки для свободнаго пользованія. Политическое устройство оставалось прежнее. Древнія сказанія европейскихъ народовъ (въ томъ числѣ и италійскихъ племенъ) предполагаютъ существованіе царей или князей. Правовыя понятія по прежнему продолжали находиться въ тѣсной связи съ религіей (римское fas) [2]).

Что же касается, наконецъ, отдѣльныхъ народовъ европейской группы, то какихъ-либо характеристическихъ различій въ ихъ первобытныхъ воззрѣніяхъ не замѣчается. Древнѣйшія правовыя понятія у Гомера, у галловъ при Цезарѣ и даже Тацитѣ и право русской правды обнаруживаютъ между собою большое сходство, и тѣ же самыя понятія должны быть приняты также и для древнѣйшаго римскаго права, частнаго и государственнаго.

§ 2. *Автохтоны*. Существованіе населенія въ Лаціѣ до прибытія туда латинъ засвидѣтельствовано съ одной стороны традиціею (о сикулахъ) [3]), а съ другой и археологическими данными, каковы остатки цѣлой сѣти дренажныхъ (подземныхъ) проходовъ для воды, имѣвшихъ цѣлью осушеніе и оздоровленіе мѣстности; дренажныя работы этого рода, по археологическимъ соображеніямъ, считаются принадлежащими не римлянамъ, и вообще не латинамъ [4]).

Что вообще индоевропейцы при своемъ первомъ распространеніи по Европѣ [5]) встрѣчали здѣсь уже праобывателей, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія [6]). Остаткомъ этого населенія считаются баски ($^1/_2$ милліона жителей) съ своеобразнымъ языкомъ (неимѣющимъ напр. особыхъ выраженій для отвлеченныхъ понятій) и своеобразными нравами. Такъ напр. у нихъ до сихъ поръ существуютъ остатки воззрѣнія о преимуществѣ родства въ женской линіи (воззрѣнія болѣе естественнаго и, слѣдовательно, болѣе первобытнаго, въ противоположность

---

[1]) Schrader стр. 569 сл.

[2]) Schrader, l. c. 586 сл.

[3]) Schwegler I, стр. 202 сл.; Кулаковскій, стр. 87.

[4]) Tommasi-Crudeli, Die Malaria von Rom und die alte Drainage der röm. Hügel. mit Vorwort von Pettenkoffer 1882. О томъ же въ Mélanges d'archeologie et d'histoire, II-e année (1882) статьи Tommasi-Crudeli (стр. 136 сл.) и de la Blanchère (стр. 94 сл. и 207 сл.).

[5]) О прародинѣ европейской отрасли ср. Schrader Sprachv. стр. 451; Lingu-hist. Forsch. I, стр. 40.

[6]) Ср. Bernhöft § 8.

болѣе искусственному воззрѣнію индоевропейцевъ о превосходствѣ родства въ мужской линіи). Сравненіе же кое-какихъ древне-испанскихъ словъ и названій (у римскихъ писателей) съ языкомъ басковъ доказываетъ, что древніе иберійцы тожественны съ нынѣшними басками; и дѣйствительно, также и для иберійцевъ встрѣчаются напр. указанія на тѣ же воззрѣнія о родствѣ въ женской линіи. Иберійцы были и на Корсикѣ, а по нѣкоторымъ указаніямъ также и въ Сициліи, Галліи и даже Британіи (т. е., безъ сомнѣнія, не собственные иберійцы, а народы подобныхъ нравовъ).

Въ Италіи, и въ частности въ Лаціѣ, по преданію, древнѣйшее населеніе состояло изъ сикуловъ, которые, тѣснимые латинами, ушли будто-бы въ Сицилію. Такъ какъ Лацій слишкомъ отдаленъ отъ Сициліи, то, конечно, извѣстіе о томъ, что сикулы ушли отъ латинъ на такое далекое разстояніе, мало правдоподобно. Сказаніе это могло возникнуть вслѣдствіе нѣкотораго сходства, замѣчавшагося въ древнѣйшее время между сикулами и остатками туземнаго населенія, жившаго въ Лаціѣ и вообще въ Италіи до прибытія туда латинъ и прочихъ италиковъ. Одинъ пунктъ соприкосновенія сохранился навсегда: сицилійцы чтили наиболѣе Цереру, считая свою страну издревле посвященною этой богинѣ; въ Римѣ же Церера была главнѣйшимъ божествомъ плебеевъ (Diodor. 5, 2, 4). И это врядъ-ли было только случайно. Одинъ изъ главныхъ признаковъ, соединявшихъ патриціевъ съ кліентами и отдѣлявшихъ обоихъ отъ плебеевъ, заключался въ религіозной обособленности послѣднихъ. Различіе же въ религіи указываетъ и на этнографическое различіе вообще. Если религія патриціевъ съ ихъ кліентами была индоевропейская, то плебеи, стало быть, были не индоевропейцы. Съ другой стороны указанная выше точка соприкосновенія религіи плебеевъ съ религіей сицилійцевъ говоритъ въ пользу этнографическаго родства обоихъ. Плебеи могли быть, слѣдовательно, этнографическій элементъ, родственный сикуламъ, что и могло подать поводъ къ сказанію о выселеніи сикуловъ изъ Лація.

Взаимодѣйствіемъ двухъ *существенно* [1]) различныхъ этнографическихъ элементовъ въ населеніи древнѣйшаго Лація можно объяснить и нѣкоторые факты въ развитіи культурнаго быта римлянъ. Такъ напр. древнее индоевропейское право не признавало за женой никакого общественнаго значенія, а также и въ семьѣ она занимала вполнѣ подчиненное и зависимое положеніе. Между тѣмъ въ Римѣ, рядомъ съ старинными обычаями, издревле начинаетъ распространяться свободный

---

[1]) Ср. Schwegler I, 515.

бракъ, основанный на равенствѣ жены съ мужемъ. Такая форма брака указываетъ на не индоевропейское вліяніе. Тоже самое сказывается далѣе и въ томъ, что между тѣмъ какъ по древнему индоевропейскому праву признавалось только родство въ мужской линіи (agnati), въ Римѣ издавна начали признаваться извѣстныя права и за когнатами (женская линія) [1]). Не свойственны древне-индоевропейскимъ нравамъ также и воззрѣнія на значеніе убійства человѣка, по которымъ оно заключаетъ въ себѣ грѣхъ, оскверняющій всю общину и требующій наказанія (или очистительной жертвы) отъ имени всей общины [2]); по древнѣйшимъ индоевропейскимъ воззрѣніямъ, убійцы навлекаютъ на себя только месть родственниковъ убитаго, которые въ свою очередь обязаны исполнить эту месть, и притомъ круговою порукою (кровавая месть) [3]). Двойственность правовыхъ воззрѣній видна также и въ формахъ землевладѣнія: между тѣмъ какъ у патриціевъ первоначально существовало общинное землевладѣніе, присущее и другимъ индоевропейцамъ, то, напротивъ, плебеи искони придерживались формы личной собственности [4]).

Если же плебеи не были индоевропейскаго происхожденія, а представляли собою лишь олатинившихся по языку не индоврейскихъ автохтоновъ, то навѣрно и въ латинскій языкъ проникли кое-какія туземныя слова; и дѣйствительно, въ латинскомъ языкѣ имѣется значительное количество словъ, производство которыхъ изъ индоевропейскаго корнесловнаго матеріала затруднительно, напр. uxor (ср. загадочное talassio).

§ 3. *Сабины*. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ латинами, вверхъ по Тибру, поселились сабины, принадлежавшіе вмѣстѣ съ самнитами, кампанцами и другими народами средней и южной Италіи къ самой обширной отрасли италійскаго племени, языкъ которой, по главному діалекту въ Кампаніи, называется осскимъ. Это тотъ самый языкъ, который, во время союзнической войны, провозглашенъ былъ со стороны правительства союзныхъ италиковъ оффиціальнымъ языкомъ, въ про-

---

[1]) Bernhöft стр. 46; 192. Права женской линіи признавались напр. въ Ликіи (Her. 1, 173), а ликійцы, по Геродоту же, происходили отъ критскихъ варваровъ (т. е. представляли одинаковый съ ними этнографическій типъ). О смѣси обоихъ воззрѣній (варварскаго и индоевр.) у грековъ ср. Bachofen, Antiquarische Briefe стр. 125.

[2]) Ср. Bernhöft стр. 49.

[3]) Ср. Bernhöft стр. 50.

[4]) Это видно изъ того, что въ началѣ республики посредствомъ assignatio давалась земля въ личную собственность одним только плебеямъ, между тѣмъ какъ патриціямъ представлялась свободная occupatio и основанное на ней право владѣнія (possessio), при которомъ земля считалась собственностью общины.

тивовѣсъ латинскому языку римскаго правительства. Осскій языкъ, съ его сабино-сабельскими разновидностями, весьма близокъ къ латинскому, особенно въ его древнѣйшихъ формахъ. Среди сабинскихъ родичей латинскаго племени, сидѣвшихъ за нимъ вверхъ по рѣкѣ, въ гористой мѣстности Лукретиля и дальше, въ извѣстный моментъ, предшествовавшій тарквиніевскому періоду, произошло сильное движеніе [1]), центромъ котораго, по римскому преданію, былъ г. Cures и цѣлью котораго было вытѣснить латинъ и занять ихъ мѣста. Движеніе это, проникшее далеко на югъ за Аніенъ, сломило Албалонгу, тогдашнюю метрополію латинскаго племени, и распространилось также и на землю (ager) трехъ римскихъ трибъ: Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ, которые не только сумѣли отстоять свою самостоятельность, но и, ставъ во главѣ латинъ, оттѣснили сабинъ обратно за Аніенъ и далѣе за Лукретиль. Очищая территорію Лація отъ нашествія сабинъ, римляне и соединенные съ ними латины встрѣтили особенно сильное сопротивленіе со стороны пришельцевъ, засѣвшихъ въ Албалонгѣ, результатомъ чего и явилось полное разрушеніе послѣдней. Борьба Рима съ сабинами была безъ сомнѣнія упорна и продолжительна, какъ видно уже изъ того, что даже событія тарквиніевскаго періода не были въ состояніи изгладить изъ народной памяти воспоминанія, въ формѣ сказаній [2]), объ эпохѣ, не знавшей еще письма. Это тѣмъ менѣе удивительно, если, какъ утверждаетъ преданіе, на территоріи самаго Рима остался какъ-бы осадокъ отъ нахлынувшей волны сабинскаго движенія. Подробности сказаній о сабинскомъ поселеніи на квириналѣ таковы, что нельзя не признать за ними значительной доли исторической правды, тѣмъ болѣе что и помимо этого имѣются довольно многочисленные слѣды сабинскаго элемента въ Римѣ, какъ напр. sodales Titii retinendes sacris Sabinis, clivus Cuprius (Cyprius) отъ *cuprus по сабински=bonus, Semo Sancus на квириналѣ и др. [3]). Также и въ языкѣ римлянъ имѣются довольно многочисленные остатки, указывающіе на сабинское происхожденіе, какъ напр. звукъ *f* въ rufus при ruber; звукъ *h* въ hortus (вм. *fortus); *s* въ словѣ rosa изъ *rodia=ῥοδέα (какъ осск. Bansae=Bantiae); *b* въ bos; им. ед. на—is при—ios, напр. Cornelis=Cornelios.

---

[1]) См. Фил. Обозр. II, стр. 157 сл.

[2]) Однако, мало вѣроятно, чтобы въ *историческую* эпоху римляне имѣли нѣчто подобное былинамъ или народному эпосу, какъ это допускаетъ до извѣстной степени даже Ribbeck (Gesch. der röm. Dichtung).

[3]) Ср. Schwegler I, 17 сл.; Rhein. Mus. 33 стр. 538 сл.

§ 4. *Этруски* [1]). Ближайшими сосѣдями Лацiя по ту сторону Тибра были этруски, раздѣленные на множество союзныхъ городовъ съ царями во главѣ. Изъ этихъ городовъ въ древнѣйшiй перiодъ исторiи Рима г. Caere занималъ выдающееся положенiе, какъ первостепенный торговый пунктъ съ значительной греческой колонiей, имѣвшiй даже особое греческое названiе Ἄγυλλα (передѣланное, впрочемъ, изъ финикiйскаго слова, такъ какъ греческая факторiя смѣнила здѣсь первоначальную финикiйскую). Благодаря оживленнымъ сношенiямъ съ греками [2]), г. Цэре сдѣлался также и культурнымъ центромъ въ этихъ мѣстахъ. Этрусская культура вообще создалась подъ влiянiемъ греческой [3]), а также и зачатки образованности въ Римѣ представляютъ собою греческую культуру, слегка передѣланную на этрусскiй ладъ, которая могла, слѣдовательно, проникнуть сюда только изъ г. Цэре, отстоявшаго отъ Тибра на такомъ же приблизительно разстоянiи къ сѣверу, какъ Ardea на югѣ. Благодаря своему богатству и культурѣ, г. Цэре пользовался, безъ сомнѣнiя, и политическимъ влiянiемъ [4]) на своихъ менѣе культурныхъ, но доступныхъ для культурнаго влiянiя сосѣдей. Удачный отпоръ, оказанный сабинамъ римлянами, можетъ быть объясненъ именно ихъ культурными успѣхами въ сравненiи съ первыми. Но дѣло не обошлось, повидимому, и безъ матерiальной поддержки со стороны этрусковъ, выразившейся по меньшей мѣрѣ въ благожелательномъ нейтралитетѣ. Римъ возвысился въ борьбѣ съ сабинскимъ нашествiемъ, такъ сказать, подъ протекцiей этрусковъ и въ частности цэритянъ. Политическое влiянiе въ Римѣ послѣднихъ должно было усиливаться тѣмъ болѣе, чѣмъ большаго напряженiя требовала борьба съ сабинами. Закончилась же послѣдняя только послѣ водворенiя въ Римѣ этрусскихъ Тарквинiевъ: ихъ-то и можно считать тогдашними властителями города Цэре, въ которомъ множествомъ надписей засвидѣтельствовано существованiе рода Тархновъ, Таркновъ или Тарквиновъ. Римскiе Тарквинiи могли придти въ Римъ именно изъ Цэре (а не изъ Тарквинiй), такъ же точно, какъ и греко-этрусская культура. Переселенiе [5]) властителей г. Цэре въ Римъ могло произойти только въ критическiй для

---

[1]) Кулаковскiй стр. 107 сл.

[2]) Такъ напр. некрополи Этрурiи составляютъ одно изъ главныхъ мѣстъ нахожденiя аттическихъ вазъ (преимущественно изъ 5 стол.).

[3]) Этрусскiя письмена, напр., произошли изъ греческихъ.

[4]) Вообще перiодъ Тарквинiевъ совпадаетъ со временемъ наибольшаго развитiя политическаго могущества Этрурiи.

[5]) Несомнѣнно мирное, какъ видно изъ того, что правящiй классъ патрицiевъ остался при своемъ положенiи.

послѣдняго моментъ, когда опасность со стороны сабинъ достигла угрожающихъ размѣровъ. Тарквиніи, взявши въ свои руки защиту Рима, утвердили окончательно занятое имъ положеніе въ Лаціѣ [1]). Благодаря переѣзду Тарквиніевъ въ Римъ, послѣдній сдѣлался политическимъ центромъ не только для латинской области, но и для части Этруріи [2]). Однако дѣятельность Тарквиніевъ въ Римѣ не обошлась безъ оппозиціи, когда дѣло коснулось внутренняго устройства римской общины, какъ это и выразилось въ легендѣ объ авгурѣ Аттѣ Навіѣ. Весьма правдоподобно, что этрусскіе гегемоны, переѣхавъ въ Римъ, терпѣли рядомъ съ собою и мѣстныхъ, національныхъ царей-правителей римской общины. Если же изъ нихъ одинъ только Сервій Туллій удержался въ памяти потомства (§ 22), то это произошло отъ того, что, какъ принимаетъ традиція, онъ былъ временно единственнымъ представителемъ верховной власти въ Римѣ, дѣйствовавшимъ, однако, по указанію изъ Этруріи, какъ видно, между прочимъ, изъ отсутствія укрѣпленія именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась дорога изъ Цэре; видно это также изъ того, что онъ провелъ ту внутреннюю реорганизацію, которой не удалось осуществить Тарквинію Старшему [3]) по религіознымъ причинамъ. Однако положеніе Сервія Туллія не могло не вызвать въ концѣ концовъ подозрѣнія со стороны Тарквиніевъ [4]), которые, низвергнувъ его насильственно, сдѣлались теперь узурпаторами власти, смотрѣвшими на Римъ и союзный съ нимъ Лацій, какъ на завоеванную страну (Тарквиній Гордый). Узурпаторскій характеръ власти послѣд-

[1]) Что при этомъ Тарквиніи являются верховными распорядителями, соблюдающими свою личную выгоду, явствуетъ изъ отдачи отнятой у сабинъ латинской Коллаціи въ удѣльное владѣніе побочной линіи Тарквиніевъ (Коллатинскихъ), и нѣчто подобное повторилось также при послѣднемъ Т. въ Габіяхъ.

[2]) Возникновеніе такихъ построекъ, какъ Сервіевы стѣны, cloaca maxima, храмъ Юпитера на Капитоліѣ и т. д., свидѣтельствуетъ о такой государственной власти и такомъ богатствѣ, которое далеко оставило за собою первобытныя политическія и хозяйственныя условія, предполагаемыя традиціей для древнѣйшаго Рима. Средства, за отсутствіемъ торговаго значенія Рима, могли быть добываемы только въ томъ случаѣ, если страна была достаточно обширна и въ особенности, если въ распоряженіи Тарквиніевъ находились рессурсы, подобные средствамъ, извлекаемымъ изъ такого торговаго центра, какимъ былъ г. Цэре.

[3]) При этомъ безразлично, имѣемъ-ли дѣло дѣйствительно съ *однимъ* только Тарквиніемъ Старшимъ, или же, что болѣе вѣроятно, онъ является въ традиціи *обобщеніемъ* прежнихъ (priscus) Тарквиніевъ въ противоположность къ послѣднему Тарквинію, личность котораго вполнѣ историческая.

[4]) Изъ Liv. 1, 46, 1 можно судить, что онъ подъ конецъ своего царствованія постарался получить также и imperium, имѣя до тѣхъ поръ лишь простую potestas.

няго Тарквинія привелъ къ открытому мятежу противъ него, кончившемуся изгнаніемъ его не только изъ Рима, но, повидимому, и изъ Цэре [1]), куда онъ сперва было удалился (Liv. 1, 60, 2). Часть собственной Этруріи очутилась во власти національнаго правительства Рима, что и вызвало вмѣшательство Порсены, удовлетворившагося, однако, отобраніемъ этрусскихъ земель.

Остатки культурнаго вліянія этрусковъ въ Римѣ многочисленны, хотя довольно однообразны, касаясь главнымъ образомъ внѣшнихъ формъ [2]). Свое мѣстожительство Тарквиніи стали украшать постройками полугреческими—полуэтрусскими, каковы: Капитолійскій храмъ (греческій стиль съ примѣсью этрусскаго вкуса), cloaca maxima (съ примѣненіемъ этрусскаго свода); они же ввели внѣшніе знаки отличія должностныхъ лицъ, напр. ликторовъ; изъ Этруріи заимствована и toga (греческій ἱμάτιον, принявшій на пути черезъ Этрурію особую форму), далѣе pileus (у жрецовъ) и lituus (у авгуровъ); этрусскаго происхожденія также и тріумфъ, праздничныя игры, tibicines, haruspices и друг.; также и въ составѣ городскаго населенія Рима была въ то время нѣкоторая часть этрусковъ; одинъ кварталъ получилъ даже названіе vicus tuscus.

§ 5. *Греки.* Появленіе Тарквиніевъ въ Римѣ имѣло громадныя послѣдствія не только въ политическомъ отношеніи, но и для культурнаго развитія римскаго народа. За Тарквиніями потянулась въ Римъ греческая торговля изъ Цэре, и Римъ началъ входить въ непосредственныя связи съ греческимъ міромъ. Центръ же греческаго культурнаго и политическаго вліянія на западномъ берегу Италіи въ періодъ Тарквиніевъ находился въ Кумахъ (у входа въ неаполитанскій заливъ) [3]).

Городъ этотъ былъ основанъ халкидійцами раньше еще, чѣмъ была основана (734 до Р. Хр.) первая греческая колонія въ Сициліи [4]). Окрестности Кумъ были населены самнитскимъ племенемъ осковъ (Ὀπικοί, лат. Opsci, Osci); другое сосѣднее племя того же языка называлось

---

[1]) Сношенія Рима съ г. Цэре не прекращались также и въ началѣ республиканскаго періода, отличаясь, повидимому, вполнѣ дружественнымъ образомъ, какъ можно судить изъ того, что во время галльскаго погрома жрецы и весталки, равно какъ и другіе жители, нашли убѣжище у цэритянъ (Liv. 5, 40; 7, 20), вслѣдствіе чего будто и заключено между обоими городами общественное гостепріимство (hospitium publicum. Liv. 5, 50). Позднѣе, конечно, обстоятельства измѣнились (ср. tabulae caeritum).

[2]) Ср. производство слова caerimonia (или caeremonia, Georges Wortf.) отъ имени г. Caere у Val. Max. 1, 1, 10.

[3]) Schwenger, De primordiis rebusque Cumarum 1860; Fricke, de origine Cumarum 1869.

[4]) Ср. Dunker III, 444 прим.

Αὔσονες=Aurunci. Политическое значеніе г. Кумъ для центральной части западнаго берега Италіи видно, напр., изъ того, что изгнанный Тарквиній Гордый искалъ и нашелъ убѣжище у Аристодема, тогдашняго тирана Кумъ, гдѣ, однако, умеръ, прежде чѣмъ Аристодемъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать въ его пользу (Liv. 2, 21, 5). Начала греческой культуры проникли въ Римъ черезъ Этрурію. Но когда Римъ, благодаря Тарквиніямъ, превратился въ центръ крупнаго для того времени этрусско-латинскаго государства, сношенія съ греками сдѣлались непосредственными. У подножія Авентина устроенъ особый emporium, посѣщаемый главнымъ образомъ греческими купцами, а находившаяся по близости ara maxima, имѣвшая, такъ сказать, значеніе биржи, посвящена была греческому Геркулесу.

Съ этого времени непосредственное вліяніе греческой культуры сказалось во всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта римлянъ. Такъ напр. принципъ Сервіевой реформы заимствованъ отъ тимократическихъ конституцій велико-греческихъ городовъ южной Италіи; вооруженіе Сервіевыхъ классовъ соотвѣтствуетъ вооруженію греческихъ гоплитовъ, пельтастовъ и гимнетовъ; статуя капитолійскаго Юпитера подражала Фидіевой статуѣ Зевса, а статуя Діаны—изображенію Артемиды въ Массаліи (Massilia, Marseille), какъ вообще и самыя антропоморфическія представленія о богахъ переняты у грековъ [1]); преобразованія Нумы обнаруживаютъ вліяніе Пиѳагора [2]); монеты и мѣры указываютъ на сицилійское происхожденіе (вѣроятно, не непосредственно, а черезъ Этрурію); ludi Romani отражаютъ въ себѣ греческій образецъ; книги Куманской Сивиллы были написаны греческими гексаметрами; культъ Аполлона чисто греческій и т. д. [3]). Въ это же время, составляющее первый періодъ греческаго культурнаго вліянія [4]), въ латинскій языкъ проникло множество разныхъ культурныхъ словъ (напр. nummus=νόμος или νόμιμος, hora=ὥρα) [5]).

---

[1]) До того времени римляне почитали боговъ въ образѣ символовъ, какъ напр. Юпитера въ образѣ камня (per Jovem Lapidem), Марса въ образѣ копья (т. е., первоначально, вѣроятно, иѳифаллическаго символа) и др.

[2]) Нума долго считался ученикомъ Пиѳагора (и, очевидно, не безъ основанія), пока не былъ открытъ римскими археологами мнимый анахронизмъ.

[3]) Къ этому же времени относится также и внесеніе стиха съ именами Латина и Агрія (=плебеи?) въ текстъ Гезіода.

[4]) Второй періодъ начинается со времени завоеванія Тарента и особенно Сициліи.

[5]) Ср. O. Weise, Rh. Mus. 1883 стр. 540 сл. и въ особенности его словарь иностранныхъ словъ въ лат. языкѣ; также Saalfeld, Italograeca.

Со времени водворенія въ Римѣ республиканскаго строя и послѣдовавшаго вскорѣ послѣ этого постепеннаго упадка Кумъ [1]) произошла въ культурномъ прогрессѣ римлянъ замѣтная реакція: однако еще законы XII таблицъ составлены не только подъ вліяніемъ [2]), но и при личномъ участіи грековъ (Гермодора).

Однако нѣсколько удивительно, что римскія письмена (по изслѣдованіямъ Кирхгоффа и Моммзена) основываются не на этрусской азбукѣ [3]), а непосредственно на ея же греческомъ образцѣ халкидійскаго типа. Объясненіе этого страннаго факта возможно только при предположеніи, что хотя искусство писать и проникло въ Римъ черезъ Этрурію, но сама этрусская азбука въ тѣ времена еще была столь близка къ своему подлиннику, что когда Римъ завязалъ непосредственныя сношенія съ греками, переходъ отъ этрусскаго образца къ чисто греческому совершился сперва незамѣтно для самихъ римлянъ, но затѣмъ и вполнѣ сознательно [4]). И дѣйствительно древнѣйшій лат. алфавитъ, по своимъ начертаніямъ, вполнѣ тожественъ съ греческимъ халкидійскаго образца, только съ пропускомъ ненужныхъ предыхательныхъ.

§ 6. *Финикіяне.* Греческая колонизація явилась, однако, только на смѣну финикійской, и греческому культурному вліянію въ Италіи и Сициліи предшествовало финикійское (ср. Her. 6,2). Слѣды финикійской колонизаціи по сосѣдству съ Лаціемъ довольно значительны, въ особенности въ области того же города Цэре [5]) и вообще въ Этруріи, гдѣ найдены многочисленныя издѣлія египетско-ассирійскаго художественнаго вкуса. Такою же финикійскою колоніей можно признать также и Рутуловъ въ Ардеѣ, признаваемыхъ древностью за пришлый элементъ. Ардеа славилась своимъ богатствомъ (Liv. 1,57), что и свидѣтельствуетъ о торговомъ значеніи этого города [6]).

---

[1]) Сосѣдніе кампанцы, освоившись съ греческой культурой, усилились въ такой степени, что ихъ городъ Капуа сталъ даже соперничать съ Кумами и, наконецъ, и одолѣлъ ихъ; Кумы уничтожены самнитскими кампанцами въ 421 (по Діодору) или 420 (по Ливію) году.

[2]) Ср. Нетушилъ, Падежи стр. 209 (объясненіе происхожденія конструкціи gen. criminis).

[3]) Подобно письменамъ умбровъ и осковъ.

[4]) Ср. M. Bréal по Berl. Phil. Woch. 1891 № 3. Сознательное отношеніе видно въ употребленіи 3 придыхательныхъ знаковъ, оказавшихся ненужными для лат. алфавита, въ значеніи знаковъ для чиселъ, ср. Фил. Обозр. I, 2 стр. 140.

[5]) Греческое названіе этого народа Ἄγυλλα производится отъ семитическаго слова agyl „круглый“.

[6]) Слово Rutuli (=rutili „красные“) могло возникнуть на основаніи двоякаго значенія слова punicus (poenicus) или puniceus (poeniceus): 1) пуническій или финикійскій и 2) красный.

О давнихъ сношеніяхъ Рима въ частности съ Карѳагеномъ свидѣтельствуютъ три договора, изъ которыхъ первый, по Полибію (III, 22), заключенъ будто еще при первыхъ консулахъ [1]). Хотя послѣднее обстоятельство весьма сомнительно, но во всякомъ случаѣ языкъ этого договора, хранившагося при Полибіѣ въ архивѣ эдилей на Капитоліѣ, тогда уже въ такой степени устарѣлъ, что его могли понимать лишь самые ученые люди Рима.

Благодаря такимъ сношеніямъ въ лат. языкъ могли проникать и семитскія слова, каковы: tunica, palma, pellex, ebur, pavo, citrus, asinus, даже ferrum и др. [2]). Однако большинство этихъ словъ свидѣтельствуетъ своею формою скорѣе о томъ, что они заимствованы у семитовъ не прямо, а черезъ чье-то посредство (вѣроятно этрусское).

§ 7. *Аборигины.* Слово это имѣло у древнихъ ученыхъ широкое примѣненіе, какъ этническій терминъ [3]). Тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, оно заключаетъ въ своей основѣ только искаженное Βορείγονοι, Βορειγενεῖς, т. е. сѣверяне [4]), что дало въ латинской традиціи форму Borigines, а отсюда, черезъ такъ наз. „народную“ этимологію (т. е. осмысленіе посредствомъ пріурочиванія къ подобнымъ по звуку корнямъ), получилось на видъ чисто латинское слово Aborigines, какъ бы происходящее отъ ab и origo. Согласно такому этимологическому перетолкованію слово Aborigines стало пониматься въ смыслѣ „праобывателей“ Лацін и другихъ частей Италіи [5]). Изъ лат. Aborigines получилась потомъ снова греч. форма Ἀβοριγῖνες (съ удареніемъ, какъ напр. δελφῖνες).

---

[1]) Ср. Schwegler I, 790; Unger въ Rhein Mus. 37 стр. 153 сл.; Soltau въ Phil. 1889 стр. 931 и 276.

[2]) O. Weise, Rhein. Mus. 1883 стр. 540 сл.—Schrader, Lingu.-hist. Forschungen. I стр. 77.—Voigt, Privataltert. стр. 758.

[3]) Ср. Кулаковскій стр. 71 сл.

[4]) Ср. Zielinski, Xenien der 41. Versammlung deutscher Philologen dargebracht 1891 стр. 41 сл.; Geffken, Timaios Geographie 1892 стр. 42. Для слова Βορείγονοι ср. ст. 1254 сл. Ликофрона: κτίσει (подр. Эней) δὲ χώραν ἐν τόποις Βορειγόνων ὑπὲρ Λατίνους Δαυνίους τ᾽ ᾠκισμένην, πύργους τριάκοντ᾽ и пр. (пророчество Энею). Выраженіе τόποι Βορειγόνων есть только описаніе понятія „сѣверъ“ въ противоположности къ греческому югу Италіи; ὑπὲρ Λατίνους, потому что Римъ находился на сѣверной окраинѣ Лація.

[5]) Однако такъ, что подъ этими „праобывателями“ разумѣли такъ же латинъ или вообще италиковъ до пріобрѣтенія ими позднѣйшаго названія; ср. Liv. 1,1,5; 2,4 (Аборигины Лація переименованы будто въ латинъ Энеемъ въ знакъ сліянія ихъ съ троянцами).

II. Топографическія свѣдѣнія [1]).

§ 8. Равнина, въ которой лежитъ г. Римъ, называемая нынѣ Campagna di Roma, обнаруживаетъ явные слѣды вулканическаго происхожденія своей почвы [2]), и таковы также тѣ породы камня, которыя римляне добывали изъ нея для своихъ построекъ; чаще всего брали они для этой цѣли туфъ (=др. lapis quadratus или saxum quadratum), далѣе камень, называемый нынѣ sperone (=др. lapis Gabinus) и peperino (=lapis Albanus или piperinus). Равнина эта во всѣхъ направленіяхъ изрѣзана многочисленными ярами вліяніемъ водъ, стекавшихъ съ ближайшихъ горъ и возвышенностей, въ томъ числѣ притоками Тибра, изъ которыхъ главнѣйшій, Аніенъ (нынѣ Teverone), образовалъ неисчерпаемыя залежи мѣловой породы, такъ наз. травертина (=др. lapis Tiburtinus), превосходящаго своими качествами всѣ вышеупомянутые сорта строеваго камня [3]).

Изрѣзанному ярами характеру римской Кампаніи соотвѣтствуетъ такое же устройство территоріи самаго Рима. Узкая долина Тибра, представляющая собою только расширившееся вѣками русло этой рѣки, раздвигается нѣсколько болѣе обыкновеннаго при вступленіи въ предѣлы Рима, образуя здѣсь обширный campus Martius, огибаемый рѣкой съ наружной стороны; при выходѣ изъ городской черты, долина рѣки опять суживается, протискиваясь между Авентиномъ и отрогами Яникула. Послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливались частыя наводненія [4]). Возвышенности, окаймляющія лѣвобережную сторону долины Тибра въ предѣлахъ города, состоятъ изъ значительнаго количества отроговъ и отдѣльныхъ холмовъ. Центральное мѣсто между ними зани-

---

[1]) Jordan, Topographie der Stadt Rom (2 тома въ 3 частяхъ); Ritter въ Handbuch Ивана Мюллера.

[2]) Къ вулканическимъ же явленіямъ сводятся также и извѣстія о такъ наз. каменномъ дождѣ, столь часто упоминаемомъ у римскихъ авторовъ. Эти извѣстія можно объяснить предположеніемъ, что албанскій вулканъ находился въ дѣйствіи отчасти еще въ такое время, отъ котораго остались воспоминанія въ народной памяти, хотя большинство по крайней мѣрѣ позднѣйшихъ извѣстій можетъ основываться только на фантазіи, обусловленной, однако, преданіями старины.

[3]) Физическія условія Лаціума въ древности значительно отличались отъ нынѣшнихъ. Страна имѣла лѣса и богатую растительность. Будучи здоровѣе, чѣмъ теперь (вслѣдствіе упомянутой въ § 2 дренажной осушки почвы), Лацій имѣлъ многочисленное населеніе.

[4]) Изъ древности сохранились извѣстія о 23 случаяхъ выходящихъ изъ ряда наводненій. Hor. c. 1,2 упоминаетъ объ одномъ, достигавшемъ даже храма Весты, повидимому, подземнымъ путемъ черезъ cloaca maxima, имѣвшую въ этихъ мѣстахъ водосточное отверстіе.

маетъ Капитолійскій холмъ (mons Capitolinus), составлявшій, впрочемъ, въ древнѣйшее время лишь оконечное продолженіе квиринальскаго холма (collis Quirinalis); перевалъ, по которому пролегалъ clivus Argentarius (сообщавшій forum съ campus Martius), между Капитоліемъ и Квириналомъ, исчезъ окончательно только при Траянѣ, благодаря планировкѣ, предпринятой для устройства Траянова форума. Самый же Капитолійскій холмъ имѣетъ форму сѣдла, состоя изъ двухъ вершинъ, изъ которыхъ крайняя (считая отъ Квиринала) заканчивалась крутизной, извѣстной подъ именемъ Тарпейской скалы; на этой-то вершинѣ находился храмъ Юпитера, между тѣмъ какъ на другой, ближе къ Квириналу, была arx съ храмомъ Юноны Монеты. Квириналъ же не представляетъ собою отдѣльной горы, а составляетъ лишь вытянувшійся въ длину отрогъ [1]) плоскогорья, отъ котораго, параллельно съ Квириналомъ, отдѣляется другой такой же отрогъ, collis Viminalis, а далѣе еще два отрога, имѣвшіе сперва самостоятельныя названія (mons Cespius или Cispius и mons Oppius съ яромъ Fagutal между ними), замѣненныя впослѣдствіи общимъ названіемъ mons Esquilinus. Крайнія оконечности этихъ отроговъ направлены къ одному центру, составлявшему долину, извѣстную подъ именемъ Subura; возвышенная часть этой долины, въ углу между Цэліемъ и Палаціемъ, называлась Веліей. Въ противоположность этимъ четыремъ отрогамъ съ равниной-плоскогорьемъ позади нихъ, слѣдующіе затѣмъ холмы являются особняками съ болѣе или менѣе крутыми скатами со всѣхъ сторонъ, какимъ оказывался и Капитолій, отрѣзанный отъ Квиринала. Въ непосредственной близости къ Капитолію находился mons Palatinus, отдѣляясь отъ него не широкой, но глубокой, и первоначально непроходимо-болотистой долиной, осушенной потомъ при помощи cloaca maxima. Позади Палація (считая отъ рѣки), рядомъ съ Эсквилиномъ, расположенъ былъ mons Caelius, а сбоку, на берегу Тибра, mons Aventinus, отдѣленный отъ Палація узкой долиной цирка (circus maximus). По берегу Тибра, между Авентиномъ, Палаціемъ и Капитоліемъ, распростиралось низменное болотистое пространство (forum boarium и Velabrum), заканчивающее собою проходы между Капитоліемъ и Палаціемъ съ одной стороны, и Палаціемъ и Авентиномъ—съ другой.

Всѣ эти холмы были включены въ предѣлы Сервіевой стѣны, проходившей по наружнымъ краямъ ихъ; позади же отроговъ, оканчивавшихся плоскогорьемъ, устроенъ былъ Сервіевъ валъ. Замѣчательно,

---

[1]) Тоже съ отдѣльными углубленіями и возвышеніями, имѣвшими особыя названія.

однако, что съ линіей этихъ укрѣпленій совсѣмъ не совпадалъ священный помэрій (pomerium) Сервіева города, такъ какъ изъ него исключенъ не только Авентинъ, но, что особенно знаменательно, также и Капитолій [1]). Кромѣ этого помэрія Сервіева города былъ еще спеціальный помэрій Палатинской крѣпости, описанной Тацитомъ (a. XII, 24).

III. Сказаніе и теорія о началѣ Рима.

§ 9. До насъ дошло нѣсколько цѣльныхъ изложеній повѣствованія о началѣ Рима [2]). Въ наиболѣе простой и краткой формѣ дано оно у Страбона (V, 3, 2). Въ стихотворномъ календарѣ Овидія (Fasti) поэтъ часто обращается къ этому предмету по поводу отдѣльныхъ праздниковъ (II, 380—422; III, 9—70; 179—234; IV, 807—856; V, 445—484). Цѣльное изложеніе даютъ намъ Цицеронъ, Ливій, Діонисій и Плутархъ. Самую краткую версію между ними представляетъ Цицеронъ de r. p. II, c. 2—7. Наиболѣе полное изложеніе дано Діонисіемъ I, 76—II, 40. Въ основѣ изложенія традиціи о началѣ Рима у всѣхъ этихъ авторовъ лежатъ одни и тѣ же моменты сказанія, но тѣмъ не менѣе изложенія эти во многомъ различаются. Преданіе же о царскомъ періодѣ вообще дошло до насъ въ трехъ изложеніяхъ: у Цицерона (фрагментарно во 2 кн. de r. p.), Ливія и Діонисія [3]). Эти три обработки независимы другъ отъ друга, но въ основѣ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же матеріалъ, а отсюда согласіе общей схемы изложенія.

Традиціонная исторія Рима начинается съ основанія укрѣпленнаго мѣста на Палаціѣ [4]). Начало Рима, какъ города въ качествѣ палатинской крѣпости, безъ сомнѣнія историческій фактъ [5]), удостовѣренный не только непоколебимой вѣрой въ него со стороны преданія, но и существованіемъ вокругъ Палація особаго помэрія. Преданіе выставляетъ это дѣло какъ самоличный актъ свободной воли Ромула, причемъ причиной выбора именно Палація, а не другаго холма, указывается привязанность къ этому мѣсту со стороны основателя. Однако

---

[1]) О понятіи помэрія и его значеніи ср. Кулаковскій стр. 46 сл.

[2]) Ср. Кулаковскій стр. 9; 26.

[3]) Для оцѣнки Діонисія (кромѣ труда Кулаковскаго) ср. напр. Voigt leges regiae § 21; Ranke, Weltg. III, 2 стр. 92; о Ливіѣ и Діонисіѣ ср. Madvig, Verf. und Verw. въ приложеніи (L. und D. als Träger der Überlieferung).

[4]) См. Филол. Обозр. II, 2 стр. 151 сл.

[5]) Кулаковскій стр. 37 сл.

заложеніе крѣпости на Палаціѣ, и притомъ въ данномъ видѣ, могло явиться результатомъ только такихъ причинъ случайнаго характера, которымъ въ данное время могъ удовлетворить только Палацій, а не другое какое-либо мѣсто. Существованіе главнаго въѣзда на Палацій со стороны Веліи указываетъ, что рессурсы для защитниковъ крѣпости ожидались именно съ этой стороны, и что, слѣдовательно, ближайшія къ этому въѣзду мѣста должны были находиться во власти тѣхъ, кому понадобилось заложеніе крѣпости на Палаціѣ. И дѣйствительно, археологическія находки доказали, что древнѣйшее поселеніе на территоріи септимонтія нужно искать не на Палаціѣ, а на Эсквилинѣ [1]).

Признавая въ сказаніяхъ о сабинахъ историческую подкладку (§ 3), мы можемъ представить себѣ исторію основанія Рима приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: Позднѣйшій ager romanus составлялъ собственность извѣстнаго количества латинскихъ gentes (принадлежавшихъ къ тремъ колѣнамъ § 10), представители которыхъ жили въ своихъ владѣніяхъ, какъ это удостовѣрено еще и для историческаго времени [2]). Когда же часть этого ager romanus подверглась нападенію и занятію со стороны надвигавшихся сабинъ, то латинскіе владѣльцы этихъ земель сообща укрѣпили Палацій [3]) въ противовѣсъ Капитолію, укрѣпленному сабинами, какъ составлявшему естественное продолженіе занятаго ими Квиринала [4]). Изъ латинской крѣпости въ соединеніи съ сосѣднимъ поселеніемъ, искони существовавшимъ на Эсквилинѣ, составилась потомъ [5]) особая городская община, центральная для всего ager romanus (всѣхъ 3 трибъ), память о которой сохранилась въ праздникѣ septimontium, пріуроченномъ къ слѣдующимъ 7 пунктамъ территоріи Рима: Palatium, Cermalus, Velia, Subura, Oppius, Cispius, Fagutal (первые

---

1) Ср. Кулаковскій стр. 137.

2) Ср. Varr. r. r. 3,1,4. Разумѣется, что и тогда могли они имѣть уже опредѣленное какое нибудь мѣсто для своихъ собраній, и, можетъ быть, даже каждая триба свое.

3) Входившій прежде, очевидно, въ составъ гентильнаго ager Квинтиліевъ и Фабіевъ, см. Фил. Обозр. III, 1, стр. 59.

4) Также и на Квириналѣ найдены слѣды древнѣйшаго населенія (ср. Кулаковскій l. c.), называвшагося, можетъ быть, Quirites, каковое имя могло потомъ перейти и на занявшихъ это мѣсто сабинъ; подобнымъ образомъ и названіе Roma, повидимому, до-латинское.

5) Что организація септимонтія не предшествуетъ основанію укрѣпленія на Палаціѣ, видно изъ того, что послѣднее трактуется традиціей неизмѣнно какъ самостоятельный „городъ“, а не какъ „кремль“ (arx), а въ особенности изъ существованія помэрія вокругъ Палація.

три пункта принадлежатъ къ Палацію, послѣдніе три къ Эсквилину, Subura же есть низменность, обхваченная Палаціемъ и Эсквилиномъ) [1]).

Параллельную съ древнимъ септимонтіемъ полосу Квиринала съ Капитоліемъ (отдѣленную линіей позднѣйшей cloaca maxima) заняли сабины, которые, однако, современемъ вынуждены были пойти на мировую съ владѣльцами ager romanus. Торжество латинскаго элемента выразилось въ томъ, что, хотя за сабинами оставлено внутреннее самоуправленіе, свѣтское и духовное (=civitas foederata), но часть занятой ими территоріи была у нихъ отнята и обращена въ совмѣстную собственность „союза". Это былъ Капитолій съ прилегающей мѣстностью (до будущей cloaca maxima), предназначенной для совмѣстныхъ собраній (comitium). Капитолій, сдѣлавшись такимъ образомъ „главною" крѣпостью (и получившій соотвѣтственно этому и свое названіе, отъ caput), лишилъ Палацій прежняго его значенія, какъ крѣпости. Экстерриторіальнымъ характеромъ Капитолія объясняется, почему онъ не вошелъ въ помэрій Сервіева города, составившійся изъ помэрія земель, находившихся въ самостоятельномъ владѣніи каждой изъ обѣихъ союзныхъ общинъ. Началомъ исторіи Рима для латинскаго поселенія является такимъ образомъ дѣйствительно основаніе „города" на Палаціѣ, но только основаніе это оказывается результатомъ опредѣленныхъ военно-политическихъ условій [2]), а не прихоти основателя (какъ это изображаетъ преданіе) [3]).

Соединенный народъ обѣихъ общинъ, въ обращеніи къ нему на собраніяхъ, сталъ называться populus Romanus Quiritium, т. е. populus

---

[1]) Когда память объ этомъ древнемъ септимонтіѣ исчезла, то понятіе семихолмія перенесено на Сервіевъ городъ съ пріуроченіемъ къ 5 montes (Cap., Pal., Avent., Cael., Esq.) и 2 colles (Vim. и Quir.). Въ христіанское время снова перемѣстилось это понятіе съ замѣною обоихъ colles двумя правобережными montes: Janiculum и Vaticanus.

[2]) Сложившееся представленіе о началѣ Рима повлекло за собою перемѣщеніе фактовъ въ преданіи, относящемъ вторженіе сабинъ уже ко времени послѣ основанія города, но такъ что тѣсная связь обоихъ событій сохранялась въ народной памяти вполнѣ отчетливо.

[3]) Основаніе „города" (т. е. укрѣпленія на Палаціѣ) не можетъ быть отнесено ко времени перваго появленія латинъ въ этихъ мѣстахъ (противъ этого говоритъ характеръ праздника Луперкалій). Не могъ онъ возникнуть и въ качествѣ сторожеваго пункта для охраны Тибра (мѣстность для этого неудобна). Нельзя себѣ дѣло представлять и въ видѣ медленнаго, естественнаго роста и слiянія мелкихъ деревенскихъ поселеній (сельскій синойкизмъ). Также и торговое значеніе пріобрѣтено Римомъ не раньше Тарквиніевъ.

Romanus et (populus) Quiritium. Позднѣйшее Quirites есть уже только сокращеніе полнаго обращенія по затемненію первоначальнаго значенія составныхъ его частей [1]).

IV. Древнѣйшее дѣленіе римской территоріи и ея населенія.

§ 10. *Древнѣйшія трибы* („колѣна"). Названіе tribus (отъ tres) находится въ связи съ древнѣйшимъ дѣленіемъ латинскаго населенія всего ager romanus на три части: Ramnes, Tities и Luceres (Liv. 10,6,7). Еще древніе отожествляли трибу Рамновъ съ населеніемъ Ромулова города на Палаціѣ, основываясь при этомъ на сходствѣ словъ Ramnes и Romani, а также и трибу Тиціевъ съ квиринальскими сабинами въ виду существованія коллегіи, называвшейся sodales Titii sacris Sabinis retinendis. Рядомъ съ этимъ происхожденіе трибы Луцеровъ оставалось совершенно загадочнымъ [2]). Однако какъ разъ эта положительная невозможность подыскать какое либо историческое объясненіе трибы Луцеровъ [3]) свидѣтельствуетъ объ искусственности отожествленія первыхъ двухъ трибъ съ обѣими союзными частями римскаго населенія [4]). Вѣрнѣе, что дѣленіе на три трибы было искони свойственно латинскому населенію, занимавшему ager romanus (Varro l. l. 5,35: ager Romanus primum divisus in partes tres). По крайней мѣрѣ, этимологическій составъ всѣхъ трехъ названій указываетъ на латинское происхожденіе [5]). Дѣленіе на три трибы не произошло отъ синойкизма трехъ разныхъ общинъ на территоріи Рима, а отъ того, что ager romanus составлялъ собственность извѣстнаго количества латинскихъ родовъ (gentes), издревле дѣлившихся на три колѣна. Дѣленіе на колѣна составляетъ общую черту индоевропейскаго быта. Подобно римскимъ трибамъ встрѣчаемъ так-

---

[1]) См. Фил. Обозр. II, 2 стр. 162.

[2]) Liv. 1,13,8: Ramnenses ab Romulo, ab T. Tatio Titienses appellati; Lucerum nominis et originis causa incerta est.

[3]) Ихъ принимали и за этрусковъ, и за албанцевъ, и за латинъ вообще, и за аборигиновъ, и за потомковъ лицъ, находившихъ убѣжище въ азилѣ (luceres отъ lucus).

[4]) См. Фил. Обозр. II, 2 стр. 166 сл.

[5]) Ramnes=Ramni (въ древней латыни им. мн. ч. по 2 скл. могъ оканчиваться на—es вм.—i) отъ корня ra (въ ratus) + —mni (=греч.—μενοι, ср. alumnus) въ значеніи „почитаемые"; Tities=Titii (ср. sodales Titii) отъ titus (ср. Titus) „уважаемый"; Luceres (какъ proceres) отъ lux, luceo=illustres.

же и въ Греціи дѣленіе на филы [1]). Въ особенности большое сходство въ этомъ отношеніи замѣчается между Римомъ и Спартой, и не только вслѣдствіе одинаковаго дѣленія на 3 части (филы=трибы), но и потому, что въ составъ филъ въ Спартѣ входилъ только дорическій военно-аристократическій элементъ, подобнымъ образомъ какъ и въ Римѣ въ составъ древнихъ трехъ трибъ входили только патриціи (не считая зависѣвшихъ отъ нихъ кліентовъ) [2]).

Въ борьбѣ съ сабинами Римъ выступилъ защитникомъ латинъ вообще, и въ этой роли принималъ у себя бѣглецовъ изъ занятыхъ сабинами латинскихъ городовъ, въ томъ числѣ и изъ Албалонги (ср. Liv. 1,30,2;33,2). Переселенцы эти, по крайней мѣрѣ отчасти, устраивались прочно на новомъ мѣстѣ жительства. Новое населеніе, не входя въ составъ древне-римскихъ трибъ (хотя имѣемъ извѣстіе о принятіи въ число patres, и слѣд. и въ трибы, нѣкоторыхъ албанскихъ родовъ), должно было занимать весьма неопредѣленное положеніе въ административномъ отношеніи. Этого-то пришлаго населенія и касается, по всей вѣроятности, попытка Тарквинія Старшаго, пожелавшаго къ первымъ тремъ трибамъ присоединить три новыя трибы [3]). Но такое нововведеніе не могло состояться въ полномъ объемѣ вслѣдствіе оппозиціи старыхъ трибъ, представителемъ которыхъ въ легендѣ является Атта Навій (Cic. div. 1,17; Liv. 1,36) [4]). Тарквиній долженъ былъ удовлетвориться полумѣрою, состоявшей въ томъ, что новыя части римскаго населенія изъ латинъ не получили самостоятельной организаціи, а были только распредѣлены между прежними тремя трибами, не сливаясь, однако, съ ними, а составляя своего рода привѣсокъ къ нимъ. Оба элемента числились въ каждой трибѣ особо въ качествѣ Ramnes priores и Ramnes posteriores, Tities priores и posteriores, Luceres priores и posteriores. При этой чисто административной мѣрѣ Тарквинія Старшаго также и квиринальскіе сабины, вѣроятно, были приписаны къ трибѣ Тиціевъ, т. е. вошли въ составъ Tities posteriores. Эта приписка къ одной изъ трехъ трибъ, наравнѣ съ пришлыми латинами, равнялась для сабинъ лишенію обособленнаго свѣтскаго самоуправленія. Тѣмъ не менѣе до позднѣйшаго времени сохранился остатокъ духовнаго самоуправленія сабин-

---

[1]) Ср. Бузольтъ, Греч. др. (русск. пер.) § 21.

[2]) Сравнительно позднее возникновеніе представленія о тожествѣ Ramnes съ Romani усматривается и изъ того, что древнѣйшій порядокъ трибъ былъ не Ramnes, Tities, Luceres, а, повидимому, Tities, Ramnes, Luceres. Подобн. образ. и аттическія филы перечисляются въ опредѣленномъ порядкѣ (съ Гелеонтами во главѣ).

[3]) См. Фил. Обозр. II, 2 стр. 168.

[4]) Ср. Bardt, Die Legende vom Augur Attus Navius 1883.

скаго элемента въ братствѣ sodales Titii (Tac. a. 1,54). То обстоятельство, что, несмотря на оппозицію древнихъ трибъ, ставшихъ въ этомъ вопросѣ на религіозную точку зрѣнія [1]), возможно было ввести нѣчто въ родѣ приписки новыхъ частей къ старымъ трибамъ, доказываетъ, что это могли быть только родственные патриціанскому народу элементы въ бытовомъ (и прежде всего, конечно, въ религіозномъ) отношеніи [2]), т. е. это такимъ образомъ не могли быть плебеи.

Тройственность дѣленія на трибы отразилась на составѣ сената (300), равно какъ и на организаціи легіона (legio въ древнѣйшемъ смыслѣ обозначаетъ „войско"). Каждая триба ставила по 1000 солдатъ (отсюда milites отъ mille) и по 100 всадниковъ (центурія), такъ что древнѣйшій легіонъ (войско) состоялъ изъ 3000 солдатъ [3]) и 300 всадниковъ [4]). Благодаря удвоенію трибъ при Тарквиніѣ удвоено, очевидно, и число всадниковъ до 600 [5]) и, конечно, и число пѣхоты до 6000. Существованіе 600 всадниковъ для этого времени засвидѣтельствовано Сервіевыми первыми 6 центуріями, называвшимися Ramnenses priores и posteriores, Titienses priores и posteriores и Lucerenses priores и posteriores, что вполнѣ соотвѣтствуетъ двойнымъ трибамъ Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Во главѣ каждой 1000 пѣхотинцевъ стоялъ военачальникъ, назначенный трибою для снаряженной ею тысячи (отсюда tribunus militum) [6]); и дѣйствительно, до позднѣйшаго времени въ каждомъ легіонѣ числилось по 6 трибуновъ, что и оказывается остаткомъ отъ 6000-наго состава легіона. Подобнымъ образомъ и во главѣ каждой центуріи всадниковъ сперва стоялъ, вѣроятно, особый tribunus celerum; но для времени Тарквинія Гордаго преданіе предполагаетъ уже только одного tribunus celerum, какъ начальника всей конницы, что, повидимому, находилось въ связи съ превращеніемъ всадническаго отряда въ своего рода тѣлохранителей царя [7]). Наконецъ, хозяйственною

---

[1]) См. Фил. Обозр. II, 2 стр. 168 прим.

[2]) Что и сабины были признаны родственнымъ элементомъ, слѣдуетъ изъ предоставленнаго имъ jus conubii, память о которомъ облечена въ форму легенды о похищеніи сабинянокъ.

[3]) Varro l. l. 5,89: milites, quod trium milium primo legio fiebat, ac singulae tribus Titiensium, Ramnium, Lucerum milia singula militum mittebant.

[4]) Liv. 1,13,36.

[5]) Впрочемъ Ливій даетъ цифру 1800, что предполагаетъ прежнее количество въ 900, хотя по его же изложенію при Ромулѣ были 300 всадниковъ, къ которымъ при Анкѣ будто прибавилось еще 300, а всего только 600.

[6]) Varro l. l. 5,81,91; Serv. ad Aen. 5,560; 9,162.

[7]) Этимъ же самымъ можно объяснить и послѣдующую замѣну древняго названія celeres словомъ equites.

частью въ снаряжаемыхъ каждой трибой военныхъ отрядахъ завѣдывали, вѣроятно, tribuni aerarii, т. е. уполномоченные трибою казначеи (Varro l. l. 5,181; Gell. 6,10).

§ 11. *Куріи* („попечительства"). Числа 1000 для пѣхоты и 100 для конницы находились въ связи съ дѣленіемъ каждой трибы на 10 курій (всего въ 3 трибахъ 30 курій Liv. 1,13,6; Cic. r. p. 2,8,14) [1]), изъ которыхъ каждая снаряжала по 100 пѣхоты и 10 всадниковъ. Римскія куріи аналогичны греческимъ фратріямъ, составлявшимъ подраздѣленіе филъ [2]). Это, очевидно, чисто искусственное дѣленіе, предназначенное для цѣлей административныхъ, въ томъ числѣ особенно военныхъ, но также и политическихъ (голосованіе объ imperium происходило curiatim). Въ виду древне-индоевропейскаго сцѣпленія понятій государственности и религіи (государства и церкви) также и куріи, какъ и филы, имѣли извѣстный сакральный характеръ, и, наоборотъ, ихъ религіозныя празднества (sacra pro curiis) признавались за sacra publica (Fest. s. v.) и устраивались на общественный счетъ (ἐκ τοῦ δημοσίου Dion. 2,23). Для этой цѣли при каждой куріи состоялъ flamen curialis (т. е. спеціальный жрецъ, назначенный только для этого дѣла). Богиней-покровительницей курій считалась Juno Curitis [3]). Такъ какъ Юнона была въ то же время покровительницей патриціанскихъ браковъ (въ противоположность плебейской Церерѣ) [4]), то изъ этого съ одной стороны видно, что куріи были чисто патриціанское учрежденіе, а съ другой должно заключить, что одна изъ функцій куріальныхъ учрежденій состояла въ удостовѣреніи законнаго происхожденія новорожденныхъ патриціевъ (имѣвшемъ цѣлью удостовѣрить ихъ права), аналогично такому же назначенію аттическихъ фратрій [5]). Во главѣ всѣхъ курій стояло управленіе, состоявшее изъ curiones („попечителей"), изъ которыхъ одинъ былъ главный (curio maximus) [6]). Члены же куріи называли себя curiales. Куріей называлось не только самое учрежденіе („по-

---

[1]) Ср. цифру 30 членовъ герусіи въ Спартѣ (включительно съ обоими царями) въ связи съ существованіемъ 3 филъ.

[2]) Аттическія филы подраздѣлялись на 3 фратріи, спартанскія же на 9 каждая.

[3]) Подобнымъ образомъ аттическія фратріи находились подъ покровительствомъ Зевса Фратрія и Аѳины Фратріи.

[4]) Связью курій съ покровительницей матронъ объясняется и возникновеніе сказанія, что куріи названы по именамъ похищенныхъ сабинянокъ (=первыхъ матронъ).

[5]) Ср. Бузольтъ § 20 и 158.

[6]) Ср. Liv. 3,7,6.

печительство") [1]), но и присутственное мѣсто для управленія [2]). Каждая курія имѣла сперва, вѣроятно, особое [3]) зданіе (съ жертвенникомъ, называвшимся mensa, ср. Fest s. v.; Macr. 3,11,5; Serv. ad Aen. 1,736; Dion. 2,50). Зданія эти, а вмѣстѣ съ ними и самыя куріи, имѣли и самостоятельныя названія, происшедшія, повидимому, отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, напр. отъ ихъ мѣстоположенія. Впрочемъ извѣстно только 7 такихъ названій: Foriensis, Rapta, Veliensis, Velitia, Titia, Faucia, Acculeja [4]). Съ перенесеніемъ же центра всего ager Romanus въ городъ Римъ, всѣ куріи помѣщались въ одномъ зданіи (curiae veteres), изъ котораго, однако, одна часть курій позднѣе переселилась въ новое зданіе (novae curiae [5]).

Удвоеніе трибъ при Тарквиніѣ старшемъ не повлекло за собою удвоенія курій, что и указываетъ на чисто административное значеніе послѣднихъ, при которомъ учетъ новыхъ трибуловъ могъ производиться безъ дробленія курій. Съ другой стороны числа 10, 100, 1000 указываютъ, что учрежденіе курій древнѣе этрусскаго періода, такъ какъ этруски выдвинули бы скорѣе число 12 (ср. 12 ликторовъ).

Куріи были сперва только патриціанское учрежденіе съ административнымъ характеромъ. Политическое значеніе онѣ имѣли, сколько извѣстно, только въ одномъ случаѣ, именно при рѣшеніи вопроса объ imperium для всякаго вновь избраннаго царя (а потомъ магистрата). Вопросъ объ imperium искони рѣшался curiatim, т. е. всѣми полноправными представителями правящаго класса, но такъ, что условливались между собой (viritim) прежде всего члены одной и той же куріи, въ общемъ же собраніи считались не голоса отдѣльныхъ гражданъ, а голоса ку-

---

[1]) Производство слова curia отъ curare даютъ еще древніе, напр. Varro l. l. 5,155; 6,46. Поттъ, а за нимъ другіе, производятъ curia изъ coviria, что фонетически возможно (ср. curare и древнее coirare), но имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибъ главное назначеніе курій состояло въ группировкѣ для народныхъ (куріатскихъ) собраній.

[2]) Ср. подобное перенесеніе слова „дума"=1) учрежденіе, 2) зданіе.

[3]) Что каждая курія имѣла первоначально свой особый центръ (вѣроятно, каждая въ своемъ округѣ), видно изъ употребленія слова curia въ единственномъ числѣ (curia Hostilia, curia Calabra, curia Saliorum) въ сравненіи съ множественнымъ числомъ curiae о городскомъ помѣщеніи куріальныхъ учрежденій.

[4]) По примѣру куріальныхъ зданій также и всякія другія присутственныя мѣста стали обозначаться словомъ curia, напр. curia Calabra (для понтификовъ на Капитоліѣ), curia Hostilia (для сената на форумѣ). Позднѣе подъ словомъ curia подразумѣвалась преимущественно послѣдняя, а въ переносномъ смыслѣ и самый сенатъ.

[5]) См. Jordan Topographie 1,1,191.

рій [1]). Въ древнѣйшее время, когда политическій „народъ“ (populus) состоялъ исключительно изъ патриціанскихъ patres familiarum (=главъ самостоятельныхъ хозяйствъ), не было никакого противорѣчія между характеромъ курій и характеромъ куріатскихъ комицій: оба учрежденія были одинаково патриціанскими. Когда же со времени привлеченія къ военной повинности плебеевъ также и послѣдніе оказались по отношенію къ imperium въ томъ же положеніи, какъ и патриціи, то было полезно привлекать къ участію въ утвержденіи магистратскаго имперія также и плебейскихъ главъ семействъ. Такимъ образомъ куріатскія комиціи пріобрѣли смѣшанный характеръ [2]), между тѣмъ какъ собственныя куріи (утратившія свое административное значеніе со времени введенія Сервіевыхъ трибъ) долго продолжали носить сословно-патриціанскій характеръ, такъ что только во время второй пун. войны впервые былъ избранъ curio maximus изъ плебеевъ (Liv. 27,8). Содѣйствіе курій (т. е. безъ сомнѣнія ихъ правленій, а не куріатскихъ комицій хотя и объявлялось объ этомъ къ свѣдѣнію [3]) народа въ comitia calata) засвидѣтельствовано и въ позднѣйшее время:

a) при принятіи въ число патриціевъ или, наоборотъ, при исключеніи изъ этого сословія для перехода въ сословіе плебеевъ (transitio ad plebem);

b) при утвержденіи духовныхъ завѣщаній;

c) при arrogatio и при отмѣнѣ изгнанія, на сколько дѣло касалось пріобрѣтенія (или возврата) гентильнаго права (Liv. 5,46,10).

Въ этихъ случаяхъ предсѣдательствовалъ pontifex maximus, между тѣмъ какъ предсѣдательство въ комиціяхъ принадлежало магистрату. Впрочемъ утвержденіе имперія превратилось мало-по-малу въ простой обрядъ, соблюдавшійся, однако, еще при Цицеронѣ [4]), при которомъ дѣйствующими лицами, кромѣ предсѣдательствующаго магистрата, являлись три авгура (представители древнихъ 3 трибъ) и 30 ликторовъ (представители 30 курій).

---

[1]) По этому образцу впослѣдствіи устроены были и центуріатскія и трибунскія комиціи.

[2]) Участіе плебеевъ въ куріатскихъ комиціяхъ достаточно засвидѣтельствовано, ср. Bernhöft стр. 147 сл.; Schwegler I, 621 сл. Но есть и противорѣчащія свидѣтельства (Cic. de lege agr. II, 11,27). Отрицательно рѣшаетъ этотъ вопросъ напр. Herzog; позднѣйшему времени приписываетъ это напр. Karlowa.

[3]) Но впрочемъ въ формѣ, свидѣтельствующей о первоначальномъ правѣ утвержденія со стороны патриціанскаго populus (velitis, jubeatis...), ср. § 27.

[4]) Cic. de lege agr. 2,12,31: consuli si legem curiatam (подр. de imperio) non habet, attingere rem militarem non licet.

V. Родовое (гентильное) начало.

§ 12. *Gentes*. Возникновеніе римскихъ gentes [1]) основывается на естественномъ дѣленіи населенія (gens отъ корня gen въ gigno), а потому древнѣе дѣленія на куріи. Родовое начало принадлежитъ къ основамъ индоевропейскаго общественнаго быта и встрѣчается во всѣхъ отрасляхъ этой группы народовъ [2]). Отдѣльныя gentes, разростаясь постепенно и распадаясь на болѣе мелкія части, должны были съ теченіемъ времени утерять первоначальную близость родственныхъ отношеній между семьями, входящими въ составъ своей gens, такъ что понятіе о членахъ рода (gentiles, γεννῆται), не совпадало уже съ понятіемъ о родственникахъ (cognati, συγγενεῖς) [3]). Тѣмъ не менѣе, будучи освящена религіей, связь между гентилями поддерживалась (Cic. top. 6,29). Внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ одному роду служило общее родовое имя (nomen gentile или просто nomen) [4]), образовавшееся по большей части отъ личнаго имени (praenomen) посредствомъ суффикса -ius (аналогичнаго русскому -овъ или -ичъ), напр. Marcius букв.= Марковъ, т. е. потомокъ нѣкоего Марка (Marcus), Tullius (отъ Tullus), Attius (отъ Attus или Atta), Aemilius (отъ *Aemulus) и т. д. Возникновеніе и поддерживаніе родоваго начала находилось въ тѣсной связи съ особенностями первоначальной общинной формы индоевроп. землевладѣнія, благопріятствовавшей образованію большихъ (сложныхъ) семей, въ составѣ нѣсколькихъ индивидуальныхъ семействъ подъ начальствомъ одного лица изъ этого рода, по общему согласію (какъ это до сихъ поръ встрѣчается въ Сербіи) [5]). Большіе роды съ теченіемъ времени дроби-

---

[1]) Для обозрѣнія мнѣній объ этомъ вопросѣ ср. Liebold, Die Ansichten über die Entstehung und das Wesen der gentes patriciae in Rom. 1890.

[2]) Ср. Schrader, Sprachvergl. 569 сл. Для грековъ ср. Бузольтъ § 19. По словамъ Нестора, также и русско-слав. племена управлялись родами („живяху кождо со своимъ родомъ, владѣюще кождо родомъ своимъ"). Родовое начало до сихъ поръ живо въ общественномъ быту черногорцевъ, у которыхъ даже названія родовъ представляютъ полную параллель римскимъ названіямъ, напр. Васоевичи, Бѣлопавловичи и пр.

[3]) Ср. Бузольтъ стр. 24.—Когнатами, по римскимъ юристамъ, считались лица, находившіяся въ родствѣ до шестой степени включительно, ср. Загурскій, Учебникъ римскаго права (1887) стр. 130.

[4]) Paul. s. v.: Gentiles mihi sunt, qui meo nomine appellantur.

[5]) Подобныя большія семьи встрѣчались въ Римѣ еще въ позднѣйшее историческое время; ср. напр. Val. Max. 4,4,8: sedecim eodem tempore Aelii fuerunt, quibus una domuncula erat eodem loco, quo nunc sunt Mariana monumenta et unus in agro Vejente fundus (=heredium), minus multos cultores desiderans, quam dominos habebat. Тоже самое утверждаетъ Платонъ для многихъ греческихъ и варварскихъ племенъ, а Гомеръ для киклоповъ (9,112).

лись на болѣе мелкіе, причемъ къ общему родовому имени стали присоединять особыя прозванія (cognomen) новыхъ родовъ (familiae); такъ напр. gens Cornelia подраздѣлялась на новые роды Сципіоновъ, Цетеговъ, Долабеллъ и др. Связь членовъ рода выражалась прежде всего въ сакральномъ отношеніи, такъ какъ для отдѣльныхъ gentes засвидѣтельствованы особыя sacra [1]). Но эти sacra gentilicia были только privata (а не publica, какими были sacra pro curiis), и поэтому съ дробленіемъ обширныхъ родовъ на болѣе мелкіе дробились также и эти sacra, какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи усыпальницъ (такъ напр. родъ Сципіоновъ имѣлъ свою особую усыпальницу) [2]). Впрочемъ нѣкоторыя гентильныя sacra пріобрѣли общественное значеніе, превратившись вслѣдствіе этого въ sacra publica (какъ напр. Луперкаліи Фабіевъ и Квинтиліевъ) [3]). Связь членовъ рода признавалась (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) также и въ юридическомъ отношеніи (jus gentilicium), такъ какъ въ случаѣ отсутствія естественныхъ когнатовъ въ ихъ права могли вступать и не родственные gentiles: 1) въ дѣлахъ наслѣдства и 2) въ дѣлѣ опекунства надъ малолѣтними [4]).

Отдѣльные роды пріобрѣтали временно большое политическое значеніе, какъ напр. роды Валеріевъ и Фабіевъ въ началѣ республики. Впрочемъ въ годъ консульства Цицерона (63 г.) оставалось уже менѣе 20 патриціанскихъ gentes (Aemilia, Claudia, Cornelia, Curtia, Fabia, Furia, Julia, Manlia, Papiria, Pinaria, Postumia, Quinctia, Quinctilia, Sempronia, Sergia, Servilia, Sulpicia, Valeria, Veturia) [5]).

Родовое начало, будучи обще-индоевропейскимъ, было свойственно не однимъ древне-римскимъ трибамъ рамновъ, тиціевъ и луцеровъ, но и прочимъ латинамъ равно какъ и сабинамъ [6]). Для послѣднихъ засвидѣтельствовано это исторіей рода Клавдіевъ, для первыхъ преданіемъ о переселеніи въ Римъ нѣкоторыхъ албанскихъ родовъ, въ томъ числѣ и рода Юліевъ (Tac. a. 11,24; Dion. 3,29; вмѣсто Юліевъ Ливій

---

[1]) Напр. для Фабіевъ на квириналѣ. Liv. 5, 52, 3.

[2]) Поэтому, вѣроятно, въ опредѣленіи понятія о гентильствѣ у Циц. (top. 6,29) отсутствуетъ признакъ communio sacrorum.

[3]) См. Фил. Обозр. III, 1.

[4]) Ср. Max. Büdinger, Der Patriziat въ Denkschr. d. Kais. Akad. in Wien 1888 (36 Bd., стр. 81 сл.).

[5]) Büdinger l. c.; по Bloch, origine de sénat, и Mommsen, Röm. Forsch. I, изъ 73 патриціанскихъ родовъ, существовавшихъ въ 5 вѣкѣ до Р. Хр., къ концу республики осталось только 14, при Тиберіѣ было ихъ уже только 6 (Aem., Claud., Corn., Fab., Val., Sulp.).

[6]) О происхожденіи gentes съ именами на—enus,—na и др. ср. Hübner Quaestiones onomatologicae latinae 1854 и Mommsen, Röm. Forsch. I.

1,30,2 называетъ Тулліевъ). Когда же положеніе новыхъ частей римскаго населенія нормировано было Тарквиніемъ старшимъ припиской ихъ къ древнимъ тремъ трибамъ, т. е. признаніемъ за ихъ gentes тѣхъ же правъ, какими пользовались старыя gentes, то въ отличіе отъ послѣднихъ первыя стали называться minores gentes (младшіе), а ихъ представители въ сенатѣ patres minorum gentium. Однако это названіе, свидѣтельствующее лишь о меньшей важности этихъ gentes [1]), но не о меньшей мѣрѣ ихъ гражданскихъ правъ, вскорѣ исчезаетъ какъ не имѣвшее впослѣдствіи практическаго значенія [2]).

Gentes были первоначально исключительно патриціанское учрежденіе [3]). Но со времени уравненія правъ плебеевъ появляются и плебейскіе роды, устроенные вполнѣ по образцу патриціанскихъ (напр. Cic. har. resp. 15,32: gens Calpurnia). Что же касается плебейскихъ однофамильцевъ патриціанскихъ родовъ, то, насколько такіе смѣшанные роды достовѣрны [4]), это могло произойти вслѣдствіе принятія одной части въ патриціанское сословіе или же, наоборотъ, черезъ переходъ къ плебсу; могло это произойти также отъ того, что плебейская часть патриціанскаго рода произошла отъ бывшихъ кліентовъ, сохранившихъ фамилію своихъ патроновъ (ср. M. Claudius, кліентъ Аппія Клавдія у Liv. 3,44,5) [5]).

---

[1]) Это могло выражаться напр. въ томъ, что patres minorum gentium подавали мнѣнія только послѣ представителей старыхъ gentes: подобное мѣстничество строго соблюдалось и въ позднѣйшемъ чиновномъ сенатѣ.

[2]) Casagrandi, le minores gentes ed i patres minorum gentium 1892 (см. Berl. Phil. Woch. 1892 № 26).

[3]) Ср. Liv. 10,8,9: Patricios solos gentem habere; также и minores gentes принадлежали къ патриціямъ, ср. Cic. fam. X 21,2: Papirii fuerunt patricii minorum gentium.

[4]) Büdinger l. c.

[5]) Niebuhr и Schwegler, основываясь на Діон. 2,7, считали gentes искусственными подраздѣленіями курій, а именно по 10 gentes въ каждой куріи, причемъ, въ виду нѣкоторыхъ древнихъ датъ (о количествѣ первоначальныхъ поселенцевъ на Палаціѣ и т. п., ср. Schwegler I, 614), они предложили еще и дальнѣйшее дѣленіе каждой gens на 10 familiae, а всего: 3 трибы=30 курій=300 gentes=3000 familiae. Однако ср. J. J. Müller въ Philol. 34,36 сл. Притомъ Діонисій говоритъ о дѣленіи курій на декады, а не о томъ, что въ каждой куріи было только 10 gentes (διῄρηντο δὲ καὶ εἰς δεκάδας αἱ φράτραι). Существованіе такого дѣленія курій на декуріи (количество которыхъ опредѣлялось бы общимъ количествомъ всѣхъ gentes или всѣхъ familiae, приписанныхъ къ той же куріи) само по себѣ возможно, но не подтверждается никакими данными. Ср. Ефимовъ, Лекціи исторіи римскаго права (1887 г.) стр. 106 сл.; Муромцевъ, Гражданское право древняго Рима стр. 21.

VI. Сословія.

§ 13: *Патриціи* (patres [1]) и patricii) [2]). Patricii sunt, qui patrem ciere possunt гласитъ древнее опредѣленіе (Liv. 10,8,10), что Діонисій (2,8) передаетъ такъ: πατρικίους κληθῆναί φασι, ὅτι πατέρας εἶχον ἀποδεῖξαι μόνοι. Хотя это опредѣленіе въ формальномъ отношеніи примыкаетъ къ мнимой этимологіи слова patri-cius (отъ pater и cieo), но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ и весьма удовлетворительное рѣшеніе вопроса по существу. Одни только (μόνοι) патриціи имѣли нѣкогда право „указывать отца“, т. е. имя отца или отчество, присоединяемое позднѣе въ качествѣ титула между nomen и cognomen, напр. L. Corneli L. f. Scipio. Значеніе, которымъ пользуется отчество у индоевропейцевъ (и семитовъ), въ своемъ основаніи коренится въ понятіи о превосходствѣ мужской линіи, усвоенномъ этими народами. Терминъ patricii выражалъ, слѣдовательно, прежде всего, хотя и на основаніи одного признака, общую бытовую противоположность къ плебеямъ, признававшимъ первоначально, по всей вѣроятности, родство въ женской линіи [3]). Возникновеніе этого выраженія (и въ этомъ именно смыслѣ) объясняется, слѣд., первоначальными воззрѣніями плебеевъ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи, въ силу фактическихъ условій, слово patricii стало истолковываться въ смыслѣ „потомки *знатныхъ* отцевъ“ (Liv. l. c. patricios, qui patrem ciere possent, id est, nihil *ultra quam ingenuos*) [4]), такъ какъ также и для кліентовъ генеалогическія теоріи не имѣли никакого практическаго значенія, въ виду того, что передъ закономъ представителемъ ихъ являлся patronus. Такимъ образомъ „указаніе отца“ или отчество въ древнѣйшее время оказывалось отличительнымъ и притомъ почетнымъ титуломъ правящаго класса, указывая на чистокровное [5]) благородство его членовъ [6]), удостовѣряемое записями въ куріяхъ.

---

[1]) Зенгеръ, къ вопросу о patres (Варш. Ун. Зап. 1890); Bernhöft стр. 123; Hermes 19 стр. 196 сл.

[2]) Bernhöft стр. 137 сл.

[3]) Предположеніемъ о такомъ воззрѣніи плебеевъ объясняется проще всего и фактъ, сообщенный Сервіемъ ad Aen. 4,58: Romae cum Cereri sacra fiunt, observatur, ne quis *patrem aut filium* nominet. Церера же была такая же богиня брака у плебеевъ, какъ Юнона у патриціевъ.

[4]) Ср. также Fest. s. v.: patricios eos appellari solitos, qui nunc ingenui vocentur (=γενναῖοι). Смыслъ же слова ingenuus виденъ напр. изъ Liv. l. c.: *consulem* jam patrem ciere possum.

[5]) Ср. Liv. 4,1,2: contaminari sanguinem suum patres rebantur.

[6]) Обычай указыванія отчества въ полной титулатурѣ перенятъ отъ патриціевъ позднѣе всею чиновною знатью (nobilitas), а мало-по-малу вообще всѣми свободными гражданами. Ср. подобное значеніе и подобную судьбу русскаго отчества на—ичъ.

Согласно съ этимъ объясняется и высоко-почетное значенiе слова patres, какъ обозначенiя главъ благородныхъ семействъ. Patres суть, слѣдовательно, тѣ представители правящаго благороднаго класса, которые въ данное время находятся въ положенiи дѣйствительныхъ отцовъ семейства (patres familiarum) и которые въ своей совокупности, въ древнѣйшее время, составляли единственно правоспособныхъ членовъ народнаго собранiя (=populus). Отборная часть этихъ же patres составляла древнѣйшiй сенатъ (patres conscripti). Но всѣ эти patres въ свою очередь были тоже patricii, т. е. потомки такихъ же привилегированныхъ patres [1]). Отсюда ясно, что терминъ patricii шире термина patres, обозначая вообще все благородное сословiе, между тѣмъ какъ patres обозначаетъ только одну его часть. Но такъ какъ послѣдняя является во всѣхъ отношенiяхъ полномочною представительницею всего правящаго класса, то patres могло употребляться (a parte potiore) также и для обозначенiя патрицiанскаго сословiя вообще [2]). Въ свою же очередь сенатъ, въ древнѣйшемъ своемъ составѣ, представляетъ отборную часть этихъ patres, а потому и по отношенiю къ нему возможно было употребленiе термина patres κατ' ἐξοχήν [3]). Такимъ образомъ слово patres встрѣчается въ троякомъ значенiи, не всегда различаемомъ у авторовъ (въ томъ числѣ и у Ливiя) съ достаточною отчетливостью: 1) patres=патрицiанскiй populus; 2) patres=patricii о всемъ сословiи; 3) patres=patres conscripti. Вообще однако въ позднѣйшей терминологiи сословiе патрицiевъ обозначается словомъ patricii, между тѣмъ какъ patres обозначаетъ сенатъ въ его совокупности, или же, въ болѣе древнiя времена республики, только его патрицiанскую часть.

§ 14. *Клiенты* (clientes) [4]). У древнихъ писателей нерѣдко смѣшиваются клiенты съ плебсомъ [5]). Такое смѣшенiе легко объяснимо въ виду позднѣйшаго положенiя обѣихъ частей римскихъ населенiя. Что, однако, первоначально онѣ рѣзко отличались другъ отъ друга, объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего историческiя данныя изъ первыхъ

---

[1]) Вслѣдствiе чего въ полныхъ титулатурахъ къ имени отца прибавлялось обыкновенно еще и имя дѣда, напр. L. Cornelius L. f. L. n. Scipio. Обозначенiе трехъ степеней родства напоминаетъ до нѣкоторой степени такой же счетъ родства въ греч. ἀγχιστεία, ср. Бузольтъ § 20.

[2]) Напр. Liv. 4,1,2: seu de plebe seu de patribus vellet.

[3]) Напр. при auctoritas patrum.

[4]) Voigt, Über die Clientel und Libertinität (Verhandl. der k. sächs. Ges. d. Wiss.) 1878; Melin, Essai sur la clientèle romaine 1889; Ефимовъ, Лекцiи стр. 118 сл.; Муромцевъ, Гражд. право стр. 38.

[5]) Что повторяется, въ той или другой формѣ также и въ разныхъ теорiяхъ, касающихся этого дѣла, у новѣйшихъ изслѣдователей.

временъ республики, по которымъ кліенты сперва стояли на сторонѣ патриціевъ, составляя съ ними одну партію, враждебную плебеямъ (ср. Liv. II, 35,4;56,3;64,2; III, 14,4;16,5). Во-вторыхъ: кліенты находились въ зависимости, притомъ наслѣдственной (Діон. 2,10), отъ отдѣльныхъ патриціанскихъ gentes, между тѣмъ какъ плебеи были подчинены всей общинѣ [1]). Въ третьихъ: кліенты получали въ надѣлъ землю отъ той gens, къ которой были приписаны (Діон. 5,40); плебеи же владѣли землею искони на правахъ полной собственности (см. § 15). Но самое главное доказательство первоначальнаго различія кліентовъ и плебеевъ заключается въ томъ, что кліенты, имѣя доступъ къ sacra gentilicia своихъ патроновъ (Діон. 2,10), принадлежатъ, очевидно, къ той же религіи, какъ и патриціи, въ то время какъ религіозная отчужденность плебеевъ составляла одинъ изъ главныхъ признаковъ ихъ сословія. Чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ болѣе сливаются понятія государственности и религіи, такъ что различіе въ религіи служитъ самымъ вѣрнымъ критеріемъ различія происхожденія. Поэтому кліенты, въ этнографическомъ отношеніи, должны быть признаны въ своемъ основаніи сородичами патриціевъ, а не плебеевъ. А такъ какъ кліентовъ встрѣчаемъ также и у другихъ италиковъ (ср. разсказъ о родоначальникѣ Клавдіевъ), то слѣдуетъ признать кліентелу не мѣстною римскою институціей, а древнимъ учрежденіемъ, принесеннымъ сюда индоевроп. завоевателями Лація, искони раздѣлявшимися, подобно другимъ индоевр. племенамъ, на знатное (патриціи) и подчиненное (кліенты) сословія.

И такъ кліенты были потомки крѣпостныхъ людей (т. е. закрѣпощенныхъ за отдѣльными gentes), приведенныхъ въ Лацій предками родовитыхъ патриціевъ изъ своей прародины [2]), при чемъ, конечно, отъ усмотрѣнія gentes [3]) зависѣло принимать подъ свою опеку (fidem) также

---

[1]) Поэтому нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи называютъ кліентовъ кліентами частными, плебеевъ же государственными или царскими кліентами.

[2]) Изъ другихъ толкованій достаточно упомянуть теорію Нибура, который видѣлъ въ кліентахъ потомковъ жителей Лація, покоренныхъ отдѣльными частями римскаго народа еще до возникновенія римской общины, между тѣмъ какъ позднѣйшія завоеванія со стороны послѣдней привели къ образованію плебса. Мнѣніе Нибура повторяется въ разныхъ варіаціяхъ и послѣдующими изслѣдователями, въ томъ числѣ напр. и Моммзеномъ, по которому кліенты и плебеи въ сущности одно и тоже, отличаясь другъ отъ друга только степенью зависимости отъ патриціевъ. Рядомъ съ этимъ (отчасти даже въ противовѣсъ) другимъ источникомъ кліентелы считается главнымъ образомъ отпущеніе на волю, такъ что кліенты были бы тоже самое, что впослѣдствіи libertini.

[3]) Для общихъ совѣщаній gentes ср. Liv. 6,20,14: gentis Manliae decreto cautum est, ne quis deinde M. Manlius vocaretur; Cic. Phil. 1,13,32.

и новыхъ кліентовъ (applicatio ad patronum) [1]), тѣмъ болѣе, что это именно составляетъ, повидимому, основу всей кліентелы вообще. Согласно съ этимъ и самое названіе cliens можетъ быть произведено отъ того же корня, который заключается въ in-clino, de-clino, греч. κλίνω, а именно какъ причастіе аориста со значеніемъ непереходнымъ „прислонившійся“, „примкнувшій (qui se applicavit) [2]). Ср. греч. переводъ слова cliens черезъ πελάτης (πελάζω).

Отношенія между кліентами и патриціями (Діон. 2,10) вытекали изъ условій патріархальнаго фамильнаго быта. Патриціанскій глава рода назывался ихъ patronus, занимая по отношенію къ нимъ подобное положеніе, въ какомъ pater находился къ своему семейству [3]). Какъ pater familias въ своей семьѣ, такъ и patronus являлся природнымъ опекуномъ и защитникомъ своихъ кліентовъ, обязаннымъ [4]) заботиться объ ихъ благосостояніи и охранять ихъ интересы, между прочимъ, и передъ судомъ; соотвѣтственно этому патронъ освобождался отъ обязанности подавать въ судѣ свидѣтельскія показанія противъ своего кліента (Gell. 5,13,4: testimonium adversus clientem nemo dicit), подобно тому, какъ и отецъ освобождался отъ этого по отношенію къ дѣтямъ. Таково было положеніе кліентовъ еще въ началѣ республики; законы XII таблицъ заключали въ себѣ постановленіе: patronus sei clienti fraudem faxit, sacer estod. Изъ этого постановленія видно, что отношенія патрона къ кліенту находились подъ авторитетомъ религіи, составляя часть сакральнаго права. Съ другой стороны и кліенты были обязаны защищать во всемъ своихъ патроновъ и помогать имъ доставленіемъ ратныхъ людей для ихъ военной дружины, съ которой они должны были являться на зовъ царя (Діон. 2,46;5,40) [5]) и участіемъ въ денеж-

---

[1]) Ср. Dion. 2,10: μέγας ἔπαινος ἦν τοῖς ἐκ τῶν ἐπιφανῶν οἴκων ὡς πλείστους πελάτας ἔχειν τάς τε προγονικὰς φυλάττουσι διαδοχὰς τῶν πατρωνειῶν καὶ ἄλλας ἐπικτωμένοις.

[2]) Ср. Bezz. Beitr. 1892, стр. 149. Причастіе съ примѣтой наст. времени было бы clinens или clinans. О непереходномъ значеніи этого корня ср. Нетушилъ, Залоги, стр. 8 и 13. Рѣдкая побочная форма cluens произошла отъ толкованія этого слова изъ корня clu въ clueo (cluo) греч. κλύω со значеніемъ „слушающій“, „послушный“.

[3]) Gellius 5,13,4: Cato scripsit: Majores.... patrem primum, postea patronum proximum nomen habuere.

[4]) Gell. 5,13,6: neque clientes sine summa infamia deseri possunt.

[5]) Эта необходимость имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество ратныхъ людей составляетъ, повидимому, исходную точку возникновенія и поддерживанія древней кліентелы. Со времени преобразованія римскаго войска изъ гентильнаго въ общегосударственное древняя кліентела стала постепенно терять свое прежнее значеніе.

ныхъ издержкахъ (не только общественныхъ, каковы: tributum, sacra), но и частныхъ, какъ напр. для выкупа патрона изъ плѣна, для уплаты штрафа (Liv. 5,32,8;38,60,9), для приданаго дочерямъ патроновъ и т. п.

Юридическое отношеніе кліентовъ къ патронамъ до извѣстной степени напоминаетъ положеніе позднѣйшихъ вольноотпущенниковъ, но отличается отъ него существенно, главнымъ образомъ, благодаря различію аграрныхъ условій [1]). Въ древнѣйшее время у римлянъ существовало общинное землевладѣніе. Земля считалась общимъ достояніемъ правящаго класса патриціевъ, насколько она не была уступлена въ полную собственность плебеямъ (съ самаго же начала или черезъ позднѣйшія assignationes). Изъ этого ager publicus въ обширномъ смыслѣ отдѣльныя части предоставлялись въ свободное пользованіе отдѣльнымъ римскимъ gentes (ager gentilicius) примѣнительно къ обширности рода и многочисленности его кліентовъ. Свободная же земля, не числящаяся въ пользованіи ни одной gens, называлась ager publicus по преимуществу (въ узкомъ смыслѣ). Въ случаѣ надобности первоначально могъ быть предпринимаемъ и новый передѣлъ земли [2]), какъ можно заключить изъ того, что въ вѣчное, неотъемлемое пользованіе отрѣзывались извѣстные участки земли только для священныхъ цѣлей (отсюда templum отъ temno=τέμνω „рѣжу“) и, безъ сомнѣнія, также и для царя [3]). Изъ ager gentilicius получали свои надѣлы, уже отъ имени патриціанской gens, также и приписанные къ ней кліенты, какъ можно судить по разсказу [4]) о родоначальникѣ Клавдіевъ, получившемъ землю при своемъ переселеніи въ Римъ, не только для себя, но и для всѣхъ своихъ кліентовъ, по 2 югера для каждаго (что, повидимому, считалось обычнымъ надѣломъ для кліентовъ вообще). Такимъ образомъ земля, находившаяся въ пользованіи кліентовъ, не составляла ихъ собственности, а принадлежала ихъ патронамъ въ качествѣ членовъ правящаго класса общины,

---

[1]) Древняя кліентела послужила только образцомъ для урегулированія положенія вольноотпущенниковъ.

[2]) По крайней мѣрѣ частный или мѣстный, какъ это засвидѣтельствовано (Liv. 3,31) по отношенію къ Авентину, который, находясь первоначально въ пользованіи патриціевъ, затѣмъ, по закону Ицилія, переданъ былъ плебеямъ съ вознагражденіемъ патриціевъ другимъ образомъ.

[3]) Послѣднее было, по крайней мѣрѣ, у грековъ: храмовой τέμενος и царскій τέμενος.

[4]) Ср. также Fest. s. v.: Patres appellati sunt, quia agrorum partes attribuerunt tenuioribus, perinde ac liberis.

чѣмъ и объясняются разныя повинности, которыя несли кліенты по отношенію къ патронамъ [1]).

Хотя гентильная земля въ принципѣ составляла собственность всей патриціанской общины, однако всѣ старозаимочные участки ея сдѣлались съ теченіемъ времени наслѣдственнымъ владѣніемъ (heredium) [2]), но сперва еще не отчуждаемымъ [3]), какъ для патриціевъ, такъ и для кліентовъ, но позднѣе, уже въ республиканское время, превратившимся въ полную собственность съ правомъ отчужденія, какъ это было издавна у плебеевъ. Патриціи, не нуждаясь въ кліентелѣ со времени военной реорганизаціи, начатой Сервіемъ Тулліемъ, охотно признавали своихъ кліентовъ полными хозяевами насиженныхъ участковъ, такъ какъ освобождались этимъ отъ дальнѣйшаго попеченія о нихъ; сами же становились въ свою очередь тоже полными хозяевами старозаимочныхъ земель, имѣя возможность получать кромѣ того все новые надѣлы для пользованія изъ увеличивающагося постоянно въ своихъ размѣрахъ ager publicus. А разъ кліенты превратились въ самостоятельныхъ хозяевъ, то и прочія ихъ отношенія къ патронамъ должны были неминуемо измѣниться коренным образомъ. Съ другой стороны, становясь собственниками своей земли, кліенты въ этомъ отношеніи стали въ одинъ уровень съ плебеями. Аграрныя условія тѣхъ и другихъ сдѣлались теперь тожественными, что и привело современемъ къ полнѣйшему сліянію обоихъ сословій.

Этотъ переломъ въ положеніи кліентовъ совершился около времени децемвировъ, такъ какъ до того времени кліенты все еще противопоставляются плебеямъ, послѣ же этого различіе между кліентами и плебеями начинаетъ исчезать (ср. Liv. 5,33; 6,18,6).

Признаніе за кліентами правъ полныхъ собственниковъ насиженныхъ участковъ явилось только результатомъ признанія за ними права подачи голосовъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, которымъ они пользовались, повидимому, съ самаго же возникновенія этой формы народныхъ собраній и притомъ въ интересахъ самихъ же патриціевъ [4]).

---

[1]) Такимъ же точно образомъ было устроено землевладѣніе у кельтовъ (по d'Arbois de Jubainville, ср. Berl. Phil. Woch. 1891 стр. 406 сл.). Ср. также Сергѣевичъ, Русскія юрид. древности I, 212 сл.; Мищенко, общинное землевладѣніе на Липарскихъ островахъ. Ж. М. Н. Пр. 1891, ноябрь.

[2]) Ср. Varro r. r. 1,10,2: bina jugera a Romulo primum divisa viritim, quae quod heredem sequerentur, heredium appellarunt.

[3]) Неотчуждаемость гередія признавалась до извѣстной степени еще и впослѣдствіи, такъ какъ продажа его (какъ вообще патримонія), хотя и дозволялась, но считалась позоромъ.

[4]) Ср. Liv. 2,56,3: ut plebei magistratus tributis comitiis fierent, quae res patriciis omnem potestatem per clientium suffragia creandi quos vellent tribunos auferret.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ исторіи Сибири.

Проф. П. Н. Буцинскаго.

Мангазея и мангазейскій уѣздъ (1601 г.—1645 г.).

Крайній сѣверъ Сибири — Обдорія и Мангазея — былъ извѣстенъ русскимъ людямъ гораздо ранѣе, чѣмъ средняя или южная полосы этого края. А между тѣмъ въ историческомъ отношеніи упомянутая мѣстность для многихъ и очень многихъ—terra incognita, невѣдомая земля, покрытая мракомъ глубокой старины. И неудивительно! Обдорію по крайней мѣрѣ напоминаетъ нынѣ существующій городъ Обдорскъ, а Мангазея давнымъ давно сошла съ географическихъ картъ и на послѣднихъ не осталось ничего, что указывало бы на историческое ея существованіе. Та часть Сибири, которая въ 16 и 17 вв. извѣстна была подъ именемъ Мангазеи, нынѣ ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія; по этому глухому, непривѣтливому краю въ настоящее время только бродятъ съ своими оленями и собаками самодовольные самоѣды. А въ старину? Было время, когда въ этомъ краѣ кипѣла жизнь, процвѣтали торговля и промышленность, доставлявшія большія выгоды и московскимъ царямъ и ихъ подданнымъ; о немъ когда-то говорили, какъ говорятъ о странѣ, текущей медомъ и млекомъ! Вѣдь Мангазея встарину—это золотое дно, своего рода Калифорнія, куда жадно стремились за добычей драгоцѣннаго пушнаго звѣря жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній—архангельской, вологодской, пермской и др. Поймать десятка два сѣдыхъ соболей, цѣною рублей по пяти каждый, или штуки двѣ черныхъ лисицъ рублей по 50—развѣ такая добыча не привлекательна? А попадались соболи по 10 и по 20 рублей каждый и черныя лисицы по 100 и по 300 р. по московской цѣнѣ. Послѣ такой добычи совершенно нищій сразу дѣлался богачемъ! И такіе счастливцы бывали. Напр. въ 1624 г. одинъ сибирскій воевода писалъ въ Москву, что Иванъ Афанасьевъ въ прошломъ 1623 г. „угонялъ“ двѣ черныхъ ли-

сицы—одну въ 30 р., а другую въ 80 рублей [1]). Допустимъ, что Афанасьевъ былъ человѣкомъ совершенно бѣднымъ; не имѣлъ никакого пристанища, шатался по тогдашнему выраженію между дворами и питался Христовымъ именемъ. А продавъ черныхъ лисицъ за 110 рублей, чѣмъ онъ сталъ? На вырученныя деньги онъ могъ купить по тогдашней средней цѣнѣ: двадцать десятинъ земли (20 р.), прекрасную хату (10 р.), пять добрыхъ лошадей (10 р.), десять штукъ рогатаго скота (15 р.), два десятка овецъ (2 р.), нѣсколько десятковъ штукъ разной домашней птицы (3 р.) — словомъ полное хозяйство. Если же имѣлъ право, то въ Сибири могъ еще купить паръ пять рабовъ (20 р.). Да у него еще оставался бы капиталъ про черный день въ 30 р., а эта сумма порядочная, если возьмемъ во вниманіе, что въ то время деньги были дороже нынѣшнихъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ. Конечно такіе счастливцы, какъ Иванъ Афанасьевъ, были рѣдки, но попытать счастья каждый стремился, кому были извѣстны богатства Мангазеи, да хоть половину имѣть добычи его — и то хорошо. Мы упомянули о добычѣ Афанасьева не даромъ, а чтобъ наглядно показать, что наше сравненіе Мангазеи съ Калифорніей не есть преувеличеніе, а соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. Только къ половинѣ 17 в. источникъ богатства въ Мангазеѣ истощился и мѣстность эта была скоро совершенно забыта.

Мы намѣрены воскресить жизнь въ забытой странѣ, освѣтить ея историческое прошлое, насколько позволятъ это сдѣлать извѣстные намъ документы. Настоящій нашъ историческій очеркъ Мангазеи касается этой мѣстности съ того времени, когда въ ней былъ построенъ городъ Тазовскій, или Мангазея и до 1645 г., т. е. до начала ея паденія.

Прежде всего остановимся на вопросѣ—откуда произошло названіе *Мангазея?* Во второмъ томѣ Р. И. Библіотеки напечатана рукопись покойнаго князя М. А. Оболенскаго, въ которой поставленный нами вопросъ разрѣшается такимъ образомъ. „Послѣ того, какъ устроился Березовъ, постоянно посылались изъ него далѣе на востокъ разнаго званія люди, какъ для пріобрѣтенія новыхъ земель державѣ русской, такъ и для обогащенія казны новымъ ясакомъ. Прежде многихъ другихъ были отысканы тазовскіе самоѣды. Чтобы сдѣлать для нихъ болѣе пріятнымъ новое подданство, березовскіе служилые люди построили на рѣкѣ Тазѣ магазинъ, куда ежегодно привозился провіантъ изъ То-

---

[1]) А. М. Ю. Сиб. Приказъ кн. № 1, п. 247.

больска, чрезъ Березовъ. Провіантъ этотъ раздавался дикимъ самоѣдамъ безплатно, но и не даромъ, именно: они должны были давать въ замѣнъ разные мѣха, какъ единственные и исключительные продукты ихъ промысловъ. Познакомившись съ употребленіемъ хлѣба, котораго прежде не знали, самоѣды научили тому и другихъ дикарей, такъ что вскорѣ цѣлыя орды стали приходить къ магазину и приносить мѣха. Когда такимъ образомъ постоянно сосредоточивалось у магазина большее и большее народонаселеніе, оказалось необходимымъ построить городъ,— и онъ былъ построенъ на р. Тазѣ... и получилъ названіе *Мангазеи*, конечно потому же, почему и теперь еще въ простонародіи всѣ возможные магазины крестятся именно этимъ названіемъ. По крайней мѣрѣ мы нисколько не сомнѣваемся, что Мангазея есть перефразированный „*магазинъ*“ [2]).

Такое мнѣніе о происхожденіи названія Мангазеи совершенно ложно. Слово „магазинъ“ не было въ употребленіи на Руси, ни въ 16, ни въ 17 вв.; оно появилось только въ 18 в., а для обозначенія таковыхъ помѣщеній употреблялись названія „амбаръ“ и „житница“. Уже изъ этого видно, что названіе Мангазея нельзя производить отъ слова „магазинъ“. Въ данномъ случаѣ Миллеръ ближе подходитъ къ истинѣ. Онъ говоритъ: „изъ Березова старались провѣдывать лежащія оттуда къ востоку мѣста при рѣкахъ Пурѣ, Тазѣ и Енесеѣ и понеже при р. Тазѣ нашли нѣкоторый родъ самояди, называемой *Мокасе*, то сіе подало поводъ къ названію тамошней страны по россійскому произношенію „*Мангазея*“ [3]). Но предположеніе Миллера справедливо только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно названіе Мангазеи происходитъ именно отъ одного самоѣдскаго рода, только родъ этотъ назывался не *Мокасе*, а *Мангазея*. Онъ встрѣчается въ ясачныхъ книгахъ мангазейскаго уѣзда подъ этимъ именемъ и существовалъ еще въ 17 вѣкѣ. Въ 1629 г. этотъ родъ состоялъ изъ 50 ясачныхъ людей, а въ 1632 г. осталось таковыхъ только 19 человѣкъ [4]).

Такимъ образомъ мы теперь знаемъ настоящее происхожденіе названія Мангазеи. Но вотъ другой болѣе интересный вопросъ—когда

---

[2]) Р. И. Б. т. II стр. 1127—1128.

[3]) Опис. Сиб. Царства стр. 299.

[4]) А. М. Ю. Спб. Пр. кн. № 19 н. 1; ibid. кн. № 58 п. 254. Считаемъ нужнымъ исправить здѣсь свою ошибку, допущенную нами въ своемъ изслѣд. „Заселеніе Сибири“..., гдѣ въ примѣч. къ 174 стр. Мангазея названа *Мулгазея* и Молгазея; насъ ввели въ заблужденіе нѣкоторые документы, неправильно списанные для Миллера. Но когда мы нашли тѣ же самые документы въ подлинномъ видѣ, то вездѣ прочли въ нихъ *Мангазея*.

эта мѣстность стала извѣстна русскимъ? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать прямаго отвѣта и для рѣшенія онаго позволимъ себѣ высказать только нѣкоторыя соображенія. Несомнѣнно, что Мангазея, хотя можетъ быть и не подъ своимъ настоящимъ именемъ [5]), стала извѣстна по сю сторону Уральскаго хребта прежде всего самоѣдамъ, жившимъ около устьевъ рѣкъ Печоры и Мезени, а чрезъ нихъ и новгородцамъ. Но—когда? Обратимся къ исторической географіи. Сѣверъ россійской и сибирской низменностей отъ устьевъ Мезени и до устьевъ Лены искони былъ населенъ самоѣдскими племенами, извѣстными подъ разными народными названіями: самую западную вѣтвь самоѣдовъ представляла Югра или самоѣды, жившіе около устьевъ Мезени, далѣе на востокъ отъ Югры—терская самоядь, печорская самоядь, на границѣ Европы съ Азіей ялмалская самоядь, занимавшая полуостровъ Ялмалъ, затѣмъ обдорская самоядь, мангазейская самоядь, юрадская и наконецъ енесейская самоядь. А мы знаемъ, что новгородцы собирали дань съ самоѣдовъ, жившихъ по сю сторону Уральскаго хребта еще въ глубокой древности. Есть лѣтописное извѣстіе, относящееся къ XI в., о сборѣ дани новгородцами въ области рѣки Печоры, а если предпріимчивые новгородцы еще въ концѣ XI в. добрались до рѣки Печоры, то мы должны предположить, что на западѣ отъ этой рѣки они бывали гораздо ранѣе. Нашему предположенію нисколько не могутъ противорѣчить сохранившіяся въ лѣтописяхъ извѣстія о сборѣ дани новгородцами съ терскаго берега только въ началѣ XIII в. и съ Югры [6]) въ

---

[5]) Впрочемъ въ извѣстномъ сказаніи „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, древнѣйшій списокъ котораго относится къ XV в., есть упоминаніе о нашей Мангазеѣ. Тамъ читаемъ: „На восточной странѣ за Югорискою землею надъ моремъ живутъ люди Самоѣдь, зовомы *Могонзѣи;* а ядь ихъ мясо оленье, да рыба, да межи собою другъ друга ядять, и гость къ нимъ откуды пріидѣть и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ, а который гость у нихъ умреть, и они того съѣдаютъ, и въ землю не хоронятъ, а своихъ такоже. Сія же люди не велики возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельмы и стрѣльцы скоры и горазды, а яздять на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носятъ соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи“. Г. Анучинъ справедливо называетъ это сказаніе новгородскимъ.

[6]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы подъ *Югрою,* о которой упоминается въ лѣтописяхъ и въ договорахъ новгородцевъ съ князьями, разумѣемъ самоѣдовъ, жившихъ около устьевъ рѣки Мезени. О мѣстоположеніи этой Югры высказывались довольно различныя мнѣнія, но мы полагаемъ, что она тамъ, гдѣ мѣсто ей указано въ чертежной книгѣ Сибири, составл. Ремезовымъ въ 1701 г.: на первомъ общемъ листѣ этой книги около устьевъ Мезени мы находимъ—„югорская земля“, а на 22 листѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ — „югорское царство“. А такъ какъ въ данной мѣстности жили самоѣды, то поэтому подъ

XII в.: вѣдь это значитъ только, что лѣтописцы не записали болѣе раннихъ фактовъ. Эти данныя еще не рѣшаютъ вопросъ о сношеніяхъ новгородцевъ съ мангазейскою самоядью; они касаются только самоѣдовъ, жившихъ по сю сторону Уральскаго хребта. Но въ 1364 г. новгородцы ходили на рѣку Обь и воевали тамошнихъ инородцевъ. Мы не знаемъ, какимъ путемъ въ этомъ году новгородцы достигли упомянутой рѣки. Проф. Замысловскій высказываетъ предположеніе, что этотъ путь лежалъ чрезъ Уральскій хребетъ, но доказательствъ онъ никакихъ не приводитъ; онъ говоритъ только, что такъ можно предполагать „на основаніи позднѣйшихъ данныхъ", т. е. судя по позднѣйшимъ походамъ войскъ Ивана III въ 1484 и 1499—1500 гг., которые несомнѣнно совершались по рѣкамъ чрезъ Уральскій хребетъ. Но вѣдь позднѣйшія данныя показываютъ намъ и другой путь — морской, которымъ русскіе люди проникали на рѣку Обь и въ Мангазею. Почему же не предположить, что и походъ новгородцевъ въ 1364 г. совершенъ моремъ, именно изъ устьевъ Двины въ Бѣлое море, Карское море и чрезъ рѣчки полуострова Ялмала въ Обскую губу? Въ „Историческомъ Описаніи Россійской коммерціи" Чулкова, читаемъ: „Жители сѣверной страны для полученія мягкой рухляди какъ прежде, такъ и по построеніи города Архангельска, ѣздили на рѣку Обь и до Мангазеи. Кочи свои, пріѣхавъ изъ двинскаго устья въ рѣку Кару, оставляли обыкновенно на сей рѣкѣ, а по ней хаживали сухимъ путемъ, до другой рѣки, впадающей въ Обскую губу, при которой построивъ новыя суда, на оныхъ далѣе отправлялись"... [7]). Мы думаемъ, что этотъ морской путь въ Мангазею извѣстенъ былъ новгородцамъ и новгородскимъ и суздальскимъ колонистамъ задолго до основанія Архангельска. Въ Никоновской лѣтописи упоминается о неудачномъ походѣ 1032 г. новгородца Улѣба на Желѣзныя Ворота. Послѣднее названіе, какъ извѣстно, имѣютъ многія мѣстности, но Лербергъ въ своемъ изслѣдованіи о Югорской землѣ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ подъ Желѣзными Воротами нужно разумѣть проливъ или на Бѣломъ морѣ между островами Соловецкимъ и Муксомъ, или на Ледовитомъ океанѣ между Но-

---

новгородскою „югрою" только ихъ и можно разумѣть. Замѣтимъ тоже, что слѣдуетъ различать Югру отъ Юнгровъ: послѣдніе жили по западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ въ области, которая въ „Черт. книгѣ Сибири" называется Юнгоріей или Удоріей и которую несомнѣнно населяли остяки. Впослѣдствіи, когда остяки переселились къ своей братіи на Сосву (15 в.), за Уральскій хребетъ, то и мѣстность, занятая ими, въ книгѣ Большой Чертежъ стала называться „Югоріей".

[7]) Т. 1 кн. 1 стр. 93 изд. 1781 г.

вою Землею и Вайгачемъ и что походъ новгородца Улѣба совершенъ морскимъ путемъ на рѣку Обь [8]). Позднѣйшіе изслѣдователи (напр. Барсовъ) не соглашаются съ мнѣніемъ Лерберга, но мы не видимъ къ тому основаній. Развѣ г. Барсовъ имѣетъ болѣе основаній относить Желѣзныя Ворота, о которыхъ упоминается въ лѣтописи подъ 1032 г., къ урочищу Желѣзныя Ворота на правомъ берегу Сысолы (въ 80 в. отъ Усть-Сысольска) [9]), чѣмъ Лербергъ, видящій въ нихъ какой-нибудь изъ указанныхъ проливовъ? Нисколько! Мы вполнѣ присоединяемся къ послѣднему мнѣнію и постараемся здѣсь показать, что оно гораздо вѣроятнѣе, болѣе соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. Татищевъ былъ правъ, когда говорилъ, что походъ на Желѣзныя Ворота предпринятъ былъ новгородцами именно противъ Югры и что послѣдняя побѣдила ихъ. Если взять во вниманіе, что этотъ историкъ, какъ извѣстно, относитъ мѣстоположеніе Югорской земли къ рѣкѣ Югу, то съ перваго взгляда покажется страннымъ его прибавленіе къ лѣтописному извѣстію, что походъ Улеба въ 1032 г. на Желѣзныя Ворота былъ *противъ Югры;* вѣдь на рѣкѣ Югѣ и близко къ ней таковыхъ воротъ не существовало и объ этомъ Татищевъ зналъ. Эту странность мы объясняемъ себѣ такимъ образомъ: Татищевъ имѣлъ подъ руками такой лѣтописный списокъ, гдѣ говорилось, что *новгородцы ходили на Желѣзныя Ворота противъ Югровъ* и онъ вписалъ это мѣсто въ свою исторію, а что у Татищева были такіе списки, которыхъ не дошло до насъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія [10]).

Теперь спрашивается, гдѣ же жила та Югра, къ которой нужно идти чрезъ Желѣзныя Ворота? Мы думаемъ, что это самоѣды, жившіе въ Лукоморьѣ и на полуостровѣ Ялмалѣ, и къ нимъ-то новгородцы плавали чрезъ проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ Новой Земли,

---

[8]) Изслѣдованія... древн. Р. Исторіи стр. 80—81 изд. 1819 г.

[9]) Очерки Р. И. Геогр. стр. 62—63.

[10]) О походѣ Улеба на Желѣзныя Ворота такъ передается въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ. Воскрес. „В лѣто 1032 Великии князь Ярославъ поча городы ставити и по Руси и тогда же. Улѣбъ изыде изъ Новагорода на Желѣзныя врата и опять мало ихъ прииде“. Тоже читаемъ и въ Соф.; въ Никон. „Того же лѣта (1032) Улебъ иде на Желѣзныя Врата из Новгорода, и вспять мало ихъ возвратишися, но многи тамо погибаша“. Но въ Исторіи Татищева подъ 1032 г. читаемъ слѣдующее. „Ярославъ строилъ города по Руси и за Днѣпромъ. Сего же году родилась Ярославу дщерь. Новгородцы съ Улебомъ ходили на Желѣзныя врата, но бысть несчастіе, побѣждены были Новгородцы отъ *Югровъ*“. Съ перваго же взгляда на это мѣсто у Татищева можно убѣдиться, что онъ буквально передаетъ то, что нашелъ въ лѣтописи; онъ же упоминаетъ подъ этими годами и о рожденіи дочери Ярослава—чего нѣтъ ни въ Воскр., ни Ник., ни Соф. лѣтописяхъ.

т. е. чрезъ Желѣзныя Ворота, какъ тогда назывался и теперь называется этотъ проливъ. Что Лукоморскіе и Ялмалскіе самоѣды назывались новгородцами Югрою въ этомъ нельзя сомнѣваться. „Вся сѣверная часть Уральскаго хребта, пишетъ Лербергъ, еще и теперь извѣстна подъ названіемъ Югорскихъ горъ, южный берегъ Карскаго моря называется Югорскимъ берегомъ, а проливъ между Вайгачемъ и твердою землею—Югорскимъ шаромъ“ [11]). Почему же эти мѣста называются *югорскими?* Происхожденіе этихъ названій мы такимъ образомъ объясняемъ. Новгородцы знали Югру или самоѣдовъ около Мезени, а добравшись морскимъ путемъ до Лукоморья и полуострова Ялмала и здѣсь они встрѣтили тотъ же народъ, который они видѣли у устьевъ р. Мезени и назвали оный тѣмъ же именемъ, т. е. Югрою. Тѣ изслѣдователи, которые подъ новгородскою Югрою разумѣютъ остяковъ, не въ состояніи объяснить происхожденіе названій—*югорскіе горы*, *югорскій шаръ*, *югорскій берегъ*. Остяки никогда не жили въ упомянутыхъ мѣстахъ, а тамъ всегда кочевали самоѣды и они преимущественно нуждались въ этихъ тундрахъ для прокормленія зимою своихъ оленей. Послѣ этого намъ становится понятенъ извѣстный разсказъ новгородца Гюряты Роговича: послалъ онъ, передаетъ Гюрята лѣтописцу, отрока своего въ Печору къ людямъ, которые даютъ дань Новгороду.... А *оттуда* отрокъ пошелъ въ Югру, а Югра говоритъ непонятнымъ языкомъ и сосѣдитъ съ самоядью на полунощныхъ странахъ [12]). Подъ печорскими данниками слѣдуетъ разумѣть пустозерскую самоядь, которая дѣйствительно жила въ сосѣдствѣ съ Югрою, кочевавшею въ полунощныхъ странахъ—въ Лукоморьѣ и на полуостровѣ Ялмалѣ. Если же въ этомъ разсказѣ Югра упоминается наряду съ Самоядью, то это нисколько не противорѣчитъ нашему мнѣнію: въ источникахъ, касающихся Сибири, намъ не разъ попадались разныя названія одного и того же народа; мы также знаемъ, что самоѣдовъ, жившихъ около Мезени, русскіе называли Югрою, а то же племя по терскому берегу называли терскою самоядью. Выраженіе въ разсказѣ Роговича „Югра людье есть языкъ нѣмъ“, т. е. говоритъ на особомъ языкѣ не можетъ также служить возраженіемъ противъ насъ. Отрокъ-новгородецъ однако понималъ, что говорила ему Югра и въ языкѣ мезенской и пустозерской самояди могли быть особенности противъ языка, на которомъ говорила самоядь лукоморская. Итакъ на основаніи приведенныхъ соображеній мы думаемъ, что походъ новгородцевъ въ 1032 г. совершенъ морскимъ

---

[11]) Изслѣд. стр. 19—20.
[12]) Лаврен. Лѣт. изд. 1872 г. стр. 226—227.

путемъ изъ устьевъ какой-нибудь рѣки—Двины или Мезени чрезъ Карскія ворота на полуостровъ Ялмалъ. Мы сознаемся, что наши соображенія относительно упомянутаго морскаго плаванія новгородцевъ мало убѣдительны; мы не можемъ основать свое предположеніе на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Но отсутствіе таковыхъ еще ничего не доказываетъ: скудость историческаго матеріала относительно древнѣйшей русской исторіи всѣмъ извѣстна; въ дошедшихъ до насъ памятникахъ часто мы не находимъ свѣдѣній о такихъ предметахъ, въ существованіи которыхъ мы нисколько не сомнѣваемся. Вѣдь трудно допустить, чтобы предпріимчивые новгородцы, плавая по Двинѣ, Мезени и Печорѣ, не добрались до устьевъ этихъ рѣкъ и не выплыли изъ нихъ въ море? Мы знаемъ положительно, что какъ только русскіе проникли на Енесей и Лену, то скоро видимъ ихъ и въ устьяхъ этихъ рѣкъ и затѣмъ плавающихъ въ разныхъ направленіяхъ по Ледовитому океану. Тогдашній русскій человѣкъ не любилъ останавливаться на полпути: едва только онъ познакомился съ устьемъ рѣки Енесея, какъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть далѣе въ Ледовитый океанъ; то же самое наблюдаемъ мы, когда видимъ его въ устьяхъ рѣкъ Лены, Колыми и пр. Все это совершается очень скоро, промежутки времени самые ничтожные: въ 1610 г. русскіе промышленники добрались до устья Енесея и въ томъ же году выплыли въ Ледовитый океанъ, а изъ океана вошли въ рѣку Пясиду; въ 1644 г. русскіе добрались до Амура, и въ слѣдующемъ году видимъ ихъ уже въ Охотскомъ морѣ. Наконецъ они проникли на Курильскіе острова и тамъ не остановились, и оттуда переплыли въ Америку.

Какъ же можно думать, что новгородцы, несомнѣнно плававшіе еще въ XI и XII вв. по рѣкѣ Двинѣ, Мезени и Печорѣ, не проникли изъ нихъ далѣе! — Вѣдь изъ устьевъ этихъ рѣкъ гораздо легче проникнуть въ море, чѣмъ напр. изъ рѣки Енесея, устья которой иногда половину лѣта бывали загромождены ледяными горами, такъ что русскимъ промышленникамъ приходилось здѣсь сидѣть очень долгое время, пока полуденный вѣтеръ пронесетъ льды. И всетаки они сидѣли, дожидались очищенія устьевъ Енесея и выплывали въ Ледовитый океанъ. Одинъ торговый человѣкъ, двинянинъ Куркинъ, разсказывалъ тобольскимъ воеводамъ. Въ 1610 г. былъ онъ съ товарищами своими въ Туруханѣ и тамъ они сговорились чрезъ Енесей проникнуть въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ рѣку Пясиду на промыселъ. Сказано—сдѣлано! На кочахъ они поплыли внизъ по Енесею и чрезъ четыре недѣли плаванія достигли енесейскаго устья. Но послѣднее оказалось загроможденнымъ ледяными горами, въ толщину саженъ по тридцати

и больше и проѣхать въ море было невозможно, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ сѣверный, непопутный. Промышленники еще замѣтили, что „ледъ давній, ни въ которую пору не изводится". Въ виду такихъ препятствій, казалось бы, слѣдовало оставить попытку пробраться изъ Енесея въ Ледовитый океанъ и возвратиться назадъ; къ тому же въ Пясиду былъ извѣстенъ другой путь и имъ уже пользовались промышленники. Но русскій человѣкъ былъ настойчивъ и упорно преслѣдовалъ намѣченную цѣль: „авось" подуетъ южный вѣтеръ и поможетъ выплыть въ море. Разсчитывая на „авось", промышленники рѣшились дожидаться благопріятнаго случая. Ждутъ недѣлю, другую, третью и, просидѣвши въ устьяхъ Енесея цѣлыхъ пять недѣль, они хотѣли было уже плыть назадъ; „да какъ потянулъ полуденный вѣтеръ", разсказывалъ Куркинъ, „и тѣмъ вѣтромъ ледъ изъ устья отнесло въ море однимъ днемъ". Итакъ терпѣніе русскаго человѣка побѣдило, казалось, непреодолимое препятствіе! Когда устье Енесея очистилось, наши промышленники выплыли въ море, взяли курсъ на востокъ и чрезъ два дня плаванія благополучно добрались до устьевъ рѣки Пясиды [13]).

Такова была предпріимчивость русскаго человѣка въ XVII в., такова она была и у новгородцевъ; вѣдь разные двиняне, важене, вымичи и прочіе, которыхъ мы видимъ бороздящими Сибирь въ разныхъ направленіяхъ сухимъ и воднымъ путемъ—это кость отъ кости, плоть отъ плоти тѣхъ же знаменитыхъ новгородцевъ. И послѣдніе изъ устьевъ Двины и Мезени выплывали въ Бѣлое и Карское моря, посѣщали полуостровъ Ялмалъ и слѣды этихъ посѣщеній оставили въ названіяхъ—*югорскій берегъ*, *югорскій шаръ*. Но новгородцы не могли остановиться на полуостровѣ Ялмалѣ; на немъ находились рѣки Мутная и Зеленая, которыя вели въ Обскую губу, затѣмъ въ Тазовскую и въ Мангазею. Самъ по себѣ полуостровъ Ялмалъ не представлялъ для новгородцевъ особеннаго интереса и ради него они не могли предпринимать такого отдаленнаго плаванія. На этомъ полуостровѣ въ періодъ навигаціи, т. е. лѣтомъ, новгородцы могли встрѣтить только самую незначительную часть самоѣдовъ, такъ какъ послѣдніе имѣли обыкновеніе, или скорѣе нужду, раннею весною оставлять свои тундры и перекочевывать въ болѣе южныя мѣстности. По крайней мѣрѣ въ XVII в., какъ видно изъ документовъ, ялмалскіе самоѣды цѣлое лѣто жили по рр. Соби и даже Войкару. Здѣсь они кормили своихъ оленей, ловили рыбу, птицъ и „съѣстнаго звѣря", заготовляли изъ этого „юколу" и „порсу"—зимній кормъ для собакъ и самихъ себя. А какъ только начнетъ падать снѣгъ

---

[13]) Р. И. Б. т. 11 стр. 1050—1051.

и является нужда въ мохѣ они собираютъ свои чумы и переселяются въ тундры. Отсюда произошла извѣстная басня о замираніи на зиму людей Лукоморья. „Сказываютъ", пишетъ Герберштейнъ, „что съ людьми Лукоморья происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у русскихъ празднуется память св. Георгія, и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частію около 24 апрѣля" [14]). Эта басня указываетъ на временное появленіе самоѣдовъ въ южныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли видѣть другіе народы, и на удаленіе въ тундры. И если Барсовъ поселенія Югры нашей лѣтописи относитъ къ болѣе южнымъ мѣстамъ къ рр. Вычегдѣ, Сухонѣ и Вагу и въ доказательство, между прочимъ, приводитъ сохранившіяся тамъ югорскія названія—*Угранька*, притокъ Ваги, *Угринская* деревня на Вагѣ, *Югорская* и *Югрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ и пр., то эти доказательства нисколько не противорѣчатъ нашему мнѣнію о мѣстоположеніи новгородской Югры: упомянутыя названія указываютъ только на временныя, лѣтнія стоянки самоѣдовъ.

Говоря объ оставленіи самоѣдами на лѣтнее время полуострова Ялмала, мы имѣли цѣлію показать, что новгородцамъ тамъ нечего было дѣлать и если они туда совершали морскія плаванія, то главнымъ образомъ потому, что чрезъ него лежалъ путь въ Обскую губу и Тазовскую губу, совершали плаванія ради обдорскихъ и тазовскихъ или мангазейскихъ самоѣдовъ, у которыхъ былъ въ изобиліи драгоцѣнный пушной товаръ. Лербергъ, имѣя въ виду извѣстныя попытки голландцевъ и англичанъ въ 16 и 17 вв. [15]) пробраться въ сѣверный океанъ чрезъ Карское море, замѣчаетъ: „Какихъ трудовъ и несчастій избавились бы голландскіе и англійскіе мореплаватели, отыскивая сѣверовосточный путь въ Индію, еслибъ могли пользоваться гидрографическими познаніями, которыя въ Великомъ Новгородѣ извѣстны были за нѣсколько сотъ лѣтъ до того" [16]). Несомнѣнно! Какъ и несомнѣнно то, что еслибы мы болѣе были внимательны къ морскимъ открытіямъ русскихъ людей, то назвали бы проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки, не Беринговымъ, а Дежневымъ, такъ какъ казакъ Дежневъ „съ товарищи" проплыли этотъ проливъ ранѣе капитана Беринга на 80 лѣтъ.

---

[14]) Герберштейнъ. „Записки о Московіи" перев. Анонимова стр. 25 Спб. 1866 г.

[15]) Экспедиціи—1580 г. подъ командою Пета и Дотскмана 2 судна, 1594 г. подъ ком. Баренца, Найя и Бранта 3 судна, 1596 г. подъ ком. Рипа и Гемскера, 1608 г. подъ ком. Гудзона, 1625 г. подъ ком. Босмана—далѣе Карскаго моря не могли пробраться.

[16]) Лербергъ стр. 30.

Мы сказали, что Мангазея давно была извѣстна русскимъ и инородцамъ сѣверной Руси, торговля и промыслы въ тамошнемъ краю давно привлекали туда предпріимчивыхъ людей; тамъ были даже городки, основанные промышленниками. Но московское правительство долгое время ничего объ этомъ не знало, или очень мало и только въ самомъ концѣ XVI в. до него начали доходить на этотъ счетъ разныя свѣдѣнія. Есть лѣтописное извѣстіе, что въ 1598 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ на основаніи этихъ свѣдѣній отправилъ въ Мангазею и Енесею Ѳедора Дьякова съ товарищами для провѣдыванія этихъ странъ и для обложенія тамошнихъ инородцевъ ясакомъ. Дьяковъ возвратился въ Москву въ 1600 г. Онъ же, вѣроятно, первый сообщилъ правительству, что пустозерцы, вымичи и др. торговые люди московскихъ городовъ уже наложили руку на мангазейскую и енесейскую „самоядь" и собирали съ нихъ въ свою пользу дань, а сказывали, что собираютъ ясакъ на государя. Конечно торговые люди провѣдали о посылкѣ Дьякова и знали, чѣмъ она должна кончиться: правительство построитъ городъ въ Мангазеѣ и тогда ихъ вольной торговлѣ въ томъ краю настанетъ конецъ. И вотъ одни, забѣгая впередъ, въ 1599 г. просятъ царя Бориса пожаловать ихъ, разрѣшить имъ ѣздить для торговли и промысловъ въ Мангазею моремъ и рѣкою Обью, на рѣки Пуръ, Тазъ и Енесей и торговать „повольно" съ самоѣдами, которые живутъ по тѣмъ рѣкамъ, а другіе, какъ увидимъ сейчасъ, стараются помѣшать намѣреніямъ своего правительства. Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ челобитчиковъ, разрѣшилъ имъ вольную торговлю въ тѣхъ мѣстахъ, но съ тѣмъ, чтобы они выплачивали въ государеву казну обыкновенную десятинную пошлину и не торговали заповѣдными товарами [17]). Эта грамота дана въ январѣ 1600 г., и въ томъ же году московское правительство рѣшилось снарядить экспедицію въ Мангазею для подчиненія тамошнихъ самоѣдовъ и для основанія въ устьяхъ рѣки Таза острога. Лѣтомъ 1600 г. изъ Тобольска отправились на кочѣ и трехъ коломенкахъ князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ, а съ ними сынъ боярскій, атаманъ и служилыхъ рядовыхъ людей 100 чел. По рѣкѣ Иртышу они спустились въ Обь, а съ Оби прибыли въ г. Березовъ. Здѣсь по указу государя уже было приготовлено новыхъ четыре морскихъ кочи и въ прибавку къ тобольскимъ людямъ 50 чел. березовскихъ казаковъ. Изъ Березова экспедиція двинулась вполнѣ снаряженною: въ Мангазею поплыли пять морскихъ кочей и пять новыхъ судовъ-коломенокъ, а на нихъ, кромѣ начальныхъ людей, находилось 150 чел. войска, а также съѣстные припасы и товары.

---

[17]) А. И. т. 11 № 30.

Эта экспедиція добралась до мѣста назначенія не скоро и не совсѣмъ благополучно. Едва только она выплыла изъ Оби въ Обскую губу, какъ потерпѣла жестокое крушеніе: три кочи были совсѣмъ разбиты, двѣ коломенки, прибитыя къ берегу, затоплены водой, мука и толокно въ нихъ подмочены, а крупа и соль потонули. Далѣе продолжать путь водою оказалось невозможнымъ тѣмъ болѣе, что начались уже заморозки, а до Мангазеи было еще слишкомъ далеко. Участники экспедиціи повернули назадъ и, добравшись до Пантуева городка, рѣшились здѣсь остановиться. Что это за городокъ, сказать трудно; въ книгѣ „Большой Чертежъ“ о немъ не упоминается. Вѣроятно, Пантуевъ,— одинъ изъ тѣхъ городковъ, которые русскіе промышленники и зыряне строили въ Сибири въ мѣстахъ своихъ промысловъ и торговли—это временные пріюты. Положеніе въ немъ экспедиціи было довольно опасное: каждую минуту она могла ожидать нападенія здѣшнихъ самоѣдовъ и обдорскихъ остяковъ. Отсюда князь Миронъ Шаховской и Данило Хрипуновъ писали царю, что они въ 1600 г. дойти до Мангазеи не успѣли, такъ какъ ихъ отпустили изъ Тобольска поздно, а дошли до Пантуева городка и тутъ стали. Затѣмъ они еще сообщили о постигшемъ ихъ крушеніи и о невозможности продолжать путь моремъ: осталось у насъ, пишутъ они, два коча и пять коломенокъ и тѣ кочи малы и некрѣпки, а въ коломенкахъ моремъ не ходятъ; да къ тѣмъ кочамъ въ Тобольскѣ и Березовѣ дано десять якорей и десять малыхъ парусовъ, да съ ними же пошло 180 с. канатовъ и всякихъ веревокъ 250 саж., но тѣхъ парусовъ, канатовъ и веревокъ мало и для морскаго хода надобно въ прибавку 75 саж. канатовъ, 500 с. веревокъ, 1250 аршинъ холста для парусовъ, 400 аршинъ тонкихъ бичевокъ для обшивки парусовъ и еще пять якорей. Писали также, что они послали казаковъ въ Обдоръ къ остякамъ и самоѣдамъ съ просьбой отвезти ихъ въ Мангазею сухимъ путемъ на оленяхъ и если подводы будутъ, то они тою же зимою достигнутъ Мангазеи, а если самоѣды и остяки не явятся съ оленями, то имъ прійдется дожидать въ Пантуевѣ парусовъ и якорей изъ Тобольска [18]).

Надежда начальниковъ экспедиціи оказалась не напрасною: дѣйствительно къ Пантуеву городку явились самоѣды съ оленями и благодаря послѣднимъ экспедиція двинулась далѣе—въ Мангазею; причемъ войско шло на лыжахъ [19]). Но на пути на экспедицію напали манга-

---

[18]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 2 л. 28.

[19]) Опис. Сиб. Цар. Миллера стр. 300 см. гр. Бориса отъ 9 Апрѣля 1601 г. къ березов. воеводамъ.

зейскіе самоѣды и разгромили ее. Гдѣ случился этотъ погромъ, мы не знаемъ. Единственное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ наказѣ В. Мосальскому и Савлуку Пушкину, но къ сожалѣнію начала наказа не сохранилось, а тамъ-то и приводилось донесеніе березовскаго воеводы о погромѣ упомянутой экспедиціи. Въ этомъ наказѣ читаемъ.... „Съ оленми Нилиными при нуждѣ убили 30 человѣкъ казаковъ, а князь де Миронъ ушелъ раненъ, а съ нимъ 60 человѣкъ казаковъ, падчи на оленей душею, да тѣломъ, а про Данила не вѣдаютъ раненъ ли, или не раненъ; и посылалъ де съ тѣми вѣстми князя Василія Обдорскаго и онъ на Березовъ не поѣхалъ: ѣду де я, какъ располитца вода. Прежъ де того посылали они провѣдывать про князя Мирона и про Данила въ Мангазею и Енесею дву человѣкъ казаковъ, и князь Василій де не далъ имъ проводниковъ и имъ видѣтца, что и въ остякахъ шатость за одно съ самоядью, и они на Березовѣ живутъ съ великимъ береженьемъ“ [20]).

Изъ того же наказа видно, что мангазейскіе самоѣды напали на экспедицію не сами по себѣ, а по наученію торговыхъ людей и промышленниковъ. „А будетъ пустозерцы, вымичи, зыряне, пермичи или иныхъ какихъ городовъ торговые люди станутъ воровать *по прежнему* и мангазейской и енесейской самояди будутъ говорить, чтобъ государеву острогу у нихъ въ Мангазеѣ впредь не быть, чтобъ торговать имъ въ Мангазеѣ и Енесеѣ всякими заповѣдными товарами съ самоядью по прежнему, то князю Василію и Савлуку о тѣхъ замыслахъ воровъ сыскивать, а сыскавъ, отсылать ихъ въ Березовъ“. Этого мало: тобольскіе воеводы даже высказываютъ подозрѣніе—не участвовали ли въ упомянутомъ погромѣ и русскіе торговые люди [21]).

Послѣ донесенія Шаховскаго и Хрипунова изъ Пантуева городка въ Москвѣ долгое время ничего не знали о судьбѣ посланной въ Мангазею экспедиціи. Наконецъ, весною 1601 г. московское правительство рѣшилось отправить туда же вторую экспедицію подъ начальствомъ упомянутыхъ князя В. Мосальскаго и Савлука Пушкина. На этотъ разъ походъ въ Мангазею обставленъ былъ болѣе надежно. Верхотурскому воеводѣ данъ былъ указъ приготовить „для мангазейскаго хода“

---

[20]) Р. И. Биб. т. 11 стр. 824.

[21]) Ibid. стр. 826. Нужно замѣтить, что документъ, напечатанный въ Р. И. Б. т. 11 № 188 подъ именемъ наказа кн. В. Мосальскому и Савлуку Пушкину, на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ отписка въ Москву тобольскихъ воеводъ Ѳедора Шереметьева и Остафія Пушкина, но въ этой отпискѣ сообщается: a) донесеніе въ Тобольскъ березовскихъ воеводъ о погромѣ самоѣдами первой экспедиціи и b) наказъ, данный этими воеводами начальникамъ второй экспедиціи.

15 кочей, а изъ Перми велѣно отправить въ Верхотурье шесть якорей; воеводамъ, отправлявшимся въ Тобольскъ на смѣну прежнихъ,— Ѳедору Ив. Шереметьеву и Остафію М. Пушкину велѣно въ Ярославлѣ и Вологдѣ купить все необходимое для мангазейской экспедиціи, какъ-то: канаты, бичевки, холстъ для парусовъ и пр. Этимъ воеводамъ правительство наказывало прибыть въ Верхотурье еще зимнимъ путемъ, пересмотрѣть тамъ кочи, чтобъ были крѣпки, а какъ вскроется ледъ, взять ихъ съ собой и отправиться въ Тобольскъ. „А прибывъ въ Тобольскъ имъ напередъ всѣхъ дѣлъ вычесть указъ о мангазейской посылкѣ и по тому указу на мѣсто князя Мирона и Данила отпустить тотчасъ въ Мангазею князя В. Мосальскаго да Сав. Пушкина и *наказъ имъ дать отъ себя* и служилыхъ людей отпустить съ ними на перемѣну тѣмъ, которые посланы съ кн. Мирономъ и Даниломъ". Въ наказѣ Мосальскому велѣно написать, чтобъ они шли къ Пантуеву городку и если тамъ застанутъ Мирона и Данилу, то отпустить ихъ въ Москву, а служилыхъ людей, бывшихъ съ ними, распустить по городамъ; если же самоѣды и остяки этою зимою отвезли ихъ въ Мангазею, то всетаки идти имъ туда же на смѣну Мирона и Данилы [22]).

Лѣтомъ 1601 г. въ Мангазею двинулась новая экспедиція: изъ Тобольска отправились по Иртышу 9 кочей, двѣ морскихъ лодки и два дощаника, а на нихъ, кромѣ начальныхъ людей, 200 человѣкъ литвы, казаковъ и стрѣльцовъ, пищаль скорострѣльная и три пищали затинныхъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ ядеръ, пороху и свинцу, а также нѣсколько тысячъ пудовъ всякихъ съѣстныхъ запасовъ. По наказу эта экспедиція должна была заѣхать въ Березовъ и взять тамъ— березовскихъ служилыхъ людей 70 челов., сургутскихъ 30 чел., проводниковъ и толмачей, пищаль скорострѣльную, три пищали затинныхъ и 400 къ нимъ ядеръ. „А изъ Березова идти въ Мангазею и Енесею рѣкою Обью и моремъ наспѣхъ—днемъ и ночью, чтобъ придти туда водянымъ путемъ до заморозовъ; останавливаться на крѣпкихъ мѣстахъ бережно и не у берега; идучи въ Мангазею развѣдывать про князя Мирона и Данилу, гдѣ они находятся и отъ кого потерпѣли погромъ".

Отписки Мосальскаго и Пушкина до насъ не дошли, а потому мы не знаемъ въ какомъ видѣ они нашли первую мангазейскую экспедицію и что осталось отъ нея вслѣдствіе погрома самоѣдскаго. Но изъ грамоты царя Бориса въ Березовъ, данной по поводу челобитья березовскихъ служилыхъ людей, участвовавшихъ въ первой экспедиціи, видно, что послѣдняя зимою 1600—1601 г. добралась до Мангазеи. Поэ-

---

[22]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 2, см. Память тоб. воеводамъ отъ 1601 г. Февр.

тому догадка Миллера, что строителями Тазовскаго города были Шаховской и Хрипуновъ имѣетъ основаніе: вѣдь вторая экспедиція могла прибыть на рѣку Тазъ не ранѣе конца іюля 1601 г., а къ этому времени Шаховской и Хрипуновъ навѣрно должны были исполнить наказъ относительно постройки города въ Мангазеѣ, тѣмъ болѣе, что имъ предписывалось, если они найдутъ удобнымъ, обратить въ острогъ какой нибудь городокъ, построенный на рѣкѣ Тазѣ торговыми и промышленными людьми. Но Миллеръ неправъ, относя заложеніе этого острога къ 1600 году: къ его основанію начальники первой экспедиціи могли приступить только весною 1601 г. Такимъ образомъ несомнѣнно, что вторая мангазейская экспедиція прибыла уже въ готовый городъ. Онъ стоялъ при рѣкѣ Тазѣ (въ 200 в. отъ устья) между впадающими въ нее рѣчками Осетровкой и Ратилихой. Наказъ предписывалъ новымъ мангазейскимъ воеводамъ, укрѣпившись въ Тазовскомъ городѣ, прежде всего „учесть по книгамъ“ Мирона и Данилу и отпустить ихъ въ Москву, а служилыхъ людей, бывшихъ съ ними,—по городамъ, откуда послѣдніе взяты, и если не будетъ надобности, то изъ всего войска, прибывшаго съ ними въ Мангазею, оставить у себя только 100 человѣкъ. Затѣмъ велѣно имъ пригласить въ острогъ лучшихъ изъ самоѣдовъ и сказать имъ жалованное слово: „что прежде сего приходили къ нимъ въ Мангазею и Енесею вымичи, пустозерцы и многихъ государевыхъ городовъ торговые люди, дань съ нихъ брали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, обиды, насильства и продажи отъ нихъ были имъ великія, а теперь государь и сынъ его царевичъ, жалуя мангазейскую и енесейскую самоядь, велѣли въ ихъ землѣ поставить острогъ, и отъ торговыхъ людей ихъ беречь, чтобъ они жили въ тишинѣ и покоѣ.... и ясакъ платили въ государеву казну безъ ослушанья и быть имъ подъ высокою государевой рукой неотступно“... Потомъ наказъ предписывалъ послать служилыхъ людей по городамъ и волостямъ, чтобъ они переписали самоѣдовъ, взяли въ острогъ заложниковъ и обложили новыхъ подданныхъ ясакомъ—кому сколько можно платить. Велѣно также собрать въ острогъ и торговыхъ и промышленныхъ людей, разспросить о тѣхъ путяхъ, которыми они ходятъ въ Мангазею и Енесею, сколько бываетъ ихъ тамъ въ годъ и какими товарами торгуютъ съ самоѣдами—все записать и отписку прислать въ Москву; объявить имъ, чтобъ они не смѣли торговать заповѣдными товарами—панцырями, шеломами, копьями, саблями, топорами, ножами или инымъ какимъ желѣзомъ и виномъ, а другими предметами они могутъ торговать вольно, платя десятинную пошлину въ государеву казну съ торговли, промысловъ и всякихъ запасовъ.

Воеводы Мосальскій и Пушкинъ пробыли въ Мангазеѣ два года; что они въ это время сдѣлали въ новой вотчинѣ государевой, мы не знаемъ, такъ какъ отписокъ ихъ до насъ не дошло. Въ январѣ 1603 г. уже новыя лица — Өедоръ Булгаковъ и Никифоръ Елчаниновъ—получили наказъ ѣхать на службу въ Мангазею и смѣнить прежнихъ воеводъ. При Булгаковѣ и Елчаниновѣ въ Тазовскомъ городѣ построены гостинный дворъ и церковь во имя св. Троицы; съ ними прибылъ попъ Яковъ съ женой и дѣтьми [23]). По „росписному списку 1625 г.“ городъ Мангазея снаружи имѣлъ слѣдующій видъ. Съ пріѣзду—въ стѣнѣ башня Спасская, проѣзжая четырехугольная, а подъ ней двое воротъ — внѣшнія и внутреннія, башня Успенская угловая отъ рѣчки Осетровки, башня Ратиловская угловая, башня Давыдовская отъ рѣки Таза угловая четырехугольная и башня Зубцовская тоже отъ рѣки Таза. Всѣхъ башенъ было пять, высота ихъ разная—отъ трехъ до четырехъ саженъ, а между ними городскія стѣны въ вышину по $1^1/_2$ саж. Вокругъ всего города — 131 саж. [24]). Внутри города находились двѣ церкви—Троицкая и Успенская,—воеводскій дворъ, съѣзжая изба, таможенная изба, гостинный дворъ, торговая баня, амбары и лавки, тюрьма, а въ стѣнахъ ютились хаты мангазейскаго населенія. Для защиты города на башняхъ стояло 9 затинныхъ желѣзныхъ пищалей. Населеніе города въ этомъ году: попъ, дьяконъ, дьячекъ, пономарь, два подъячихъ съѣзжей избы, подъячій таможенный, голова таможенный, нѣсколько человѣкъ торговыхъ людей, палачъ, сторожа, пять человѣкъ толмачей и служилыхъ людей 53 человѣка [25]). Это постоянное населеніе Мангазеи, а кромѣ того въ Тазовскій городъ присылались изъ Березова годовальщики 50 человѣкъ казаковъ или стрѣльцовъ. Но послѣдніе почти не жили въ городѣ, а бродили по зимовьямъ мангазейскаго уѣзда за сборомъ ясака и перемѣнялись то ежегодно, то чрезъ два года. Съ распространеніемъ мангазейскаго уѣзда явилась нужда увеличить число служилыхъ людей въ Мангазеѣ. Такъ, въ 1626 г. прибраны въ Тобольскѣ 50 человѣкъ казаковъ и стрѣльцовъ и отправлены на житье въ этотъ городъ; прибавленъ одинъ подъячій въ съѣзжую избу и одинъ подъячій въ таможню; видимъ также увеличеніе толмачей до 15 человѣкъ. Хотя въ Мангазеѣ было двѣ церкви, но попъ всегда былъ одинъ и только въ 1635 г. мы встрѣчаемъ двухъ поповъ и оба они назывались троицкими [26]). Но торговыхъ и промышленныхъ людей, временно

---

[23]) Р. И. Б. т. II стр. 833—845.

[24]) Ibid. № 135.

[25]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 14 л. 402; ст. № 24 л. 34.

[26]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 78 л. 93, л. 1006.

проживающихъ въ Мангазеѣ, было очень много — отъ 600 и до 1000 человѣкъ ежегодно. Эти гости раздѣлялись на лѣтнихъ и зимнихъ и за проживательство въ городѣ платили по 60 к. съ человѣка, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Они, собственно, не жили въ городѣ, а имѣли только временный пріютъ и держали здѣсь склады товаровъ и промышленной добычи, сами же почти круглый годъ бродили по мангазейскому уѣзду ради торговъ и промысловъ.

Уѣздъ мангазейскій имѣлъ границы со стороны уѣздовъ—березовскаго, сургутскаго, нарымскаго, кетскаго, съ 1619 г. со стороны уѣзда енесейскаго, а на востокъ территорія его простиралась до водораздѣла бассейновъ Енесея и Лены и до устьевъ послѣдней рѣки. Распространеніе московской власти въ этомъ уѣздѣ шло очень быстро. Поставивши острогъ на среднемъ теченіи рѣки Таза, мангазейскіе воеводы прежде всего обложили ясакомъ самоѣдовъ по рр. Пуру и Тазу и затѣмъ начали посылать служилыхъ людей „для отысканія новыхъ землицъ“ и приведенія ихъ „подъ высокую руку государя“; притомъ одни партіи казаковъ посылались въ тундры, а другія чрезъ рѣчку Туруханъ (иначе Турухтанъ) на Енесей и его притоки; отыскивать новыя землицы служилымъ мангазейскимъ людямъ было легко, потому что рѣка Енесей была извѣстна русскимъ промышленникамъ еще до основанія Мангазеи. Да и послѣ основанія этого Тазовскаго острога служилые люди подвигались въ глубь Сибири, главнымъ образомъ, по слѣдамъ торговыхъ и промышленныхъ людей и послѣдніе всегда были далеко впереди. Вотъ почему уже въ первое десятилѣтіе существованія Мангазеи обложены были ясакомъ „тундряная самоядь“, туруханская и енесейская самоядь, остяки, жившіе по среднему теченію Енесея и его притокамъ, Елогую, Сыму и Касу, и тунгусы по нижнему теченію рѣки Нижней Тунгуски и нижнимъ притокамъ послѣдней. А къ концу первой четверти XVII в. мангазейскіе служилые люди уже собирали ясакъ съ инородцевъ въ верхнихъ мѣстахъ р. Нижней Тунгуски, по всей средней или подкаменной Тунгускѣ, перебрались чрезъ хребетъ, составляющій водораздѣлъ рѣкъ Енесея и Лены, и обложили ясакомъ инородцевъ по рр. Вилюю и Чанѣ. Какъ отдаленны были эти мѣста отъ города Мангазеи, можно судить потому, что ясачные сборщики, отправляясь весною въ верхнія части Тунгусокъ, возвращались обратно только чрезъ годъ. Съ другой стороны мангазейскіе служилые люди, подвигаясь по тундрамъ все далѣе и далѣе на востокъ, къ концу первой четверти XVII в. добрались до устьевъ р. Хотанги и обложили ясакомъ всѣхъ хотангскихъ самоѣдовъ, а въ 1644 г. они появились и на р. Анабарѣ. Но въ устьяхъ рѣки Лены мангазейцы были еще около

1630 г., только дошли они туда другимъ путемъ, именно изъ рѣки Вилюя, западнаго притока Лены. Въ 1633 г. бывшій мангазейскій воевода, Андрей Палицынъ, подалъ въ Казанскій приказъ роспись и чертежъ „великой рѣки Лены и разныхъ земель людямъ, которые живутъ по той рѣкѣ Ленѣ и по инымъ рѣкамъ". Въ этомъ документѣ уже довольно подробно описанъ путь изъ Мангазеи на р. Лену до самыхъ ея устьевъ. „Идти на ту великую рѣку Лену изъ Мангазеи судами Тазомъ и Волчанскою вверхъ, озерами и рѣжмами на кочахъ и каюкахъ до енесейскаго волока десять дней, а волока немного больше полуверсты, затѣмъ окраинами и рѣжмами до р. Турухана ходу два дня, а Турухановъ и Шаромъ внизъ до Туруханскаго зимовья ходу десять дней и чрезъ Енесей до устьевъ Нижней Тунгуски ходу два дня; Тунгускою рѣкою идти вверхъ до устьевъ рѣчки Тетеи, а оттуда волокомъ на рѣку Чону ходу два дня. Въ томъ мѣстѣ зимовать и весною идти рѣкою Чоною на Вилюй десять дней, а Вилюемъ до рѣки Лены ходу три недѣли..... А по великой рѣкѣ Ленѣ внизъ идти греблею до полунощнаго океана два мѣсяца и болѣе, а парусною погодою можно добѣжать и въ одну недѣлю". Эта роспись, какъ мы упомянули, подана въ 1633 году, а потому мы можемъ заключить, что мангазейскіе служилые люди добрались впервые до устьевъ Лены на нѣсколько лѣтъ ранѣе этого года. Изъ того же документа мы видимъ, что мангазейцы въ это время уже были знакомы и съ восточными притоками рѣки Лены и даже Байкальскимъ озеромъ [27]). Но на Ленѣ мангазейскимъ служилымъ людямъ не удалось утвердиться: тамъ они встрѣтились съ служилыми людьми енесейскаго острога и должны были уступить послѣднимъ. Впрочемъ изъ Мангазеи нѣкоторое время собирали ясакъ съ ленскихъ инородцевъ, но такъ какъ путь на Лену изъ Енесейска былъ ближе, то московское правительство приписало послѣднихъ къ енесейскому уѣзду.

Что же касается количества ясачнаго инородческаго населенія въ мангазейскомъ уѣздѣ, то объ этомъ мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго. Воеводы отписывали въ Москву, что „въ мангазейскомъ уѣздѣ люди кочевные и не сидячіе, а живутъ, переходя съ мѣста на мѣсто и съ рѣки на рѣку". Поэтому мангазейскимъ ясачнымъ сборщикамъ невозможно было доставить воеводамъ опредѣленныхъ свѣдѣній о количествѣ ясачныхъ людей въ уѣздѣ. Да и самый способъ собиранія ясака здѣсь былъ нѣсколько иной, чѣмъ съ инородцевъ другихъ сибирскихъ уѣздовъ. Не имѣя постоянной осѣдлости, мангазейскіе ино-

---

27) Р. И. Б. т. 11 № 213.

родцы не дѣлились на волости, какъ это мы видимъ въ другихъ уѣздахъ, а жили родами, и каждый родъ платилъ ясакъ за себя или вѣрнѣе за своихъ заложниковъ (аманатовъ) и притомъ не „по окладу", а сколько заблагоразсудится, или смотря по государеву жалованью: „а безъ государева жалованья—безъ олова и одекуя ясаку не даютъ", отписываютъ мангазейскіе воеводы. Самое покореніе инородцевъ состояло въ томъ, что служилые люди захватывали у нихъ аманатовъ, держали послѣднихъ въ Мангазеѣ или Туруханскомъ зимовьѣ и за нихъ получали ясакъ. И чѣмъ знатнѣе былъ аманатъ, тѣмъ болѣе родъ, къ которому онъ принадлежалъ, платилъ соболей; мѣстомъ для сбора ясака служили зимовья, разбросанныя по всему мангазейскому уѣзду. Эти зимовья были признаками московской власти въ томъ краѣ и служили временнымъ пріютомъ для ясачныхъ сборщиковъ и торговыхъ и промышленныхъ людей. Въ извѣстное время года къ этимъ зимовьямъ приходили инородцы и за своихъ заложниковъ приносили ясакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти зимовья были административными единицами, на которыя раздѣлялся мангазейскій уѣздъ съ инородческимъ населеніемъ, подобно волостямъ въ другихъ сибирскихъ уѣздахъ. И ясачныя книги мангазейскаго уѣзда составлялись на основаніи сборовъ ясака по зимовьямъ и по зимовьямъ же въ этихъ ясачныхъ книгахъ распредѣлялось и инородческое населеніе этого уѣзда. Древнѣйшая мангазейская ясачная книга, дошедшая до насъ, относится къ 1629 г. и по ней мы можемъ судить о числѣ инородцевъ, платившихъ ясакъ въ этомъ году, и о количествѣ ясака [28]).

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ самоѣды:

1) **Хонтайское или Хонтангское зимовье** при р. Хотангѣ:

a)	родъ	Кислой Шапки . .	11	человѣкъ	заплатили	21 собол.
b)	„	Выруй.	12	„	„	24 „
c)	„	Тырсидинъ Тягоровъ	33	„	„	72 „
d)	„	Тырендинъ Хыровъ	6	„	„	12 „
e)	„	Савита	17	„	„	36 „
f)	„	Сыруевъ	20	„	„	48 „
g)	„	Парасіевъ . . .	16	„	„	16 „
h)	„	Быкутинъ . . .	7	„	„	14 „
i)	„	Селякинъ. . . .	4	„	„	9 „
k)	„	Мундукуй . . .	1	„	„	2 „

2) **Есейское зимовье** при озерѣ Есей:

a) родъ Тыдирсинъ . . . 7 человѣкъ заплатили 14 собол.

---

[28]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 19.

b) родъ Сакѣевъ . . . . 10 человѣкъ заплатили 20 собол.
c) „ Хоруевъ . . . . 2 „ „ 4 „

3) **Пясидское зимовье:**
a) родъ Пясидской . . . 2 человѣка заплатили 4 собол.
b) „ Савитской . . . 3 „ „ 6 „
c) „ Теребеевъ . . . 1 „ „ 2 „
d) „ Топѣевъ . . . . 1 „ „ 2 „

4) **Леденкинъ шаръ,** а въ немъ платятъ тундряная и кровавая самоядь:
a) родъ Нантынгинъ. . . 13 человѣкъ заплатили 26 собол.
b) „ Тарусидинъ . . . 2 „ „ 4 „
c) „ Пыдуевъ . . . . 1 „ „ 2 „

5) **Верхотазское** при р. Тазѣ:
a) родъ Селирта . . . . 62 человѣк. заплатили 187 собол.
b) „ Ючейской . . . 55 „ „ 157 „
c) „ Асидукой. . . . 26 „ „ 74 „
d) „ Асидукой-Аліевъ . 43 „ „ 127 „

6) **Худасѣйское** зим. при р. Худасѣѣ, вост. притокъ Таза:
a) „ **Мангазея**. . . . 50 человѣкъ заплатили 155 собол.
b) „ Селиртъ . . . . 2 „ „ 6 „
c) родъ Харасидинъ. . . 15 „ „ 45 „

Тазовская самоядь (вѣроятно подгородная):
a) родъ Селирта . . . . 9 человѣкъ заплатили 27 собол.
b) „ Муйдукинъ . . . 3 „ „ 9 „

7) **Туруханское** зимовье при р. Туруханѣ:
a) родъ Вайнгутинъ . . . 28 человѣкъ заплатили 65 собол.
b) „ Пьяковъ . . . . 4 „ „ 11 „
c) „ Красной . . . . 2 „ „ 6 „
d) „ Харасидинъ. . . 18 „ „ 56 „
e) „ Бай . . . . . . 25 „ „ 67 „
f) „ Хуревъ . . . . 5 „ „ 13 „

Всего самоѣдовъ, платившихъ ясакъ въ 1629 г., было 520 человѣкъ, а соболей они принесли въ государеву казну 1333.

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ остяки енесейскіе:

1) **Имбацкое** при Енесеѣ и рѣчкѣ Имбакѣ:
a) родъ Имбацкой . . . 83 человѣк. заплатили 417 собол.
b) „ Богденской . . . 20 „ „ 113 „
c) „ Зешайцкой . . . 44 „ „ 186 „

2) **Закаменное** при Енесеѣ:
a) родъ Бискіевъ. . . . 16 человѣкъ заплатили 85 собол.
b) „ Илипчіевъ. . . . 82 „ „ 373 „

c) родъ Товаръ . . . . 4 человѣка заплатили 18 собол.
d) Загребетные остяки . . 2 „ „ 10 „

Итого енесейскихъ остяковъ, платившихъ ясакъ въ 1629 г., было 251 человѣкъ, а ясаку принесли 1200 соболей.

Самоѣды и остяки при уплатѣ ясака говорили свои имена ясачнымъ сборщикамъ, и послѣдніе записывали ихъ въ книги. Но тунгусы мангазейскаго уѣзда почему-то считали нужнымъ скрывать свои имена и число людей въ родѣ, а потому они относились ясачными сборщиками къ тѣмъ ясачнымъ людямъ, которые платятъ ясакъ „безъ имени".

Зимовья, въ которыхъ платили ясакъ тунгусы:

1) *Усть-Непское* зимовье. Оно находилось на Нижней Тунгускѣ при впаденіи въ послѣднюю рѣчки Непы и было самымъ крайнимъ, дальнимъ по этой Тунгускѣ: изъ Туруханскаго зимовья доходили до него только въ 13 недѣль. Въ 1629 г. въ это зимовье принесли ясакъ: Шилягъ Довгуша съ своего рода 193 соболя и Шилягъ Инкивда—495 соболей, „а съ кого именемъ того не сказали".

2) *Пайраково* зимовье при впаденіи въ Н. Тунгуску рѣчки Тетеи. Здѣсь уплатили ясакъ два тунгусскихъ рода: одинъ—94 соб., а другой 11 соболей.

3) *Усть-Тетерское зимовье* на Средней или Подкаменной Тунгускѣ при впаденіи въ послѣднюю рѣчки Теи. Здѣсь уплатили ясакъ въ 1629 г. три тунгусскихъ рода: Кундугорейнъ Баровъ съ своего рода—186 соболей.

Чапгирды съ своего рода—300 соболей, Чипканъ съ своего рода—200 соболей.

4) *Усть-Чуюнское* на Средней Тунгускѣ при рѣчкѣ Чуюнкѣ. Здѣсь уплатили ясакъ два рода: Мугаи—200 соб., Чамдянской—10 соб.

Итого тунгусы уплатили 1690 соболей; а всего ясака въ Мангазейскомъ уѣздѣ собрано почти 4500 соболей.

Въ упомянутой ясачной книгѣ не означена цѣна этой мягкой рухляди, но изъ приходной книги Казанскаго Дворца 1629 г. видно, что изъ Мангазеи въ этомъ году прислано всей рухляди (десятинной и ясачной) по московской оцѣнкѣ на 15,762 рубля и если изъ этой суммы исключить десятинный сборъ, то въ остаткѣ будетъ цѣна ясачнаго сбора рухляди—именно около 5000 рублей [29]).

Изъ количества ясака, собраннаго въ 1629 г., видно, что инородцы мангазейскаго уѣзда платили соболей гораздо менѣе, чѣмъ ясачные люди другихъ сибирскихъ уѣздовъ: вездѣ полагалось minimum

---

[29]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 20.

5 соболей съ человѣка, а иные платили ясаку по 10 и по 12 соб., между тѣмъ какъ съ инородцевъ мангазейскаго уѣзда на человѣка приходилось въ среднемъ не болѣе трехъ соболей, и только енесейскіе остяки уплатили въ 1629 году почти по пяти соболей съ человѣка. Притомъ мангазейскіе инородцы, хотя и платили ясакъ за аманатовъ, но въ тоже время получали государево жалованье—олово и одекуй, и если этого жалованья, отписываютъ мангазейскіе воеводы, „дать имъ слишкомъ, тогда и ясаку они принесутъ больше, а безъ жалованья платятъ мало, а иные и совсѣмъ ничего не даютъ". Да и самый платежъ ясака, по словамъ воеводъ, у мангазейскихъ инородцевъ иной, чѣмъ въ другихъ сибирскихъ городахъ. „Мангазейскіе ясачные люди платятъ ясакъ не окладомъ и положить на нихъ окладъ нельзя для того, что люди кочевные, юртъ и волостей у нихъ нѣтъ; одинъ годъ они на одномъ мѣстѣ живутъ, а въ другой—на другомъ, уходятъ въ дальнія мѣста безвѣстно". Приходятъ въ зимовья для платежа ясака за аманатовъ человѣка по 2 и по 3 изъ рода и если аманатъ добрый, то за него платитъ вся его родня и даютъ соболей больше, а если аманатъ худой, то мало, или совсѣмъ ничего. Когда же приходятъ къ зимовьямъ, то бросаютъ ясакъ чрезъ окно въ избу и чрезъ окно же ясачные сборщики отдариваютъ инородцевъ одекуемъ, оловомъ и хлѣбомъ. „Мангазейскіе инородцы, пишутъ воеводы, боятся входить въ избы, чтобъ ихъ ясачные сборщики не захватили въ аманаты, а сами сборщики не выходятъ къ нимъ изъ избъ, опасаясь отъ нихъ смертныхъ убійствъ и потому сидятъ съ аманатами, запершись" [30]).

Аманаты жили въ Мангазеѣ въ тюрьмѣ, а когда ясачные сборщики отправлялись за сборомъ ясака, то брали съ собой аманатовъ и держали ихъ въ зимовьяхъ до тѣхъ поръ, пока за нихъ не получали ясака, а затѣмъ снова привозили въ Мангазею. Этихъ аманатовъ кормили отчасти хлѣбомъ, а большею частію падалью и собачьимъ кормомъ „юколою". Юкола состояла изъ сушеной перегнившей рыбы. Сибирскіе инородцы—самоѣды, остяки и тунгусы на зиму заготовляли для себя и для собакъ пищу то изъ рыбы, то изъ мяса звѣрей; первая пища называлась юколой и ею преимущественно кормили нартяныхъ и промысловыхъ собакъ, а вторая „порсою", которая преимущественно назначалась для людей. Та и другая пища хранилась въ ямахъ въ буракахъ, сдѣланныхъ изъ древесной коры и, конечно, перегнивала; юкола представляла даже густую жидкость. Хотя эта пища и нероскошная, но тѣмъ не менѣе цѣнилась иногда довольно дорого: пудъ порсы зимою

[30]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 58 лл. 375, 420; ibid. кн. № 204 л. 150.

стоилъ рубль, а пудъ юколы около 70 коп. Русскіе промышленные люди также заготовляли для своихъ собакъ юколу и за провозъ ея также платили натурою десятинную пошлину въ государеву казну, какъ и со всякаго товара. И вотъ этою-то сборною юколою въ Мангазеѣ кормили аманатовъ. Правда имъ давали и хлѣбъ, но въ ничтожномъ количествѣ, напр. въ 1635 г. „на мангазейскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ, аманатовъ и пріѣзжую самоядь" израсходовано хлѣба только 11 четвертей. Но въ зимовьяхъ во время ясачнаго сбора аманатовъ кормили преимущественно хлѣбомъ: въ упомянутомъ году для прокормленія однихъ тунгусскихъ аманатовъ въ зимовьяхъ отпущено изъ Мангазеи 70 четвертей. Но не всегда аманаты обезпечивали ясачный сборъ съ ихъ родовъ; объ этомъ можно судить по ясачнымъ книгамъ разныхъ годовъ. Такъ въ 1629 г., какъ мы видѣли, самоѣдовъ платило ясакъ 520 человѣкъ, а въ 1634 г.—только 191 ч., а ясаку принесли только 510 соболей, остяковъ въ 1629 г. платило 251 человѣкъ, а въ 1634 г. только 173 ч., принесшихъ 830 соболей. Притомъ нѣкоторые роды, платившіе ясакъ въ 1629 г., совсѣмъ не упоминаются въ ясачной книгѣ 1634 г., другіе въ уменьшенномъ числѣ, напр. родъ Мангазея въ 1629 г. состоялъ изъ 50 человѣкъ, а въ 1634 г. только изъ 19 чел. Въ Хонтангскомъ зимовьѣ въ первомъ году платило ясакъ 136 человѣкъ, а во второмъ только 66 [31]).

Это уменьшеніе ясачныхъ людей иногда зависѣло отъ чрезвычайной смертности, а большею частію отъ нежеланія инородцевъ уплачивать ясакъ. Такъ относительно Хонтангскаго зимовья ясачные сборщики говорили мангазейскому воеводѣ, что въ 1634 г. „многіе ясачные люди этого зимовья померли, а иные не платятъ государевъ ясакъ, боясь голодной смерти, отошли отъ зимовья невѣдомо куда и къ нимъ въ зимовья не приходили и ясаку взять было не на комъ [32]).

Мы выше упомянули, что мангазейскіе ясачные сборщики еще около 1630 г. проникли на рѣку Лену, но свѣдѣній о количествѣ ясачнаго сбора съ этой рѣки въ мангазейскихъ ясачныхъ книгахъ не находимъ. Воеводы отписывали, что они на рѣку Лену для сбора ясака начали посылать съ 1632 г., но служилые люди „сбираютъ ясакъ не помногу, а иною многою мягкою рухлядью, сбираючи на рѣкѣ Ленѣ сами корыстуются". Въ ясачной книгѣ мангазейскаго уѣзда за 1632 г. совсѣмъ нѣтъ ясачнаго сбора не только съ рѣки Лены, но даже и съ рѣки Вилюя, а въ книгѣ за 1634 г. сказано, что ясачные сборщики еще не прихо-

---

[31]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 58 л. 368.
[32]) Ibid. и 375.

дили съ ясакомъ. А изъ одной отписки енесейскаго воеводы видно, что въ 1634 г. служилые мангазейскіе люди были на рѣкахъ—Ленѣ, Алданѣ и Амгѣ и собрали тамъ большой ясакъ, но атаманъ Иванъ Галкинъ съ енесейскими ясачными сборщиками напалъ на нихъ при устьѣ Вилюя, вступилъ въ бой, нѣсколько человѣкъ убилъ до смерти и весь ясакъ отнялъ [33]). По поводу борьбы на рѣкѣ Ленѣ между мангазейскими и енесейскими служилыми людьми возникло дѣло, которое повело къ припискѣ инородцевъ Лены къ уѣзду енесейскому. Но по р. Вилюю мангазейскіе сборщики собирали ясакъ еще въ 1638 г., послѣ же этого года и рѣка Вилюй была приписана къ Енесейску; нѣсколько ранѣе—около 1632 г. къ енесейскому же уѣзду отошла часть остяковъ, жившихъ по рр. Сыму и Касу и платившихъ прежде ясакъ въ Закаменное зимовье. Такъ что мангазейскій уѣздъ къ концу царствованія Михаила Θеодоровича простирался по Енесею на югъ до р. Сыма, на востокъ границей служилъ хребетъ, составляющій водораздѣлъ бассейновъ рр. Енесея и Лены, а на сѣверѣ р. Анабара. Съ ограниченіемъ территоріи мангазейскаго уѣзда, конечно, уменьшилось и число ясачныхъ людей, но сборъ ясака значительно увеличился. Послѣднее зависѣло оттого, что инородцы этого уѣзда стали менѣе дичиться русскихъ, и ясачнымъ сборщикамъ стало легче собирать съ нихъ ясакъ. Чтобы судить о количествѣ ясачнаго сбора, а по немъ и о числѣ ясачныхъ людей въ мангазейскомъ уѣздѣ, мы приведемъ здѣсь свѣдѣнія изъ ясачныхъ книгъ за нѣсколько лѣтъ.

	1636 г.	1638 г.	1642 г.	1646 г.
Въ Хонтагскомъ зимовьѣ взято на	150 р.	238 р.	163 р.	—
„ Пясидкомъ и Хетскомъ	134 „	—	—	—
„ Леденкиномъ шарѣ	5 „	69 „	8 „	—
„ Есейскомъ	354 „	—	—	—
„ Верхотазскомъ и Худасейскомъ	148 „	237 „	244 „	—
„ Туруханскомъ	312 „	398 „	302 „	—
„ Имбацкомъ	333 „	582 „	386 „	—
„ Закаменномъ	404 „	524 „	599 „	—
„ Усть-Непскомъ	762 „	928 „	695 „	—
„ Усть-Зобниномъ (Пайроково)	664 „	1088 „	766 „	—
„ Усть-Тетейскомъ	1304 „	1824 „	1517 „	—
„ Илимпейскомъ (р. Илимпея)	620 „	1210 „	342 „	—
„ Лѣтнемъ	273 „	—	338 „	—
„ Усть-Тетерскомъ (Тея р.)	215 „	—	223 „	—

[33]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 40 лл. 403—411.

	1636 г.	1638 г.	1642 г.	1646 г.
Въ Усть-Чуюнкомъ	102 р.	263 р.	203 р.	—
Съ хребетной р. Вилюя . . .	198 „	42 „	—	—
Итого включая и поминки . .	7143 „[34]	9376 „[35]	6458 „[36]	7234 р.[37]

Здѣсь указана цѣна мягкой рухляди мангазейская, но московская оцѣнка была гораздо выше—рублей по 200 на каждую тысячу.

Въ ясачныхъ книгахъ за 1636, 1638, 1642 гг. не упоминается о числѣ инородцевъ, платившихъ ясакъ въ эти годы, но, судя по вышеприведеннымъ итогамъ ясака въ рубляхъ, можно предполагать, что ясачныхъ людей тогда было отъ 1500—3000 человѣкъ. Въ ясачной же книгѣ 1643 г. мы находимъ свѣдѣнія и о числѣ ясачныхъ людей, платившихъ ясакъ въ каждомъ зимовьѣ; мы здѣсь приведемъ только итогъ—всѣхъ самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ платило ясакъ въ этомъ году 1234 человѣка, а цѣна ихъ ясака опредѣлена въ Мангазеѣ въ 4,100 рублей [38].

Цифры ясачнаго сбора показываютъ намъ, что иногородцы мангазейскаго уѣзда доставляли въ государеву казну значительный доходъ; такихъ сборовъ мягкой рухляди не было ни въ одномъ сибирскомъ городѣ. Но въ Мангазеѣ были и другіе разнообразные доходы, которые можно раздѣлять на три разряда—городовые, чрезвычайные и десятинные; мы дѣлаемъ такое раздѣленіе на томъ основаніи, что для записи оныхъ существовали особыя книги. Доходы перваго разряда—денежные; они хотя и незначительные, но тѣмъ не менѣе съ излишкомъ покрывали мѣстные денежные расходы. Чтобы имѣть понятіе о статьяхъ денежныхъ доходовъ, собираемыхъ въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ, мы приведемъ здѣсь данныя, изъ приходныхъ книгъ [39].

	1626 г.	1627 г.
1) Съ двухъ бань—мангазейской и туруханской откупныхъ денегъ.	30 р.	31 р.
2) Зерноваго, карточнаго и всякой закладной игры	64 „	68 „
3) Квасного и сусличнаго	19 „	21 „
4) Съ площаднаго письма	5 „	11 „
5) Судныхъ пошлинъ.	91 „	192 „

---

[34]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 52 л. 93.
[35]) Ibid. ст. № 73 л. 43.
[36]) Ibid. ст. № 111 л. 124.
[37]) Ibid. книга № 204 л. 143.
[38]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 144 п. 901.
[39]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 4.

		1626 г.	1627 г.
6)	Съ зерновыхъ судныхъ дѣлъ	28 р.	43 р.
7)	Таможенныхъ всякихъ пошлинъ	490 „	646 „
8)	Явчей пошлины съ меду, пива и браги . .	6 „	15 „
9)	Съ рыбныхъ ловель откупныхъ денегъ . .	27 „	53 „
10)	Заповѣдныхъ денегъ (за недозволенную торговлю) доправлено	11 „	—
11)	За пользованіе государевыми судами . .	20 „	21 „
12)	Продано мягкой рухляди	22 „	13 „

Здѣсь мы приводили круглыя цифры въ рубляхъ, отбрасывая копѣйки, если послѣднихъ было менѣе 60; всѣхъ же денежныхъ сборовъ въ 1626 г. было 787 рублей, а въ 1627 г.—1114 р. Между тѣмъ денежные расходы были значительно менѣе доходовъ, и въ мангазейской государевой казнѣ былъ ежегодный излишекъ. Главная статья денежныхъ расходовъ — это жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ около 500 р., да неокладныхъ расходовъ въ упомянутые годы рублей 100. Излишекъ, остававшійся отъ расходовъ, не посылался въ Москву, а сохранялся на всякій случай въ Мангазеѣ и ежегодно возрасталъ: отъ 1625 г. былъ остатокъ 369 р., отъ 1626 г.—574 р., отъ 1627 г.—1158 р. и т. д. Окладные и неокладные денежные расходы въ Мангазеѣ увеличивались, но за то мы замѣчаемъ и увеличеніе доходовъ: такъ съ 1-го сентября 1634 г. по то же число 1635 г. денежныхъ расходовъ было 1751 р., а доходу—2681 р. и на 1636 г. съ остаткомъ отъ прошлыхъ лѣтъ было въ мангазейской казнѣ уже 1559 р. [40]), а на 1637 г. остатокъ былъ 2187 р. [41]).

Увеличеніе доходовъ происходило, главнымъ образомъ, отъ налоговъ чрезвычайныхъ. Къ такимъ налогамъ мы относимъ тѣ пошлины, которыя собирались не ежегодно и не въ одинаковомъ размѣрѣ, какъ „поголовное“, „поживотное“ и „сороковое“; эти налоги составляли особую статью доходовъ на земскія нужды. Поголовной налогъ былъ троякаго рода: a) поголовное взималось съ торговыхъ и промышленныхъ людей по 20 алтынъ за зиму и по 20 алтынъ за лѣто за проживаніе въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ; b) поголовное по одной деньгѣ съ торговыхъ и промышленныхъ людей, когда они отправлялись на промыслы, и по гривнѣ съ тѣхъ лицъ, которые безъ товаровъ возвращались на Русь. Эти налоги были постоянными и собирались ежегодно и въ одинаковомъ размѣрѣ. Но было „поголовное“ (голов-

[40]) А. М. Ю. Спб. Пр. кн. № 46 лл. 61—92.
[41]) А. М. Ю. Спб. Пр. кн. № 78 л. 166.

щина) какъ чрезвычайный налогъ на земскіе расходы. Такъ, въ 1630 г. „поголовное“ собиралось по 10 алтынъ съ человѣка, въ 1634 г. по 20 алтынъ съ человѣка. Въ тѣ же годы взималось съ торговыхъ и промышленныхъ людей „сороковое“, т. е. съ 40 соболей по 10 алтынъ и по 20 ал. Поголовное и сороковое то увеличивалось, то уменьшалось, смотря по промысламъ и по земскимъ нуждамъ. Такъ, въ отпискѣ тобольскаго воеводы отъ 1634 г. читаемъ, что въ этомъ году „поголовное и сороковое собиралось по самой меньшей статьѣ“.... а въ прошлыхъ годахъ земскіе люди межъ себя собирали деньги на земскіе расходы на Туруханѣ сороковаго и головнаго съ человѣка по рублю, по полтора и по два рубли“. Какъ велики были эти доходы можно судить потому, что въ 1630 г. въ Мангазеѣ поголовнаго съ 436 человѣкъ взято почти 131 р. и сороковаго съ 848 сороковъ—254 руб., а въ 1634 г. того и другаго дохода собрано въ Туруханскомъ зимовьѣ 1163 руб. [42]).

Къ чрезвычайнымъ же налогамъ относится и „поживотное“. Такъ, въ 1629 г. въ Мангазеѣ собиралось поживотное съ торговыхъ и промышленныхъ людей на государевы расходы и на всякія издержки съ рубля по 5 денегъ; всего такихъ денегъ съ 27 кочей взято въ этомъ году 674 р. съ копѣйками [43]). Но въ 1635 году прислана въ Мангазею государева серебряная печать и велѣно собирать печатную пошлину съ рубля по деньгѣ, а съ „безтоварныхъ“ съ человѣка по гривнѣ. И такихъ денегъ въ этомъ году собрано 565 р. [44]).

Самою выгодною статьею денежныхъ доходовъ въ Мангазеѣ была продажа вина и меду. Въ мангазейскихъ приходныхъ книгахъ кабацкіе доходы не писались, потому что вино и медъ продавались тамъ особыми лицами, присланными изъ Тобольска и вырученныя ими деньги отвозились въ Тобольскъ. До 1620 г. продажа вина и меду въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ была вольная и этою торговлею занимались торговые, промышленные и служилые люди и даже воеводы и, конечно, очень наживались отъ продажи питій. Но въ 1620 г. на эту торговлю обратилъ вниманіе тобольскій воевода князь Иванъ Куракинъ и по поводу нея послалъ въ Москву отписку, въ которой писалъ: „Сказывали служилые люди, которые бывали въ Мангазеѣ, что Иванъ Биркинъ посылалъ въ Туруханъ на продажу свое вино и медъ и взялъ за то вино и медъ больше восьми тысячъ рублей. Да и прежніе воеводы тѣмъ же

---

[42]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 26 л. 220; ibid. Ст. № 656 (ненумеров.).

[43]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 26 л. 68.

[44]) Ibid. кн. № 78 л. 60.

корыстовались и торговые и всякіе люди межъ себя вино и медъ продаютъ... И если изъ Тобольска послать въ Мангазею и на Туруханъ 150 вёдеръ вина и 50 пудовъ меду, то можно тамъ продавать вино по 15 рублей ведро и за 150 ведеръ будетъ денегъ 2250 р., а прибыли—2070 р., за 50 пудовъ меду денегъ будетъ 200 р. и прибыли съ того меду будетъ 140 рублей. А если продавать вино и медъ на мягкую рухлядь, то можно ожидать прибыли вдвое"…. Московское правительство не преминуло воспользоваться этимъ сообщеніемъ и немедленно рѣшилось запретить торговымъ и всякимъ другимъ людямъ продавать вино и медъ въ Мангазеѣ и Туруханскомъ зимовьѣ и открыть тамъ государевъ кабакъ. Тобольскому воеводѣ велѣно послать въ Мангазею тобольскаго подъячаго Чаплина и съ нимъ 200 ведеръ вина горячаго, 100 пудовъ меду, а мангазейскому воеводѣ приказать дать тому Чаплину избу и амбаръ и цѣловальника изъ торговыхъ или промышленныхъ людей. Этому Чаплину велѣно наказать, чтобъ онъ съ цѣловальникомъ продавалъ вино по 15 р. за ведро, а медъ вдвое противъ Тобольска, за ставку 26 алтынъ и 4 деньги, продавать на деньги или на мягкую рухлядь, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ прибыльнѣе государевой казнѣ, а въ долгъ вина и меду не давать. Кромѣ того наказывалось Чаплину, чтобъ онъ открывалъ торговлю въ кабакѣ для торговыхъ и промышленныхъ людей, какъ они уплатятъ десятинную пошлину, —инородцамъ, какъ они заплатятъ ясакъ, но служилымъ людямъ ни вина, ни меду продавать не велѣно, чтобъ они не пропились. Въ Мангазеѣ ежегодно бывала ярмарка, когда торговые и промышленные люди съ торговъ и промысловъ возвращались на Русь, а потому Чаплину предписывалось самому торговать въ Мангазеѣ „какъ будетъ большой свозъ людей"; по окончаніи же ярмарки велѣно ему оставлять въ Мангазеѣ для продажи питій цѣловальника, а самому ѣхать въ Туруханское зимовье и тамъ устроить кабакъ. Если же присланныхъ запасовъ вина и меду не станетъ до весны, то завести приготовленіе вина и меду на мѣстѣ, а матеріалъ для этого покупать у торговыхъ людей. Вырученныя деньги отъ продажи питій велѣно записывать въ особыя книги и класть въ запечатанный ящикъ, а какъ настанетъ весна—водный путь,—то деньги кабацкія пересылать съ служилыми людьми въ Тобольскъ. Въ тоже время сдѣлано распоряженіе, чтобъ въ Мангазеѣ и Туруханѣ „никто продажнаго питья у себя не держалъ и не продавалъ", въ противномъ случаѣ велѣно отбирать питье въ государеву казну, штрафовать такихъ людей и даже наказывать. Самимъ кабатчикамъ наказывалось не бражничать и не воровать, не брать „съ питуховъ" лишняго и въ вино и медъ воды и

квасу не прибавлять [45]). Какъ велики были кабацкіе доходы въ Мангазеѣ объ этомъ мы не нашли данныхъ, но надо думать, что они были довольно значительны, если воевода Иванъ Биркинъ могъ выручить отъ продажи вина въ Туруханскомъ зимовьѣ болѣе восьми тысячъ рублей. Чтобы не имѣть конкуренціи, правительство, какъ мы видѣли, запретило частнымъ лицамъ куреніе вина въ Мангазеѣ и даже ввозъ туда меда. Это послѣднее распоряженіе оказалось особенно тяжелымъ для торговыхъ и промышленныхъ людей: они посылаютъ въ Москву одну челобитную за другой, въ которой пишутъ, что имъ на промыслахъ „безъ зайцевъ и меду никакъ пробыть нельзя“ п. ч. „цынжаютъ“. Вслѣдствіе этихъ жалобъ государь въ 1639 г. указалъ: для торгу и для соболиныхъ промысловъ пропускать въ сибирскіе города меду прѣснаго до 200 пудовъ человѣку съ уплатой десятинной пошлины въ государеву казну [46]).

Благодаря разнымъ постояннымъ и чрезвычайнымъ денежнымъ доходамъ, государевой казнѣ не приходилось посылать денегъ въ Мангазею: вышеупомянутыми сборами не только покрывались всѣ денежные расходы, но и въ значительной степени хлѣбные. Хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ, прокормленіе аманатовъ и пріѣзжихъ ясачныхъ людей — это самая тяжелая для казны статья расходовъ. Тяжелая не столько по количеству, необходимому на это жалованье хлѣба, сколько по трудности доставки послѣдняго. Сначала хлѣбъ въ Мангазею привозился изъ Руси, но со времени развитія хлѣбопашества на государевыхъ пашняхъ въ верхотурскомъ, туринскомъ и тюменскомъ уѣздахъ, приблизительно съ 1624—25 гг., казнѣ не было надобности покупать хлѣбъ, а послѣдній доставлялся въ „непашенные“ сибирскіе города изъ государевыхъ житницъ этихъ уѣздовъ. Но доставка его сопряжена была съ большими затрудненіями. Путь былъ далекій — по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби, чрезъ Обскую губу, Тазовскую губу и по рѣкѣ Тазу въ Мангазею; этотъ путь, даже при самой благопріятной погодѣ, совершался только въ два съ половиной мѣсяца. Но проплыть Обскую губу было чрезвычайно трудно: если дулъ сѣверный вѣтеръ, то кочи прибивало къ южному берегу, выбрасывало и разбивало ихъ. Особенно часто крушенія происходили гдѣ-то подъ черными горами: погибали суда, хлѣбъ и другіе запасы и даже люди. При томъ рѣдкое крушеніе обходилось безъ того, чтобы въ это время не появлялись самоѣды, не разграбляли оставшіеся хлѣбные за-

[45]) А. М. И. Д. Порф. Миллера № 477.
[46]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 81 л. 580.

пасы и не убивали спасшихся отъ крушенія служилыхъ и торговыхъ людей. Такъ, въ 1621 г. буря разбила въ Обской губѣ 8 кочей, но крушеніе не имѣло серьезныхъ послѣдствій: погибло только 27 ч. муки, 75 ведеръ вина, 13 пудовъ меду, немного крупъ, толокна и хмелю [47]).

Но крушеніе въ 1642 г. кончилось совершеннымъ истребленіемъ судовъ, хлѣба и гибелью массы людей. Объ этомъ несчастномъ случаѣ мангазейскій воевода сообщалъ въ Москву слѣдующее. „Въ прошломъ, государь, въ 1642 г. авг. 18 на морѣ подъ Черными горами волею Божіей твои государевы и торговыхъ людей кочи съ хлѣбными запасами и на которомъ кочѣ я холопъ твой шелъ—все разбито безъ остатку и въ Мангазеѣ твоихъ государевыхъ и торговыхъ людей запасовъ нѣтъ ни одной четверти. А которые, государь, торговые и промышленные люди послѣ моего отъѣзду съ морского разбою остались и они пришли портянымъ ходомъ въ Мангазею не всѣ и сказали они мнѣ холопу твоему: зимовали де они на рѣкѣ Пурѣ и зимою ходили на тотъ морской разбой ради хлѣбныхъ запасовъ и своихъ товаровъ, но на томъ походѣ погибло ихъ больше 70 человѣкъ, а оставшіеся люди въ избушкѣ на рѣкѣ Пурѣ частію перебиты самоѣдами, частію погибли отъ цынги“. Тотъ же воевода сообщилъ, что и въ 1643 г. государевы кочи съ хлѣбными запасами и кочи торговыхъ людей по 14 октября еще не приходили въ Мангазею и вѣстей о нихъ нѣтъ никакихъ. Онъ высказываетъ предположеніе, что, вѣроятно, и эти кочи также волею Божіей разбило на морѣ, какъ и въ прошломъ 1642 г., такъ какъ въ то время, когда кочи должны быть по расчету въ морѣ, были „двѣ великія погоды“—одна послѣ Успеньева дня, а другая на Рождество Богородицы [48]). Хотя мы и не нашли документальнаго подтвержденія этого печальнаго предположенія мангазейскаго воеводы, но несомнѣнно, что упомянутые кочи погибли въ морѣ. Намъ извѣстно, что самый поздній приходъ въ Мангазею судовъ съ моря возможенъ только въ половинѣ сентября, потому что рѣка Тазъ къ этому времени замерзаетъ и ходъ судовъ прекращается. А если кочи, отправленные лѣтомъ 1644 г., еще не прибыли въ Мангазею, какъ пишетъ воевода, въ половинѣ октября, то гибель ихъ очевидна. Та же участь постигла и хлѣбные запасы, отправленные въ Мангазею въ 1643 г. Въ этомъ году 13 іюля послано изъ Тобольска на двухъ дощаникахъ въ мѣхахъ 2237 пудовъ ржаной муки. Посланные съ хлѣбомъ благополучно добрались до Обдорска; выгрузивъ здѣсь хлѣбъ въ морской кочъ, они отправились въ Мангазею. Но едва

[47]) А. М. И. Д. Порф. Миллера № 477.

[48]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 440—444.

только кочъ вышелъ въ Обскую губу, какъ его поломало льдомъ и дальнѣйшее плаваніе оказалось невозможнымъ: пришлось возвратиться въ Обдорскъ. Здѣсь служилые люди выгрузили хлѣбъ въ амбары и остались караулить его до слѣдующей весны. Но тутъ явилась новая бѣда: въ то время какъ служилые люди однажды пошли въ избу ужинать, пришли самоѣды, заперли сѣни этой избы и завалили послѣднюю щитами и снѣгомъ. Пока служилые люди выбирались изъ избы, самоѣды успѣли выбить дверь въ амбарѣ и похитить до 10 четвертей муки. Преслѣдованіе воровъ было безуспѣшно: самоѣды приходили въ значительномъ числѣ и, будучи настигнуты служилыми людьми, вступили съ ними въ бой, ранили четырехъ человѣкъ и благополучно ушли съ похищеннымъ хлѣбомъ. Изъ одной отписки тобольскаго воеводы видно, что весною 1644 года хлѣбъ, хранившійся въ Обдорскѣ, былъ отправленъ въ Мангазею, но до мѣста своего назначенія онъ не дошелъ: мангазейскій воевода писалъ въ Москву (14 окт. 1644 г.), что уже въ теченіе трехъ лѣтъ—1642, 1643 и 1644 г. въ Мангазею не доставлено ни одной чети хлѣба и что служилые и жилецкіе люди помираютъ отъ голода [49]). Случаи крушенія судовъ съ хлѣбными запасами были и прежде: такъ изъ расходной книги города Мангазеи за 1627 г. видно, что въ этомъ году хлѣбное жалованье служилымъ людямъ давалось „теплою моребойною“ мукою [50]); въ 1634 г. потонулъ кочъ съ солью и пр. [51]).

Эти крушенія причиняли большіе убытки казнѣ и ихъ нужно имѣть въ виду, чтобы опредѣлить чистый доходъ, который получался изъ „заморской вотчины“ государевой, какъ въ то время называлась Мангазея. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, сколько погибало государевыхъ хлѣбныхъ и другихъ запасовъ во время крушенія судовъ, а потому мы не можемъ эти убытки перевести на деньги; да къ тому же и цѣнность хлѣба въ разные годы была слишкомъ неодинакова. Что же касается обыкновенныхъ ежегодныхъ расходовъ хлѣба въ Мангазеѣ на жалованье—ружникамъ, оброчникамъ и служилымъ людямъ, на варку сусла, браги и пива, на прокормленіе аманатовъ и пріѣзжихъ инородцевъ, то этихъ хлѣбныхъ расходовъ было около четырехъ тысячъ пудовъ; къ этому еще нужно добавить жалованье соли, крупъ и толокна.

Мангазея принадлежала къ „непашеннымъ городамъ“ и всякіе хлѣбные запасы, какъ мы выше упомянули, доставлялись туда изъ другихъ

---

[49]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 175—182; ст. № 139 л. 162.
[50]) Ibid. кн. № 4 л. 441.
[51]) Ibid. кн. № 78 л. 36.

сибирскихъ уѣздовъ. Но правительство московское стремилось и въ мангазейскомъ уѣздѣ развить хлѣбопашество: въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича основана слобода Дыбчасская, которая и донынѣ существуетъ (Дубченское). Основателемъ ея былъ крестьянинъ Осипъ Григорьевъ Цапаня-Голубцовъ. Еще въ 1636 году онъ поселился при впаденіи рѣчки Дыбчаса въ Енесей и началъ заниматься хлѣбопашествомъ, а въ 1638 году на эту заимку получилъ отъ Михаила Ѳеодоровича жалованную грамоту со льготой на 10 лѣтъ „пашню распахивать и вольныхъ людей съ Руси призывать и слободу строить". Въ эти льготные годы насельники слободы освобождались отъ всякихъ податей и повинностей, а по окончаніи оныхъ должны были доставлять хлѣбъ въ Туруханское зимовье на прокормленіе аманатовъ. Продолжительная льгота, каковой не давалось въ другихъ сибирскихъ уѣздахъ, обиліе здѣсь пушнаго звѣря и рыбы скоро къ устью Дыбчаса привлекли вольныхъ людей и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ слободѣ Дыбчасской уже было 16 дворовъ крестьянъ и церковь во имя Св. Троицы съ придѣломъ Николая Чудотворца. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ основателѣ упомянутой слободы, человѣкѣ несомнѣнно смѣломъ и энергичномъ. Онъ былъ родомъ съ рѣки Мезени, но оставилъ родину, чтобы за нѣсколько тысячъ верстъ отъ нея, въ глубинѣ Сибири, основать себѣ новое гнѣздо. Мы не знаемъ, какимъ образомъ Цыпаня попалъ на рѣку Енесей—вѣроятно въ обществѣ своихъ земляковъ промышленниковъ, бороздившихъ Сибирь въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, но несомнѣнно онъ нѣкоторое время проживалъ въ Имбацкомъ зимовьѣ, прежде чѣмъ рѣшился навсегда поселиться на этой рѣкѣ. Выборъ его палъ на урочище Дыбчасъ, около небольшой рѣчки того же имени и при впаденіи ея въ Енесей. Здѣсь жили только одни остяки и, если не считать находящагося въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ Закаменнаго зимовья, какъ только временнаго пріюта мангазейскихъ ясачныхъ сборщиковъ, то самымъ близкимъ русскимъ поселеніемъ былъ Енесейскій острогъ, отстоящій отъ Дыбчаса по рѣкѣ Енесею почти на 400 верстъ. Облюбовавъ упомянутое мѣстечко и найдя возможнымъ здѣсь заняться земледѣліемъ, нашъ герой отправился на Русь, получилъ отъ царя на него жалованную грамоту и соблазнилъ нѣсколько своихъ земляковъ ѣхать съ нимъ въ Сибирь для поселенія на рѣкѣ Енесеѣ. Да, вѣдь это цѣлый подвигъ! И нельзя сказать, чтобы Григорія Цыпаню вела въ такую даль отъ родины горькая нужда; нѣтъ, онъ былъ человѣкомъ не только зажиточнымъ, но и богатымъ. Въ одной своей челобитной къ царю Цыпаня говоритъ, что онъ на свои средства „поднималъ крестьянъ" въ Дыбчасскую слободу и

„снабжавъ ихъ своими животишками“, на свои средства построилъ церковь, которая стоила ему 1500 р. И хотя онъ въ челобитной къ царю и жалуется, что вслѣдствіе такихъ расходовъ „обнищалъ и великими долгами одолжалъ“, но это только фразы, которыми обыкновенно челобитчики стараются разжалобить царя; къ тому же бѣдному человѣку и въ долгъ никто не далъ бы такихъ средствъ. Между тѣмъ мы видимъ, что Цыпаня, поселившись на Енесеѣ, сталъ заниматься ростовщичествомъ и должниковъ у него было много; для этого тоже нужны хорошія средства. Но въ нравственномъ отношеніи Цыпаня былъ не безупреченъ и для мѣстнаго остяцкаго населенія, если вѣрить жалобамъ остяковъ, былъ настоящимъ разбойникомъ. Еще проживая въ Имбацкомъ зимовьѣ, онъ занимался романическими дѣлами и притомъ довольно некрасиваго свойства. Въ него влюбилась одна остячка, невѣстка остяка Закаменнаго зимовья Хайгунка, и Цыпаня уговорилъ ее бѣжать къ нему, предварительно обокравъ брата своего мужа. Остячка такъ и поступила: она украла 20 соболей въ 20 рублей, два бобра въ три руб., два англійскаго сукна зипуна—красный и синій—въ 8 руб. и съ этимъ имуществомъ убѣжала къ своему возлюбленному. Хайгунка, узнавъ о бѣгствѣ своей невѣстки и о томъ, что она проживаетъ въ Имбацкомъ зимовьѣ у Цыпани, послалъ туда своего племянника и еще двухъ человѣкъ, чтобы возвратить невѣстку и украденное ею имущество, но посланные возвратились не съ чѣмъ. Тогда Хайгунка самъ отправился въ Туруханское зимовье бить челомъ на Цыпаню тамошнему государеву приказному десятнику. Однако успѣхъ челобитной былъ неполный: „десятникъ, жаловался царю Хайгунко, у него Цыпани невѣстку мою взялъ и мнѣ отдалъ, а живота сноснаго съ нею не отдалъ“. Въ той же челобитной сумароковскіе и закаменные остяки писали, что Цыпаня въ своей челобитной къ Михаилу Ѳедоровичу „написалъ воровски—будто де то мѣсто у Дыбчаса пусто и не владѣетъ тѣмъ мѣстомъ никто.....а то, государь, мѣсто не пустое и владѣли тѣмъ мѣстомъ искони вѣка люди наши и прадѣды.... и мы сироты твои и отцы наши тамъ соболей, всякаго съѣстнаго звѣря и рыбу промышляли и тѣми соболями тебѣ государю ясакъ платили сполна, а отъ съѣстнаго звѣря и отъ рыбы сыты были и тѣмъ головы свои кормили; а теперь отъ того Цыпани и отъ его ярыжекъ изгоня, утѣсненія и всякая обида—женъ и дѣтишекъ нашихъ насильничаютъ и во всемъ стѣсняютъ насъ“. Далѣе тѣ же остяки жаловались, что Цыпаня пограбилъ у нихъ изъ ямъ запасный зимній кормъ—буракъ порсы въ 5 пудовъ, 26 бураковъ юколы въ 38 пудовъ, а цѣна этому корму $29\frac{1}{2}$ р., да укралъ четыре коробицы рыбьяго жира 6 пудовъ на 12 рублей.

Когда же остяки пришли къ грабителю, чтобы выручить свое добро, то онъ бранилъ и билъ ихъ, а одного остяка раздѣлъ и билъ батогами, а имущества всетаки не возвратилъ. За отсутствіемъ юколы четыре промышленныхъ собаки погибли отъ голода, а цѣна имъ 20 рублей. Одинъ остякъ еще жаловался, что мать его однажды тащила чрезъ заимку Цыпани, мимо его двора, запасы свои—5 пудовъ порсы, 5 пудовъ юколы и рыбьяго жира, но на нее напалъ Цыпаня, захватилъ все это добро, а остячку такъ побилъ, что она на третій день умерла отъ тѣхъ побоевъ. Оказывается еще, что тотъ же самый Цыпаня грабилъ не только живыхъ остяковъ, но и мертвыхъ: въ 1639 г., жаловались остяки, онъ выкопалъ изъ земли кудесника и что съ нимъ было—платья, стрѣлъ, рогатинъ и соболей и то все пограбилъ [52]). Мы не можемъ сказать, насколько справедливы были жалобы остяковъ на основателя Дыбчасской слободы; слѣдственнаго дѣла по поводу вышеприведенной челобитной этихъ инородцевъ намъ не удалось найти въ архивѣ, а безъ такого дѣла трудно судить о достовѣрности фактовъ, которыя находятся въ челобитной. Но если даже и ограничить въ значительной степени справедливость жалобъ остяковъ на Цыпаню, то всетаки остается достаточно матеріала для сужденія о ненормальныхъ отношеніяхъ его къ мѣстному населенію. Въ большинствѣ случаевъ намъ вездѣ приходилось наблюдать, что сельское русское населеніе въ Сибири легко и скоро обживается съ инородцами, среди которыхъ селится, и отношенія между пришлымъ русскимъ и мѣстнымъ населеніемъ устанавливались довольно мирныя. Тѣмъ болѣе такого мира можно ожидать между насельниками Дыбчасской слободы и тамошними остяками, такъ какъ послѣдніе отличались очень мирнымъ характеромъ сравнительно съ другими инородцами мангазейскаго уѣзда—самоѣдами и тунгусами. Но пословица русская говоритъ, что въ семьѣ—не безъ урода, такъ и Цыпаня былъ не заурядным явленіемъ между русскимъ сельскимъ населеніемъ Сибири и если онъ велъ себя въ отношеніи остяковъ, какъ разбойникъ, то это зависѣло отъ его личнаго алчнаго характера; ростовщичество, которымъ онъ занимался, указываетъ на то же самое. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что остяки жалуются только на Цыпаню и его работниковъ, но вѣдь въ Дыбчасской слободѣ было 16 крестьянскихъ дворовъ и на другихъ крестьянъ мы не встрѣчаемъ съ ихъ стороны жалобъ. Впрочемъ и самъ Цыпаня испытывалъ обиды, если не отъ мѣстныхъ инородцевъ, то отъ русскихъ служилыхъ людей. Въ 1651 г. онъ послалъ Алексѣю Михайло-

---

[52]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 лл. 142—144.

вичу челобитную на стрѣлецкаго сотника Дементія Титова слѣдующаго содержанія: „Въ нынѣшнемъ году осенью водянымъ путемъ по твоему государеву указу послалъ тотъ Дементій изъ Тазовскаго города вверхъ по Енесею въ Закаменное ясачное зимовье собирать ясакъ и тотъ Дементій въ зимовье не пошелъ, а пошелъ въ Дыбчасскую слободу и сталъ ко мнѣ на подворье силою и сталъ собирать ясакъ съ остяковъ. Да у меня на подворьѣ началъ курить вино и прожилъ цѣлую зиму до весенняго воднаго пути. И отъ того куренія дворъ мой со всѣми хлѣбными запасами и со всякимъ деревенскимъ заводомъ и съ животомъ сожженъ и онъ Дементій разорилъ меня до основанія: остался я съ женишкой и сынишкомъ душею, да тѣломъ и пашни пахать нечѣмъ, изъ огня ничего не вынесли“. Затѣмъ Цыпаня насчитываетъ убытковъ отъ пожара рублей на триста и больше, невключая сюда дворовыхъ построекъ, какъ то—двухъ горницъ, амбаровъ, хлѣва и т. п. Не отъ однихъ только мангазейскихъ служилыхъ людей Цыпаня терпѣлъ притѣсненія и обиды: Дыбчасскую слободу посѣщали и енесейскіе служилые люди и эти посѣщенія стоили дорого ея жителямъ. Въ одной челобитной мы находимъ слѣдующія жалобы Цыпани на енесейскихъ воеводъ и служилыхъ людей. Еще въ льготные годы, жаловался Алексѣю Михайловичу Цыпаня, изъ енесейскаго острога воеводы присылали служилыхъ людей ко мнѣ въ заимку, будто на заставу, чтобъ промышленные, торговые и ссыльные люди не проходили рѣкою Елогуемъ на Русь, а рѣка, государь, Елогуй отъ моей заимки внизъ по Енесею больше дня плыть. И отъ тѣхъ служилыхъ людей тѣснота, продажа и убытки великіе были. А какъ льготные годы отошли, то воеводы енесейскіе стали присылать для сбору пятаго снопа и ту заимку приписываютъ къ Енесейскому острогу невѣдомо почему, а та заимка мангазейскаго уѣзда у Закаменнаго зимовья. Да мы же, государь, сироты твои волочимся въ Енесейскій острогъ покупать всякіе деревенскіе заводы, потому что Мангазея городъ непашенный и деревенскихъ заводовъ тамъ нѣтъ никакихъ; а воеводы енесейскіе насъ сиротъ твоихъ приставляютъ ко всякимъ дѣламъ—велятъ насъ выбирать въ городовыя службы, а наемныхъ нашихъ людей берутъ на всякія твои государевы и на свои дворовыя издѣлія и въ томъ намъ чинятся убытки великіе и нашимъ пашнямъ отъ того задержанья помѣшка и недопашка ежегодно“. Въ заключеніе челобитный Цыпаня просилъ государя, чтобъ Дыбчасскую слободу къ енесейскому острогу не приписывали, чтобъ насельниковъ ея къ службамъ и разнымъ издѣліямъ въ Енесейскѣ не приставляли и воеводы служилыхъ людей въ слободу на заставу не присылали. „А наша заимка, государь, хлѣбными запасами будетъ при-

быльна тебѣ государю въ Мангазейскомъ городѣ, потому что Мангазейскій городъ непашенный и хлѣбные запасы служилымъ людямъ и аманатамъ на кормъ посылаются изъ Сибири, а во многіе годы они не приходятъ отъ морскаго разбоя". Челобитная была уважена по всѣмъ пунктамъ и государь велѣлъ, чтобъ выдѣльной хлѣбъ Дыбчасской слободы брать въ Туруханѣ и употреблять на прокормленіе аманатовъ [53]).

Кромѣ Дыбчасской слободы въ описываемое нами время въ мангазейскомъ уѣздѣ не было другихъ крестьянскихъ поселеній; эта слобода была оазисомъ среди инородческаго населенія, которое совсѣмъ не занималось хлѣбопашествомъ. Но и Дыбчасская слобода, хотя ея основаніе относится къ 1638 г., въ силу льготной грамоты не давала еще выдѣльнаго снопа и весь хлѣбъ, необходимый для прокормленія мангазейскихъ служилыхъ людей, ружниковъ, оброчниковъ и инородцевъ доставлялся воднымъ путемъ изъ другихъ сибирскихъ уѣздовъ. Но мы видѣли съ какими трудностями сопряжена была доставка хлѣба въ Мангазею и какіе убытки терпѣла государева казна. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ ниже, было одною изъ главныхъ причинъ упадка Мангазеи и заставило правительство перенести этотъ городъ въ другое мѣсто. Уже въ 1644 г. мангазейскій воевода писалъ, что за отсутствіемъ хлѣба нельзя послать служилыхъ людей въ зимовья для сбора ясака, а равнымъ образомъ и нельзя ожидать прихода торговыхъ и промышленныхъ людей, которые съ промышленныхъ мѣстъ будутъ возвращаться другими дорогами. Значитъ, въ слѣдующемъ году и нельзя было взять десятинной пошлины, а эта статья доставляла казнѣ самый обильный доходъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Мы выше упомянули, что въ Мангазеѣ процвѣтала торговля и промышленность, которыя не только обогащали торговыхъ и промышленныхъ людей, но и государеву казну. Русскіе люди давно тамъ вели мѣновую торговлю и занимались промыслами: начало этому (въ чемъ мы не сомнѣваемся) положили еще новгородцы, какъ этимъ же смѣлымъ мореходамъ и принадлежитъ честь открытія морскаго пути въ Мангазею. Этотъ путь шелъ изъ устьевъ Двины „Колуемъ, на Канинъ носъ, на Тресковую, на два острова, что у Верендеевскихъ мелей, на Мержевикъ, малыми рѣками и большимъ моремъ, на Югорскій шаръ, на Карскую губу и на Мутную и Зеленую рѣки", которыя вели чрезъ полуостровъ Ялмалъ въ Обскую губу; такъ описанъ морской путь въ

---

[53]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 408 (ненумер.).

Мангазею въ грамотѣ Михаила Ѳедоровича отъ 1626 г. [54]). Изъ устьевъ же рѣки Зеленой мореплаватели, перерѣзавъ почти въ прямомъ направленіи съ Зап. на Вост. Обскую губу, входили въ Тазовскую губу и затѣмъ спускались въ рѣку Тазъ. Весь этотъ путь, т. е. изъ устьевъ Двины на рѣку Тазъ при благопріятной погодѣ совершался въ одинъ мѣсяцъ, а если выплывали изъ Мезени, Пинеги и Печоры, то достигали Мангазеи гораздо скорѣе. Московскому правительству этотъ путь, который называется *старымъ*, былъ долгое время мало вѣдомъ, или вѣрнѣе оно не имѣло о немъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя и знало, что торговые и промышленные люди плаваютъ моремъ въ Мангазею и въ Енесею [55]). Точныя свѣдѣнія о морскомъ пути правительство получило только въ началѣ 1616 года отъ тобольскаго воеводы Куракина; послѣдній писалъ въ Москву, „что торговые и промышленные люди ходятъ кочами отъ Архангельскаго города на Карскую губу и на волокъ въ Мангазею, а *другая дорога съ моря въ енесейское устье большими судами*, и что нѣмцы нанимали русскихъ людей, чтобы ихъ отъ Архангельскаго города провели въ Мангазею“. Сообщая въ Москву свѣдѣнія о морскомъ пути въ Мангазею, воевода Куракинъ въ тоже время высказалъ опасеніе, что онымъ могутъ воспользоваться нѣмцы для торговли съ сибирскими инородцами, какъ уже и были съ ихъ стороны попытки по разсказамъ торговыхъ и промышленныхъ людей, „а по-здѣшнему, государь, писалъ этотъ воевода, по сибирскому смотря дѣлу, нѣкоторыми обычаи нѣмцамъ въ Мангазею торговать ѣздити позволить не мошно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, государь, и русскимъ людямъ моремъ въ Мангазею отъ Архангельскаго города для нѣмецъ ѣздить не велѣть,—чтобъ на нихъ смотря нѣмцы дороги не узнали, и пріѣхавъ-бы воинскіе многіе люди сибирскимъ городамъ, какія порухи не учинили“. Тѣмъ болѣе, замѣчаетъ Куракинъ, что если явятся въ Мангазею какіе воинскіе люди, то помощь подать туда изъ Тобольска или другихъ сибирскихъ городовъ скоро невозможно, такъ какъ Мангазея отъ Тобольска и отъ другихъ сибирскихъ городовъ отдалена... а отъ Архангельскаго города ходъ къ Мангазеѣ близокъ.. [56]). Это сообщеніе такъ напугало правительство Михаила Ѳедоровича, что оно въ томъ же году запретило подъ страхомъ опалы и казни плавать тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно. Въ царской грамотѣ тобольскимъ воеводамъ отъ 25 іюня 1616 года читаемъ слѣду-

---

[54]) Р. И. Биб. т. 8 стр. 363.
[55]) А. И. т. 11 № 30.
[56]) Р. И. Биб. т. 11 стр. 1055—56.

ющее: „Торговымъ и промышленнымъ людямъ всѣхъ городовъ и ясачнымъ самоѣдамъ и татарамъ велѣли сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобы нѣмецкихъ людей на Енесей и въ Мангазею отнюдь никого не пропускали и съ ними не торговали и дорогъ имъ ни на какія мѣста не указывали, а также и торговыхъ и промышленныхъ людей изъ Мангазеи на Карскую губу, на Пустоозеро и къ Архангельскому городу пропускать не велѣли, а велѣли ихъ отпускать изъ Мангазеи на Березовъ и на Тобольскъ“... Въ тоже время тобольскимъ воеводамъ предписывалось получше разспросить торговыхъ и промышленныхъ людей: „нѣмецкіе люди съ моря на Енесею кораблями или кочами напередъ сего прихаживали-ль торговати? и будетъ прихаживали, и съ какими товары и многіе-ль люди пріѣзжали“? [57]).

Тѣ торговые и промышленные люди, которые разсказывали Куракину о попыткахъ нѣмцевъ пробраться въ Сибирь, и не подозрѣвали, что эти разсказы имъ же принесутъ великое горе. Поэтому они, узнавъ о правительственномъ распоряженіи относительно морскаго пути, запѣли уже иную пѣсню. „Въ сыску въ Мангазеѣ многихъ городовъ торговые и промышленные люди сказали, что изъ двинскаго устья моремъ въ енесейское устье большими и малыми кочами сами не бывали и изначала про ходоковъ русскихъ и никакихъ иныхъ людей не слыхали; а то де они слыхали, что отъ Мутные рѣки и до Обскаго устья непроходимыя злыя мѣста отъ великихъ льдовъ и всякіе нужи, а у Карскіе де губы кораблей нѣмецкихъ не видали, а съ моря по Енесею кораблями или кочами про проходъ нѣмецкихъ людей не слыхали и на Карскую губу за большимъ льдомъ ѣздити не можно“. Но въ тоже время торговые и промышленные люди били челомъ, чтобъ имъ разрѣшили ѣздить въ Мангазею и обратно прежнимъ путемъ „большимъ моремъ“. Не смотря на рѣзко бросающееся въ глаза противорѣчіе между „показаніями па сыску“ относительно морскаго пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страхъ и въ началѣ 1618 г. писало тобольскому воеводѣ: „изъ Мангазеи торговыхъ и промышленныхъ людей всѣхъ городовъ отпускать на Русь большимъ моремъ и чрезъ камень, а съ Руси въ Мангазею велѣть ходить со всякими товарами тоже большимъ моремъ и чрезъ камень, какъ напередъ того ходили“. А одного изъ разсказчиковъ про нѣмецкихъ людей, такъ напугавшихъ московское правительство, Еремку Савина, даже велѣно „за то бити нещадно, чтобъ на то смотря инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать“ [58]).

---

[57]) Р. И. Биб. т. 11, стр. 1058—59.
[58]) Р. И. Б. т. 11, стр. 1066—67.

Однако русскіе люди, по крайней мѣрѣ открыто, недолго пользовались морскимъ путемъ въ Мангазею. Тобольскій воевода, получивши грамоту о разрѣшеніи этого пути, сдѣлалъ на этотъ предметъ столь существенныя замѣчанія, что правительство снова измѣнило свое рѣшеніе. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ въ Москву, что если дозволить торговымъ и промышленнымъ людямъ ѣздить въ Мангазею „большимъ моремъ", то а) невозможно будетъ съ нихъ пошлину собирать и б) нѣмецкіе люди по слѣдамъ русскихъ могутъ пробраться въ Мангазею и Енесею и тогда государевой казнѣ навѣрно будетъ ущербъ [59]). Эти заключенія приняты во вниманіе и въ концѣ 1619 года изданъ указъ, которымъ снова строжайше запрещалось торговымъ, промышленнымъ и всякимъ людямъ плавать моремъ въ Мангазею [60]). А чтобы это запрещеніе не нарушалось, въ 1620 году велѣно было построить острожекъ на волокѣ между рѣками Мутной и Зеленой и посылать туда изъ Березова и Тобольска служилыхъ людей человѣкъ по 50, чтобы они слѣдили за русскими и нѣмецкими людьми и никого не пропускали тѣмъ путемъ въ Мангазею и обратно [61]). Но тобольскій воевода въ томъ же 1620 году смѣненъ, на его мѣсто посланъ Матвѣй Годуновъ, а этотъ послѣдній на основаніи отписки мангазейскаго воеводы, что „никоими мѣрами нѣмецкихъ людей въ Мангазею не чаяти... и что торговые и промышленные люди, послѣ государева указа, изъ поморскихъ городовъ.... большимъ моремъ на Югорскій шаръ... въ Мангазею для промысловъ не ходятъ", счелъ лишнимъ послать служилыхъ людей для постановки острога на волокѣ между Мутной и Зеленой [62]). Узнавъ объ этомъ, правительство сдѣлало замѣчаніе Годунову и требовало немедленнаго исполненія своего распоряженія. Но ни Годуновъ, ни послѣдующіе тобольскіе воеводы не построили острожка на волокѣ между рр. Мутной и Зеленой и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что на указанное мѣсто были посылаемы служилые люди, которые тамъ жили во весь періодъ навигаціи—до 1-го Сентября [63]). Между тѣмъ въ 1625 году въ Карской губѣ снова появились нѣмецкіе люди—это экспедиція подъ командою Корн. Босмана—и московское правительство, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, снова требовало отъ тобольскихъ воеводъ постройки острожка на упомянутомъ волокѣ и снова издало указъ, запрещающій подъ

---

[59]) Р. И. Биб. т. 11, стр. 1071—72.
[60]) Ibid. стр. 1075.
[61]) Ibid. стр. 1077.
[62]) Ibid. стр. 1084—85.
[63]) Ibid. стр. 1094—95.

страхомъ смертной казни торговымъ и промышленнымъ людямъ пользоваться морскимъ путемъ для проѣзда въ Мангазею. Однако построить острожокъ между Мутной, и Зеленой оказалось очень трудно. Тобольскіе воеводы въ отвѣтъ на царскую грамоту въ 1627 году послали въ Москву слѣдующую отписку: „Въ прошломъ году, государь, посылали мы атамана И. Баборыкина съ 43 служилыми людьми и двумя проводниками на волокъ и велѣли тамъ поставить острожекъ. Они возвратились назадъ въ Сентябрѣ 1626 года и въ разспросѣ сказали: вышедъ изъ Оби они плыли паруснымъ ходомъ по Мангазейскому морю лѣвою стороною до русскаго заворота двое сутокъ; и противъ русскаго заворота пришла на нихъ съ сѣвера туча съ дождемъ и вѣтромъ—парусъ на кочѣ изодрала, сапецъ у кочи выломало, павозокъ разбило, кочь съ якорей сбило и прибило за кошку. Тутъ они стояли 6 недѣль, дожидаясь пособныхъ вѣтровъ, но до Оспожина дня такихъ вѣтровъ не было, а греблею дойти было невозможно; до рѣки Зеленой не дошли за три дня и двѣ ночи пути паруснымъ ходомъ. Поэтому они съ Оспожина дня поплыли назадъ“ [64]). Въ слѣдующемъ году тобольскіе воеводы опять послали 45 человѣкъ подъ начальствомъ того-же И. Баборыкина и съ тою же цѣлію, но мы знаемъ, что еще въ 1637 году на волокѣ между Мутной и Зеленой не было поставлено острожка. Но служилые люди ежегодно жили до перваго сентября на этомъ волокѣ и торговымъ и промышленнымъ людямъ совершенно былъ прегражденъ морской путь въ Мангазею. Это, какъ увидимъ ниже, самымъ гибельнымъ образомъ отразилось на городѣ Мангазеѣ или Тазовскомъ острогѣ. До построенія Тазовскаго острога въ Мангазеѣ, русскіе и зыряне вели здѣсь вольную торговлю съ инородцами, не стѣсняясь ни предметомъ торговли, ни пошлинами съ нихъ. Они привозили на Тазъ и Енесей разныя желѣзныя, мѣдныя, оловянныя и деревянныя издѣлія, мужскія и женскія рубахи, поношенныя и новыя, разноцвѣтные зипуны англійскаго и сермяжнаго сукна и пр. [65]). Иной читатель, пожалуй, удивится и не повѣритъ намъ, что самоѣды и остяки носили такія дорогія одежды, но это несомнѣнно и свѣдѣнія наши взяты изъ подлинныхъ документовъ; напомнимъ только здѣсь о грабежѣ Григорія Цыпани, о чемъ мы упоминали выше, у енесейскаго остяка двухъ англійскихъ зипуновъ—краснаго и синяго. Свои товары русскіе и зыряне промѣнивали инородцамъ на шкуры драгоцѣнныхъ пушныхъ звѣрей и отъ этой мѣны, конечно, имѣли большіе барыши. Не менѣе они обога-

---

[64]) Р. И. Б. т. 8 отъ 363 стр.

[65]) О предметахъ торговли см. подробнѣе въ нашемъ изслѣд. Заселеніе Сибири.... стр. 180—181.

щались и отъ собственныхъ промысловъ соболей, бобровъ и прочаго пушнаго звѣря. Но съ основаніемъ Мангазеи вольной торговлѣ и вольнымъ промысламъ положенъ конецъ, т. е. ограничены предметы торговли и установлены разныя казенныя пошлины. Самый древнѣйшій документъ, касающій торговли и промысловъ въ Мангазейскомъ и Енисейскомъ краяхъ, относится къ 1600 году. Нѣкоторые торговые и промышленные люди, узнавъ о намѣреніяхъ правительства построить острогъ на рѣкѣ Тазѣ въ 1599 году, обратились къ царю Борису съ челобитной, чтобъ пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ „ѣздить, промышлять и торговать въ Мангазею моремъ и рѣкою Обью на Тазъ и на Пуръ, и по Енесею поволно“. Самой этой челобитной до насъ не дошло, а мы знаемъ только отвѣтную на нее грамоту царя Бориса отъ января, 1600 года, слѣдующаго содержанія: „Пинежанъ и Мезенцевъ Угримки Иванова, да Ѳедулки Наумова и всѣхъ промышленныхъ людей Пинежанъ и Мезенцевъ пожаловали: въ Мангазею моремъ и Обью рѣкою, на Тазъ и на Пуръ и на Енесей имъ ходить и съ самоѣдами, которые живутъ на тѣхъ рѣкахъ... имъ торговать велѣли поволно; а нашу десятую пошлину отъ девяти десятое со всякой мягкой рухляди и со всякаго товара тѣмъ торговымъ людямъ давать на Мезени въ Окладниковѣ слободѣ приказнымъ людямъ и старостамъ и цѣловальникамъ, а кромѣ Окладниковой слободы, что на Мезени, нигдѣ десятаго давать имъ не велѣли“. Эта грамота писана еще до основанія Мангазеи въ то время, когда на всемъ морскомъ пути не было еще никакихъ правительственныхъ заставъ, а потому пошлину съ торговыхъ людей можно было взять только тогда, когда торговые и промышленные люди войдутъ съ моря въ р. Мезень, и когда они отправляются съ товарами изъ этой рѣки въ море. Но тою же грамотой не только устанавливалась десятинная пошлина, но и ограничены предметы торговли съ сибирскими инородцами. „А возить имъ съ собою нашихъ государствъ русскіе товары незаповѣдные, да съѣстные всякіе запасы; а про свою нужду брать съ собою человѣку—по топору или по два, да ножей по два или по три, по саадаку и по рогатинѣ, для того, что они тамъ ради своихъ промысловъ живутъ года по два и по три и имъ безъ того быть нельзя; а больше того имъ съ собой оружія, и топоровъ, и ножей не брать и того имъ ничего не продавать; а заповѣдныхъ товаровъ—пищалей, зелья, саадаковъ, сабель, луковъ, стрѣлъ, желѣзецъ стрѣльныхъ, доспѣховъ, копей и рогатинъ и инаго какого нибудь оружія на продажу, и топоровъ и ножей и всякихъ заповѣдныхъ товаровъ не возить...“ [66]). Это

[66]) А. И. т. 11. № 30.

только начало тѣхъ стѣсненій для торговыхъ и промышленныхъ людей, но пока не было заставы на морскомъ пути всякія стѣсненія можно было легко обойти. Но въ 1601 году основанъ на рѣкѣ Тазѣ острогъ, обойти который было уже довольно трудно: изъ Мангазеи и Енесеи выбраться на судахъ на морской путь иначе нельзя, какъ чрезъ рѣку Тазъ. Уже первымъ воеводамъ Тазовскаго острога правительство строго предписываетъ слѣдить, чтобъ торговые люди платили десятую пошлину не только съ товаровъ, но и со всякихъ съѣстныхъ запасовъ, кромѣ хлѣба, если послѣдній провозится не для продажи [67]). Затѣмъ въ наказѣ 1603 года вторымъ мангазейскимъ воеводамъ читаемъ слѣдующее: „Прежъ сего приходили въ Мангазею и въ Енесею съ Руси многіе торговые люди— Пермичи, Вятчане, Вымичи, Пустозерцы, Устюжане, Усольцы, Важене, Коргопольцы, Двиняне, Вологжане и всѣхъ московскихъ городовъ торговые люди со всякими товарами и торговали во всей Мангазеѣ и Енесеѣ, ѣздя по городкамъ, по волостямъ, юртамъ, зимовьямъ и по селамъ съ мангазейскою и енесейскою самоядью, и мѣняли свои товары на соболи, бобры и на всякую мягкую рухлядь, а исторговався, десятинной пошлины съ своихъ товаровъ не платили. И нынѣ государь Борисъ Ѳедоровичъ указалъ въ Мангазеѣ для торговыхъ людей поставить гостинный дворъ и велѣлъ всякимъ торговымъ людямъ, пріѣзжая, торговать въ Мангазеѣ съ самоядью и десятинную пошлину платить на гостинномъ дворѣ, а по городкамъ, волостямъ, по юртамъ, по лѣсамъ и зимовьямъ торговать не велѣлъ“. Дѣйствительно, въ томъ же 1603 г. поставленъ въ Тазовскомъ городѣ гостинный дворъ и этимъ торговля русскихъ людей въ тѣхъ краяхъ въ значительной степени была ограничена. Немногіе инородцы могли приходить для торговли въ городъ и мѣновая съ ними торговля должна значительно упасть. Впрочемъ, пока оставался свободнымъ морской путь въ Мангазею, гостинный дворъ можно было еще обходить. Можно было, не доплывая Тазовскаго города, высаживаться гдѣ-нибудь на рѣкѣ Тазѣ и ходить въ инородческія юрты для торговли: дѣлать это было легко, потому что Тазовскій городъ отъ устьевъ рѣки Таза находился очень далеко. Но съ того времени, какъ запрещенъ былъ морской путь и когда на волокѣ между рѣчками Мутной и Зеленой установлена стража изъ служилыхъ людей, обойти государевы таможни было чрезвычайно трудно. Если и удалось-бы найти способъ обойти мангазейскую таможню, то все равно прійдется наткнуться на таможни или на Собской и Киртасской заставахъ, или въ Березовѣ [68]): вѣдь товары всѣ переписывались и

---

[67]) Р. И. Б. т. 11 стр. 831.

[68]) См. наше изслѣд. Заселеніе Сибири... стр. 178—179.

провезти можно было только то, на что имѣется пропускной листъ изъ какой-нибудь сибирской таможни. Таможенные же порядки были очень строги и отъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ требовалось неукоснительное исполненіе своихъ обязанностей, а за упущеніе при сборѣ пошлинъ они не только отвѣчали своимъ имуществомъ, но и подвергались „великой опалѣ и казни". Наказъ таможеннымъ головамъ предписывалъ: „собирать таможенную десятую саболиную пошлину и всякія таможенныя деньги съ торговыхъ и промышленныхъ и всякихъ людей вправду по государеву крестному управленію.....никому не дружить, по дружбѣ пошлинъ никому не отдавать, посуловъ и поминковъ ничего не брать... роду и племени своему и друзьямъ не наровить, самимъ таможенною пошлиною не корыставиться и своими никакими товарами и хлѣбными запасами не торговать и пр." Таможенные головы въ Мангазею и Туруханское зимовье назначались по большей части изъ посадскихъ людей города Тобольска, а иногда присылались съ Руси. Каждый мѣсяцъ они обязаны были представлять таможенныя книги и пошлины мангазейскимъ воеводамъ, а послѣдніе дѣлали имъ мѣсячный учетъ. Чрезъ два года таможенные головы смѣнялись и смѣна сопровождалась самымъ строгимъ учетомъ ихъ со стороны новыхъ головъ: если въ таможенныхъ книгахъ являлась какая нибудь неправильность, напр. подчистка, подклейка, переборъ или недоборъ пошлинъ, то таможенныя головы задерживались въ Мангазеѣ до государева указа. Кромѣ того головы по окончаніи службы обязаны были являться съ таможенными книгами къ тобольскимъ воеводамъ и послѣдніе обязаны тоже давать имъ учетъ [69]). Конечно злоупотребленія бывали и рѣдкій таможенный голова оставлялъ свою службу безъ начета: иногда этотъ начетъ былъ ничтожный, нѣсколько денегъ, а напр. на таможенныхъ головахъ Иванѣ Кокоринѣ и Петрѣ Брагинѣ начтено денегъ 211 рублей и мягкой рухляди—167 соболей, 17,530 собольихъ хвостовъ, 15 вымковъ собольихъ и 179 собольихъ пупковъ. Несмотря на всѣ ихъ объясненія, они принуждены были уплатить изъ своего имущества все, что на нихъ начтено. А между тѣмъ нѣкоторыя объясненія неправильностей въ таможенныхъ книгахъ были основательны и должны бы приняться во вниманіе. Напр. относительно подчистокъ Кокоринъ и Брагинъ говорили, что это дѣлалось „не воровски", а только исправлялись ошибки переписчиковъ, которые были людьми неопытными, таможенное дѣло было имъ „не за обычай" и они описывались. Но эти описки были такого рода: напр. переписчики въ бѣловыхъ книгахъ ставили по ошибкѣ цифру соболей бо̀льшую той, ко-

[69]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 62 лл. 305—315.

торая значилась въ черновыхъ записяхъ, составлявшихся при самомъ сборѣ пошлинъ. Ошибка очевидная и таможенные головы исправляли ее, чтобы цифра соотвѣтствовала дѣйствительному количеству провезенныхъ соболей какимъ-нибудь промышленникомъ. Но тѣмъ не менѣе головы должны были представить десятую пошлину сообразно этой ошибочной цифрѣ. Или напр. нѣкоторые промышленники между доброю рухлядью имѣли соболей прѣлыхъ, никуда негодныхъ, и таможенные головы не взяли десятой пошлины съ такой рухляди, но при учетѣ оказались виновными и должны были уплатить недостающую десятую пошлину, какъ-бы съ хорошихъ соболей. Впрочемъ Кокоринъ и Брагинъ несомнѣнно дѣлали злоупотребленіе и значительная часть начета была справедлива: это очевидно изъ слѣдственнаго о нихъ дѣла [70]). Тѣ же головы поплатились и за своего предшественника, таможеннаго голову Мокѣева. Послѣдній послѣ учета, сдавъ таможенное дѣло Кокорину и Брагину, по обыкновенію долженъ былъ явиться для новаго учета въ Тобольскъ. Здѣсь произвели ему учетъ гораздо строже, чѣмъ Кокоринъ и Брагинъ, которые, вѣроятно, получивъ взятку, скрыли его злоупотребленія и отпустили изъ Мангазеи безъ начета. А по счетному дѣлу въ Тобольскѣ на Мокѣевѣ насчитано мягкой рухляди на 360 рублей. „И то велѣно доправить на таможенныхъ головахъ Ив. Кокоринѣ и П. Брагинѣ по 180 р. за то, что они отпустили Мокѣева безъ счету“. Дьякъ мангазейскій доносилъ, что все доправлено сполна [71]). Словомъ таможенное дѣло въ Сибири обставлено такъ строго, что таможеннымъ головамъ трудно было безнаказанно злоупотреблять своей властью, если только злоупотребленія ихъ касались царской прибыли: ибо всѣ дѣйствія одной таможни повѣрялись другой, чрезъ которую провозился товаръ и злоупотребленіе, дѣлаемое въ одномъ мѣстѣ, могло быть замѣчено въ другомъ и въ третьемъ, а дѣлать вездѣ подарки, чтобы скрыть часть провозимаго товара, было бы невыгодно и для самихъ владѣльцевъ его. Но въ отношеніи торговыхъ и промышленныхъ людей таможенные головы могли позволять себѣ всякія притѣсненія и прижимки: въ данномъ случаѣ былъ широкій просторъ для разныхъ злоупотребленій. Одно напр. таможенное правило предписывало головамъ: буде мягкая рухлядь у торговыхъ и промышленныхъ людей свыше ста рублей сорокъ соболей, то такую цѣнную рухлядь отбирать на государя, а владѣльцамъ ея выдавать изъ казны деньги за вычетомъ десятой пошлины. Это правило въ высшей степени было тяжелое: оно вело къ тому, что въ

[70]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 57 лл. 35—40; ibid. № 95 л. 23.
[71]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 51 л. 285.

царской казнѣ долженъ былъ сосредоточиться весь лучшій пушной товаръ, а вѣдь только такой товаръ и имѣлъ цѣну на заграничныхъ рынкахъ. Промышленные и торговые люди пришли въ ужасъ, узнавъ о подобномъ распоряженіи, которое сдѣлано въ 1621 г. Мангазейскій воевода доносилъ правительству, что торговые и промышленные люди не хотятъ исполнять этого правила и бѣгутъ со своими товарами мимо Тазовскаго города, не заплатя десятой пошлины; семьдесятъ человѣкъ, бывшихъ на промыслахъ въ Подкаменной Тунгускѣ, имѣя соболей сороковъ по десяти и пятнадцати побѣжали по новой дорогѣ чрезъ Сургутъ, гдѣ нѣтъ заставы. Эта новая дорога лежала по Енесею чрезъ рѣчку Елогуй волокомъ въ Вахъ и затѣмъ въ Обь. Государь по этой отпискѣ велѣлъ Сургутскимъ воеводамъ на удобномъ мѣстѣ поставить стражу изъ служилыхъ людей и объявить всѣмъ торговымъ и промышленнымъ людямъ— если они будутъ захвачены на новой дорогѣ, то товары будутъ отбираться въ казну и сами будутъ наказываться [72]). По упомянутому правилу можно провозить сорокъ соболей въ 100 р., но если сорокъ стоилъ 101 р., то значитъ такой цѣнный товаръ нужно отдавать въ казну. Вотъ при этой-то оцѣнкѣ и могли таможенные головы и цѣловальники дѣлать прижимки торговымъ и промышленнымъ людямъ. Хотя при оцѣнкѣ участвовали и выборные люди, но всетаки голосъ таможенныхъ головъ имѣлъ первенствующее значеніе и отъ нихъ зависѣло увеличить цѣну сорока соболей на нѣсколько рублей и уменьшить; тутъ безъ подарковъ нельзя было обойтись. Впрочемъ такое правило существовало не долго. Въ наказѣ таможеннымъ мангазейскимъ головамъ въ 1635 г. уже предписывалось отбирать въ государеву казну у торговыхъ и промышленныхъ людей только тѣ соболи, которые будутъ цѣною въ 10, 15 и 20 р. каждый („одинецъ“) и за девять долей давать имъ изъ казны деньги [73]). Но такіе цѣнные соболи были рѣдкостью, а потому измѣненное таможенное правило было гораздо менѣе стѣснительно для торговыхъ и промышленныхъ людей.

Не мало было и другихъ поводовъ къ злоупотребленіямъ таможенныхъ головъ своею властью. На Коворина торговые и промышленные люди жаловались государю: „учалъ онъ у насъ сиротъ твоихъ вынимать соболей—десятую пошлину не по твоему государеву наказу, безъ разбору со всѣхъ промышленныхъ соболей рядомъ, и за худые соболишки и за прѣлые и за лоскутье соболье бралъ добрыми лучшими соболями;

---

[72]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № I л. 186.

[73]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 62 лл. 37,38.

а разбирать намъ сиротамъ твоимъ по прежнему, какъ было при прежнихъ таможенныхъ головахъ, добрый соболь къ добрымъ, а плохой къ плохимъ не давалъ и за худые соболи бралъ лучшими—для своей бездѣльной корысти ради посуловъ". Торговые и промышленные люди дѣлали себѣ шубы и шапки изъ соболей, бобровъ, изъ пупковъ собольихъ „про свою нужу", какъ онѝ писали въ челобитныхъ, но Кокоринъ смотрѣлъ на дѣло иначе, какъ на способъ избавить отъ десятой пошлины нѣкоторую часть ихъ промысловъ, и потому тѣ шубы и шапки оцѣнивалъ дорогою цѣною и заставлялъ владѣльцевъ этихъ предметовъ уплачивать десятинное, если конечно промышленники не давали ему взятóкъ. Жаловались торговые и промышленные люди и на многія другія прижимки таможеннаго головы Кокорина [74]).

Къ таможенному вѣдомству принадлежали еще цѣловальники и толмачи; цѣловальничество и толмачество было повинностью для торговыхъ и промышленныхъ людей и послѣдніе выбирали на эти должности людей изъ своей среды. Поэтому злоупотребленіе цѣловальниковъ и толмачей было нѣсколько инаго свойства, чѣмъ злоупотребленіе таможенныхъ головъ: они дѣйствовали въ пользу своихъ избирателей и отъ ихъ злоупотребленій страдала главнымъ образомъ государева казна. Какъ цѣловальниковъ, такъ и толмачей въ Мангазеѣ было по 15-ти человѣкъ: по одному сидѣло въ Мангазеѣ и Туруханѣ, остальные ѣздили съ служилыми людьми по зимовьямъ и тамъ отправляли свои обязанности. Какого рода были злоупотребленія этихъ должностныхъ лицъ можно видѣть изъ отписки мангазейскаго воеводы Погожего. Въ 1623 г. онъ писалъ въ Москву: „пріѣзжаютъ въ Мангазею съ Руси изъ многихъ городовъ торговые и промышленные люди для торговъ своихъ и соболиныхъ промысловъ и выбираютъ промежъ себя въ мангазейскій уѣздъ въ зимовья цѣловальниковъ и толмачей своихъ городовъ друзей и даютъ имъ своихъ товаровъ рублей на 100, 200, 500 и 600 и тѣмъ цѣловальникамъ и толмачамъ заказываютъ на-крѣпко, чтобъ воеводамъ про то было невѣдомо, и на тѣ товары толмачи и цѣловальники въ мангазейскомъ уѣздѣ въ зимовьяхъ, гдѣ который будетъ для государева ясачнаго сбора соболиной казны, покупаютъ лучшіе соболи и бобры и всякую мягкую рухлядь прежде государева ясака, и выходятъ изъ зимовій на соболиные промыслы, и съ своими товарами, не допуская ясачныхъ людей до ясачныхъ городковъ и лучшую мягкую рухлядь у нихъ выкупаютъ на свои товары. А ясачные люди приходятъ въ зимовье къ служилымъ людямъ съ худыми соболями и

---

[74]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 95 лл. 37—44.

толмачи воровствомъ приказываютъ имъ, чтобы они лучшіе соболи продавали, а въ государевъ ясакъ носили соболи худые и тѣ ясачные люди по ихъ приказамъ такъ и дѣлаютъ". Да кромѣ того цѣловальники и толмачи, пишутъ воеводы, закабаливаютъ государевыхъ ясачныхъ людей небольшими долгами, даютъ имъ въ долгъ рубля по 2 или по 3, а потомъ за проценты берутъ у нихъ всякую лучшую мягкую рухлядь годовъ по пяти и по шести, а долгъ всетаки остается; отъ того государевы ясачные люди во всѣхъ зимовьяхъ стали безъ оленей и безъ промысловъ, многіе померли, а иные разбрелись. Изъ того же документа видно, что торговые и промышленные люди нарочно изъ своей среды выбирали въ цѣловальники и толмачи людей „худыхъ задолженныхъ", но лишь бы знавшихъ самоѣдскій и остяцкій языки; потому что такихъ людей легче было задобрить и заставить ихъ заботиться болѣе о своихъ кредиторахъ и друзьяхъ, чѣмъ о государевой прибыли. И если такъ впередъ будетъ, замѣчаетъ тотъ же воевода, т. е. торговые и промышленные люди будутъ выбирать въ цѣловальники и толмачи людей худыхъ, то хорошаго ясачнаго сбора нельзя ожидать. Получивъ эту отписку, Михаилъ Өедоровичъ приказываетъ воеводамъ выбирать въ толмачи и цѣловальники людей добрыхъ и зажиточныхъ, а не воровъ, выбравъ—поверстать ихъ жалованьемъ денежнымъ и хлѣбнымъ, кто въ какую статью годится, и привести ихъ къ крестному цѣлованію, чтобъ имъ государю служить и прямить, а себѣ мягкой рухляди не брали-бъ, ничѣмъ не торговали и торговымъ и промышленнымъ людямъ не наровили-бы [75]). Но зажиточнымъ людямъ не было никакого интереса служить въ этихъ должностяхъ: жалованье толмачамъ давалось такое же, какъ и рядовымъ стрѣльцамъ, цѣловальникамъ—нѣсколько болѣе. А между тѣмъ имъ строго запрещалось вести торговлю, и значитъ торговый человѣкъ, взявши на себя обязанность толмача или цѣловальника, долженъ былъ довольствоваться только ничтожнымъ жалованьемъ и бросить столь выгодные въ Мангазеѣ промыслы и торговлю. Вслѣдствіе этого, не смотря на царскіе указы, въ толмачи и цѣловальники торговые и промышленные люди выбирали изъ своей среды только людей худыхъ и воеводы не имѣли возможности заставить служить въ этихъ должностяхъ людей зажиточныхъ: толмачемъ и цѣловальникомъ могъ быть только тотъ, кто зналъ самоѣдскій и остяцкій языки, но зажиточные торговые люди нарочно говорили, что они этихъ языковъ не знаютъ и стало-быть не могутъ исполнять обязанностей ни толмачей, ни цѣловальниковъ. Поэтому нужда, особенно въ толмачахъ, была ве-

---

[75]) А. М. И. Д. Портф. Миллера № 477.

ликая и иногда доходила до того, что толмачество поручалось такимъ лицамъ, которыя сами плохо знали инородческіе языки и толмачили чрезъ своихъ женъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳедоровича остяки Имбацкаго зимовья послали въ Москву слѣдующую челобитную. Упомянувъ сначала о прежнемъ толмачѣ Иванѣ Волынкинѣ, который хорошо зналъ остяцкій языкъ и толмачилъ въ Имбацкомъ зимовьѣ лѣтъ 12 и что при немъ обидъ остякамъ никакихъ не было и расправа имъ отъ приказныхъ людей была правая, челобитчики пишутъ: „а съ 1641 г. воеводы стали посылать къ нимъ въ Имбацкое зимовье съ служилыми людьми толмачей перемѣнныхъ и худыхъ, которыя ихъ остяцкаго языка вполнѣ не разумѣютъ и разговора остяцкаго хорошо не знаютъ, а толмачатъ при посредствѣ своихъ женъ; при такихъ толмачахъ имъ отъ приказныхъ людей прямой расправы нѣтъ, такъ какъ жены толмачей ни о чемъ говорить приказнымъ людямъ не смѣютъ и имъ въ ясачномъ сборѣ бываетъ великое отягощеніе“ [76]).

Мы выше говорили о тѣхъ разнообразныхъ пошлинахъ, которыя собирались въ государеву казну, какъ то: поголовное, амбарное, лавочное, поживотное, проѣзжая, отъѣзжая и пр. Но самая важная пошлина— это десятинная съ промысловъ, съ купли и продажи всякихъ товаровъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, которые торговые и промышленные люди привозили въ Мангазею. Относительно съѣстныхъ припасовъ сдѣлано только исключеніе для хлѣба, который можно было провозить безпошлинно. Но торговые люди стали злоупотреблять этимъ правомъ и, накупивъ хлѣба въ верхктурскомъ, тюменскомъ и туринскомъ уѣздахъ, привозили оный въ Мангазею подъ видомъ съѣстныхъ запасовъ и производили тамъ очень выгодную торговлю: въ пашенныхъ сибирскихъ уѣздахъ въ урожайные годы пудъ муки стоилъ нѣсколько копѣекъ, а въ Мангазеѣ и Туруханѣ онъ продавался по 50 к., по рублю и даже по 2 р. за пудъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе тобольскій воевода Сулешовъ, столь много заботившійся о государевой прибыли, и установилъ пошлину и съ хлѣбныхъ запасовъ. Вслѣдствіе этого такъ много собиралось въ государевой мангазейской казнѣ хлѣба, что при Сулешовѣ имъ уплачивали въ Мангазеѣ хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, ружникамъ и оброчникамъ и изъ Тобольска въ это время совсѣмъ не посылался хлѣбъ въ „заморскую государеву вотчину“ [77]). Это „уложеніе“ Сулешова существовало не долго и въ мангазейскихъ книгахъ хлѣбныхъ приходовъ съ 1627 г. мы не встрѣчаемъ статьи

---

[76]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 189 л. 145.
[77]) Р. И. Б. т. 8, стр. 353.

прихода пошлиннаго хлѣба. Очень можетъ быть, что торговые люди перестали торговать въ Мангазеѣ хлѣбомъ, находя эту торговлю невыгодною, послѣ того какъ должны были уплачивать десятинную пошлину при покупкѣ хлѣба въ пашенныхъ сибирскихъ городахъ и при продажѣ въ Мангазеѣ. На практикѣ оставалось такъ: хлѣбные запасы по 5 четвертей на человѣка можно было провозить безпошлинно, а при продажѣ его взималась пошлина. Но изъ отписки мангазейскаго воеводы въ 1641 г. видно, что торговые и промышленные люди иногда отказывались платить десятую пошлину и при продажѣ хлѣба, и воевода не находилъ нужнымъ требовать ее ради того, чтобъ „ихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ мангазейскихъ торговъ и промысловъ не отогнать“, тѣмъ болѣе, какъ доносилъ воевода, продажа хлѣба бываетъ малая—четверти по 2 и по 3 [78]). Съ другихъ же съѣстныхъ запасовъ—меду, рыбы, зайцевъ и пр. десятая пошлина взималась всегда, если только торговые люди напередъ не заручились царской грамотой „о безпенномъ провозѣ“, что было рѣдкимъ исключеніемъ.

Главная статья государевыхъ доходовъ въ Мангазеѣ—это десятая соболиная пошлина съ промышленной и покупной всякой мягкой рухляди. Это ясно будетъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ 1626 г.	взято на	14,062 р.	30 к.	(А. М. Ю. Сиб. Прик.	Ст.	№	4	л.	474)
„ 1627 „	„ „	15,492 „	60 „	(ibid.	„	„	4	„	489)
„ 1628 „	„ „	15,354 „	19 „	(ibid.	кн.	„	17	„	61)
„ 1631 „	„ „	12,952 „	78 „	(ibid.	ст.	„	58	„	368)
„ 1635 „	„ „	10,749 „	90 „	(ibid.	„	„	58	„	—)
„ 1636 „	„ „	17,265 „	17 „	(ibid.	„	„	52	„	137)
„ 1637 „	„ „	13,729 „	— „	(ibid.	кн.	„	204	„	143)
„ 1638 „	„ „	11,443 „	— „	(ibid.	ст.	„	73	„	75)
„ 1641 „	„ „	11,812 „	92 „	(ibid.	„	„	103	„	861)
„ 1642 „	„ „	12,594 „	22 „	(ibid.	„	„	111	„	123)
„ 1646 „	„ „	5,113 „	90 „	(ibid.	кн.	„	204	„	145)

Мы вездѣ обозначали мангазейскую цѣну пушнаго товара, но московская оцѣнка была гораздо выше: напр. въ 1628 г. въ Мангазеѣ десятинный сборъ мягкой рухляди оцѣненъ въ 15,354 р., а въ Москвѣ—въ 17,285 р. [79]); въ 1635 г. десятинную мягкую рухлядь въ Мангазеѣ оцѣнили въ 10,749 р., а въ Москвѣ—въ 12,952 р. [80]). Такимъ образомъ, если къ десятинной пошлинѣ прибавить еще ясакъ и поминки, то окажется, что государева казна ежегодно получала изъ Мангазеи мягкой рухляди minimum по московской цѣнѣ на 17 тысячъ рублей, а

[78]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 571.

[79]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 17 л. 63.

[80]) Ibid. кн. № 20.

maximum около 30 т. рублей *). Но Мангазея, какъ мы упомянули выше, была золотымъ дномъ не только для государевой казны, но и для торговыхъ и промышленныхъ людей. Контингентъ послѣднихъ состоялъ почти исключительно изъ жителей нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній. Такъ изъ таможенной книги 1641 г. видно, что чрезъ мангазейскую таможню въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ этого года проѣхали на Русь всего 247 человѣкъ: пинежанъ—61 ч., устюжанъ—44, важенянъ—21, сольвычегодцевъ—17, мезенцевъ—7, вологжанъ—5, усольцевъ—6, двинянъ—4, гостинной московской сотни—4 чел., патріаршихъ крестьянъ—2 ч., Сергіева монастыря крестьянъ—4 ч., тюменцевъ—3,

*) Пожалуй, иному читателю будетъ интересно знать, какое же употребленіе имѣла эта масса шкуръ разныхъ пушныхъ звѣрей, ежегодно присылаемыхъ изъ Сибири въ государеву казну? Чтобы удовлетворить любопытство читателя, мы приведемъ здѣсь данныя изъ расходной книги Казанскаго Дворца, изъ которыхъ видно будетъ, на какіе предметы расходовалась государева соболиная казна. „1627 г. сентября 7, 40 соболей цѣна 60 р. послано государю одарить тѣми соболями отца своего св. патр. Филарета на праздникъ Рожд. Богор.“ Октября 27. „Солунскому епископу, Синайскому архимандриту, Аѳонской горы строителю и келарю, попамъ и дьяконамъ отъ государя и отъ свят. патріарха—40 соболей цѣна 28 р., 40 соболей цѣна 20 р., 480 соболей цѣна по 15 р. сорокъ“. Ноября 26 „Дохтору Ортемію для затарской посылки жалованья государева 40 соболей цѣна 75 р. и 40 „соболей цѣна 50 р.“—Свійскому королю послано соболей отъ государя на 240 р. и отъ патріарха на 70 р.“—„Турской земли города Мирликія Никольскаго монастыря митрополиту Іереміи и старцамъ на 75 р. соболей“ „Послать въ Крымъ по цареву и калгину запросу на 1070 р.“—„въ Крымъ цареву ближнему человѣку Алгазы Агѣ на 50 р.“—„Послать милостыни цареград. патріарху Кириллу и александр. патріарху Герасиму на 400 золотыхъ соболями“. Таковъ расходъ соболиной казны на жалованье, подарки и милостыни. Но московскіе цари были и первыми купцами въ московскомъ государствѣ: они вели значительную торговлю пушнымъ товаромъ въ Персіи и наживали хорошія деньги. „Гостю Ѳедору Котову и торговымъ людямъ, которые посланы съ нимъ съ государевымъ товаромъ въ персицкую землю соболей на 140 рублей“ Апрѣля 20. „По государеву указу гостю Булгакова велѣно выдать изъ Казанскаго дворца соболей на 1673 г. для торговли съ кизильбашскими купчинами на сырой шелкъ“. Затѣмъ московскіе цари за всякаго рода покупки уплачивали не деньгами, а шкурами пушныхъ звѣрей. Марта 25. „Велѣно дать торговому человѣку Андрею Семенову за золотые и за золото дѣльное, что у него взято къ золотому дѣлу, соболями на 663 р. 20 а.“ „Торговому человѣку за 800 золотыхъ угорскихъ по цѣнѣ на 672 р., по 28 ал. за золотой дать соболями и иною мягкой рухлядью всего 15 сороковъ соболей“. „Торговому человѣку Семенову за взятый у него жемчюгъ 482 золотника по цѣнѣ за 907½ р. дать соболями“. „Торговому человѣку А. Семенову за взятые у него къ госуд. дѣлу 890 золотыхъ угорскихъ, да 111½ золотниковъ золота дѣльнаго, 142 золотника жемчюгу мелкаго по цѣнѣ за 907 р. 14 а. дать соболями“.

тобольчанъ—6 и т. д. Словомъ $^9/_{10}$ торговыхъ и промышленныхъ людей приходилось на жителей нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній и это понятно почему. Послѣдніе давно были знакомы съ Мангазеей, какъ и съ инородцами—самоѣдами и остяками, знали ихъ языкъ и нравы, давно были знакомы съ водными путями, ведущими въ Сибирь, и затѣмъ вслѣдствіе неудобной для хлѣбопашества почвы они преимущественно занимались торговлею и промыслами. Эти 247 человѣкъ имѣли пушнаго товара на 28 т. рублей: нѣкоторые изъ нихъ везли рублей на 40, на 100, другіе на 500 р., и нѣкоторые на 1000, 1500 р. и болѣе [81]).

Районъ торговыхъ и промышленныхъ операцій русскихъ людей очень обширный—по рр. Пуру, Тазу, Енесею, Пясидѣ, Хетѣ, Хотангѣ, Анабарѣ, Тунгускамъ, Вилюю, Ленѣ и даже по островамъ Ледовитаго океана. Число торговыхъ и промышленныхъ людей, ежегодно отправлявшихся въ мангазейскій уѣздъ, было неодинаково, какъ это видно изъ таможенныхъ книгъ, отъ 500 и до 1000 человѣкъ, но когда существовалъ морской путь ихъ, вѣроятно, было значительно болѣе; только отъ того времени до насъ не дошло ни одной таможенной книги. Они жили тамъ по 2, по 3 и даже по 5 лѣтъ. Большая часть ихъ самостоятельно занималась торговлею и промыслами, а нѣкоторые торговые люди, напр. гостинной сотни, посылали въ Мангазею своихъ приказчиковъ или за покупкою пушнаго товара, или для промысловъ. А какъ велики были денежныя суммы, посылаемыя торговыми людьми съ своими приказчиками для закупки шкуръ пушныхъ звѣрей, можно судить по слѣдующему случаю. Въ 1637 г. Надѣйка Свѣшниковъ послалъ въ мангазейскій уѣздъ своего приказчика съ тремя людьми и вручилъ ему денегъ 5500 р. Судьба этого дѣла была самая печальная. Въ слѣдующемъ году Свѣшниковъ уже билъ челомъ государю, что посланный имъ приказчикъ умеръ, а люди его живутъ въ Сибири на Ленѣ „проживаютъ и пропиваютъ тотъ животъ мой“ и просилъ написать грамоту ленскому воеводѣ, чтобъ онъ отыскалъ тѣхъ людей и выслалъ ихъ въ Москву [82]). Эта сумма въ $5^1/_2$ т. рублей свидѣтельствуетъ о большихъ торговыхъ оборотахъ, которые имѣли нѣкоторые торговые люди въ Сибири.

Что же касается всего товара, провозимаго ежегодно чрезъ мангазейскую таможню, то объ этомъ также можно судить по нѣкоторымъ даннымъ. Десятая пошлина, собираемая на государя, не всегда можетъ обозначать количество всего товара, провезеннаго чрезъ мангазейскую таможню, потому что иногда торговые люди возвращались чрезъ Мангазею

---

[81]) А. М. Ю. Сиб. П. кн. № 504 л. 148.
[82]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 л. 488.

на Русь, уже уплативъ таковую пошлину въ Ленскомъ или Енесейскомъ острожкахъ: напр. въ 1637 г. мангазейскій воевода доносилъ, что 130 человѣкъ, съ которыхъ довелось взять десятой пошлины 827 сороковъ, 36 соболей, уплатили эту пошлину въ Ленскомъ и Енесейскомъ острогахъ [83]). Но за то всѣ платили въ Мангазеѣ „поживотное на мірскіе государевы расходы" и еслибъ эта пошлина собиралась постоянно, то мы имѣли бы документальныя данныя относительно цѣнности всего товара, ежегодно провозимаго на Русь чрезъ Мангазею. Но, какъ мы выше говорили, „поживотное" принадлежало къ чрезвычайнымъ пошлинамъ и взималась только за нѣкоторые годы. Такъ съ 12 Іюля 1635 г. по 1-е Сентября таковой пошлины по деньгѣ съ рубля взято съ торговыхъ и промышленныхъ людей 565 р., стало-быть цѣнность ихъ товара опредѣлена въ 565,000 рублей [84]); въ 1629 г. этого же рода пошлины по 5 денегъ съ рубля взято съ 347 человѣкъ 674 руб., значитъ, товара было на 135 тысячъ рублей [85]).

Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича городъ Мангазея сталъ все болѣе и болѣе падать. Еще въ 1627 году мангазейскіе торговые и промышленные люди разныхъ городовъ били челомъ государю, что въ Мангазеѣ—около Мангазейскаго города, Туруханскаго зимовья, вверхъ по Енесею и внизу Нижней Тунгуски—соболи и бобры „опромышлялись" и они начали ходить въ верхнія мѣста Тунгуски, гдѣ соболи добры и всякаго звѣря много [86]). Такимъ образомъ первою причиною упадка Мангазеи было оскудѣніе того богатства, которымъ прежде славилась мангазейская область. Открылись новыя мѣста промысловъ—это верхнія части Нижней и Средней Тунгусокъ, но эти мѣста слишкомъ далеко находились отъ города Мангазеи: торговые и промышленные люди пишутъ, что они изъ Тазовскаго города доходятъ до верхнихъ промышленныхъ мѣстъ только на другое лѣто. И вотъ торговые и промышленные люди, чтобы сократить разстояніе начинаютъ жить въ Туруханскомъ зимовьѣ и въ этомъ мѣстѣ мало-по-малу образуется такой же центръ, какимъ прежде былъ городъ Мангазея. Только пока существовалъ послѣдній проживанье въ Туруханѣ вызывало множество неудобствъ. Торговымъ и промышленнымъ людямъ по разнымъ случаямъ часто приходилось ѣздить въ городъ, гдѣ жили воеводы и эти поѣздки сопряжены были съ большими трудностями, убытками и

[83]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 571 (ненумер.).
[84]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 78 л. 60.
[85]) Ibid. кн. № 26 л. 68.
[86]) Р. И. Б. т. 11 стр. 849.

потерею времени. Напримѣръ въ 1634 г. они жаловались, что приказные люди въ Туруханѣ судятъ ихъ по исковымъ челобитнымъ только до 5 р., а если искъ превышалъ эту сумму, то они расправы не даютъ и посылаютъ истцовъ и отвѣтчиковъ къ воеводамъ въ Мангазею. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ лежала обязанность возить ежегодно весною изъ Туруханскаго зимовья въ Мангазею аманатовъ съ служилыми людьми для государева жалованья и разспросу о сборѣ ясака и привозить ихъ обратно. А между тѣмъ путь этотъ былъ длинный и неудобный: по рѣкѣ Турухану можно было плыть въ большихъ судахъ, по малымъ рѣчкамъ нужно было перегружаться въ коломенки, нѣкоторыя мѣста тянуть волокомъ, а затѣмъ по рѣкѣ Тазу снова переходить на кочи; вслѣдствіе этого путь отъ Туруханскаго зимовья до Мангазеи совершался только въ три недѣли и обратный проѣздъ требовалъ столько же времени. А пока, пишутъ челобитчики, изъ Мангазеи не привезутъ аманатовъ, приказные люди не отпускаютъ торговыхъ и промышленныхъ людей изъ Туруханскаго зимовья на соболиные промыслы ни одного человѣка, а въ это время вешняя вода изъ Тунгусокъ уходитъ, путь по этимъ рѣкамъ вслѣдствіе пороговъ дѣлается затруднительнымъ и они доходятъ до промышленныхъ мѣстъ слишкомъ поздно и потому ежегодно „живетъ безпромыслица“. Да и мангазейскій воевода въ томъ же году доносилъ, что эти переѣзды тяжело отзываются на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ и спрашивалъ, не прикажетъ ли государь ему или его товарищу жить въ Туруханскомъ зимовьѣ, тѣмъ болѣе, что въ Мангазеѣ теперь собирается пошлина только съ юколы, „съ собачьяго костья“, съ рыбы и съ зайцевъ да и то небольшая [87]). Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ промыслы, которые въ прежнее время давали огромные барыши, дѣлаются все менѣе и менѣе выгодными, да къ тому же они находились теперь въ странѣ тунгусовъ, народа жестокаго, который массами нападалъ на торговыхъ и промышленныхъ людей и убивалъ послѣднихъ ежегодно человѣкъ по тридцать, по 50, по 100 и больше. Слухи объ этихъ трудностяхъ и убійствахъ доходятъ до Руси и въ Мангазею все менѣе и менѣе торговыхъ и промышленныхъ людей отваживаются ѣздить ради торговли и промысловъ. Наконецъ, нѣкоторыя случайныя обстоятельства имѣли большое вліяніе на паденіе города Мангазеи. Мы выше упоминали, что съ 1641 и до 1644 г. въ этотъ городъ не пришло ни одной кочи съ хлѣбомъ: всѣ они были разбиты бурями въ Обской губѣ. И въ Мангазеѣ насталъ великій голодъ: жители питались въ это время юколой, „собачьимъ

[87]) А. М. Ю. Сиб. Прик. ст. № 656.

костьемъ" и т. п. Къ довершенію несчастья въ 1643 г. городъ почти весь выгорѣлъ: сгорѣли воеводскій дворъ, государевы амбары, съѣзжая изба, нѣкоторыя городскія стѣны, а оставшіяся отъ пожара постройки были то разломаны, то раскрыты. Изъ Казанскаго дворца шлется мангазейскимъ воеводамъ приказъ немедленно служилыми, торговыми и промышленными людьми поставить острогъ, укрѣпить его всякими крѣпостями, построить воеводскій дворъ, съѣзжую избу, государевы амбары. Но исполнить этотъ приказъ оказывается нѣтъ возможности. Служилые люди послали государю такую челобитную: „Намъ холопямъ твоимъ порченыхъ, разломанныхъ и раскрытыхъ мѣстъ Мангазейскаго города и острогъ ставить на горѣломъ мѣстѣ, съѣзжую избу, воеводскій дворъ и государевы амбары дѣлать некѣмъ: насъ въ Мангазеѣ служилыхъ людишекъ всего 94 человѣка, да изъ нихъ 70 человѣкъ посылаются на государевы годовыя, двухгодовыя и трехгодовыя службы по ясачнымъ зимовьямъ и съ ясакомъ въ Москву, 10 человѣкъ сидятъ въ тюрьмѣ и остается въ Мангазейскомъ городѣ для береженія государевой казны всего 14 человѣкъ. Да въ Мангазею по 3 года государевыхъ кочей и торговыхъ и промышленныхъ людей не приходило, всѣ тѣ суда разбило въ морѣ до основанія и мы служилые людишки не получали хлѣбнаго и солянаго жалованья по 2 по 3 и по 4 года. На твои государевы службы поднимались, должая великими долгами, жены и дѣти наши, живучи въ Мангазейскомъ городѣ, терпятъ голодъ, а теперь и должаться не у кого, потому что городъ запустѣлъ...." [88]).

Самъ воевода зимою писалъ въ Москву, что „онъ въ великій постъ уходитъ въ Туруханское зимовье и до того времени хлѣбными запасами, привезенными изъ Енесейска, нельзя прокормиться помимо юколы и „костья собачьяго", что дьякъ Ододуровъ, бросивъ государевы дѣла, убѣжалъ, и ѣхавшій на его мѣсто дьякъ Теряевъ, не доѣхавъ Мангазеи, застрялъ въ рѣкѣ Тазъ и умеръ голодною смертью; промышленные жилецкіе люди осенью побрели въ Туруханъ и енесейскій острогъ, а многимъ стрѣлецкимъ женамъ, мужья которыхъ находятся на службахъ, придется съ дѣтьми помереть отъ голоду, потому что въ Туруханъ онѣ брести не могутъ, а изъ Турухана въ зимнее время прислать въ Мангазею хлѣбныхъ запасовъ невозможно. Кромѣ того, воевода сообщалъ, что на весну онъ не можетъ послать служилыхъ людей въ зимовье для сбора ясака такъ какъ нечѣмъ подняться, что въ Туруханѣ и въ Мангазеѣ въ этомъ году государевыхъ денежныхъ до-

---

[88]) А. Ю. Сиб. Прик. ст. № 139 л. 160.

ходовъ ничего не будетъ, потому что собрать не на комъ и не съ чего“ [89]).

Такова была печальная картина положенія Мангазеи въ 1644 году! Въ Туруханскомъ зимовьѣ дѣла были не лучше. Мангазейскій воевода, явившись сюда, прежде всего объявилъ торговымъ и промышленнымъ людямъ указъ о постройкахъ въ Мангазеѣ, но самъ онъ, видя ихъ бѣдность и малочисленность далъ имъ „въ городовой подѣлкѣ сроку до государева указа“. Но эта бѣдность однако не помѣшала ему взыскивать съ тѣхъ же торговыхъ и промышленныхъ людей деньги 73 р. за площадное письмо. Послѣднее отдавалось на откупъ за 73 р. въ годъ, но площадной писецъ въ виду тяжелыхъ временъ сбѣжалъ и теперь воевода рѣшается доправить эти деньги на торговыхъ и промышленныхъ людяхъ и, по обыкновенію, правежомъ; такимъ же средствомъ онъ хотѣлъ заставить торговыхъ и промышленныхъ людей дать цѣловальниковъ для посылки послѣднихъ въ ясачныя зимовья. Въ отвѣтъ на царскій указъ о постройкахъ въ г. Мангазейскомъ и на дѣйствія воеводы торговые и промышленные люди послали Михаилу Өедоровичу челобитную, изъ которой ясно видно, чѣмъ была для нихъ Мангазея прежде и чѣмъ теперь стала. „По твоему государеву указу“, пишутъ они, „воевода велѣлъ намъ, сиротамъ твоимъ, промежъ себя изъ торговыхъ и промышленныхъ людей выбирать во всякія, мангазейскія службы годовыя, двухъ годовыя и трехъ годовыя противъ прежнихъ годовъ. А въ прежніе годы всякихъ выборныхъ людей въ Мангазеѣ было по 30 человѣкъ и больше тѣ службы всякому человѣку стоили въ годъ рублей по 40 и 50, а дальніе рублей по 80, но теперь такихъ службъ мы нести не можемъ, потому что не тѣ времена, не такіе теперь торги и промыслы! Въ прежніе годы торговыхъ и промышленныхъ людей приходило въ Мангазею человѣкъ по 600, 700 и больше и съ соболиныхъ промысловъ возвращалось каюковъ по 100 и по 150 и больше да изъ Енесейскаго острога приходило дощаниковъ по 20, такъ что всякихъ людей на мангазейскую ярмарку съѣзжалось тысячи по двѣ и больше. А каковы тогда были торги и промыслы! У одного человѣка товару тысячи на 2, на 3, на 4, на 5 и болѣе. На одного человѣка „ужинъ“ (долей) по 50 и болѣе. И всякія государевы службы служили безъ ослушанія и безъ отягощенія, а теперь собралось торговыхъ и промышленныхъ людей только человѣкъ 150, да изъ Енесейска пришелъ одинъ досчаникъ. И всѣ люди бѣдные задолжавшіеся и голодные! А если бываютъ богатые люди, то это прикащики купцовъ гостинной

---

[89]) А. М. Ю. Сиб. Пр. ст. № 134 лл. 443, 444, ст. № 139 л. 165.

сотни, которые торгуютъ тысячъ на 6, на 7 и больше, но они пожалованнымъ московскимъ грамотамъ не служатъ никакихъ государевыхъ службъ". Въ той же челобитной мы находимъ и указанія—почему въ Мангазею все менѣе и менѣе стало приходить торговыхъ и промышленныхъ людей. Послѣдніе годы промыслы стали неудачны и избыточны: ясачные люди тунгусы на промыслахъ въ лѣсахъ и въ зимовьяхъ промышленниковъ убиваютъ, мучатъ, жгутъ, отнимаютъ хлѣбные запасы, всякія промышленныя орудія соболи и платье: въ 1642 г. тунгусы убили промышленниковъ 20 человѣкъ, въ 1643—1644 гг. убили 35 человѣкъ, а во многіе годы убивали человѣкъ по 100 и болѣе. Вслѣдствіе этого, читаемъ въ челобитной, оттого мученья и грабежу промышленные люди отбыли промысловъ и задолжались великими долгами. Да въ 1642 г. кочи, прибывшія съ моря, замерзали въ р. Тазѣ и русскимъ людямъ пришлось побросать свои товары и оттого торги и промыслы принесли только одни убытки. Мы также упоминали, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ государевы кочи съ хлѣбными запасами разбивало на морѣ, но между этими кочами всегда были и кочи торговыхъ и промышленныхъ людей, стало быть и послѣднія постигала та же участь, какъ и казенныя. И вотъ промышленные люди, слыша объ убійствахъ и грабежахъ тунгусовъ, о крушеніи кочей на морѣ, о пожарѣ въ Мангазеѣ, о великихъ тягостяхъ отъ государевыхъ службъ и издѣлій, о голодѣ въ Тазовскомъ городѣ, не рѣшаются уже предпринимать далекое путешествіе въ Мангазею. Да и тѣ, которые были на промыслахъ, человѣкъ 150, получивъ подобныя вѣсти, не пошли въ Мангазею въ 1644 г., а, уплативъ десятую пошлину на заставѣ при устьяхъ Подкаменной Тунгуски, возвратились на Русь инымъ путемъ чрезъ Енесей, Елогуй, Вахъ и Обь мимо Сургута. Въ заключеніе челобитной торговые и промышленные люди просили государя избавить ихъ отъ цѣловальниковъ, отъ построекъ въ Мангазеѣ, не взыскивать съ нихъ площадныхъ денегъ, чтобъ имъ въ конецъ не погибнуть и не разбрестись врозь...... [90]).

Собственно говоря, уже съ того времени, какъ изсякъ источникъ богатства въ Мангазеѣ, какъ „соболи опромышлялись" по рѣкамъ Пуру и Тазу, Мангазейскій городъ оказался совершенно не на мѣстѣ: существованіе его приносило только одинъ вредъ торговымъ и промышленнымъ людямъ. Правительство еще могло дорожить имъ, такъ какъ тамъ были возведены разныя казенныя постройки, но въ 1643 г. пожаръ уничтожилъ почти весь городъ и правительство теперь легко могло

[90]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 139 лл. 168—172.

разстаться съ нимъ и перенести его въ Туруханское зимовье. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ теперь имѣлъ городъ на р. Тазѣ? Пожалуй, онъ долженъ былъ еще служить въ качествѣ зимовья для сбора ясака съ мангазейскихъ самоѣдовъ, но не какъ административный и торговый центръ мангазейскаго уѣзда; эта роль должна перейти къ Туруханскому зимовью и московское правительство поступало въ высшей степени неблагоразумно, направляя торговыхъ и промышленныхъ людей чрезъ Мангазею. Иное дѣло, когда былъ свободенъ морской путь въ Сибирь! Этою послѣднею дорогою торговые и промышленные люди—разные двиняне, мезенцы, пинежане, устюжане, важене гораздо скорѣе и съ меньшею опасностію достигали Мангазейскаго города, чѣмъ путемъ, который установило правительство, т. е. Обью и Обскою и Тазовскою губами. Что морской путь изъ устьевъ Двины и Мезени не только въ Мангазею, но даже въ Туруханское зимовье былъ спѣшнѣе, чѣмъ чрезъ устья Оби, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство самихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Торговый человѣкъ Кондрашка Куркинъ и стрѣлецъ Кондрашка Корела на допросѣ говорили тобольскимъ воеводамъ: „отъ Архангельскаго города по вся годы ходятъ кочами многіе торговые и промышленные люди со всякими нѣмецкими товарами и съ хлѣбными запасами, а поспѣваютъ моремъ въ Карскую губу въ двѣ недѣли, по рѣкѣ Мутной ходу 5 дней, волокъ полторы версты и по Зеленой 4 дни....“ весь же путь отъ Архангельска до Мангазеи по показанію этихъ лицъ совершался въ четыре недѣли. По другимъ показаніямъ Мутную рѣку проходили въ 5 дней, Зеленую въ 10 дней, „а отъ устья Зеленой рѣки губою бѣжать парусньмъ ходомъ до завороту (т. е. до Тазовской губы) день, Тазовскою губою до устьевъ рѣки Тазъ два дня и двѣ ночи.... И рѣкою Тазъ до города Тазовскаго (т. е. Мангазеи) двое сутокъ“... [91]). Другіе находили этотъ морской путь нѣсколько продолжительнѣе, но изъ всѣхъ показаній тобольскій воевода вывелъ заключеніе, что изъ Архангельска моремъ въ Мангазею поспѣваютъ въ $4^1/_2$ недѣли. Между тѣмъ изъ Тобольска въ Мангазею по Иртышу, Оби и чрезъ Обскую и Тазовскую губы въ благопріятную погоду „большимъ погодьемъ“ суда достигали въ 8 недѣль, а въ менѣе благопріятную погоду „коли погодья живетъ мало“ недѣль въ 13 и больше [92]). Если столько времени требовалось проплыть изъ Тобольска въ Мангазею, то сколько же нужно было времени, чтобы разнымъ двинянамъ, мезенцамъ, устюжанамъ добраться до Мангазеи чрезъ Уральскій

[91]) Р. И. Б. т. 11 стр. 1090—91.
[92]) Р. И. Б. т. 11 стр. 1056.

хребетъ? Очевидно, что гораздо болѣе. Кромѣ того нужно замѣтить, что путь чрезъ Обское устье былъ опасенъ: въ Обской губѣ рѣдко бывала благопріятная погода, а почти всегда дулъ сѣверный вѣтеръ, который иногда совсѣмъ препятствовалъ выйти судамъ изъ Обскаго устья, или во время пути прибивалъ ихъ къ берегу, а часто, какъ мы выше упоминали, даже разбивалъ ихъ. Торговые и промышленные люди считали этотъ путь самымъ опаснымъ и даже совѣтовали правительству избѣгать его. Еще въ 1627 г. они въ Казанскомъ дворцѣ говорили, что если посылать служилыхъ людей изъ Тобольска въ Туруханское зимовье, то слѣдуетъ направлять ихъ по Иртышу въ Обь и по Оби вверхъ чрезъ Кеть въ Енесейскъ и затѣмъ внизъ по теченію Енесея, что ходъ изъ Тобольска въ Туруханское зимовье чрезъ Енесейскъ спѣшнѣе, „поспѣваютъ ранѣе", чѣмъ чрезъ Обскую губу и чрезъ Тазъ [93]). „Поспѣваютъ ранѣе" не потому, что этотъ путь короче; нѣтъ, онъ гораздо длиннѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье: изъ Тобольска въ Мангазею послѣднею дорогой плавали отъ 8 до 13 недѣль, да отъ Мангазеи до Туруханскаго зимовья $2^1/_2$ недѣли, а нартянымъ ходомъ три недѣли. Тогда какъ до Енесейска чрезъ Иртышъ, Обь, Кеть, волокъ и Касъ можно было доплыть только въ четыре мѣсяца; въ Енесейскѣ, говорили промышленные люди, нужно зимовать, а потомъ уже на другую весну плыть въ Туруханское зимовье. Путь отъ Енесейска до Туруханскаго зимовья совершался водою въ двѣ недѣли, а нартянымъ ходомъ три недѣли. Очевидно, что такой кружной путь торговые люди предпочитали только потому, что путь чрезъ Обское устье былъ въ высшей степени опасенъ. Между тѣмъ морской путь въ Мангазею не только былъ спѣшнѣе, какъ мы видѣли, но и безопаснѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье. По крайней мѣрѣ о крушеніяхъ на морскомъ пути нѣтъ и помину въ показаніяхъ торговыхъ людей. Выплывъ изъ устьевъ рѣки Зеленой въ Обскую губу, суда попадали прямо подъ попутный сѣверный вѣтеръ, который прямо гналъ ихъ въ губу Тазовскую и былъ попутнымъ до самой Мангазеи.

Все это мы говорили къ тому, чтобы показать, что городъ Мангазейскій даже послѣ окончательнаго упадка соболиныхъ промысловъ въ самой Мангазеѣ, могъ бы еще существовать и процвѣтать, еслибъ только былъ свободенъ морской путь къ нему—„старая дорога". Тогда торговымъ и промышленнымъ людямъ нельзя было обойти его и чрезъ Мангазейскій городъ ежегодно проходило-бы minimum $1^1/_2$ т. человѣкъ съ товарами на нѣсколько сотъ тысячъ. Когда же морской путь былъ

[93]) Р. И. Б. т. 11 стр. 853.

запрещенъ, а мѣстныя богатства оскудѣли, то существованіе города на р. Тазѣ сдѣлалось совершенно безполезнымъ и убыточнымъ, какъ для правительства, такъ и для торговыхъ людей. Его роль теперь съ большимъ успѣхомъ могло исполнять Туруханское зимовье, куда путь отъ устьевъ Иртыша чрезъ Обь мимо Сургута, по рѣкамъ Ваху и Елогую и затѣмъ по Енисею былъ значительно спѣшнѣе, чѣмъ чрезъ Обское устье; этимъ послѣднимъ путемъ уже ходили торговые и промышленные люди, а въ 1644 г. и государевъ ясакъ изъ Туруханскаго зимовья отправленъ былъ именно чрезъ Елогуй. Между тѣмъ московское правительство сохраняло этотъ городъ до самаго 1672 г., когда онъ былъ перенесенъ къ устью Турухана. Въ это время морской путь въ Сибирь уже былъ забытъ и до извѣстнаго Крижанича, жившаго тогда въ Тобольскѣ, доходили о немъ только неясные слухи. Тѣмъ не менѣе онъ обратилъ на нихъ вниманіе и въ одномъ своемъ сочиненіи высказалъ взглядъ на значеніе для Сибири морскаго пути отъ города Архангельска. Говоря о разныхъ предметахъ торговли, которыми изобилуетъ Сибирь, онъ пишетъ: „можно было бы добывать отъ калмыковъ воловьихъ и овечьихъ шкуръ тысячъ 30 и 40 и продавать нѣмцамъ, если-бы найденъ былъ путь по Иртышу на море.....до моря Архангельскаго“. Въ другомъ мѣстѣ того же труда Крижанича читаемъ: „нѣмцы ежегодно плаваютъ въ пустую сѣверную страну, въ дальнее студеное море ради велерыбьяго жира и трудъ не только оплачивается, но и даетъ имъ прибыль. Не знаю, продолжаетъ Крижаничъ, нельзя ли того же и отъ сего царства сдѣлать—отъ Мангаріи (Мангазеи) или отъ Архангела“. Знаю только, что если-бы Сибирью владѣли нѣмцы, то никакъ не могли бы жить безъ морскихъ ладей и развѣдали бы дальніе морскіе пути, коихъ мы не знаемъ. И кто знаетъ, можетъ быть изъ Мангареи и путь въ Индію былъ бы найденъ“ [94]).

Но мы уже знаемъ, что морской путь отъ Архангельска въ Сибирь давно уже былъ извѣстенъ русскимъ; жители нынѣшнихъ сѣверныхъ губерній пользовались имъ не одну сотню лѣтъ, плавая изъ устьевъ Двины, Мезени и Печоры въ Мангазею. Только правительство Михаила Ѳедоровича этотъ путь, который оно въ 1616 г. считало *старою дорогою*, запретило подъ страхомъ смертной казни, напрасно испугавшись нѣмцевъ.

---

[94]) „Русское государство въ пол. XVII в.“ стр. 14 и 56. Слово *Мангарія Мангарійскій* у Крижанича нужно читать Мангазія и Мангазійскій; вѣроятно издатель этого сочиненія смѣшалъ латин. буквы г и z.

Въ заключеніе мы выскажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибири. Слѣдя за предпріятіями русскихъ промышленныхъ партій, историкъ не можетъ не поражаться ихъ смѣлостію, терпѣніемъ, настойчивостію, доходящею до упорства, умѣньемъ оріентироваться среди незнакомой и дикой мѣстности, способностію скоро и легко изучать инородческіе языки и уживаться съ людьми инаго происхожденія, иныхъ вѣръ, нравовъ и обычаевъ. Торговые и промышленные люди шли всегда впереди тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовало правительство: они пролагали дороги, отыскивали инородцевъ, заводили съ ними торговлю, а иногда даже налагали на нихъ ясакъ отъ имени Бѣлаго царя и затѣмъ уже появлялись въ тѣхъ мѣстахъ правительственные острожки и зимовья. Предъ этими подвигами русскихъ людей блѣднѣютъ предпріятія въ Америкѣ разныхъ Кортецовъ и Пизарровъ, если мы возьмемъ во вниманіе природу, среди которой пришлось дѣйствовать русскимъ въ Сибири и испанцамъ въ Америкѣ, и средства, которыя имѣли тѣ и другіе. Уже въ первой четверти XVII в. русскіе промышленники выплывали изъ устьевъ Енисея и Лены, плавали по Ледовитому океану, открывали на немъ острова и занимались тамъ промыслами. Удивительно въ данномъ случаѣ то, что русскіе мореплаватели совершали свои плаванія по Ледовитому океану безъ всякихъ морскихъ картъ, даже безъ компаса и притомъ на небольшихъ судахъ, такъ называемыхъ кочахъ. „Поговоря съ товарищи, да помолясь Богу, государь, мы поплыли“..... Куда же и на чемъ? Въ Ледовитый океанъ и на своихъ утлыхъ ладьяхъ—необыкновенная смѣлость! Вѣдь достаточно было одной ничтожной льдины, чтобы превратить эти „судёнышки“ въ щепы. И дѣйствительно, какъ показываютъ документы, русскіе люди во время этихъ смѣлыхъ экспедицій погибали цѣлыми партіями въ 50 и 100 человѣкъ, но это, однако, не останавливало другихъ: составлялись новыя партіи, шли по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и дѣлали новыя и новыя открытія на страшномъ Ледовитомъ океанѣ. А какія лишенія они испытывали во время этихъ предпріятій? По цѣлому году не вѣдали огня и питались юколою, падалью и собачьимъ кормомъ.

Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто-бы алчность къ наживѣ вела русскихъ промышленниковъ все далѣе и далѣе въ глубь Сибири..... Нѣтъ, помимо матеріальныхъ интересовъ ими руководили необыкновенный духъ предпріимчивости, страсть къ рискованнымъ предпріятіямъ, жажда знанія—что таится въ невѣдомыхъ мѣстахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ неопровержимые историческіе факты. Вѣдь уже въ началѣ XVII в. русскіе завладѣли громаднѣйшею частію Сибири и на этомъ

пространствѣ они могли удовлетворить самую ненасытную алчность. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Оказывается, имъ мало материка Сибири. Торговые и промышленные люди простираютъ свои виды на Ледовитый океанъ, плаваютъ по немъ въ разнообразныхъ направленіяхъ, не смотря на страшную опасность, которая тамъ угрожала мореплавателямъ.

Равнымъ образомъ несправедливо обвиненіе, что будто эти передвиженія русскихъ людей въ Сибири неизбѣжно сопровождались грабежами и даже истребленіемъ инородцевъ. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто или совсѣмъ не знакомъ съ историческимъ матеріаломъ, или слишкомъ довѣряетъ челобитнымъ инородцамъ, въ которыхъ иногда попадаются жалобы на грабежи ихъ торговыми и промышленными людьми. Я могъ бы привести много данныхъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ по поводу разныхъ челобитныхъ въ подтвержденіе того, какъ нужно быть осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ при пользованіи подобнымъ матеріаломъ. Мало того, даже къ донесеніямъ самихъ воеводъ нужно относиться критически и въ своихъ выводахъ изъ нихъ необходимо имѣть въ виду другія данныя. Для иллюстраціи этого повергнемъ на судъ читателя слѣдующее донесеніе мангазейскаго воеводы въ 1623 г. [95]). Онъ писалъ, что многіе русскіе люди приходятъ въ мангазейскій уѣздъ, женятся на инородкахъ и поселяются въ инородческихъ юртахъ; нѣкоторые уже живутъ лѣтъ по 15 и по 20, убиваютъ и грабятъ инородцевъ, „задалживаютъ" ихъ великими долгами, заказываютъ инородцамъ приносить въ ясакъ добрыхъ соболей, выкупаютъ у нихъ всякую лучшую мягкую рухлядь и, если не выгнать этихъ русскихъ изъ уѣзда, то государевой казнѣ будетъ убыль и полный ясакъ съ ясачныхъ людей собрать будетъ невозможно. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этого документа касательно отношеній русскихъ людей къ инородцамъ? Совершенно вѣрно, что русскіе люди, поселившіеся въ инородческихъ юртахъ, какъ болѣе смышленые и предпріимчивые эксплоатировали пріютившихъ ихъ инородцевъ, людей безпечныхъ и очень, очень лѣнивыхъ. Но возможно ли допустить грабежи и убійства, о которыхъ пишетъ воевода? Ни въ какомъ случаѣ! На инородца русскій человѣкъ смотритъ прежде всего какъ на человѣка: разное происхожденіе, разная вѣра, разный языкъ, иные нравы и обычаи не препятствуютъ ему даже входить въ семью инородца, жить въ однихъ юртахъ, вмѣстѣ пить и ѣсть, но славить Бога по своему, по-христіански. Русскіе люди въ такихъ случаяхъ появляются между инородцами не

[95]) А. М. И. Д. Портф. Миллера № 477.

массами, а одиночками и, поселившись среди цѣлаго рода или цѣлаго племени, какъ они могутъ грабить и убивать инородцевъ? Вѣдь не съ дѣтьми же имъ приходилось имѣть дѣло! Очевидно, что воевода сообщаетъ въ Москву завѣдуемую ложь и понятно почему: *русскіе заказываютъ инородцамъ приносить ясакъ хорошими соболями, выкупаютъ у нихъ всякую лучшую мягкую рухлядь*, а правительство требуетъ отъ воеводы, чтобы онъ, какъ можно болѣе, заботился о государевой прибыли, собиралъ ясакъ съ инородцевъ хорошими соболями. И вотъ воевода въ оправданіе свое, что не можетъ исполнить царскаго наказа, указываетъ на русскихъ людей какъ на препятствіе къ исполненію правительственныхъ требованій, проситъ дать ему указъ объ изгнаніи этихъ русскихъ, и если говоритъ въ своей отпискѣ и грабежахъ и убійствахъ, то только для того, чтобы усилить свою просьбу.

Конечно изъ-за промысловъ у русскихъ промышленниковъ бывали и кровавыя столкновенія съ инородцами, бывали и убійства, но преимущественно движеніе русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей въ Сибири имѣло торговый и промышленный характеръ. И ужъ если при этомъ говорить о грабежахъ и убійствахъ, то не инородцевъ русскими, а наоборотъ: инородцы часто грабили и убивали русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Это очевидно не только изъ челобитныхъ русскихъ людей и донесеній воеводъ, но и изъ слѣдственныхъ дѣлъ. Мы выше упоминали о грабежахъ и убійствахъ, которые совершали самоѣды при крушеніи судовъ въ Обской губѣ; объ этомъ есть слѣдственное дѣло. Приводили мы жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на грабежи и убійства, которые ежегодно они терпятъ отъ тунгусовъ и донесеніе о томъ же мангазейскаго воеводы въ 1644 году и объ этомъ есть слѣдственное подтверждающее дѣло.

Такихъ документовъ мы можемъ еще привести нѣсколько и относящихся къ разнымъ временамъ. Въ 1627 г. мангазейскіе торговые и промышленные люди подали челобитную, въ которой писали слѣдующее: „...Вверхъ Тунгуски рѣки живутъ многіе Сыроядцы, Буляши, Тунгусы, Шелягирцы, Чапагиры и Синегирцы и ихъ на соболиныхъ промыслахъ по лѣсамъ побиваютъ и грабятъ, и къ зимовьямъ ихъ приступаютъ, многія зимовья пожигаютъ, и многихъ промышленныхъ людей по зимовьямъ обсадили и на промыслы не пустили; ходятъ тѣ люди въ скопѣ человѣкъ по 60, 70 и по 100 и впредь имъ угрожаютъ убійствомъ и вверхъ Тунгуски ходить не велятъ и похваляются побить до одного человѣка, а называютъ землю и рѣки своими; побивъ русскихъ людей и пограбивъ у нихъ соболи, приходятъ въ ясачныя зимовья и тѣми соболями платятъ ясакъ.... и многіе промышленные люди отъ

тѣхъ иноземцевъ убійства и грабежу разбрелись съ промысловъ на Русь...“ Въ Москвѣ пожелали провѣрить справедливость этихъ жалобъ и въ Казанскій Дворецъ съ этою цѣлію собрано нѣсколько человѣкъ торговыхъ и промышленныхъ людей, бывшихъ на промыслахъ въ мангазейскомъ уѣздѣ, да цѣловальника, который только что пріѣхалъ изъ Мангазеи съ государевой соболиной казною. Будучи допрошены, они не только подтвердили все то, что писалось въ вышеприведенной челобитной, но и дали объясненіе—почему инородцы могутъ грабить и убивать русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Изъ этого объясненія оказывается, что промышленники ходили на промыслы человѣка по 2, по 3, 4 и по 5, а тунгусы бродили сотнями и понятно, что перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣднихъ[96]).

Въ 1632 г. въ нижней и подкаменной Тунгускахъ инородцы убили 17 человѣкъ торговыхъ и промышленныхъ людей, въ 1634 г. инородцы убили такихъ же людей 53 человѣка. Государь приказываетъ мангазейскимъ воеводамъ произвести обыскъ, допросить всякихъ людей—когда, гдѣ и за что инородцы побиваютъ русскихъ людей. Слѣдствіе вполнѣ подтвердило справедливость жалобъ торговыхъ и промышленныхъ людей: всѣ допрошенные „по крестному цѣлованію“ говорили, что тунгусы и другіе иноземцы въ разныхъ мѣстахъ „по вся годы“ побиваютъ на промыслахъ русскихъ людей, а русскіе побивать тунгусовъ не смѣютъ“. Изъ Москвы шлютъ грамоты мангазейскимъ воеводамъ, чтобъ они посылали въ промышленныя мѣста служилыхъ людей для защиты русскихъ промышленниковъ отъ инородцевъ. Но въ 1634 г. мангазейскіе воеводы отвѣчаютъ, что всѣ служилые люди находятся на государевыхъ службахъ и въ Мангазеѣ остается человѣкъ по 5 и 6, а въ иное время человѣка по 3 и по 4 для обереганія города и въ ясачныя зимовья для защиты торговыхъ и промышленныхъ людей посылать некого“. Тѣже воеводы пишутъ, что „русскіе люди на соболиныхъ промыслахъ садятся врознь по зимовьямъ въ разстояніи дней на 8, на 10 и недѣли на 3 и на 4, а тунгусы живутъ переходя съ мѣста на мѣсто, съ рѣки на рѣку и переходовъ этихъ торговые и промышленные люди не знаютъ“ и потому уберечься отъ инородцевъ не могутъ[97]).

Вспомнимъ также вышеприведенную челобитную торговыхъ и промышленныхъ людей, посланную изъ Мангазеи въ Москву въ 1644 г., въ которой они жалуются, что тунгусы побиваютъ ихъ ежегодно по 50

---

[96]) Р. И. Б., т. 11, стр. 849—851.

[97]) А. М. Ю. Сиб. Пр. Ст. № 656 (ненумер. см. слѣдств. дѣло объ убійствахъ разными инородцами русскихъ людей въ 1632 и 1634 г.).

и по 100 человѣкъ. Словомъ, достовѣрный историческій матеріалъ позволяетъ намъ говорить только о грабежахъ и убійствахъ инородцами русскихъ промышленниковъ, а не наоборотъ. Мы даже можемъ сказать, что излишняя снисходительность московскаго правительства къ инородцамъ въ значительной степени способствовала послѣднимъ жестоко и безнаказанно расправляться съ русскими торговыми и промышленными людьми. Намъ извѣстно, что воеводамъ предписывалось собирать съ инородцевъ ясакъ и недоимки ласкою, а не жесточью, а съ русскихъ разрѣшалось собирать подати правежемъ, плетьми. Слѣдствіемъ такой ласки было то, что на вогулахъ пелымскаго уѣзда накопилось съ 1628 г. по 1700 недоимокъ на 7,011 рублей, на остякахъ сургутскаго и березовскаго уѣздовъ на 73,442 р. и не было ни одного сибирскаго уѣзда, чтобъ на инородцахъ не накопилось за тоже время недоимокъ на нѣсколько тысячъ рублей[98]). И нельзя сказать, чтобы ясакъ былъ тяжелый: въ годъ отъ 2 и до 11 соболей съ человѣка. Инородцы славились какъ отличные стрѣлки изъ лука и добыть такое количество имъ было очень легко, когда русскіе добывали на промыслахъ по 15 и по 20 сороковъ соболей на человѣка. Но лѣность и снисходительность къ нимъ правительства вели къ тому, что инородцы и по пяти соболей не сполна уплачивали и на нихъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе накоплялись недоимки. Напрасно сибирскіе воеводы вопіютъ противъ гуманности и снисходительности русскихъ царей въ отношеніи разныхъ вогуловъ, остяковъ и татаръ и доказываютъ всю непрактичность подобныхъ отношеній. „Намъ, холопамъ твоимъ, государь, пишутъ они, велѣно ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей выбирать ласкою, а не жесточью и не правежемъ, а ясачные многіе люди живутъ межъ русскихъ и всякому русскому обычаю навычны и то имъ вѣдомо, что по твоему указу ясакъ и поминки править правежемъ не велѣно и они на твое жалованье надежны.... соболей и лисицъ проигрываютъ въ зернь, а въ ясакъ не даютъ; сотниковъ и десятниковъ своихъ не слушаютъ, на лѣшіе промыслы проигравься зернію не ходятъ...“ И если, пишутъ воеводы, ясакъ правежемъ не править и за игру въ зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать безъ недобору невозможно.

Но чтобы яснѣе видѣть различіе въ отношеніяхъ московскаго правительства къ инородцамъ и русскимъ людямъ, нужно обратить внима-

---

[98]) А. М. Ю. Сиб. Пр. кн. № 1252, л. 73; кн. 1561, л. 81; кн. № 1302, л. 99; кн. № 1293, л. 49 и пр.

ніе на слѣдующее обстоятельство. Одинъ пунктъ наказа мангазейскимъ воеводамъ предписывалъ: „Да будетъ самоядь на торговыхъ людей или на кого ни буди, въ обидахъ и во всякихъ дѣлѣхъ учнутъ бить челомъ, и той самоѣди на торговыхъ и на всякихъ людей давать судъ и управу чинить, до чего доведетца, безволокитно. А будетъ Пустозерцы, или иныхъ которыхъ городовъ, противъ на самоѣдь учнутъ бити челомъ, и имъ тѣмъ Пустозерцамъ и иныхъ ни которыхъ городовъ торговымъ людямъ на сомоѣдь, безъ государева указа, суда и управы не давати....“[99]) Итакъ для инородцевъ расправа безволокитная, а для русскихъ людей должна быть извѣстная московская волокита! Къ чему вело такое различіе?. Послѣдствія такой политики для русскихъ людей были довольно тяжелыя. Положимъ иногородецъ убилъ торговаго или промышленнаго человѣка и родственники послѣдняго подали воеводѣ жалобу на убійцу. Воевода принимаетъ челобитную и при удобномъ случаѣ, когда бываетъ посылка въ Москву, отправляетъ ее въ приказъ Казанскаго Дворца. Не ранѣе какъ чрезъ годъ сибирскій воевода получитъ по поводу упомянутой челобитной указъ государя „произвести обыскъ торговыми, промышленными, служилыми и всякими русскими людьми и инородцами“ о томъ, справедливо ли пишутъ челобитчики. Пройдетъ еще годъ, какъ воевода успѣетъ произвести обыскъ, да переслать въ Москву „обыскныя рѣчи“; объ убійствѣ въ 1642 г. тунгусами 17 человѣкъ торговыхъ и промышленныхъ людей слѣдствіе производилось только чрезъ два года. А пока въ Москвѣ разберутъ обыскныя рѣчи, постановятъ рѣшеніе, да перешлютъ его въ Мангазею или въ Енесейскъ, то пройдетъ еще много и очень много времени. А въ чемъ состояло рѣшеніе? По большей части только въ томъ, чтобы воевода не дозволялъ инородцамъ „побивать и грабить торговыхъ и промышленныхъ людей, чтобъ въ десятинной государевой пошлинѣ не было убыли...“ Вотъ почему всѣ тѣ убійства, о которыхъ мы упоминали выше, проходили для инородцевъ совершенно безнаказанно. Да это и понятно: засадить убійцу въ тюрьму или казнить было бы убыточно для государевой казны—кто же тогда вмѣсто ихъ будетъ платить ясакъ? Теперь возьмемъ другаго рода примѣръ: торговый или промышленный человѣкъ убилъ и ограбилъ инородца и инородцы пожаловались на него воеводѣ. Знаете ли, чтó грозило убійцѣ или грабителю? Воеводы и приказные люди выпьютъ изъ него всю кровь: виновный долженъ будетъ поплатиться не только всѣмъ пограбленнымъ, но и даже своимъ

[99]) Р. И. Б. т. 11 лл. 820—821.

собственнымъ имуществомъ, чтобы ублаготворить своихъ судей. Отсюда понятно, почему торговые и промышленные люди жалуются въ своихъ челобитныхъ, что ихъ бьютъ, грабятъ, жгутъ огнемъ инородцы, а они „противу побивать не смѣютъ“.

Къ вопросу объ устойчивости движенія.

А. М. Ляпунова.

Предлагаемая замѣтка заключаетъ въ себѣ небольшое дополненіе къ сочиненію *„Общая задача объ устойчивости движенія"* (Харьковъ, 1892; изданіе Харьк. Матем. Общества).

Въ этомъ сочиненіи, предполагая, что въ дифференціальныхъ уравненіяхъ возмущеннаго движенія, приведенныхъ къ нормальному виду, вторыя части представлены рядами, расположенными по цѣлымъ положительнымъ степенямъ неизвѣстныхъ функцій, и дѣлая еще нѣкоторыя общія предположенія (о которыхъ будетъ сказано ниже), я указываю условіе, при которомъ рѣшеніе вопроса объ устойчивости не зависитъ отъ членовъ выше перваго измѣренія въ названныхъ рядахъ; но при этомъ доказываю только его достаточность. Здѣсь я намѣренъ показать, какимъ образомъ можетъ быть доказана необходимость этого условія.

Пусть x_1, x_2, ..., x_n суть величины, по отношенію къ которымъ изслѣдуется устойчивость, и которыя въ дифференціальныхъ уравненіяхъ возмущеннаго движенія должны играть роль неизвѣстныхъ функцій времени t.

Величины эти суть нѣкоторыя данныя функціи координатъ и скоростей разсматриваемой матерьяльной системы, выраженія которыхъ могутъ зависѣть явнымъ образомъ и отъ времени.

Я предполагаю, что функціи эти выбраны такъ, чтобы для движенія, устойчивость котораго изслѣдуется, и которое называю невозмущеннымъ, онѣ всѣ дѣлались нулями, и что для движеній возмущенныхъ онѣ удовлетворяютъ дифференціальнымъ уравненіямъ вида:

$$\left.\frac{dx_s}{dt} = p_{s1}x_1 + p_{s2}x_2 + \dots + p_{sn}x_n + X_s, \quad (s = 1, 2, \dots, n)\right\} \qquad (1)$$

гдѣ $p_{s\sigma}$ $(s, \sigma = 1, 2, \ldots, n)$ суть нѣкоторыя вещественныя постоянныя, а $X_1, X_2, \ldots, X_n$ нѣкоторыя извѣстныя функціи величинъ $x_1, x_2, \ldots, x_n$ и t, представляемыя при достаточно малыхъ $|x_s|$ рядами

$$X_s = \sum P_s^{(m_1, m_2, \ldots, m_n)} x_1^{m_1} x_2^{m_2} \ldots x_n^{m_n}, \quad (m_1 + m_2 + \ldots + m_n > 1)$$

расположенными по цѣлымъ положительнымъ степенямъ величинъ x_s и несодержащими членовъ ниже второго измѣренія относительно послѣднихъ. Я предполагаю при томъ, что коэффиціенты $P_s^{(\ldots)}$ въ этихъ рядахъ, представляющіе или вещественныя постоянныя, или непрерывныя вещественныя функціи времени, таковы, что возможно найти такія положительныя постоянныя M и A, при которыхъ выполнялись-бы неравенства вида

$$\left| P_s^{(m_1, m_2, \ldots, m_n)} \right| < \frac{M}{A^{m_1 + m_2 + \ldots + m_n}}$$

для всѣхъ значеній t, превосходящихъ то его значеніе, которое мы приняли за начальное.

Задача объ устойчивости по отношенію къ величинамъ x_s приводится къ рѣшенію вопроса о возможности для всякаго даннаго положительнаго числа l выбирать другое положительное число ε такъ, чтобы всякій разъ, когда въ начальный моментъ времени функціямъ x_s даются вещественныя значенія, удовлетворяющія условіямъ

$$|x_1| \leqq \varepsilon, \quad |x_2| \leqq \varepsilon, \quad \ldots, \quad |x_n| \leqq \varepsilon,$$

во все послѣдующее время движенія выполнялись неравенства

$$|x_1| < l, \quad |x_2| < l, \quad \ldots, \quad |x_n| < l.$$

Когда этотъ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, невозмущенное движеніе по отношенію къ величинамъ x_s устойчиво; въ противномъ случаѣ—неустойчиво.

Въ упомянутомъ выше сочиненіи указывается условіе, которому должны удовлетворять постоянныя $p_{s\sigma}$, для того, чтобы рѣшеніе этого вопроса не зависѣло отъ какихъ либо частныхъ предположеній относительно функцій X_s.

Условіе это относится къ корнямъ уравненія

$$\begin{vmatrix} p_{11}-x & p_{12} & \dots & p_{1n} \\ p_{21} & p_{22}-x & \dots & p_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ p_{n1} & p_{n2} & \dots & p_{nn}-x \end{vmatrix} = 0,$$

и если

$$\lambda_1, \quad \lambda_2, \quad \dots, \quad \lambda_n \tag{2}$$

суть взятыя со знакомъ минусъ вещественныя части этихъ корней, выражается такъ: *наименьшее изъ чиселъ* (2) *не должно быть нулемъ.*

Достаточность этого условія обнаруживается тѣмъ, что для случаевъ, когда наименьшее изъ чиселъ (2) положительно, доказывается устойчивость невозмущеннаго движенія, а для случаевъ, когда число это отрицательно,—неустойчивость, при чемъ принимаются въ разсчетъ только тѣ общія предположенія относительно функцій X_s, которыя высказаны выше *).

Чтобы доказать необходимость того же условія, я долженъ доказать теперь слѣдующее:

Каковы-бы ни были постоянныя $p_{s\sigma}$, но если только они таковы, что наименьшее изъ чиселъ (2) *есть нуль, функціи X_s всегда можно подбирать такъ, чтобы имѣла мѣсто устойчивость или неустойчивость, по желанію.*

Что въ этомъ предположеніи названныя функціи всегда можно выбирать такъ, чтобы имѣла мѣсто неустойчивость, это выводится уже изъ нѣкоторыхъ результатовъ, находящихся въ моемъ сочиненіи, при томъ и непосредственно доказывается весьма легко. Мнѣ остается поэтому только показать, что если наименьшее изъ чиселъ (2) есть нуль, то всегда возможенъ и такой выборъ функцій X_s, при которомъ невозмущенное движеніе будетъ устойчивымъ.

Я разсмотрю сначала два частныхъ случая, для которыхъ числа (2) всѣ будутъ нулями.

Пусть система (1) имѣетъ слѣдующій видъ:

$$\left.\begin{aligned} \frac{dx_1}{dt} &= X_1, \\ \frac{dx_i}{dt} &= x_{i-1} + X_i. \\ &(i = 2, 3, \dots, n) \end{aligned}\right\} \tag{3}$$

*) „*Общая задача объ устойчивости движенія*“, стр. 86.

Разумѣя подъ $\varphi_1, \varphi_2, \ldots, \varphi_n$ функціи, опредѣляемыя послѣдовательно (для $s=n, n-1, \ldots, 2, 1$) изъ уравненій вида

$$\varphi_s = x_s^2 + \varphi_{s+1}^2$$

при условіи

$$\varphi_{n+1} = 0,$$

нетрудно убѣдиться, что если

$$X_s = -2x_{s+1}\varphi_{s+1}, \qquad (s=1, 2, \ldots, n)$$

то функція φ_1 будетъ интеграломъ системы (3).

Но функція эта (непрерывная и однозначная) такова, что для вещественныхъ x_s можетъ обращаться въ нуль не иначе, какъ при

$$x_1 = x_2 = \ldots = x_n = 0.$$

Поэтому при указанномъ выборѣ функцій X_s невозмущенное движеніе несомнѣнно будетъ устойчивымъ.

Я допускаю теперь, что система (1) есть четнаго порядка $n=2m$ и имѣетъ слѣдующій видъ:

$$\left.\begin{aligned} \frac{dx_1}{dt} &= -\mu y_1 + X_1, & \frac{dy_1}{dt} &= \mu x_1 + Y_1, \\ \frac{dx_i}{dt} &= -\mu y_i + x_{i-1} + X_i, & \frac{dy_i}{dt} &= \mu x_i + y_{i-1} + Y_i, \\ & & (i=2, 3, \ldots, m) & \end{aligned}\right\} \qquad (4)$$

гдѣ y_s, Y_s суть новыя обозначенія величинъ x_{m+s}, X_{m+s}.

Пусть $\varphi_1, \varphi_2, \ldots, \varphi_m$ суть функціи, опредѣляемыя послѣдовательно уравненіями вида

$$\varphi_s = x_s^2 + y_s^2 + \varphi_{s+1}^2$$

при условіи

$$\varphi_{m+1} = 0.$$

Тогда, если

$$X_s = -2x_{s+1}\varphi_{s+1}, \quad Y_s = -2y_{s+1}\varphi_{s+1}, \qquad (s=1, 2, \ldots, m)$$

то функція φ_1 будетъ, какъ легко въ томъ убѣдиться, интеграломъ системы (4). А такъ какъ функція эта при вещественныхъ x_s, y_s можетъ уничтожаться только для

$$x_1 = x_2 = \ldots = x_m = y_1 = y_2 = \ldots = y_m = 0,$$

то подобно предыдущему должно заключить, что при указанномъ выборѣ функцій X_s, Y_s невозмущенное движеніе будетъ устойчивымъ.

Обращаясь теперь къ общему случаю, я замѣчаю, что, каковы-бы ни были постоянныя $p_{s\sigma}$, всегда найдется линейная подстановка съ постоянными вещественными коэффиціентами, преобразовывающая систему (1) въ такую, которая распадется на группы уравненій, принадлежащія къ одному изъ двухъ слѣдующихъ типовъ:

$$\left.\begin{aligned} \frac{dy_1}{dt} &= -\lambda y_1 + Y_1, \\ \frac{dy_i}{dt} &= -\lambda y_i + y_{i-1} + Y_i, \\ &(i=2,\ 3,\ \ldots,\ k) \end{aligned}\right\} \qquad (5)$$

или

$$\left.\begin{aligned} \frac{dy_1}{dt} &= -\lambda y_1 - \mu z_1 + Y_1, & \frac{dz_1}{dt} &= \mu y_1 - \lambda z_1 + Z_1, \\ \frac{dy_i}{dt} &= -\lambda y_i - \mu z_i + z_{i-1} + Y_i, & \frac{dz_i}{dt} &= \mu y_i - \lambda z_i + z_{i-1} + Z_i, \\ & & (i=2,\ 3,\ \ldots,\ k) \end{aligned}\right\} \qquad (6)$$

гдѣ Y_s, Z_s означаютъ совокупности членовъ выше перваго измѣренія относительно неизвѣстныхъ функцій.

Здѣсь не исключается и случай $k=1$, когда группа вида (5) приводится къ одному первому уравненію, а группа вида (6) къ двумъ уравненіямъ первой строки.

Въ этихъ уравненіяхъ λ представляетъ одно изъ чиселъ (2).

Поэтому, если между послѣдними не находится отрицательныхъ, то чтобы невозмущенное движеніе сдѣлать устойчивымъ, стоитъ только во всѣхъ группахъ, для которыхъ $\lambda > 0$, а также въ тѣхъ, для которыхъ $k=1$, положить $Y_s = Z_s = 0$, и въ группахъ, для которыхъ $\lambda = 0$, $k > 1$, совокупности членовъ выше перваго измѣренія выбрать, какъ было показано въ двухъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ частныхъ случаяхъ.

Необходимость указаннаго выше условія можетъ считаться поэтому доказанной.

Но условіе это, разумѣется, необходимо, только пока разсматриваются всякія системы вида (1.) Если же желательно разсматривать лишь системы какого либо определеннаго типа, то, оставаясь конечно достаточнымъ, оно можетъ не дѣлаться болѣе необходимымъ.

Такъ, напр., если разсматривать только каноническія системы съ постоянными коэффиціентами, то условіе это навѣрно не будетъ необходимымъ.

О сифилитическихъ невралгіяхъ.

Проф. И. Н. Оболенскаго

(изъ клиническихъ лекцій).

М. Г.

Въ предстоящихъ лекціяхъ я имѣю въ виду заняться съ вами разборомъ нѣсколькихъ больныхъ, представляющихъ собою крайній интересъ въ практическомъ отношеніи, не лишенныхъ интереса и въ научномъ, въ виду выясненія и установки признаковъ, дающихъ возможность своевременно опредѣлять дѣйствительную натуру заболѣванія, а этимъ самымъ давать и своевременную раціональную и радикальную медицинскую помощь.

Передъ вами находится больной мѣщанинъ Николай Райковъ 36 л. отъ роду, поступившій въ клинику 4-го февраля 1891 г. съ жалобою на постоянную боль, которую самъ Райковъ локализируетъ въ области 3 и 4 межреберныхъ промежутковъ спереди и справа, отчасти и слѣва, усиливающуюся къ вечеру, достигающую наибольшей силы ночью, а утромъ ослабѣвающую. Изъ разсказа больного о началѣ заболѣванія, ходѣ болѣзни и характерѣ болей мы узнаемъ слѣд. Въ мартѣ 1886 г. больной впервые безъ всякой видимой причины почувствовалъ боль съ правой стороны груди, въ области 3—4 межреберныхъ промежутковъ спереди. Боли были у него днемъ, къ вечеру усиливались, а ночью достигали наибольшей силы. Тѣмъ не менѣе, онѣ были не настолько сильны, чтобы лишать больного сна. Онъ могъ, не смотря на испытываемыя боли, продолжать свои занятія (онъ былъ администраторомъ вагонныхъ мастерскихъ въ г. Воронежѣ). Въ такомъ положеніи дѣло находилось въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. Здоровье больного подорвалось, силы ослабѣли, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать. Съ осени 1889 г. боли значительно усилились; интензивность ихъ возросла, распространенность увеличилась—больной при усиленіи болей,

часовъ съ 7 вечера, сталъ испытывать боль не спереди только въ области 3—4 межреберныхъ промежутковъ, но и по всему протяженію сказанныхъ межреберій по направленію къ позвоночнику; боли стали иррадіировать на правую руку, а вообще въ рукахъ чувствовалась какая то ломота. Такое усиленіе болей или приступъ ихъ, начиная, какъ сказано, часовъ съ 7-ми вечера, тянулся всю ночь и начиналъ ослабѣвать только часовъ съ 10-ти утра. Всю ночь больной проводилъ безъ сна. Онъ ходилъ, сидѣлъ, лежалъ, но ни одно изъ сказанныхъ положеній не облегчало его. Только сильное надавливаніе на больное мѣсто, а чаще сильные и часто повторяемые удары по больному мѣсту кулакомъ на нѣкоторое время успокаивали боли. Давленіе или удары слабые обыкновенно усиливали ихъ. Боль, по словамъ больного, днемъ была тупая, ноющая, вечеромъ и ночью при наступленіи припадка рвущая, сверлящая: сильныя боли, съ одной стороны, безсонныя ночи, съ другой, продолжавшіяся два съ половиною года, настолько подорвали силы и здоровье больного, что онъ вынужденъ былъ оставить свое занятіе. Больной все время своей болѣзни лѣчился въ Воронежѣ; былъ въ Казани, Москвѣ, лежалъ въ больницахъ и клиникахъ, тѣмъ не менѣе здоровье его не улучшалось. Въ такомъ состояніи и съ указанными выше болями больной поступилъ къ намъ 4 февраля 1891 г. въ клинику. Изъ другихъ анамнестическихъ свѣдѣній вы узнаете, что больной нашъ женатъ, имѣетъ жену и двухъ дѣтей, здоровыхъ, по словамъ больного. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ Ulcus durum, по излѣченіи которой черезъ $1^1/_2$ мѣсяца у него была Roseol. Syphilit., исчезнувшая послѣ ртутнаго втиранія. Кромѣ перенесеннаго сифилиса больной никакими другими болѣзнями не страдалъ. Отецъ и мать больного здоровы. Передъ своимъ заболѣваніемъ больной нѣсколько лѣтъ усиленно работалъ надъ усовершенствованіемъ одного спеціальнаго аппарата и, будучи уже у цѣли своей работы, случайно потерпѣлъ неудачу. Здоровье его пошатнулось, онъ сталъ нервнымъ, раздражительнымъ, къ тому же и семейная жизнь больного сложилась неблагопріятно для него.

При объективномъ изслѣдованіи больного вы видите, что онъ представляетъ собою субъекта выше средняго роста, подкожный жирный слой атрофированъ, кожа даетъ складки, трудно расправляющіяся, мускулатура развита умѣренно; костный скелетъ не представляетъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы. Больной сгибаетъ спину, разгибаетъ безъ всякой боли; давленіе на позвоночникъ, постукиваніе его также безболѣзненно. Видимыя слиз. оболочки малокровны; кожа нѣсколько суха; эпидермисъ мѣстами шелушится, что указываетъ на недостаточное питаніе кожи.

Шейныя лимфатическія железы, а главнымъ образомъ, паховыя увеличены въ объемѣ,—на кожѣ или слиз. обол. penis'а рубцовъ нѣтъ,—нѣтъ также pereostit'овъ и на костяхъ. Органы грудной и брюшной полости не представляютъ какихъ бы то ни было особенныхъ измѣненій, количество мочи отъ 1000—1500 cc. въ сутки свѣтло-соломеннаго цвѣта, уд. в. 1015—1017; бѣлка, сахара, какихъ бы то ни было форменныхъ элементовъ въ ней не найдено. Изслѣдуя болѣзненныя мѣста, мы убѣждаемся, какъ вы видите, что давленіе на 2-й, 3-й и 4-й межреберные промежутки справа болѣзненно, при этомъ вы замѣчаете, что болѣзненность распредѣляется такъ: боль ощущается при давленіи на сказанные промежутки, у края sterni, на срединѣ между линіями передне-аксилярной и маммилярной и около позвоночника. Боль на тѣхъ же мѣстахъ и въ тѣхъ же межреберныхъ промежуткахъ чувствуется больнымъ и слѣва, но только слабѣе. Давленіе не сильное увеличиваетъ боли; давленіе же сильное эту боль напротивъ успокаиваетъ. Посмотримъ, какъ относятся указанныя мѣста къ другого рода раздражителямъ. И вотъ вы убѣждаетесь, что чувствительность ихъ къ холоду и теплу не измѣнена; тактильное чувство, болевое совершенно нормальны, есть какъ будто болевая гиперестезія кожи ниже соска справа, но незначительная, чтобы не сказать сомнительная. Электрокожная чувствительность не измѣнена. На раздраженіе фарадическимъ и гальваническимъ токомъ получается правильная реакція,—реакція перерожденія такимъ образомъ отсутствуетъ. Рефлексы сухожильные на рукахъ, ногахъ—не представляютъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы. Итакъ, вы видите, М. Г., что мы успѣли собрать, при изслѣдованіи больного, очень мало положительныхъ данныхъ, которыя давали бы намъ возможность съ увѣренностью поставить діагнозъ. Субъективныя ощущенія больного, данныя анамнеза, да кое какія данныя объективнаго изслѣдованія, весьма скудныя, должны лечь въ основу нашего опредѣленія болѣзни. Итакъ, спрашивается, чтоже за болѣзнь имѣется у нашего больного? Первое предположеніе, которое у васъ уже и явилось въ теченіе разбора нашего больного—это Neuralg. intercostalis sinistra, а также и dextra, только въ болѣе слабой степени, и я долженъ сказать вамъ, что это предположеніе и есть дѣйствительно самое близкое къ истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какая ткань въ пораженномъ участкѣ страдаетъ? Кожа,—но вы видѣли, что она сохранила нормальными всѣ роды своей чувствительности,—правда есть мѣста какъ будто бы съ увеличенною чувствительностію, но эта повышенная чувствительность, во 1-хъ, такъ не высока, что о ней трудно даже и говорить съ полною увѣренностію; во 2-хъ, вы можете брать кожу въ

складки, давить ее и больной не ощущаетъ боли, больше той, какая получается отъ давленія вообще, слѣдовательно больная ткань у нашего больного не кожа. Мышцы? ихъ ревматизмъ? Есть кое что говорящее въ пользу такого предположенія, это усиленіе болей при движеніи и при давленіи на межреберные промежутки, слѣдовательно, тамъ, гдѣ находятся мышцы; но другія данныя прямо противорѣчатъ такому признанію. Боли у нашего больного не стоятъ ни въ какой зависимости отъ перемѣны погоды, какъ это мы наблюдаемъ у ревматиковъ,—давленіе на пораженныя мышцы усиливаетъ боль и чѣмъ сильнѣе давленіе, тѣмъ и боль больше; здѣсь же вы видѣли совершенно обратное—сильное давленіе уменьшаетъ ихъ; далѣе при изслѣдованіи больного мы нашли строго опредѣленныя болевыя точки, чего не бываетъ при ревматизмѣ; слѣдовательно, нельзя думать здѣсь о томъ, чтобы страдали у нашего больного интеркостальныя мышцы. Остается, слѣдовательно, думать о Neuralg. intercostal. Всѣ данныя, собранныя нами, говорятъ въ пользу этого: существованіе такъ называемыхъ болевыхъ точекъ, которыя мы и нашли у больного у стернальнаго края, на срединѣ межреберныхъ промежутковъ и около позвоночника. Эти болевыя точки Valleix весьма характерны, какъ вы знаете, для невралгій, распредѣляются обыкновенно на извѣстныхъ опредѣленныхъ для каждаго нерва мѣстахъ; для интеркостальныхъ нервовъ именно тамъ, гдѣ мы ихъ и находимъ, эти болевыя мѣста, или точки, какъ вы и знаете, соотвѣтствуютъ мѣсту выхода нерва изъ костяного кольца или канала, сухожилья мышцъ, когда нервъ ложится болѣе или менѣе поверхностно. Это одно,—дальше при невралгіяхъ, какъ это замѣчено, давленіе легкое усиливаетъ боль, сильное успокаиваетъ ихъ. Вспомните больныхъ съ кардіалгіей, бывшихъ у насъ въ клиникѣ; какія вычурныя и часто неестественныя позы они принимаютъ, чтобы сильнѣе сдавить животъ,—подкладываютъ кулаки, ложатся поперекъ койки, такъ чтобы край приходился бы какъ разъ на животъ и т. д. Вспомните, что дѣлаетъ нашъ больной? онъ бьетъ по груди кулаками или давитъ ими на грудь, и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ для него лучше. Этимъ пріемомъ онъ и доставляетъ себѣ нѣкоторое облегченіе. Neuralg. обыкновенно является приступами; въ промежуткѣ боль можетъ не быть совершенно, если же она и бываетъ, то всегда слабая, выносимая,—это самое вы и имѣете у нашего больного. Каждую ночь у него является усиленіе болей, приступъ, не дающій ему покоя. Всѣхъ указанныхъ симптомовъ достаточно для того, чтобы признать въ данномъ случаѣ невралгію интеркостальную, рѣзче выраженную справа, чѣмъ слѣва. О смѣшеніи ея съ плевритомъ не можетъ быть рѣчи уже по тому одному, что объективное изслѣдованіе дало отрицательные резуль-

таты въ этомъ направленіи. Итакъ, слѣдовательно, это есть Neuralg. Но этимъ опредѣленіемъ, М. Г., не исчерпывается весь нашъ діагнозъ. Вы знаете, что недостаточно сказать, что у больного страдаетъ то-то, нужно опредѣлить натуру или характеръ страданія съ точки зрѣнія анатомической, уяснить причину, вызвавшую или поддерживающую данное страданіе, указать, слѣдовательно, этіологію данной болѣзни у даннаго субъекта и т. д. Отвѣтить на нѣкоторые изъ поставленныхъ вопросовъ не трудно въ нашемъ случаѣ, другіе же и главнымъ образомъ вопросъ объ этіологіи можетъ быть разрѣшенъ только съ извѣстною долею вѣроятія, какъ мы и увидимъ дальше. Переходя къ рѣшенію вопроса о характерѣ заболѣванія Райкова, его невралгіи, мы не усматриваемъ въ данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ его, говорящихъ въ пользу анатомическаго разстройства въ его нервныхъ стволахъ, съ характеромъ неврита, напримѣръ: если бы это было, то конечно мы должны были получить въ этомъ случаѣ, во 1-хъ, явленія реакціи перерожденія; во 2-хъ, явленія трофическія въ мышцахъ, иннервируемыхъ пораженными нервами; и въ 3-хъ разстройство кожной чувствительности,—ничего этого нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и основанія говорить о невритѣ, или о какомъ бы то ни было другомъ анатомическомъ разстройствѣ въ самомъ существѣ нервныхъ стволовъ. А если это такъ, то, конечно, можетъ быть рѣчь только о разстройствѣ функціональномъ, о такъ называемой функціональной невралгіи. Другое дѣло вопросъ объ этіологіи нашей невралгіи. Этіологія невралгій крайне разнообразна. Мы знаемъ невралгіи, которыя представляютъ собою заболѣванія, такъ сказать, вторичныя, гдѣ причина лежитъ не въ самомъ нервѣ непосредственно, а гдѣ нибудь дальше—въ головномъ или спинномъ мозгу или въ оболочкахъ, или же въ тканяхъ смежныхъ, пограничныхъ, какъ напримѣръ опухоли, сдавливающія тотъ или другой нервъ,—periostit'ы близлежащихъ костей; разные воспалительные процессы въ сосѣднихъ тканяхъ или органахъ; костоѣда кости или позвоночника. Механизмъ появленія невралгій въ этомъ случаѣ для васъ совершенно ясенъ—здѣсь всецѣло имѣется моментъ механическій. Въ другихъ случаяхъ мы наблюдаемъ невралгіи отраженныя—рефлекторныя при заболѣваніяхъ органовъ отдаленныхъ, какъ напримѣръ невралгіи при заболѣваніяхъ матки, при смѣщенной почкѣ и т. д., но безъ сомнѣнія наибольшую группу невралгій представляютъ собою невралгіи или ревматическія, происходящія вслѣдствіе простуды, и невралгіи, происходящія вслѣдствіе какихъ бы ни было общихъ разстройствъ питанія подъ условіемъ существованія или какого нибудь такъ называемаго худосочія, какъ напримѣръ отравленіе нашего организма малорійнымъ ядомъ, сифили-

тическимъ или, наконецъ, разстройства кровотворенія, какъ напримѣръ хлорозъ, лейкемія, или наконецъ такъ называемая истерія, нейрастенія и т. под. Какой изъ перечисленныхъ моментовъ можетъ быть разсматриваемъ какъ производящій въ нашемъ случаѣ—отвѣтить на это не легко. Можно съ увѣренностію сказать одно, что мы не имѣемъ у нашего больного заболѣванія спинного мозга, или его оболочекъ, нѣтъ у насъ periostit. реберъ или пораженія позвонковъ; нѣтъ у насъ измѣненія сосудистой системы съ характеромъ аневризмы; вы знаете, что такія невралгіи наблюдаются при аневризмѣ нисходящей части аорты, гдѣ аневризматическій мѣшокъ механически сдавливаетъ нервныя волокна у мѣста ихъ выхода изъ позвоночника, или на ихъ протяженіи; нѣтъ у нашего больного и плеврита, при которомъ также бываютъ боли въ боку, схожія съ нашими. Остается, слѣдовательно, думать о томъ, что Neuralg. Райкова имѣетъ для себя другую почву, иную подкладку или въ сферѣ разстройства органовъ кровотворенія или какой нибудь дискразіи—въ частности отравленія организма какимъ нибудь ядомъ, относительно котораго мы знаемъ, что онъ можетъ производить невралгіи. О хлорозѣ, лейкеміи не говоримъ—ихъ нѣтъ у нашего больного; указаній и на то, чтобы невралгія его могла быть отраженной, тоже не имѣется. Остается, слѣдовательно, направить свои поиски на констатированіе какой нибудь дискразіи. Не есть ли Neuralg. Райкова—малярійная? Такія невралгіи часто наблюдаются, и вы уже видѣли ихъ у насъ въ клиникѣ; припомните больного Рыбалку съ невралгіею интеркостальною; больного Слѣпуху съ кардіалгіею. Есть общее въ этихъ невралгіяхъ—именно то, что боли наступаютъ въ видѣ припадковъ очень тяжелыхъ. Въ промежуткахъ болей или нѣтъ, или онѣ слабы. Давленіе слабое усиливаетъ боли, сильное успокаиваетъ. Функціи пораженныхъ нервныхъ волоконъ сохраняются безъ измѣненія. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія можно трактовать невралгію Райкова какъ малярійную; но малярійная невралгія всетаки существенно отличается по другимъ признакамъ отъ невралгіи нашего больного. Припадки невралгіи малярійной бываютъ въ разное время: днемъ и ночью; вы помните, у Рыбалки они всегда были днемъ; у Слѣпухи днемъ—бывали и ночью; часто мѣняли время своего наступленія. Появленіе припадка часто сопровождается лихорадочнымъ состояніемъ; познабливаніемъ, ощущеніемъ жара, повышеніемъ t, иногда на нѣсколько десятыхъ градуса; долженъ оговориться, что повышенія t иногда и совсѣмъ не бываетъ. Правда, припадки бываютъ и въ ночное время; но это не есть правило, и вы часто наблюдаете смѣну времени таковыхъ припадковъ, даже у одного и того же больного; то онъ даетъ рядъ ночныхъ

припадковъ, то ни съ того ни сего начинаетъ давать рядъ дневныхъ или вечернихъ. Словомъ, припадки невралгическія малярика не всегда строго фиксированы; не всегда строго пріурочены къ ночи. Neuralg. малярійной въ большинствѣ случаевъ предшествуетъ перенесенная или существующая febr. intermit. Больной жилъ или живетъ въ мѣстности малярійной; при изслѣдованіи такихъ больныхъ вы найдете у нихъ увеличенную селезенку. Все это на лицо у нашихъ больныхъ, Рыбалки и Слѣпухи. Наконецъ такія невралгіи поддаются и лѣченію противо-малярійному, лѣченію хининомъ, мышьякомъ и др., какъ вы въ этомъ и могли убѣдиться, гдѣ мышьякъ въ одномъ случаѣ, мышьякъ и подкожныя впрыскиванія chin. въ другомъ дали блестящій результатъ, не смотря на то, что у Рыбалки Neuralg. существовала 1 годъ, у Слѣпухи Cardialg. 8 лѣтъ. Перемѣна мѣстожительства также часто составляетъ могучій терапевтическій агентъ. Довольно такому больному выѣхать изъ мѣста своего жительства, и Neuralg. исчезаетъ сама собою безъ всякой терапіи. Имѣемъ ли мы что нибудь у нашего больного, кромѣ указанныхъ выше приступовъ Neuralg.? Рѣшительно ничего. Раньше, до своего заболѣванія, Райковъ не страдалъ маляріею: мѣстность, въ которой онъ жилъ, по его словамъ, не малярійная; селезенка не увеличена, припадки его строго фиксированы къ ночному времени, перемѣна мѣстожительства и разнообразная терапія, въ томъ числѣ лѣченіе Ars. Chin., не принесли ему никакой пользы; слѣдовательно, въ виду этихъ соображеній намъ приходится отказаться отъ мысли трактовать Neuralg. Райкова, какъ малярійную; слѣдовательно, остается думать о невралгіи сифилитической. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи мы располагаемъ крайне скудными данными. Если вы обратитесь къ различнаго рода руководствамъ, отдѣльнымъ статьямъ, вы находите указанія на то, что такая Neuralg. бываетъ часто, но отличительныхъ признаковъ этихъ сифилит. невралгій вы не найдете. Такъ въ извѣстномъ руководствѣ по частной патологіи и терапіи Юргенсена, Dieulafoy, Liebermeister'a, Eulenburg'a даже ничего не говорится о межреберныхъ невралгіяхъ сифилитическаго происхожденія. Если и есть какія нибудь, да и то отрывочныя указанія, то вы ихъ находите у Жаку въ его Патологіи, гдѣ онъ говоритъ: если при существованіи межреберной Neuralg. есть подозрѣніе на сифилисъ, то нужно лѣченіе сифилитическое; Зеелихмюллеръ въ своемъ трактатѣ о нервныхъ болѣзняхъ и въ частности о межреберной невралгіи говоритъ, что таковыя бываютъ вслѣдствіе сифилиса и что при лѣченіи ихъ нужна антисифилитическая терапія; Ге, Курсъ венерическихъ болѣзней 1892 г., упоминаетъ, что при сифилисѣ бываютъ межреберныя невралгіи, но ни одинъ изъ упомя-

нутыхъ авторовъ ничего не говоритъ о томъ, какъ проявляются эти невралгіи, какова ихъ симптоматологія и есть ли вообще таковая, свойственная этимъ невралгіямъ? Только Лянсеро, „Ученіе о сифилисѣ", вскользь замѣчаетъ, что разстройства, связанныя съ страданіемъ нервовъ сифилитическимъ, не имѣютъ никакого особаго отличительнаго признака, отличающаго ихъ отъ несифилитическаго, и поэтому для діагноза надо опираться на анамнезъ больныхъ и обращать вниманіе на ожесточеніе болей по ночамъ" (стр. 491-я). Вотъ какими литературными данными располагаемъ мы въ настоящее время по вопросу насъ занимающему. Изъ нихъ вы видите, что одни изъ авторовъ ничего не говорятъ о сифилитическихъ невралгіяхъ, кромѣ того, что онѣ бываютъ при сифилисѣ; другіе же, какъ Лянсеро, говорятъ, что онѣ въ своихъ проявленіяхъ ничѣмъ не разнятся отъ другихъ невралгій несифилитическихъ. Вы теперь ясно представляете себѣ всю трудность постановки діагноза сифилитической межреберной невралгіи. Но если вы тщательно прослѣдите нашего больного и познакомитесь съ больными, которыхъ я представлю вамъ дальше, то увидите, что мы не настолько безпомощны, какъ это вамъ конечно показалось изъ только что сказаннаго. Всмотритесь ближе въ больного Райкова, въ особенности его невралгіи, и вы найдете достаточно данныхъ говорить у него о невралгіи сифилитической. Во 1-хъ, за это говоритъ анамнезъ больного, изъ котораго вы узнаете, что у него былъ Loues; во 2-хъ, вы находите слѣды Loues въ видѣ увеличенныхъ отвердѣлыхъ лимфатическихъ железъ шейныхъ и паховыхъ, далѣе самое важное по моему мнѣнію,— это усиленіе болей къ ночи; наступленіе припадковъ у него всегда въ ночное время—это есть своего рода dolor osteocipii, двусторонняя невралгія, тогда какъ другія не сифилитическія невралгіи чаще бываютъ одностороннія; отсутствіе реакціи перерожденія, не смотря на продолжительное многолѣтнее существованіе невралгіи, и наконецъ безпричинное, такъ сказать, появленіе невралгіи. Вотъ всѣхъ этихъ то признаковъ, рядомъ съ отсутствіемъ другихъ причинныхъ моментовъ, по моему многолѣтнему наблюденію, совершенно достаточно, чтобы въ однихъ случаяхъ, гдѣ есть точныя анамнестическія свѣдѣнія о бывшемъ сифилисѣ и гдѣ есть на лицо симптомы сифилиса въ видѣ сыпей, periostit'овъ, рубцовъ, увеличенныхъ лимфатическихъ железъ и т. д.; гдѣ приступы болей имѣютъ ночной характеръ; гдѣ отсутствуетъ реакція перерожденія, боли двустороннія, ближайшаго причиннаго момента указать нельзя съ положительностію—діагностицировать невралгію сифилитическую; въ другихъ, гдѣ нѣтъ въ анамнезѣ указанія на сифилисъ,—таковой былъ не замѣченъ, или скрывается, и гдѣ нѣтъ признаковъ объ-

ективныхъ бывшаго или существующаго сифилиса, вѣроятный на основаніи ожесточенія невралгическихъ болей по ночамъ и отсутствія реакціи перерожденія и двусторонности невралгіи, безпричинности ея появленія. Вотъ въ силу указанныхъ обстоятельствъ мы разсматриваемъ невралгію Райкова, какъ сифилитическую, и, выходя изъ этого положенія, назначаемъ ему противосифилитическое лѣченіе. Оставляя пока въ сторонѣ патологію этого случая, я обращу ваше вниманіе на прогностику межреберныхъ невралгій и въ частности сифилитической. Она всецѣло зависитъ отъ причиннаго момента, тамъ,—гдѣ онъ устранимъ, устранима и невралгія; гдѣ этотъ моментъ не излѣчивается нашими средствами, тамъ и невралгія допускаетъ плохую прогностику. Изъ этого вы уже ясно видите, какое важное значеніе имѣетъ для прогноза уясненіе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ межреберной невралгіи, ея этіологіи—почвы, на которой развилась и существуетъ такая невралгія. А уяснивши себѣ это, мы будемъ ставить и соотвѣтственный прогнозъ; для нашего случая онъ благопріятенъ, потому что мы знаемъ, что невралгіи сифилитическія уступаютъ охотно противосифилитическому лѣченію и излѣчиваются радикально, если лѣченіе ведется правильно. Что касается до лѣченія такихъ невралгій, то, не входя въ подробное разсмотрѣніе лѣченія вообще невралгій, мы установимъ ту терапію, какая требуется нашимъ случаемъ. Райковъ имѣетъ невралгію и при томъ на сифилитической почвѣ; слѣдовательно, 1-е показаніе—это бороться съ указанною почвою—борьба, которая выполняется такъ называемымъ противосифилитическимъ методомъ лѣченія. А средствомъ служатъ ртуть и JK. Что касается до ртути, то въ данномъ случаѣ мы сдѣлаемъ ему подкожное впрыскиваніе каломеля въ размѣрѣ 2 gr. на впрыскиваніе. Выгода этого способа введенія ртути значительная: мы знаемъ, сколько вводимъ ртути, способъ не сложный, проще, чѣмъ втирать; дѣйствіе наступаетъ скорѣе и вѣрнѣе. Но наша терапія не должна ограничиваться только противосифилитическими средствами,—нужно лѣчить и невралгію, какъ таковую; средства, которыя мы примѣнимъ нашему больному, будутъ состоять въ томъ, что мы сдѣлаемъ ему отвлеченіе на кожу въ видѣ точечныхъ прижиганій Пакеленомъ, теплыя ванны и гальванизацію.

Прошло, М. Г., 18 дней, какъ мы начали лѣченіе нашего больного по прежде изложенному плану и въ настоящее время мы должны подвести итоги его,—такъ какъ больной оставляетъ нашу клинику. За это время ему сдѣлано два впрыскиванія подъ кожу каломеля (Calom. via humid. parat. съ glycerin.) по два грана на инъекцію, слѣд. введено всего только 4 грана. Мѣстныя разстройства на мѣстѣ инъекціи были

самыя незначительныя; онѣ обнаружились только небольшимъ затвердѣніемъ и болѣзненностью, скоро прошедшими; явленій отравленія ртутью не было и нѣтъ; кромѣ этого сдѣлано два раза прижиганіе термокаутеромъ Пакелена по межребернымъ промежуткамъ въ видѣ точечныхъ прижиганій, 8 ваннъ въ $30^0/_0$, продолжительностію въ 15—20 м., и 7 сеансовъ электричества—постоянный токъ.

Состояніе здоровья нашего больного въ теченіе этого времени было такое; для наглядности отмѣтимъ продолжительность приступовъ болей за каждый день.

5	февр.	сдѣлана 1-я инъекція каломеля:										
6	„	боли	были	сильныя	отъ	2	ч.	ночи	до	9	ч.	утра.
7	„	„	„	„	„	$4^1/_2$	„	„	„	10	„	„
9	„	„	„	„	„	2	„	„	„	10	„	„
11	„	„	„	„	„	2	„	„	„	7	„	„
12	„	вторая инъекція:										
13	„	„	„	„	„	4	„	„	„	7	„	„
15	„	„	„	„	„	4	„	„	„	7	„	„
17	„	„	„	„	„	2	„	„	„	7	„	„
19	„	боли не было.										
20	„	„ „	„	„	„	3	„	„	„	7	„	„
21	„	„ „	„	„	„	3	„	„	„	7	„	„
22	„	боли не было.										
23	„											

Изъ приведенныхъ отмѣтокъ вы видите, что продолжительность припадковъ постепенно сокращается и наконецъ въ послѣдніе дни они совершенно прекратились. Но рядомъ съ уменьшеніемъ продолжительности припадка больной замѣчалъ уменьшеніе напряженности ихъ. Они становились слабѣе—при наступленіи и развитіи припадка больной чувствовалъ только тупую не сильную боль въ межреберныхъ промежуткахъ, вмѣсто прежней, рвущей, ноющей, стрѣляющей и т. д. Боли не отдавали въ плечо и руки,—больной могъ спокойно лежать въ постели; тогда какъ раньше онъ проводилъ безсонныя ночи, не имѣя возможности ни лежать, ни сидѣть, ни ходить. Въ послѣдніе дни онъ проводилъ совершенно спокойныя ночи. Сонъ его не нарушался болями. Въ теченіе дня больной также замѣчалъ постепенное улучшеніе своего состоянія—дневныя боли его тоже покидали и съ 15 числа ихъ уже совсѣмъ не было. Въ настоящее время больной свободно ходитъ, не шатается, можетъ свободно дышать, не чувствуя боли, имѣетъ прекрасный аппетитъ, стулъ и въ послѣдніе дни сонъ. Онъ считаетъ себя совершенно здоровымъ; но, къ сожалѣнію, долженъ оставить клинику,

получивши телеграмму, вызывающую его обязательно домой. Онъ уходитъ отъ насъ, и мы даемъ совѣтъ продолжать лѣченіе по пріѣздѣ къ себѣ въ томъ же направленіи.

Теперь является вопросъ, что принесло больному пользу, какую терапію нужно считать въ нашемъ случаѣ излѣчившею больного. Кажется, безъ особенной натяжки нужно признать каломель и вотъ на какомъ основаніи: больной боленъ пять лѣтъ; въ теченіе этихъ пяти лѣтъ онъ лѣчился постоянно; лѣчился, по его словамъ, правильно, систематически—электричествомъ, ваннами, ему ставили мушки, внутрь онъ принималъ всевозможныя средства—съ сожалѣнію, онъ не можетъ сказать какія именно, но принималъ очень много и всякія, какъ самъ онъ выражается; но пользы не было,—болѣзнь усиливалась и довела его до того несчастнаго положенія, въ какомъ онъ явился къ намъ въ клинику. Ясно, что не наши ванны (8), не наши 7—8 сеансовъ электричества и два прижиганія термокаутеромъ сдѣлали Райкова здоровымъ, способнымъ къ труду, а дѣйствительно ртуть. Вамъ покажется быть можетъ страннымъ—такое быстрое дѣйствіе ртути,—но изъ исторіи лѣченія сифилиса ртутью вообще, подкожнымъ введеніемъ каломеля въ частности, вы имѣете много образцовъ дѣйствительно чуть не мгновеннаго излѣченія, какъ это мы увидимъ ниже, невралгіи сифилитическаго происхожденія. Въ виду этого конечно вы согласитесь, что дѣйствующимъ веществомъ въ нашемъ случаѣ былъ Calomel.

Лекція II-я.

Въ прошлую лекцію мы познакомились съ вами, М. Г., съ больнымъ Райковымъ, исторію болѣзни котораго вы помните,—помните конечно нашъ діагнозъ у него сифилитической межреберной невралгіи и лѣченіе, которое мы провели въ клиникѣ, а равно и результатъ этого лѣченія. Въ настоящую бесѣду я представлю вамъ аналогичнаго больного тоже съ межреберною невралгіей и тоже сифилитическаго происхожденія. Больной Іесь Скибинскій, купецъ по профессіи, 43-хъ лѣтъ отъ роду, поступилъ въ клинику 19 ноября 1891 г.; жалуется на сильныя, невыносимыя боли съ обѣихъ сторонъ груди, боли, которыя онъ чувствуетъ постоянно; но днемъ они сносны, онъ можетъ ходить, сидѣть; къ вечеру-же, особенно ночью, эти боли ожесточаются на столько, что лишаютъ его сна; въ это время онъ не можетъ лежать, не можетъ ходить, а обыкновенно сидитъ, прижавши ноги къ животу, или же, спустившись съ кровати грудью, опирается на край койки,

производя туловищемъ давленіе на грудь и животъ—это положеніе для него наиболѣе выносимое. Къ утру боли нѣсколько стихаютъ: онъ можетъ лежать въ постели и обыкновенно засыпаетъ на нѣкоторое время. Такіе приступы болей бываютъ каждую ночь, вслѣдствіе чего больной Скибинскій сильно ослабѣлъ въ послѣднее время, такъ что уже не можетъ заниматься своимъ дѣломъ. Кромѣ этого онъ жалуется на одышку, сердцебіеніе и на головокруженіе по преимуществу во время движенія; въ покойномъ состояніи, или во время приступа болей ни одышки, ни сердцебіенія, ни головокруженія онъ не испытываетъ. Кромѣ того во время ночи онъ чувствуетъ боли въ головѣ, ногахъ и груди. Заболѣлъ Скибинскій съ мая 1883 г. Слѣдовательно боленъ $8^1/_2$ л. О началѣ своей болѣзни онъ передаетъ такъ, что въ маѣ сказаннаго года онъ простудился на сквозномъ вѣтрѣ и почувствовалъ боль въ области лопатки; боль была небольшая и онъ мало обращалъ вниманія не нее; однакожъ съ теченіемъ времени она стала усиливаться и распространяться,—больной сталъ испытывать боли въ спинѣ, въ бокахъ и переднихъ частяхъ груди,—боли всегда были сильныя, главнымъ образомъ ночью. Чувствуя себя больнымъ, Скибинскій начинаетъ уже искать медицинской помощи—всѣ восемь лѣтъ онъ лѣчится—ѣздилъ на Лиманъ, бралъ теплыя ванны, купался въ морѣ, лѣчился электричествомъ, ставилъ мушки,—внутрь принималъ всевозможныя средства, а о JK. говоритъ, что онъ пилъ его чуть не ведрами, ничего не помогало—болѣзнь прогрессировала; средства и силы больного оскудѣвали, и вотъ онъ явился къ намъ въ клинику. Съ какого времени появилась у больного одышка, сердцебіеніе и головокруженіе; когда онъ сталъ чувствовать боли въ головѣ, ногахъ и груди — точно сказать не можетъ; онъ утверждаетъ, что давно, но во всякомъ случаѣ много позже начала болей въ груди. О характерѣ своихъ болей онъ говоритъ, что онѣ рвущія и рѣжущія; въ головѣ, груди и ногахъ ломящія. Другихъ жалобъ больной не предъявляетъ; заявляетъ о плохомъ аппетитѣ, неправильномъ стулѣ, слабости и неспособности къ работѣ. Познакомившись съ анамнезомъ больного, его субъективными жалобами, перейдемъ къ его объективному изслѣдованію и посмотримъ, чѣмъ обусловливаются его сильныя боли въ груди, составляющія главную и почти исключительную жалобу больного. Боли эти, какъ видите, локализируются по межреберныъ промежуткамъ лѣвой и правой стороны груди и занимаютъ 1, 2, 3, 5 и 7 межреберья; давленіе здѣсь болѣзненно; съ лѣвой стороны боль сильнѣе, чѣмъ съ правой; надавливая на каждый изъ этихъ межреберныхъ промежутковъ, вы убѣждаетесь, что въ извѣстныхъ мѣстахъ, именно около позвоночника на срединѣ каждаго меж-

реберья и у стернальнаго конца получаются мѣста наиболѣе болѣзненныя; слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ такъ называемыя болевыя точки Valleix, которыя, какъ вы знаете, соотвѣтствуютъ мѣстамъ выхода нервныхъ вѣтвей—позвоночная задняя, гдѣ выходятъ rami posteriores, боковыя — rami lateral., передняя — rami anteriores. Давленіе слабое, какъ видите, усиливаетъ боль, — давленіе сильное успокаиваетъ оную. Кожа имѣетъ нормальную чувствительность,—мышцы интеркостальныя не болятъ. Всѣ роды кожной чувствительности, какъ-то: тактильной, болевой, термической, электрической, не измѣнены; на фарадическій и гальваническій токъ, какъ вы замѣчаете, мышцы реагируютъ правильно; реакціи перерожденія нѣтъ. Пораженія плевры у нашего больного, какъ увидимъ дальше, не имѣется. Указаній на страданіе спинного мозга, его оболочекъ, также нѣтъ; нѣтъ страданія позвоночника, а также и соотвѣтствующихъ реберъ, въ родѣ periostit'а и т. д. Слѣд., мы имѣемъ право трактовать боли Скибинскаго какъ невралгическія, въ силу тѣхъ признаковъ, которые мы нашли при изслѣд. межреберья. Итакъ слѣд. здѣсь, какъ и въ первомъ нашемъ случаѣ, мы имѣемъ невралгію интеркостальную, поразившую 1, 2, 3, 5 и 7 межреберные нервы обѣихъ сторонъ, но выраженную сильнѣе справа, чѣмъ слѣва. Дальнѣйшее объективное изслѣд. показываетъ, что больной средняго роста, правильнаго сложенія, анемиченъ, подкожный жирный слой атрофированъ, мышцы развиты удовлетворительно,—но вялы. При дальнѣйшемъ осмотрѣ больного мы замѣчаемъ утолщенія на лобной кости, на мѣстѣ лобныхъ бугровъ; эти утолщенія болѣзненны при надавливаніи,—такія же утолщенія и тоже болѣзненныя замѣчаются и на затылочной кости; вотъ эти то мѣста и болятъ у больного по ночамъ. Мѣста прикрѣпленія реберъ 1—2 къ грудинѣ тоже утолщены и чувствительны при давленіи. Лимфатическія железы шейныя, axillar., кубитальныя увеличены,—ингвинальныя тоже и образуютъ пакеты, плотны наощупь. Перкуссія грудной клѣтки какъ спереди, такъ и сзади даетъ слегка коробочный тонъ. Притупленный токъ сердца начинается отъ 3-го ребра, а тупой отъ 4-го; толчекъ сердца замѣчается въ 6-мъ межреберномъ промежуткѣ по сосковой линіи; поперечный размѣръ отъ лѣвой стернальной линіи и заходитъ за сосокъ на $1^1/_2$ поперечныхъ пальца. Въ jugul. stern. ясно видна и ощущается пульсація; перкуссія sterni по линіи 1-го межребернаго промежутка даетъ притупленіе=10 ctmtr. Печень и селезенка, какъ видите, не представляютъ уклоненія въ своихъ перкуторныхъ размѣрахъ; но тотъ и другой органы, особенно печень, нѣсколько чувствительны при перкуссіи. Кишечникъ слегка вздутъ. При аускультаціи всюду слышимъ везикулярное дыханіе какъ спереди, такъ и

сзади. Ad apicem cordis первый довольно ясный тонъ и второй съ шумомъ, при основаніи шумъ слышится яснѣе, а на мѣстѣ аорты два шума—первый слабый, второй діастолическій—совершенно ясный,—на срединѣ sterni и у jugul. слышится—ясный систолическій шумъ и второй діастолическій менѣе рѣзкій. Височныя артеріи ясно склерозированы, равно какъ и arter. radial., болѣе упруги и тверды, чѣмъ слѣдуетъ. На половыхъ частяхъ ничего ненормальнаго. Чтобы закончить свое изслѣдованіе, намъ нужно дополнить наши свѣдѣнія еще нѣкоторыми анамнестическими свѣдѣніями, именно узнать отъ нашего больного—не имѣлъ ли онъ сифилиса, не имѣли ли его родители. На эти вопросы, какъ вы слышали, больной даетъ отрицательные отвѣты. Онъ утверждалъ, что самъ никогда не имѣлъ Loues, родители его всегда были здоровы и умерли въ глубокой старости; самъ онъ женатъ болѣе 20 лѣтъ, имѣетъ 6 живыхъ дѣтей, здоровыхъ, по его словамъ; хотя всего беременностей у его жены было 14; два выкидыша, а остальныя 6 доведены до конца,—но дѣти умирали въ дѣтскомъ возрастѣ отъ младенческой, какъ выражается больной, хотя рождались здоровыя. Вотъ и всѣ данныя, которыя мы успѣли собрать путемъ объективнаго и субъективнаго изслѣдованія нашего больного, равно и путемъ анамнестическимъ. Моча больного, изслѣдованная нѣсколько разъ, не показала ничего ненормальнаго. Суточное количество 1000—1400; удѣльный вѣсъ 1015—1016; блѣдно-соломеннаго цвѣта; бѣлка нѣтъ; сахара тоже,—микроскопическое изслѣдованіе дало отрицательные результаты. Изъ этихъ данныхъ для насъ особенный интересъ пріобрѣтаютъ данныя, относящіяся до сердца и сосудистой системы нашего больного. Вы видѣли, что сердце у него увеличено въ продольномъ размѣрѣ и нѣсколько въ поперечномъ влѣво; при аускультаціи получается на мѣстѣ аорты ясный діастолическій шумъ, съ легкимъ систолическимъ; слѣдоват. имѣемъ передъ собою Insuff. vv. semilanar. aort'ы съ увеличеніемъ лѣвой половины сердца, гипертрофіею лѣваго желудочка; увеличеніе поперечника аорты, пульсація въ jugul. sterni; систолическій шумъ на срединѣ и вверху sterni даетъ право на заключеніе о расширеніи дуги аорты—слѣд. аневризмы; итакъ, мы имѣемъ передъ собою больного, у котораго имѣется Insuff. vv. semilanar. aort'ы et aneurysma aort'ы. Не входя въ объясненіе патологіи и симптомовъ сказанныхъ страданій—они въ настоящее время не составляютъ прямой нашей задачи (объ этіологіи же скажу позже)—я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: нѣтъ ли каузальной связи между аневризмою аорты и невралгіею нашего больного; не есть ли послѣдняя такъ называемая симптоматическая; ибо вы знаете изъ частной патологіи и терапіи, что при аневризмѣ аорты могутъ

быть и межреберныя невралгіи; бываетъ такъ называемая angina pector. Но въ данномъ случаѣ едвали можно видѣть эту связь и вотъ на какомъ основаніи: невралгіи отъ аневризмы бываютъ вслѣдствіе механическаго давленія аневризмы на позвоночникъ, а слѣд. и на нервы, выходящіе изъ него; но это бываетъ при аневризмахъ нисходящей аорты, а не дуги, какъ мы имѣемъ у нашего больного; при этой формѣ аневризмы, чаще бываетъ ang. pector. или болевая stenocardia—которой впрочемъ у нашего больного нѣтъ; конечно можетъ явиться сомнѣніе, нѣтъ ли расширенія аорты и нисходящей,—на этотъ вопросъ отвѣтить съ положительностію трудно, ибо эти аневризмы діагностицируются не легко, тѣмъ не менѣе это предположеніе едвали вѣроятно, потому что при аневризмѣ аорты невралгія бываетъ большею частью односторонняя, чего нѣтъ въ нашемъ случаѣ; что при аневризмѣ нисходящей части аорты, конечно сколько нибудь значительной, находимъ ослабленіе пульсаціи въ аортѣ абдоминальной; большее или меньшее запаздываніе пульса въ ней, чего въ нашемъ случаѣ не имѣется; пульсъ въ аортѣ abdom. у нашего больного полный, твердый, запаздыванiй также нѣтъ; наконецъ 8-ми-лѣтнее существованіе аневризмы проявилось бы и другими признаками, болѣе надежными для діагноза, напр. со стороны позвоночника, чего опять таки мы не находимъ въ нашемъ случаѣ. Слѣд. едвали будетъ правильно ставитъ невралгію Скибинскаго въ зависимость отъ его аневризмы; такое заключеніе было-бы поспѣшно и повело бы къ неправильному взгляду на патологію всего случая, его прогнозу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его терапіи. Данныя другого ряда даютъ право на иное толкованіе причиннаго момента невралгіи Скибинскаго, а слѣд. на иное пониманіе патогенеза, а слѣд. прогноза и терапіи. Данныя эти слѣд. вы помните, М. Г., что при изслѣдованіи его мы нашли утолщеніе на лобныхъ буграхъ, затылочной кости, утолщеніе на ребрахъ въ мѣстахъ ихъ прикрѣпленія къ грудинѣ, болѣзненность этихъ утолщеній при давленіи, самостоятельныя боли въ этихъ мѣстахъ и при томъ въ ночное время; увеличеніе лимфатическихъ железъ, шейныхъ по ходу, m. m. Sterno cleido mastoid. аксилярныхъ, кубитальныхъ и ингвинальныхъ, спаянныхъ въ видѣ пакетовъ,—твердыхъ и т. д.; ночныя боли въ ногахъ, безъ видимыхъ правда измѣненій въ periost'ѣ; боли въ головѣ тоже ночныя — все это неминуемо наводитъ на мысль о томъ, не имѣемъ ли мы передъ собою больного сифилитическимъ процессомъ. Periostit'ы на перечисленныхъ мѣстахъ, при томъ безпричинныя — составляютъ обычное мѣсто для periostit'овъ сифилитическаго происхожденія; увеличенія лимфатическихъ железъ и между ними кубитальныхъ, а также и паховыхъ въ видѣ спаянныхъ пакетовъ, — твер-

дыхъ, dolores osteocopi въ ногахъ, груди, головѣ,—все это такіе признаки, которые въ достаточной мѣрѣ уполномачиваютъ на вѣроятное заключеніе объ имѣющемся сифилисѣ у нашего больного. А если это такъ, то понятно, что и невралгія Скибинскаго можетъ быть разсматриваема, какъ невралгія сифилитическая, тѣмъ болѣе, что и въ ней, какъ таковой, лежатъ признаки, свойственные такой невралгіи: продолжительное, многолѣтнее существованіе, безпричинное появленіе, двусторонность ея, отсутствіе реакціи перерожденія, припадки болей по ночамъ. Ставя въ зависимость нашу невралгію отъ имѣющагося сифилиса у больного Скибинскаго, естественно подумать и о томъ, чтобы поставить въ такую же зависимость и отъ того же процесса и пораженіе его сосудистой системы—имѣющуюся аневризму дуги аорты и недостаточность клапановъ. Больной никогда въ своей жизни не страдалъ какимъ бы то ни было болѣзненнымъ процессомъ, за которымъ наблюдается развитіе пораженія клапаннаго прибора сердца, какъ напр. ревматизмомъ, никогда не пилъ, много не курилъ—моменты, благопріятные развитію arterio-scleros.; а между тѣмъ arterio-sclerosis у него развитъ больше, значительнѣе, чѣмъ это мы въ правѣ ожидать отъ его возраста, и вотъ на этой то почвѣ артеріосклероза и развивается у него и аневризма и недостаточность vv. semilanar. aort'ы вмѣстѣ съ нѣкоторою долею съуженія аортальнаго отверстія, на что указываетъ систолическій шумокъ, выслушиваемый на аортѣ, а отсюда послѣдствія этихъ пораженій—увеличеніе продольнаго размѣра сердца.

Что артеріосклерозъ имѣетъ отношеніе къ сифилису и дѣйствительно можетъ обусловливаться имъ, на это мы имѣемъ достаточно указаній въ литературѣ. Вамъ довольно только припомнить крупныя работы по этому вопросу, напр. Heubner'a, Высоковича, чтобы дѣйствительно имѣть право поставить артеріосклерозъ сосудистой системы въ зависимость отъ Loues'a. Не говоря объ анатомической діагностикѣ этого артеріосклероза, я замѣчу, что съ точки зрѣнія клиники—онъ выражается болѣе раннимъ развитіемъ, въ такое время жизни, когда артеріосклерозъ при другихъ обстоятельствахъ не развивается. Головокруженія, одышка, сердцебіенія, конечно, въ достаточной мѣрѣ объясняются существующею недостаточностію клапановъ аорты. Итакъ, слѣд., М. Г., въ основѣ страданій нашего больного, какъ видите, лежитъ Loues; на этой почвѣ у него развилась невралгія съ одной стороны и пораженіе сосудовъ—arterio-sclero'тическимъ процессомъ со своими спутниками—аневризмою и недостаточностію клапаннаго прибора аорты съ другой.

А если мы ставимъ такой діагнозъ и указанную патологію нашего больного, то конечно вы понимаете, что мы можемъ сдѣлать вѣроят-

ный благопріятный прогнозъ для невралгіи Скибинскаго, не смотря на то, что она существуетъ много лѣтъ, а вмѣстѣ съ этимъ конечно устанавливается и показаніе для лѣченія нашего больного: причинное—будетъ выполняться антисифилитическими мѣрами, припадочное—противо-невралгическими. Въ виду такихъ показаній мы и назначаемъ ему, во 1-хъ, подкожное впрыскиваніе каломеля; во 2-хъ, противо-невралгическія—гальванизація межреберныхъ промежутковъ, а внутрь с. Sol. Fauler. с. T-ra Gelsemin. semperv. въ mixt. по слѣдующей формулѣ Sol. Fauler. 1,0; T-ra Gelsemin. semperv. 10,0; Aq. destil. 180,0 по 3 столовыхъ ложки въ день. Дальнѣйшая судьба нашего больного такова: 20 ноября ему было впрыснуто 2 gr. каломеля. Такъ какъ послѣ впрыскиванія на мѣстѣ укола появилось затвердѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боль, то и другое держалось долго, сильно безпокоило его, то вмѣсто впрыскиванія каломеля ему назначены были фрикціи, которыхъ онъ сдѣлалъ 6 по 2,0. Такимъ образомъ онъ получилъ два грана Calomel. подъ кожу и 12,0 Ungu. grisei и 4 раза микстуру изъ Sol. Fauler. по вышеуказанной формулѣ. Состояніе больного ко дню выписки 12 декабря таково, что онъ считаетъ себя абсолютно здоровымъ; боли въ груди онъ уже не чувствуетъ съ 1-го декабря, а уменьшеніе болей началось съ 24 ноября, онѣ стихали исподволь, постепенно, а 7 декабря прекратились совсѣмъ. Также не чувствуетъ больной боли въ ногахъ, головѣ и т. д. Аппетитъ прекрасный, сонъ превосходный, настроеніе больного не оставляетъ желать ничего лучшаго. Объективное изслѣдованіе, какъ вы видите, показываетъ, что давленіе на межреберные промежутки, лобныя возвышенія и теменную кость, давленіе на мѣстѣ утолщеній въ области припухлости реберъ, даетъ отрицательные результаты—больной не ощущаетъ боли даже и при сильномъ давленіи. Органы грудной полости сердца и аорта безъ замѣтныхъ перемѣнъ, кишечникъ нормальный, печень менѣе болѣзненна и т. д., словомъ то страданіе, съ которымь пришелъ къ намъ больной въ клинику, его совершенно оставило. Такъ какъ больной не можетъ дольше оставаться въ клиникѣ и сегодня уходитъ отъ насъ, то мы совѣтуемъ ему продолжить еще лѣченіе у себя дома въ томъ же направленіи, т. е. дѣлать фрикціи. Итакъ, справедливость нашего предположенія о сифилитической невралгіи у больного Скибинскаго подтвердилась еще и блестящимъ результатомъ лѣченія его невралгіи—ртутью. Что въ данномъ случаѣ дѣйствительно весь успѣхъ терапевтическій долженъ быть относимъ на долю ртути—это уже доказывается и тѣмъ, что больной и раньше принималъ Arsenic,—пользовался электричествомъ, но безъ всякаго успѣха. У нашего больного интересна одна особенность—это полная недѣйствительность іодистаго калія, который, какъ вы знаете,

является могучимъ агентомъ при лѣченіи Loues. Это можетъ быть объяснено только индивидуальностію случая, какъ мы иногда наблюдаемъ при лѣченіи и другихъ сифилитиковъ. Больной Скибинскій былъ демонстрированъ въ засѣданіи Медицинской секціи Общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ.

Лекція III-я.

Сегодня я представлю вамъ, М. Г., больного Сигалова съ формою аналогичною тѣмъ, которыя мы уже разсмотрѣли раньше, но отличающеюся отъ нихъ мѣстомъ развитія невралгіи и нарушеніемъ функціи пораженнаго нерва. Больной Сигаловъ, котораго вы видите передъ собою, 43 л. отъ роду, взятъ нами изъ нашего амбулянса (онъ по своимъ семейнымъ и служебнымъ обстоятельствамъ не могъ лечь въ клинику), представляетъ собою субъекта поистинѣ несчастнаго. Боленъ онъ около 18 л. За время своей, какъ вы видите, продолжительной болѣзни, онъ потерялъ мѣсто очень хорошее, прожилъ свои средства и въ послѣднее время, будучи вынужденъ работать для прокормленія себя и своей семьи, покушался даже на самоубійство, какъ вы слышите отъ самого больного. Въ такое несчастное положеніе пришелъ онъ, благодаря страшнымъ нестерпимымъ болямъ, которыми онъ страдаетъ. Вотъ что разсказываетъ намъ Сигаловъ. 18 лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ почувствовалъ боль въ области почки съ лѣвой стороны; такъ локализируетъ мѣсто боли самъ больной, говоря, что у него не болитъ кожа, или мышцы, а боль гнѣздится глубже. Отсюда боль распространяется на передъ широкою полосою, доходитъ до подложечной области, иррадіируетъ на поясницу. Появилась эта боль безъ всякой видимой причины, была въ началѣ не особенно сильна; продолжалась не долго, минутъ 20—полъ-часа, такъ что больной не придавалъ ей особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что она и появлялась изрѣдка, разъ въ мѣсяцъ. Съ теченіемъ времени боли стали появляться чаще, стали дѣлаться сильнѣе и продолжительнѣе; но всетаки больной съ ними мирился, обращался къ медицинской помощи, но успѣха не было. Въ такомъ положеніи дѣло было въ теченіе болѣе чѣмъ 5 лѣтъ. Дальше же эти боли стали появляться еще чаще, промежутки между ними короче,—сила и распространенность увеличиваются, боли охватываютъ область лѣвой почки, лѣвую половину поясницы, лѣвую половину живота, отдаютъ въ лопатку и даже плечо. Вмѣсто получаса онѣ длятся часа два, три; а два года тому назадъ онѣ стали появляться каждыя сутки, тянутся

10—12 часовъ, кончаются тошнотою и рвотою. На вопросъ о томъ, когда бываютъ боли, больной категорически заявляетъ, что боли у него всегда бываютъ по ночамъ; начинаются вечеромъ часовъ 8—9 и кончаются утромъ тоже часовъ въ 7—8, слѣд. продолжаются приблизительно часовъ 10—12. Бываютъ перерывы въ теченіе этихъ болей на 15—20 мин., когда онѣ ослабѣваютъ, но совсѣмъ не прекращаются. Прекращается приступъ всегда вдругъ, разомъ, послѣ чего больной въ состояніи уснуть. Во время приступа болей больной, на что онъ, какъ видите, обращаетъ свое особенное вниманіе, мочится часто; выдѣляетъ мочи втрое, вчетверо больше, чѣмъ днемъ. Благодаря этимъ болямъ, лишающимъ больного сна, онъ значительно ослабѣлъ, силы его подорвались. Съ того времени, какъ усилились боли, больной настойчиво сталъ лѣчиться; былъ во многихъ городахъ, лежалъ въ больницахъ и клиникахъ, ѣздилъ на различные курорты; истратилъ свои средства, но помощи не получилъ. Вотъ съ этимъ анамнезомъ и съ указанными жалобами на описываемыя боли больной обратился къ намъ за совѣтомъ. Онъ выше средняго возраста; видимыя слизистыя оболочки малокровны; подкожный жирный слой уменьшенъ; больной говоритъ, что онъ былъ полнѣе, жировая подстилка была у него прежде больше, мышцы вялы; выраженіе лица усталое, разбитое, больной всю ночь не спалъ отъ боли; уснулъ часа $1^1/_2$ до прихода къ намъ. Костная система развита правильно. На кожѣ нѣтъ ни сыпей, ни рубцовъ. Органы грудной полости, равно какъ и брюшной не представляютъ замѣтныхъ перкуторныхъ или аускультативныхъ измѣненій. Языкъ слегка обложенъ бѣловатымъ налетомъ; аппетитъ удовлетворителенъ; стулъ правильный; селезенка замѣтно не увеличена. Лимфатическія железы паховыя увеличены, спаяны между собою, тверды наощупь, не болятъ. Увеличены железы шейныя, на process. mastoid. и аксилярныя. Мочи за ночь больной выдѣлилъ приблизительно 1800 сс.—она, какъ видите, очень блѣдна, подвижна почти какъ вода; реакція ея кислая, уд. в. 1008; осадка нѣтъ, нѣтъ въ этой мочѣ бѣлка, сахара, а равно и другихъ какихъ нибудь морфологическихъ элементовъ. Моча эта по своимъ физическимъ свойствамъ напоминаетъ мочу, какую мы получаемъ при diabetes insipidus, при Nephritis interstitialis. Давленіе въ области лѣвой почки, а равно давленіе на позвоночникъ, межреберные нервы, на мышцы живота и т. д. совершенно безболѣзненны; только глубокое давленіе на животъ, при возможно разслабленныхъ стѣнкахъ живота даетъ боль, если удается дойти до позвоночника съ лѣвой стороны, но оріентироваться въ мѣстѣ боли, распространенности ея и т. д. нельзя, потому что больной начинаетъ сокращать мышцы. Изслѣдованіе чув-

ствительности какъ болевой, такъ равно тактильной, термической и т. д. даетъ, какъ видите, отрицательный результатъ,—рефлексы колѣнный, голеностопный и т. д. безъ измѣненій. Вотъ и все, М. Г., что даетъ тамъ объективное изслѣдованіе больного,—вы видите, какія ничтожныя данныя мы получили. Изъ анамнеза мы узнаемъ, въ добавленіе къ тому, что мы узнали раньше, что больной на 20-мъ году жизни имѣлъ язву на членѣ съ послѣдующимъ припуханіемъ железъ лимфатическихъ, пораженіемъ горла, сыпью на тѣлѣ, лѣчился ртутью и совершенно поправился, только железы остались увеличенными, но имъ нашъ больной не придавалъ особеннаго значенія. На 13-мъ году имѣлъ какую-то острую лихорадочную форму, горячку по словамъ больного, онъ женатъ, жена имѣла два выкидыша, остальныя трое дѣтей здоровы.

Окончивши такимъ образомъ изслѣдованіе больного, намъ остается перейти къ рѣшенію вопроса о томъ, что за боли имѣются у Сигалова, чѣмъ они обусловливаются, какова ихъ натура, и чѣмъ можемъ мы помочь нашему больному. Самая главная жалоба больного это боль— чѣмъ она обусловливается? вы знаете между прочимъ изъ разсказа больного, что его болѣзнь трактовалась какъ colica renalis. Дѣйствительно въ первое время болѣзнь его напоминала colic. renal. Она проявлялась приступами, начинаясь въ области лѣвой почки, распространялась впередъ въ лѣвую половину живота — въ подложечную область, сопровождалась иногда тошнотой и рвотою. Совершенно такъ, какъ это бываетъ при почечныхъ камняхъ. Но мы въ настоящее время, когда уже прошло около 18-ти лѣтъ со времени перваго приступа боли, съ положительностію можемъ говорить, что здѣсь не имѣемъ дѣла съ colic. renalis, въ основѣ которой лежалъ бы почечный камень. Кромѣ указанныхъ болей, при почечной коликѣ больные всегда чувствуютъ боль, которая идетъ сверху внизъ, сзади напередъ, т. е. по ходу того или другого мочеточника боль передается въ соотвѣтствующее ядро, или бедро. При такихъ продолжительныхъ и частыхъ приступахъ мы должны бы были получить у больного гематурію и наконецъ въ одинъ изъ такихъ приступовъ вышелъ бы камушекъ. Ничего такого нѣтъ и не было у больного. Болей въ ядрѣ, бедрѣ или стволѣ у него никогда не ощущалось, гематуріи не было—камушки никогда не выходили. Въ мочѣ онъ никогда не замѣчалъ какого бы то ни было осадка, хотя за этимъ больной тщательно слѣдилъ. При почечныхъ камушкахъ, давленіе на почку всегда вызываетъ боль, сами больные даже, и внѣ приступа колики, чувствуютъ хотя не сильную и большею частью тупую боль въ соотвѣтствующей почкѣ. Наконецъ приступы болей не пріурочиваются непремѣнно къ ночи. Они могутъ быть ночью, но появляются

и днемъ, наступаютъ и слѣдуютъ часто за движеніемъ больныхъ, за ѣздою въ траскомъ экипажѣ, поднятіемъ тяжести и т. д. Ничего подобнаго мы не имѣемъ въ нашемъ случаѣ. Слѣдовательно говорить о Col. renal. у Сигалова нельзя. Нѣтъ основанія говорить здѣсь о такъ называемомъ crise-renal.,—бывающемъ иногда при Tabes dorsalis наподобіе crise—hepatique и gastrique. Но указаній какихъ бы то ни было въ настоящее время на существующій Табесъ нѣтъ. Объективное изслѣдованіе нашего больного въ этомъ направленіи дало отрицательные результаты,—а за 18 лѣтъ конечно нужно ждать, что Tabes atactica уже развился бы до полной своей картины. Нельзя эту форму подвести и подъ diabetes insipidus только потому, что онъ даетъ ночью мочи много, что моча водяниста, низкаго удѣльнаго вѣса. Но вѣдь суточное количество мочи не превышаетъ обыкновеннаго, усиленной жажды у нашего больного нѣтъ; при діабетѣ не бываетъ болей—такихъ, какія мы имѣемъ у Сигалова. О томъ, что это не Nephritis interstitialis, я не буду и говорить, потому что вы знаете симптоматологію этого заболѣванія и не находите въ нашемъ больномъ ничего для подтвержденія такого предположенія. Слѣд. боли Сигалова обусловливаются чѣмъ нибудь инымъ, а не сказанными заболѣваніями. Если вы всмотритесь ближе въ боли Сигалова, то конечно не ускользнетъ отъ вашего вниманія періодичность этихъ болей—онѣ бываютъ у нашего больного въ видѣ приступовъ, правильно чередующихся съ свѣтлыми промежутками. Появляются боли самостоятельно безъ всякаго замѣтнаго внѣшняго импульса; кончаются также вдругъ разомъ, тоже самостоятельно. Такая періодичность въ наступленіи болей, ихъ параксизмообразность, отсутствіе причины, по крайней мѣрѣ видимой—уловимой, для появленія приступа и такое же окончаніе его большею частью вдругъ, разомъ, иногда съ тошнотою и рвотою, свойственны только невралгіямъ. Въ пользу этого же говоритъ и то обстоятельство, что при изслѣдованіи больного, его почекъ, мы не нашли какого бы то ни было процесса, на счетъ котораго и можно бы было отнести эти боли. Да и нужно еще замѣтить, что другіе болѣзненные процессы, связанные съ анатомическими измѣненіями структуры почекъ, могутъ вызывать боль, но послѣдняя ничего не имѣетъ общаго съ характеромъ болей нашего больного. Всякая анатомическая дезорганизація почекъ за такой продолжительный періодъ времени имѣла бы возможность выразиться въ своей опредѣленной формѣ. Что касается до мѣста боли, ея локализаціи, то вы видите уже, что больной начальное мѣсто боли, исходный пунктъ, ясно пріурочиваетъ къ мѣсту лѣвой почки. И это имѣетъ дѣйствительно мѣсто въ нашемъ случаѣ потому именно, что боли по

своему распространенію по областямъ совершенно соотвѣтствуютъ областямъ распространенія болей при Colica renalis, за исключеніемъ боли въ ядрѣ и бывающей иногда въ бедрѣ. Что это дѣйствительно такъ,— въ пользу этого говоритъ и нарушеніе функціи почечной ткани во время приступа болей. Почка начинаетъ усиленно работать, начинаетъ усиленно выводить мочу съ описанными выше свойствами, т. е. такъ называемую нервную мочу, какую мы получаемъ у субъектовъ истеричныхъ. Проходитъ приступъ, и функція почти возвращается къ нормѣ. Почка сама по себѣ, какъ таковая, едва ли можетъ быть разсматриваема какъ источникъ невралгіи; ибо въ пользу этого, какъ сказано выше, никакихъ доказательствъ не имѣется, а мѣстомъ невралгіи должно признать нервы, идущіе къ почкѣ, чувствительные съ одной стороны и управляющіе тонусомъ сосудовъ съ другой, слѣд. Neuralg. N. Splanchnicus. Вотъ страданіе этого нерва и объясняетъ намъ и припадки болей наподобіе болей кишечныхъ при т. н. enteroralg'іи; желудочныхъ при cardialg'іи, страданія тройничнаго нерва при мигрени и т. д. и измѣненіе функціи почки. N. Splanchnicus есть вазомоторъ для почки—раздраженіе его вызываетъ спазмъ почечныхъ сосудовъ,—уменьшеніе мочи, параличъ его, перерѣзка или экстирпація plex. renalis,—расширеніе сосудовъ увеличеніе мочи. Слѣд. мы и должны представлять себѣ дѣло въ такомъ видѣ, что періодически происходятъ какія то измѣненія въ N. Splanchnicus, а можетъ быть въ plexus renalis — которыя захватываютъ и чувствительныя и вазомоторныя вѣтви,—въ результатѣ чего и получается боль въ области почки съ одной стороны, расширеніе съ другой,—со своимъ необходимымъ послѣдствіемъ—увеличеніемъ количества мочи. Что это не есть невралгія нижнихъ грудныхъ или поясничныхъ нервовъ, мнѣ кажется это ясно для васъ уже изъ того, что мы получили отрицательные результаты при изслѣдованіи нашего больного въ данномъ направленіи. Болѣзненность при ощупываніи лѣвой половины живота въ сферѣ развѣтвленія N. Splanchnicus тоже говоритъ въ пользу нашего предположенія. Такимъ образомъ, М. Г., мы, кажется, имѣемъ достаточное основаніе предположить у нашего больного Neuralg. N. Splanchnici. Спрашивается, чѣмъ обусловливается эта невралгія,—какая ея причина? На этотъ вопросъ, который вы всегда должны себѣ ставить,—такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ, какъ вы видѣли въ предыдущихъ случаяхъ, успѣхъ нашей терапіи,—опять таки руководствуясь вышесказанными положеніями, отвѣтимъ только съ большею вѣроятностію. Это не есть невралгія симптоматическая въ смыслѣ существованія какого нибудь разстройства спинного или головного мозга, или оболочекъ, пораженія костей и т. д., не есть отраженная невралгія,—

такъ какъ отыскать мѣсто, съ котораго могъ-бы итти рефлексъ, не удалось; трудно думать, чтобы это былъ невритъ, какъ таковой, съ опредѣленнымъ анатомическимъ измѣненіемъ нервнаго ствола; ибо должны бы были наступить нутритивныя разстройства, которыхъ тоже нѣтъ; слѣд. причина должна быть для нашей невралгіи другая,—ближе всего думать, что можетъ быть здѣсь малярійная инфекція, такъ какъ боли появляются въ видѣ приступовъ и притомъ въ опредѣленное время. Но въ анамнезѣ и изслѣдованіи больного—нѣтъ никакихъ указаній на зараженіе маляріею; безуспѣшность терапіи, состоявшей изъ хинина Ars. и друг. мѣръ, которыя больной принималъ долго и много, тоже говоритъ противъ такой мысли, кромѣ уже тѣхъ особенностей, на которыя мы указали, разбирая нашего перваго больного. Остается слѣд. и въ этомъ случаѣ подумать намъ о сифилитической подкладкѣ для невралгіи Сигалова. Чтоже мы имѣемъ въ пользу этого? Во-первыхъ, ночной характеръ приступовъ болей, который у него рѣзко сказывается, во-вторыхъ, анамнезъ больного, изъ котораго видно, что больной имѣлъ Loues; и въ 3-хъ, наконецъ, увеличенныя лимфатическія железы въ указанныхъ выше мѣстахъ. Данныя въ пользу сифилитической натуры, какъ видите, не особенно богатыя; но тѣмъ не менѣе онѣ есть,—и притомъ данныя положительныя—дозволяющія дѣлать выводъ съ большою вѣроятностію; безъ признанія же такой почвы, мы остаемся совершенно на воздухѣ, или же должны создавать теорію безъ всякой реальной подкладки. Выходя изъ положенія о сифилитической натурѣ нашей невралгіи, мы и раздѣлимъ нашъ планъ лѣченія на двѣ части: въ 1-й дѣйствовать противъ Loues, а во 2-й противъ невралгіи. Для первой цѣли предложимъ больному ртуть въ видѣ инъекцій изъ каломеля или втираній ртутной мази и іода; для 2-й обычныя наши средства,—отвлекающія на область спины въ видѣ прижиганій термокаутеромъ, гальванизацію спины и внутрь Ars. Отъ ртутнаго лѣченія больной нашъ пока рѣшительно отказался въ виду неудобствъ домашней обстановки и необходимости быть на службѣ, вслѣдствіе чего мы и рѣшились остановиться пока на іодистыхъ препаратахъ и антиневралгическихъ средствахъ. Поэтому ему 10 марта сдѣлано было прижиганіе спины пакеленомъ, а внутрь назначенъ JK съ Bromum и T-ra Gelsem. Semper. по слѣдующей формулѣ: Kali jodat. 10,0, Natri Bromati 4,0, T-ra Gelsem. Semper. 10,0, Aq. destill. 180 по стол. ложкѣ 3 раза въ день; 3 дня послѣдующіе—по 4 ложки; ежедневная гальванизація.

До 14 марта состояніе больного оставалось безъ перемѣны; съ 14-го по 21-е марта приступы были каждую ночь, но появлялись на меньшее время часа на два, на три—были очень слабы; такъ что

больной могъ спать, тошноты и рвоты не было; количество ночной мочи за это время уменьшилось вдвое; уд. в. 1012: окрашена больше. Съ 21 ч. не было ни одного приступа.—Больной спитъ цѣлую ночь, не просыпаясь, не мочится; аппетитъ хорошій; силы прибавились; самочувствіе прекрасное. Сегодня 29-е—вы видите и слышите отъ больного, что онъ совершенно здоровъ и не помнитъ, когда онъ чувствовалъ себя такъ, какъ послѣдніе дни.—Къ сожалѣнію, больной долженъ уѣхать изъ Харькова. Понятно, что и наши наблюденія надъ нимъ должны окончиться. Не смотря на полное прекращеніе болей у нашего больного, тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ ему продолжать JK еще очень долгое время съ нѣкоторыми перерывами, по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, М. Г., мы ознакомились съ симптоматологіею и терапіею разсмотрѣнныхъ больныхъ. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о патогенезѣ нашихъ случаевъ. Невралгіи, какъ мы уже не разъ говорили, могутъ представлять собою различныя состоянія нервовъ. Они могутъ страдать послѣдовательно за страданіемъ другихъ органовъ, тканей, — слѣдовательно въ нихъ могутъ происходить измѣненія вслѣдствіе давленія, вслѣдствіе перехода болѣзненнаго процесса съ сосѣдней ткани и т. д., слѣд. здѣсь могутъ возникать послѣдовательныя, такъ сказать, разстройства кровообращенія въ нервѣ, атрофическіе процессы отъ давленія, дегенеративныя отъ тѣхъ же причинъ. Neuralg. могутъ быть результатомъ неврита, гдѣ слѣд. имѣется самостоятельный анатомическій воспалительный процессъ нервныхъ волоконъ. Клиническая картина его вамъ извѣстна и она ничего не имѣетъ общаго съ нашими случаями. Наконецъ невралгіи суть чисто функціональныя, слѣд. такія, при которыхъ анатомическихъ измѣненій нѣтъ. Вотъ эти то невралгіи и составляютъ до настоящаго времени темную область патологіи. Предполагать, что измѣненій въ нервѣ нѣтъ,—это не правильно; измѣненія существуютъ; но они такъ незначительны и нерѣзки, что доказать ихъ въ настоящее время нашими теперешними способами изслѣд. трудно. Затѣмъ измѣненія въ нервѣ могутъ касаться не самаго нервнаго вещества, а кровеносныхъ сосудовъ его. Это такія измѣненія, которыя трудно констатируются анатомически. Вотъ въ силу этихъ то обстоятельствъ и создались различныя теоріи, направленныя къ уясненію разстройствъ въ нервѣ при невралгіи. Такъ Бенедиктъ предполагаетъ, что при всякой невралгіи обязательно существуетъ легкая степень неврита, т. е. анатомическаго и большею частью воспалительнаго характера разстройство. Англичанинъ Энсти допускаетъ, что исходный пунктъ для каждой невралгіи надо искать въ заднихъ ко-

решкахъ тѣхъ спинно-мозговыхъ нервовъ, въ которыхъ ощущается боль и что специфическое измѣненіе при этомъ состоитъ въ простой, не воспалительной атрофіи самыхъ заднихъ корешковъ. Эрбъ предполагаетъ особую форму разстройства питанія въ чувствующемъ аппаратѣ. Но эти мнѣнія, какъ видите, допускаютъ анатомическую подкладку для невралгій, кромѣ мнѣнія Эрба,—а такая подкладка, если ее признать, не объясняетъ главнаго клиническаго симптома невралгій—періодичности ихъ наступленія,—и не доказана анатомически. Наиболѣе пригоднымъ для объясненія является мнѣніе Успенскаго,—который допускаетъ паралитическое состояніе сосудовъ,—накопленія продуктовъ обмѣна веществъ, не удаленныхъ изъ нерва, которыя и даютъ импульсъ для боли. Нашъ послѣдній случай Сигалова даетъ въ этомъ отношеніи прекрасную иллюстрацію. Въ симптоматологіи его невралгіи вы видѣли особенный симптомъ—усиленное выдѣленіе мочи во время приступа—этотъ симптомъ конечно можетъ быть объясненъ усиленнымъ притокомъ крови къ почкамъ подъ вліяніемъ вазомоторовъ; слѣд. разстройство вазомоторовъ нужно признать однимъ, если не единственнымъ, въ настоящее время, агентомъ, играющимъ роль въ невралгіи — отсюда естественно можетъ происходить и нарушеніе питанія нерва (Эрбъ). Вотъ, М. Г., въ какомъ видѣ стоитъ патологія невралгій въ настоящее время. Существуютъ только вѣроятныя предположенія, а точныхъ данныхъ нѣтъ.

Прогнозъ для невралгій на люетической почвѣ, какъ вы успѣли убѣдиться на нашихъ случаяхъ,—благопріятный. Они при привильно поставленномъ лѣченіи охотно уступаютъ ему и притомъ уступаютъ скоро. Существованіе такихъ невралгій въ теченіе многихъ лѣтъ нисколько не ухудшаетъ прогностики, лишь бы больной по состоянію своего общаго питанія и по состоянію отдѣльныхъ органовъ допускалъ антисифилитическое лѣченіе.

Лѣченіе, какъ вы уже и видѣли, распадается на двѣ части—радикальное выполняется ртутными и іодистыми препаратами; симтоматическое—мѣрами, которыми мы располагаемъ вообще для лѣченія невралгій: электричество, препараты Брома, Arsen. Gelsem. Semperv.; ванны, отвлекающія въ видѣ мушекъ и термокаутризацій. Все это примѣнялось у нашихъ больныхъ по указаннымъ выше формуламъ. Что же касается до ртутныхъ препаратовъ, то я охотно употребляю каломель въ видѣ подкожныхъ инъекцій—по соображеніямъ, которыя я высказалъ уже раньше. Одно только нужно замѣтить и это вы часто будете наблюдать, что іодистые препараты въ однихъ случаяхъ вамъ будутъ приносить прекрасные результаты, какъ это вы видѣли на больномъ Сигаловѣ; въ другихъ случаяхъ они являются недѣятельными—больной Скибинскій.

Онъ принималъ, по его словамъ, ведрами и безъ успѣха. Чѣмъ это обусловливается, сказать трудно. Но фактъ въ практическомъ отношеніи весьма важный и знать его нужно. Наконецъ, наблюдая за ходомъ лѣченія нашихъ больныхъ, вы конечно не мало были поражены быстротою эффекта лѣченія,—быстротою излѣченія нашихъ больныхъ; двѣ, три недѣли,—и больные чувствовали себя здоровыми. Это конечно доказываетъ могущество нашей терапіи,—когда она направлена и выполнена правильно. Лянсеро упоминаетъ о трехъ случаяхъ невралгій сѣдалищнаго нерва (Ischias), долго противившихся всякому лѣченію, и уступившихъ точно волшебствомъ, когда, заподозривъ сифилисъ, назначили меркуріальное и іодистое лѣченіе. Тоже самое утверждаетъ Піорри, Вандекеръ и др. Слѣд. все дѣло въ томъ, чтобы вѣрно распознать натуру невралгіи,—вѣрно опредѣлить почву, на которой она развилась; а если это сдѣлано правильно—успѣхъ лѣченія обезпеченъ.

Итакъ, М. Г., мы закончили разборъ нашихъ больныхъ, ихъ лѣченія, и намъ приходится сказать, что невралгіи сифилитическія представляютъ собою тяжкія страданія, тянущіяся часто многими и многими годами; но что въ тоже время эти невралгіи легко поддаются лѣченію, если правильно опредѣлена почва невралгіи. Вотъ это-то установленіе почвы и представляетъ самыя большія затрудненія,—такъ какъ до сихъ поръ въ литературѣ нѣтъ даже и попытокъ діагностицировать сифилитическія невралгіи отъ не сифилитическихъ. Говорится только, что невралгіи могутъ зависѣть отъ сифилиса; что невралгіи сифилитическія, какъ таковыя, ни чѣмъ не отличаются по своимъ припадкамъ отъ невралгій не сифилитическихъ—Лянсеро, ученіе о сифилисѣ 1877, стр. 491, прямо говоритъ, что разстройства, связанныя съ невралгіей сифилитическою, не имѣютъ никакого особаго отличительнаго признака. Вотъ это обстоятельство и составляетъ причину, почему эта невралгія не легко діагностицируется. Тѣмъ не менѣе, М. Г., наши случаи позволяютъ установить нѣкоторые признаки, по которымъ можно предположить сифилитическую невралгію: это, во 1-хъ, время наступленія приступовъ невралгіи—всегда ночное; во 2-хъ, для межреберныхъ невралгій—ихъ двусторонность; въ 3-хъ, отсутствіе реакціи перерожденія—не смотря на длительное существованіе невралгіи,—что конечно указываетъ на отсутствіе анатомическихъ измѣненій въ нервѣ или его корешкахъ и узлахъ. Хотя Лянсеро и говоритъ, что при пораженіяхъ нервовъ при сифилисѣ и наблюдаются реакція перерожденія и атрофическія разстройства, но нужно думать, что въ этихъ случаяхъ дѣло шло не о невралгіи, а о невритѣ, который часто смѣшивался съ невралгіею; въ 4-хъ, безпричинность появленія невралгіи—это для самой невралгіи и, нако-

нецъ, въ 5-хъ, существованіе признаковъ бывшаго или существующаго сифилиса—анамнезъ больного въ этомъ направленіи. Разобранные случаи представляютъ для этого прекрасныя иллюстраціи. Я далекъ, М. Г., отъ мысли считать представленный здѣсь симптомо-комплексъ невралгій — окончательно и рѣшительно установленнымъ для сифилитическихъ невралгій. Нѣтъ, будущее ихъ выработаетъ и точнѣе и полнѣе; я имѣлъ въ виду съ своей стороны указать на тѣ руководящія нити, по которымъ и въ настоящее время можно всетаки съ тою или другою степенью вѣроятности распознавать сифилитическія невралгіи.

Отравленія, какъ причина нервныхъ болѣзней.

Н. И. Мухина,

приватъ-доцента по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ.

(Вступительная лекція).

М. Г.! Я намѣренъ занять ваше вниманіе разборомъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ нервныхъ болѣзней, именно отравленія.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому разбору, я скажу нѣсколько словъ о причинахъ нервныхъ болѣзней вообще.

Ученіе о нервныхъ болѣзняхъ, какъ и всю современную патологію, можно сравнить съ недостроеннымъ зданіемъ. Первый этажъ, основу всего зданія, составляетъ симптоматологія нервныхъ болѣзней. Онъ уже выведенъ вчернѣ, кирпичи его сложены въ порядкѣ и скрѣплены, недостаетъ лишь окончательной, детальной отдѣлки. Надъ нимъ высится второй этажъ — анатомія нервныхъ болѣзней; здѣсь выведены только наружныя стѣны, да и то еще не совсѣмъ,—онъ и вчернѣ еще не готовъ. Вершину зданія, крышу, должна составлять этіологія; но на мѣстѣ крыши надъ зданіемъ торчатъ лишь кое-какъ положенныя стропила.

Мы обладаемъ еще слишкомъ малымъ количествомъ достовѣрныхъ фактовъ въ области этіологіи нервныхъ болѣзней, причину чему надо искать главнымъ образомъ въ крайней трудности экспериментальнаго рѣшенія представляющихся здѣсь вопросовъ.

Вслѣдствіе этого систематическое изложеніе этіологіи нервныхъ болѣзней—дѣло, въ настоящее время едва ли достижимое. Можно лишь перечислить достовѣрныя и наиболѣе вѣроятныя причины ихъ развитія и представить ихъ такъ, чтобы главныя изъ нихъ заняли свое должное мѣсто въ изложеніи.

Этимъ объясняется то чувство неудовлетворенія, которое мы испытываемъ каждый разъ при желаніи возможно болѣе точно ознакомиться съ сущностью причинъ нервныхъ заболѣваній.

Переходя къ изложенію своего предмета, я долженъ замѣтить, что въ настоящее время, благодаря развитію съ одной стороны современ-

ной теоріи инфекціонныхъ болѣзней, а съ другой—ученія объ аутоинтоксикаціяхъ, отравленія, какъ причина нервныхъ болѣзней, занимаютъ все болѣе видное мѣсто въ ихъ этіологіи.

Въ природѣ существуетъ большое количество веществъ, присутствіе которыхъ въ животномъ организмѣ способно вызвать болѣзненныя измѣненія въ нервной системѣ его. Одни изъ этихъ веществъ вырабатываются тѣмъ самымъ организмомъ, на который они и производятъ отравляющее вліяніе, другія же поступаютъ въ него извнѣ. Соотвѣтственно этому нервные яды распадаются на два большіе отдѣла: аутогенныхъ, т. е. происходящихъ въ самомъ заболѣвающемъ организмѣ, и гетерогенныхъ, т. е. получающихъ свое начало внѣ его. Аутогенные яды изучены наименѣе полно, но все же и въ этомъ направленіи сдѣлано уже не мало.

По выраженію *Bonefard*'а, организмъ животнаго въ нормальномъ и патологическомъ состояніи представляетъ собой вмѣстилище и лабораторію различныхъ ядовъ.

Яды эти суть продукты жизнедѣятельности организма, продукты его обмѣна веществъ. Вредное вліяніе нѣкоторыхъ изъ этихъ продуктовъ на нервную систему наглядно доказывается уже ежедневными наблюденіями надъ тѣмъ преходящимъ разстройствомъ нервной дѣятельности, которое извѣстно подъ именемъ утомленія. Извѣстно, что послѣ дня, проведеннаго въ усиленномъ умственномъ трудѣ, вечеромъ мы чувствуемъ себя разбитыми, рѣшительно неспособными къ работѣ, настроеніе нашего духа становится сквернымъ, подавленнымъ, является разсѣянность, повышенная раздражительность, вслѣдъ затѣмъ ночью нерѣдко наступаетъ безсонница или тревожный наполненный грезами сонъ. Такія явленія, несомнѣнно указывающія на нарушеніе нормальности психической дѣятельности, зависятъ, какъ доказано изслѣдованіями главнымъ образомъ *Preyer*'а, отъ накопленія въ нервной системѣ такъ называемыхъ утомляющихъ продуктовъ, между которыми выдающаяся роль принадлежитъ молочной кислотѣ.

Надъ изученіемъ ядовитыхъ продуктовъ обмѣна веществъ животнаго организма много работалъ *Gautier*, который пришелъ къ заключенію о большомъ ихъ химическомъ сходствѣ съ продуктами обмѣна растительныхъ организмовъ, извѣстными подъ именемъ алкалоидовъ, и назвалъ ихъ левкомаинами. Вырабатываемые клѣтками животнаго организма, левкомаины, естественно, должны постоянно находиться въ его тканяхъ и, если организмъ не отравляется ими въ каждый моментъ своей жизни, то это зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, эти ядовитыя вещества нормально постоянно выводятся изъ него дѣятельностью раз-

личныхъ выдѣлительныхъ органовъ, почему ихъ легче всего и находить въ выдѣленіяхъ: мочѣ, калѣ, потѣ, слюнѣ; а во-вторыхъ, организмъ обладаетъ извѣстными органами, назначенными для переведенія этихъ ядовъ при помощи кислорода воздуха въ безвредныя соединенія. Многіе изъ алкалоидовъ хорошо изучены въ химическомъ отношеніи, какъ ксантинъ, гипоксантинъ, псевдоксантинъ, карнинъ, гуанинъ, креатининъ, ксантокреатининъ и др. Но вліяніе этихъ ядовъ на нервную систему почти еще не изслѣдовано за исключеніемъ, пожалуй, ксантокреатинина и креатинина. По поводу ксантокреатинина *Gautier* именно высказываетъ предположеніе, что онъ долженъ вліять на нервную систему неблагопріятно, такъ какъ введеніе его въ организмъ животныхъ вызываетъ сонливость и апатію; относительно-же креатинина новѣйшія изслѣдованія *Gallerani* и *Lussana*, произведенныя собственно по другому поводу, показали, что онъ служитъ сильнымъ раздражителемъ для мозговой коры, такъ какъ приложеніе его къ ней вызываетъ эпилептоидныя и хореоидныя судороги. Зато существуетъ не мало такихъ левкомаиновъ, химическія свойства которыхъ совершенно неизвѣстны, но которые завѣдомо обладаютъ свойствами сильныхъ нервныхъ ядовъ. Такъ, *Bouchard* открылъ въ мочѣ здороваго человѣка нѣсколько ядовитыхъ началъ, изъ которыхъ одно обладаетъ положительно наркотическими свойствами, а другое вызываетъ судороги. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ рядъ изслѣдованій послѣдняго времени, которыми обнаружены особенности ядовитыхъ свойствъ мочи нейро- и психопатовъ. Наиболѣе важныя изъ нихъ принадлежатъ *Boinet* и *Gilbert*'у, *Mairet* и *Bou*'у, *Weil*'ю и *Dubois* и *Féré*. Этими изслѣдованіями доказано, что напр. при Базедовой болѣзни въ мочѣ появляются судорожные яды въ бо̀льшемъ количествѣ и болѣе сильные, чѣмъ въ нормальной мочѣ; что при эпилепсіи моча обладаетъ наиболѣе ядовитыми свойствами къ концу припадка, что моча меланхоликовъ получаетъ нерѣдко ядовитыя свойства, рѣзко разнящіяся какъ количественно, такъ и качественно отъ таковыхъ-же свойствъ нормальной мочи. Все это указываетъ, конечно, на значительную разницу выработки левкомаиновъ между здоровымъ и нервно-больнымъ организмомъ, но установить точную причинную зависимость между этой разницей и нервными болѣзнями на основаніи этихъ изслѣдованій все-таки трудно. Существуетъ, однако, не мало фактовъ, гдѣ эта зависимость очевидна, гдѣ нервныя заболѣванія могутъ быть объяснены только скопленіемъ въ организмѣ ядовитыхъ продуктовъ обмѣна. Таковы именно тѣ нервныя болѣзни, въ основѣ которыхъ лежатъ заболѣванія важныхъ выдѣлительныхъ и перерабатывающихъ левкомаины органовъ. Къ первымъ

10*

относятся, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, почки, печень, легкія, кожа, кишечный каналъ; ко вторымъ причисляютъ печень, селезенку, щитовидную железу.

Особенно важное значеніе для объясненія разстройствъ нервной дѣятельности издавна приписывается заболѣваніямъ почекъ. Хроническія болѣзни ихъ, сопровождаемыя затрудненнымъ выдѣленіемъ мочи, всегда влекутъ за собою рядъ тяжелыхъ нервныхъ разстройствъ, составляющихъ въ совокупности главнѣйшіе симптомы уреміи. Въ легкихъ случаяхъ это суть упорныя головныя боли, головокруженія, мучительныя невралгіи и различныя парэстезіи. Въ болѣе тяжелыхъ появляются эпилептоидные приступы, параличи, во всѣхъ отношеніяхъ похожіе на другіе токсическіе, дрожь въ конечностяхъ. Наконецъ, въ самыхъ тяжелыхъ развивается уремическая кома: апатія, переходящая въ спячку, потеря сознанія, эпилептиформенные приступы, иногда маніакальный бредъ. Хорошо извѣстно затѣмъ, что болѣзни почекъ нерѣдко лежатъ въ основѣ развитія нейрастеніи и психозовъ. На послѣдніе въ особенности, какъ справедливо замѣтилъ *Vassale*, надо смотрѣть, какъ на эквиваленты уремическихъ приступовъ и видѣть въ нихъ такимъ образомъ слѣдствія одной и той-же съ послѣдними причины, т. е. отравленія нервной системы задержанными продуктами обмѣна.

Немаловажную роль въ развитіи нервныхъ болѣзней надо приписать и страданіямъ печени. Причинная связь между послѣдними и нервными болѣзнями предполагалась еще въ глубокой древности, когда происхожденіе цѣлаго ряда психозовъ приписывали исключительно болѣзнямъ печени. На это прямо указываютъ такія сохранившіяся до сихъ поръ названія психозовъ, какъ меланхолія, гипохондрія. Въ исторіи левкомаиновъ въ организмѣ печень играетъ двоякую роль: и какъ выдѣлительный для нихъ органъ, и какъ органъ, разрушающій ихъ. Понятно, какъ вредно должны отражаться на всемъ организмѣ вообще и въ частности на нервной системѣ его страданія этого органа, сопровождающіяся нарушеніемъ указанныхъ двухъ функцій.

Уже изъ повседневной жизни извѣстно, какъ легко развивается подавленное настроеніе духа даже при легкихъ и кратковременыхъ заболѣваніяхъ печени. Если же такое заболѣваніе стойко, наступаетъ постоянно мрачное настроеніе духа, безсонница, апатія, упорныя головныя боли, головокруженія, галлюцинаціи — симптомы такъ наз. холеміи. Иногда въ такихъ случаяхъ развиваются настоящіе психозы, на которые по аналогіи съ психозами при болѣзняхъ почекъ надо смотрѣть, какъ на холемическіе эквиваленты.

Затѣмъ въ настоящее время надо считать также вполнѣ выясненной зависимость между нервными болѣзнями и пораженіями легкихъ, кожи, желудочно-кишечнаго канала и селезенки.

Недавно вниманіе многихъ изслѣдователей было привлечено тѣми своеобразными нервными разстройствами, которыя развиваются вслѣдъ за удаленіемъ или заболѣваніемъ щитовидной железы. Теперь вопросъ этотъ можно уже считать почти рѣшеннымъ, благодаря работамъ главнымъ образомъ *Horcley*, *Kocher*'а, *Роговича*. *Автократова* и др., и въ главнѣйшихъ чертахъ онъ сводится къ слѣдующему:

Разстройства нервной системы, наступающія какъ послѣ оперативнаго удаленія, такъ и послѣ атрофіи щитовидной железы, одинаковы и состоятъ въ явленіяхъ миксэдемы или cachexie pachydermique. Послѣдняя выражается особымъ, похожимъ на отекъ утолщеніемъ кожи, пониженіемъ кожной чувствительности, медлительностью, неповоротливостью движеній, замедленной, гнусливой рѣчью и значительнымъ упадкомъ умственной дѣятельности. Причиной этихъ явленій надо считать самоотравленіе организма неизвѣстными еще ядовитыми левкомаинами, которые въ нормальномъ состояніи постоянно разрушаются дѣятельностью щитовидной железы. Въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи, какъ *Bourneville* и *Henan*, склонны объяснять такимъже самоотравленіемъ и явленія кретинизма, который, какъ извѣстно, сопровождается также глубокими измѣненіями щитовидной железы.

Кромѣ изложенныхъ условій самоотравленія организма, при которыхъ причиной его служитъ заболѣваніе важныхъ выдѣлительныхъ и перерабатывающихъ левкомаины органовъ, оно возможно и наблюдается еще при нѣкоторыхъ болѣзняхъ обмѣна веществъ. Всякое замедленіе обмѣна въ организмѣ сопровождается недостаточной переработкой вводимыхъ веществъ внутри клѣтокъ и накопленіемъ въ тканяхъ его такихъ продуктовъ, которые при нормальныхъ условіяхъ должны были бы подвергаться дальнѣйшему окисленію, между прочимъ, значитъ, и левкомаиновъ. Въ наиболѣе рѣзкой степени это имѣетъ мѣсто при подагрѣ и при ней дѣйствительно наблюдается масса нервныхъ заболѣваній. Такъ, въ начальныхъ стадіяхъ подагры часто появляются приступы головокруженій, переходящіе иногда въ апоплектиформенные инсульты; затѣмъ, при ней описаны случаи гастралгіи, мигрени, астмы, palpitatio cordis, anginae pectoris, delirium acutum, ипохондріи, меланхоліи, даже прогрессивнаго паралича. Къ группѣ болѣзней обмѣна, при которыхъ наблюдаются разстройства нервной дѣятельности, относятся далѣе тучность и діабетъ. При нихъ нервныя явленія, по крайней мѣрѣ отчасти, могутъ быть также объяснены аутогенной интоксикаціей организма.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что значительное количество нервныхъ болѣзней обусловливается отравленіемъ организма продуктами его собственнаго обмѣна, которое является вполнѣ возможнымъ, во-первыхъ, при различныхъ, преимущественно хроническихъ болѣзняхъ выдѣлительныхъ и перерабатывающихъ левкомаины органовъ и, во-вторыхъ, при болѣзняхъ обмѣна веществъ.

Второй отдѣлъ нервныхъ ядовъ, т. е. такихъ, которые вызываютъ исключительно или преимущественно разстройства со стороны нервной системы, представляютъ, какъ выше сказано, гетерогенные яды. Эта группа значительно больше первой и при томъ несравненно болѣе изучена. Сюда относятся, во-первыхъ, растительные и минеральные нервные яды и, во-вторыхъ, цѣлый рядъ тѣхъ нервныхъ ядовъ, которые вырабатываются извѣстными простѣйшими растительными организмами во время ихъ паразитарной жизни внутри организма человѣка.

Наибольшую важность для нейропатолога представляютъ въ настоящее время именно эти послѣдніе, потому что количество нервныхъ болѣзней, въ происхожденіи которыхъ исключительную роль приходится приписать инфекціи, все болѣе и болѣе увеличивается.

По общепринятому мнѣнію инфекціонныя болѣзни обусловливаются поступленіемъ въ организмъ человѣка извнѣ паразитарныхъ микроорганизмовъ; при этомъ въ настоящее время мы должны признать, что явленія, наблюдаемыя въ теченіе инфекціонныхъ болѣзней, обусловливаются частью самыми микроорганизмами, т. е. процессомъ ихъ жизни и размноженія внутри различныхъ органовъ и тканей, частью же спеціальными свойствами продуктовъ ихъ жизнедѣятельности. Многіе изъ этихъ продуктовъ въ высокой степени ядовиты и способны уже сами по себѣ, безъ производящихъ ихъ организмовъ, вызвать болѣзнь. *Panum* далъ имъ общее названіе птомаиновъ. По химическимъ свойствамъ главнѣйшіе изъ нихъ можно подвести подъ два типа: одни очень похожи на алкалоиды, т. е. представляютъ сложныя органическія основанія; ихъ принято теперь называть токсинами; другіе представляютъ особыя бѣлковыя тѣла, отличающіяся значительной ядовитостью; ихъ называютъ токсальбуминами. Далеко не все понятно намъ въ дѣйствіи этихъ веществъ на организмъ человѣка. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о дѣйствіи вообще ядовъ, мы можемъ пока только констатировать факты, объясненіе же ихъ можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Мы предполагаемъ именно, что птомаинъ, примѣшиваясь въ качествѣ посторонняго химическаго элемента къ крови, отлагается затѣмъ путемъ обычной диффузіи въ клѣткахъ различныхъ тканей и оказываетъ на нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря ихъ индиви-

дуальнымъ свойствамъ, особенно вредное вліяніе, нарушая ихъ функціи, а иногда даже разрушая ихъ.

При разборѣ вліянія, оказываемаго на нервную систему инфекціонными ядами, необходимо раздѣлить эти яды на три группы, руководствуясь какъ степенью участія нервной системы въ картинѣ отравленія, такъ и характеромъ вызываемыхъ этими ядами нервныхъ разстройствъ.

Къ первой группѣ относятся тѣ инфекціонные яды, которые можно назвать исключительно нервными, которые слѣдовательно вызываютъ заболѣванія, характеризующіяся тѣмъ, что пораженія нервной системы въ нихъ всегда стоятъ на первомъ планѣ.

Болѣзней, относящихся къ этой группѣ, не много и встрѣчаются онѣ сравнительно рѣдко, хотя нѣкоторыя изъ нихъ иногда развиваются въ извѣстныхъ мѣстахъ въ видѣ эпидемій или эндемій.

Наиболѣе изучены изъ нихъ эпидемическій цереброспинальный менингитъ, столбнякъ, бѣшенство и beri-beri.

Относительно всѣхъ этихъ болѣзней въ настоящее время извѣстно вполнѣ, что онѣ зависятъ отъ проникновенія въ организмъ человѣка организованныхъ ядовъ, изъ которыхъ иные, какъ ядъ эпидемическаго менингита и столбняка, довольно точно изучены, другіе же остаются неизвѣстными, не смотря на то, что на изученіе напр. яда бѣшенства затрачена масса труда выдающихся работниковъ науки. Для большинства ихъ можетъ считаться довольно точно установленнымъ также, что непосредственной причиной ихъ служатъ не микроорганизмы сами по себѣ, а вырабатываемые ими токсины. Для tetanus'а вопросъ этотъ рѣшенъ, повидимому, окончательно работами *Vaillard*'а, и *Vincent*'а, которымъ удалось выдѣлить въ свободномъ видѣ химическій ядъ этой болѣзни, который по своимъ свойствамъ близокъ къ діастезу, дѣйствуетъ, подобно всѣмъ ферментамъ, въ невѣсомо малыхъ количествахъ и при введеніи подъ кожу животнымъ очень быстро вызываетъ смерть ихъ при явленіяхъ tetanus'а. Существуетъ попытка объяснить также явленія бѣшенства отравленіемъ организма особымъ химическимъ ядомъ; по крайней мѣрѣ проф. *Анрепъ* полагаетъ, что ему удалось открыть таковой. Относительно beri-beri, инфекціонной болѣзни, состоящей главнымъ образомъ въ эндемически развивающихся множественныхъ нейритахъ, вопросъ этотъ, повидимому, рѣшается въ положительномъ смыслѣ уже громаднымъ сходствомъ, существующимъ между этими невритами и тѣми, которые столь часто наблюдаются, какъ слѣдствія отравленія растительными и минеральными ядами.

Только для цереброспинальнаго эпидемическаго менингита вопросъ все-таки рѣшается въ пользу непосредственнаго вліянія микроорганизмовъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ существуетъ еще нѣсколько нервныхъ болѣзней такого-же остраго характера, относительно которыхъ все больше выясняется зависимость ихъ отъ инфекціонныхъ началъ. Это именно острый восходящій спинальный параличъ *Landry*, спинальный дѣтскій параличъ и дѣтская гемиплегія. Циклическое острое теченіе этихъ болѣзней, сопровождающееся при двухъ изъ нихъ повышенной температурой, измѣненія, встрѣчающіяся при нѣкоторыхъ изъ нихъ въ печени, селезенкѣ, кишечныхъ фолликулахъ и лимфатическихъ железахъ, подобныя тѣмъ, которыя наблюдаются вообще при инфекціонныхъ болѣзняхъ, дѣлаютъ предположеніе объ инфекціонномъ характерѣ ихъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Такое предположеніе и высказывалось издавна многими выдающимися изслѣдователями, какъ *Erb*'омъ, *Liebermeister*'омъ, *Strumpel*'емъ, *Marie* и др., однако доказать его до сихъ поръ еще не удалось, если не считать нѣсколько сомнительной работы *Centanni*, которому будто бы удалось открыть спеціальный микроорганизмъ паралича *Landry* въ лимфатическихъ пространствахъ, окружающихъ отдѣльныя волокна периферическихъ нервныхъ стволовъ.

Во второй группѣ я разберу вліяніе на нервную систему тѣхъ инфекціонныхъ началъ, которыя на первомъ планѣ вызываютъ острое пораженіе не нервной системы, а различныхъ другихъ органовъ, но въ картинѣ отравленія которыми нерѣдко принимаетъ участіе и нервная система. Сюда относятся почти всѣ остальныя острыя инфекціи. Тифы, сыпныя инфекціонныя болѣзни, пневмонія, инфлюэнція, малярія, дифтеритъ, коклюшъ, холера—при всѣхъ этихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ въ качествѣ симптомовъ и осложненій встрѣчаются далеко нерѣдко пораженія нервной системы. Но вопросъ, какъ смотрѣть на непосредственныя причины этихъ нервныхъ разстройствъ? Зависятъ ли всѣ они исключительно отъ вреднаго вліянія инфекціонныхъ ядовъ, или въ основѣ ихъ лежатъ другія причины, напр. разстройства циркуляціи въ нервной системѣ, зависящія отъ неправильной сердечной дѣятельности во время высокой температуры, или общее истощеніе организма, сопровождающее большинство инфекціонныхъ болѣзней?

Всѣ нервныя заболѣванія, встрѣчающіяся при острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, по времени ихъ проявленія можно раздѣлить на три части. Одни изъ нихъ проявляются еще до лихорадки или въ самомъ началѣ ея, такъ что входятъ собственно въ составъ предвѣстниковъ данной инфекціонной болѣзни.

Ихъ можно поэтому назвать *продромальными нервными заболѣваніями*. Другія нервныя разстройства обнаруживаются лишь въ то вре-

мя, когда болѣзнь достигла своего полнаго развитія: это будутъ собственно *лихорадочныя нервныя заболѣванія.*

Наконецъ, третьи могутъ являться уже по окончаніи инфекціонной болѣзни, въ періодѣ выздоровленія. Послѣднія, по предложенію *Kraepelin'а* называются *астеническими нервными заболѣваніями.* Изъ всѣхъ нихъ только о продромальныхъ нервныхъ заболѣваніяхъ мы можемъ напередъ съ увѣренностью сказать, что они обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно вліянію извѣстныхъ болѣзнетворныхъ ядовъ, такъ какъ только при нихъ не могутъ имѣть значенія другіе вредные моменты, вытекающіе непосредственно изъ самыхъ свойствъ инфекціонныхъ болѣзней. Такія продромальныя нервныя заболѣванія извѣстны только при тифѣ, оспѣ и перемежающейся лихорадкѣ. Но, конечно, изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что разстройства нервной дѣятельности, встрѣчающіяся при другихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, не обусловливаются частью также болѣзнетворными ядами и при томъ, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ. Лихорадочныя заболѣванія, въ особенности лихорадочный бредъ при инфекціонныхъ болѣзняхъ, старались объяснить очень различными причинами. Одни защищали теорію рефлексовъ, по которой явленія со стороны нервной системы объяснялись рефлекторнымъ возбужденіемъ вазомоторовъ, вызываемымъ раздраженіемъ периферическихъ нервовъ, напр. нервовъ кожи при рожѣ; другіе старались объяснить нервныя явленія разстройствомъ кровообращенія въ центральной нервной системѣ, обусловленнымъ нарушеніемъ сердечной дѣятельности; третьи исключительное значеніе приписывали въ этомъ случаѣ высокой температурѣ; наконецъ, въ послѣднее время все больше раздается голосовъ за преобладающее значеніе спеціальныхъ болѣзнетворныхъ ядовъ, вырабатываемыхъ микроорганизмами, при объясненіи лихорадочныхъ нервныхъ явленій. Надо однако замѣтить, что послѣднее объясненіе имѣетъ противъ себя одно важное обстоятельство. Трудно понять именно сходство явленій со стороны нервной системы при различныхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо изучены патогенные микроорганизмы, извѣстны и свойства вырабатываемыхъ ими ядовитыхъ веществъ. Оказывается, что нерѣдко, не смотря на значительную разницу тѣхъ и другихъ, нервные симптомы, наблюдаемые въ теченіе болѣзней, представляютъ, наоборотъ, большое сходство. Такое противорѣчіе можно истолковать двояко: либо мы не вполнѣ точно знакомы еще съ дѣйствительными свойствами спеціальныхъ токсическихъ веществъ, которыя, быть можетъ, представляютъ большое сходство между собой по своему дѣйствію на человѣческій организмъ, либо нервныя явленія въ теченіе инфекціонныхъ болѣзней объяс-

няются не интоксикацiей, а другими причинами, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ наиболѣе понятными представляются высокая температура и разстройства циркуляцiи.

Немногимъ больше мы знаемъ о патогенезѣ такъ называемыхъ астеническихъ или послѣлихорадочныхъ нервныхъ разстройствъ.

Изъ общей массы ихъ необходимо прежде всего выдѣлить невриты, которые особенно часто наблюдаются послѣ дифтерита, затѣмъ послѣ тифа, оспы. По своему характеру и теченiю они представляютъ столь полную аналогiю съ тѣми невритическими заболѣванiями, которыя развиваются послѣ отравленiй растительными и особенно минеральными ядами, что происхожденiе ихъ можно съ полнымъ правомъ приписать влiянiю инфекцiонныхъ болѣзнетворныхъ причинъ.

Подобная же аналогiя существуетъ между токсическими спинальными заболѣванiями и тѣми, которыя изрѣдка наблюдаются послѣ острыхъ инфекцiонныхъ болѣзней; въ особенности таковая можетъ считаться установленной для разсѣяннаго склероза. Слѣдовательно, и для спинальныхъ заболѣванiй мы можемъ принять влiянiе инфекцiонныхъ токсическихъ веществъ. Нельзя, однако, сказать того же о психическихъ разстройствахъ, развивающихся послѣ инфекцiонныхъ болѣзней. Во-первыхъ, такiя заболѣванiя появляются иногда спустя долгое время послѣ окончанiя инфекцiонныхъ болѣзней, во-вторыхъ, они наиболѣе часто развиваются послѣ длительныхъ инфекцiонныхъ болѣзней, сопровождающихся значительнымъ истощенiемъ, и, въ-третьихъ, наконецъ, они представляютъ очень большое сходство съ формами душевныхъ заболѣванiй, развивающихся послѣ неинфекцiонныхъ истощающихъ моментовъ.

На этихъ именно основанiяхъ нѣкоторые (главнымъ образомъ *Kraepelin*) полагаютъ, что происхожденiе ихъ слѣдуетъ приписать преимущественно истощенiю организма и называютъ ихъ „астеническими" психозами. Тѣмъ не менѣе тотъ-же *Kraepelin* допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и здѣсь можно принять токсическое влiянiе инфекцiонной болѣзнетворной причины, хотя, можетъ быть, и болѣе косвенное.

Послѣднюю группу инфекцiй, вызывающихъ заболѣванiя нервной системы, представляютъ хроническiя инфекцiи, обнимающiя собой главнымъ образомъ двѣ болѣзни—сифилисъ и туберкулезъ. Но значенiе одной изъ нихъ, именно сифилиса, въ этiологiи нервныхъ болѣзней громадно.

Ни одна не только изъ приведенныхъ мною, но и изъ всѣхъ вообще причинъ нервныхъ заболѣванiй не играетъ въ настоящее время столь важной количественной роли въ этiологiи нервныхъ болѣзней,

какъ сифилисъ. Большая половина всѣхъ наиболѣе серьезныхъ органическихъ пораженій центральной нервной системы зависитъ теперь отъ сифилиса. Это объясняется, конечно, съ одной стороны громадной распространенностью сифилиса, а съ другой—подорванностью нервной системы, тѣмъ нервнымъ предрасположеніемъ, которое составляетъ отличительную черту нашего времени. Послѣднее играетъ въ происхожденіи сифилитическихъ нервныхъ пораженій крайне важную роль, болѣе важную, чѣмъ во всѣхъ другихъ нервныхъ болѣзняхъ инфекціоннаго происхожденія. Сифилитику, обладающему здоровой нервной системой, нечего бояться, что она будетъ поражена сифилисомъ. Контагій сифилиса поражаетъ, какъ доказываетъ опытъ, тотъ или другой органъ отнюдь не случайно, а по выбору, который обусловливается, повидимому, исключительно закономъ борьбы за существованіе. Поражается именно тотъ органъ, который въ данное время представляетъ наиболѣе плохую сопротивляемость. Тамъ, гдѣ эти два фактора,—нервное предрасположеніе и сифилисъ—встрѣчаются у одного человѣка, можно сказать съ увѣренностью, что рано или поздно получится сифилитическое пораженіе нервной системы, если только такой человѣкъ не будетъ постоянно стоять на стражѣ относительно своего сифилиса и всѣми силами мѣшать его развитію. При этомъ безразлично, благопріобрѣтены ли субъектомъ оба эти фактора, или унаслѣдованы. Наслѣдственный сифилисъ столь же легко можетъ дать пораженіе нервной системы у человѣка съ наслѣдственнымъ или благопріобрѣтеннымъ нервнымъ предрасположеніемъ, какъ и благопріобрѣтенный.

Что касается формъ нервныхъ болѣзней, которыя могутъ быть вызваны сифилисомъ, то онѣ крайне разнообразны. Сифилитическій ядъ можетъ лежать въ основѣ какъ функціональныхъ болѣзней нервной системы, нейрозовъ, такъ и органическихъ.

Изъ нейрозовъ сифилисъ иногда служитъ прямой причиной эпилепсіи, которая въ этомъ случаѣ почти всегда бываетъ наслѣдственной и ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной судорожной эпилепсіи, и какъ доказано главнымъ образомъ наблюденіями проф. *П. И. Ковалевскаго*, нейрастеніи, которая можетъ быть какъ наслѣдственной, такъ и благопріобрѣтенной.

Органическія пораженія сифилисъ можетъ вызывать какъ въ периферическихъ нервахъ, такъ и въ центральной нервной системѣ. Со стороны периферическихъ нервовъ такія заболѣванія выражаются чаще всего въ видѣ невритовъ, происхожденіе которыхъ объясняется или сдавленіемъ нервнаго ствола лежащею въ немъ или въ его сосѣдствѣ гуммой, или разлитой сифилитической инфильтраціей эндо - и периневрія

вральной соединительной ткани, или же наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при множественныхъ невритахъ, спеціальнымъ токсическимъ вліяніемъ на нервные стволы химическихъ ядовъ сифилиса, аналогичнымъ вліянію на нихъ многихъ другихъ ядовъ. Со стороны центральной нервной системы сифилисъ вызываетъ, во-первыхъ, заболѣванія оболочекъ спинного и головного мозга, имѣющія обыкновенно субакутный или хроническій характеръ; затѣмъ специфическія заболѣванія сосудовъ центральной нервной системы (endarteriitis и mesarteriitis Syphilitica, arteriosclerosis), влекущія за собой или простыя явленія анэміи и застоя, или же кровоизліянія въ вещество головного и спинного мозга; воспалительные процессы въ самомъ мозговомъ веществѣ, имѣющія, какъ и воспаленія оболочекъ, субакутный или хроническій характеръ; склеротическіе процессы спинного и головного мозга, куда относятся со стороны перваго нѣкоторыя изъ такъ наз. системныхъ его заболѣваній: tabes, paralysis spinalis Syphilitica (Erb), боковой склерозъ (послѣдній, впрочемъ, въ чистомъ видѣ—рѣдкая форма сифилитическаго пораженія нервной системы); а со стороны второго—разлитой склерозъ мозговой коры, служащій анатомическимъ субстратомъ прогрессивнаго паралича; наконецъ, сифилитическія новообразованія или гуммы центральной нервной системы, въ спинномъ мозгу столь нерѣдко симулирующія картины склеротическихъ системныхъ заболѣваній.

Прямой причиной сифилитическихъ пораженій нервной системы мы должны считать въ настоящее время какъ самую жизнедѣятельность сифилитическихъ микробовъ въ нервной ткани, такъ и вліяніе на послѣднюю вырабатываемыхъ этими микробами птомаиновъ. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что именно отравленіе птомаинами служитъ непосредственной причиной неврозовъ, вызываемыхъ сифилисомъ, множественныхъ сифилитическихъ невритовъ, а также тѣхъ склеротическихъ процессовъ, которые лежатъ въ основѣ системныхъ заболѣваній спинного мозга и прогрессивнаго паралича. Съ другой стороны воспаленія мозговыхъ оболочекъ и мозгового вещества, заболѣванія сосудовъ мозга и сифилитическія новообразованія нервной системы мы можемъ пока объяснить только размноженіемъ и жизнью паразитарныхъ микроорганизмовъ внутри нервной ткани.

Туберкулезъ участвуетъ въ пораженіи нервной системы гораздо менѣе часто, чѣмъ сифилисъ. Но, если вспомнить громадную распространенность туберкулеза вообще, то легко понять, что вызываемыя имъ нервныя пораженія вовсе не представляютъ рѣдкости.

Наиболѣе частую нервную болѣзнь туберкулезнаго происхожденія представляетъ воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, въ рѣдкихъ случаяхъ

развивающееся первично, большею же частью появляющееся или рядомъ съ туберкулезными пораженіями другихъ органовъ, или вторично, послѣ заболѣванія какого либо сосѣдняго органа. Рѣзче, и при томъ всегда вторично, поражается самое вещество головного или спинного мозга туберкулезнымъ воспаленіемъ съ исходомъ въ мозговой абсцессъ.

Къ нерѣдкимъ явленіямъ у туберкулезныхъ больныхъ принадлежатъ затѣмъ опухоли мозга въ видѣ настоящихъ солитарныхъ бугорковъ или въ видѣ конгломератовъ мелкихъ туберкулезныхъ узелковъ.

Со стороны периферическихъ нервовъ у туберкулезныхъ больныхъ нерѣдко наблюдаются невралгіи, гиперэстезіи и гипералгезіи, которыя, какъ доказываютъ вскрытія, въ большинствѣ случаевъ зависятъ отъ паренхиматознаго неврита чаще всего конечныхъ мелкихъ развѣтвленій периферическихъ нервныхъ стволовъ. Что касается функціональныхъ пораженій нервной системы при туберкулезѣ, то они чаще всего обнаруживаются со стороны психической сферы въ видѣ извѣстнаго, иногда поразительно страннаго несоотвѣтствія между состояніемъ физическаго здоровья и радужнымъ, полнымъ надежды самочувствіемъ туберкулезныхъ больныхъ, а также въ видѣ крайней неустойчивости, раздражительности ихъ нервной системы. На этой почвѣ могутъ развиться психозы, въ основѣ которыхъ почти всегда лежитъ болѣзненная подозрительность.

Всѣ эти явленія, какъ и при сифилисѣ, объясняются частью спеціальнымъ токсическимъ вліяніемъ продуктовъ обмѣна туберкулезныхъ микробовъ, частью же непосредственнымъ раздражающимъ вліяніемъ самихъ микроорганизмовъ на нервную ткань.

Мнѣ остается еще разобрать вліяніе на нервную систему минеральныхъ и растительныхъ ядовъ. Но физіологическое дѣйствіе этихъ ядовъ настолько хорошо извѣстно, что я ограничусь лишь краткимъ общимъ ихъ обзоромъ.

Всѣ эти яды по ихъ вліянію на нервную систему можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Первую изъ нихъ составятъ наркотическіе яды, куда входятъ главнымъ образомъ алкоголь, опій съ большинствомъ его алкалоидовъ, гатитъ, мускаринъ, кокаинъ. Близко къ нимъ стоятъ тѣ яды, которыми человѣкъ отравляется иногда при употребленіи въ пищу злаковъ; это, во-первыхъ, эрготинъ, затѣмъ неизвѣстный еще ядъ пеллагры и ядъ такъ наз. lathirismus'a. Третью группу составятъ судорожные яды, куда относятся стрихнинъ, бруцинъ и одинъ изъ алкалоидовъ опія — тебаинъ. Наконецъ, четвертую группу составляютъ минеральные яды, изъ которыхъ особеннаго вниманія для насъ заслуживаютъ свинецъ, мышьякъ, окись углерода, фосфоръ.

фическія справки и напоминанія. Въ какой мѣрѣ это для нашихъ цѣлей нужно и важно, выяснится впослѣдствіи.

Какъ извѣстно, уже въ древности критической проницательности такъ называемыхъ *„гомеровцевъ“* (Ὁμηρικοί) или *„справщиковъ Гомера“* (Ὁμήρου διορθωταί) удалось открыть въ традиціонномъ текстѣ гомеровскихъ поэмъ присутствіе частей, выдѣленныхъ или, точнѣе, отмѣченныхъ [1]) ими, какъ нѣчто, вошедшее въ этотъ текстъ со стороны и недостойное имени того великаго поэта, которому поэмы приписывались. Правда, древніе „гомеровцы“ были много скромнѣе и умѣреннѣе новѣйшихъ и не заходили слишкомъ далеко въ своихъ аѳетезахъ, но и они все же отвергали, какъ непервоначальные или псевдогомеровы, нерѣдко цѣлые стихи, а иногда и десятки, даже сотни стиховъ. Такъ напр. десятая пѣснь Иліады (Δολώνεια) признавалась нѣкоторыми изъ нихъ за отдѣльное стихотвореніе, введенное въ корпусъ поэмы только при Писистратѣ[2]). Подобнымъ же образомъ отвергалась значительная часть одинадцатой пѣсни Одиссеи,—именно стихи 568—627[3]), равно какъ и весь конецъ этой поэмы, начиная отъ 267-го стиха двадцать третьей рапсодіи (всего 624 стиха подрядъ), Аристофанъ византійскій и Аристархъ согласно считали неподлиннымъ [4]). И, если тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ этихъ и иныхъ заподозрѣнныхъ критикою мѣстъ, все остальное въ обѣихъ поэмахъ продолжало слыть за непосредственное и подлинное произведеніе Гомера, то и противъ такой общепризнанной принадлежности Иліады и Одиссеи *одному* автору не замедлили раздаться протестующіе голоса *„хоризонтовъ“*, соглашавшихся признать только за первою изъ названныхъ поэмъ гомерово авторство.

---

[1]) Свое подозрѣніе относительно непервоначальности или неподлинности того или другаго стиха либо даже цѣлой группы стиховъ древніе критики рѣдко выражали *прямымъ исключеніемъ* заподозрѣнныхъ стиховъ изъ текста (οὐ γράφειν, οὐκ ἐπιστάναι, ἀγνοεῖν). Обыкновенно они довольствовались какою нибудь отмѣткою, какимъ нибудь условнымъ значкомъ въ началѣ сомнительнаго отрывка или на поляхъ манускрипта,—и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ надлежитъ понимать древніе термины: ἀθετεῖν, αἴρειν, ὑποπτεύειν, οὐ προσιέναι, περιγράφειν, ὀβελίζειν и т. п. См. *A. Ludwich* Aristarchs Homerische Textkritik (Leipz. 1884—85). I, стр. 109 слл.; II, стр. 132 слл.

[2]) Schol. Il. K, 1: φασὶ τὴν ῥαψῳδίαν ὑφ᾽ Ὁμήρου ἰδίᾳ τετάχθαι καὶ μὴ εἶναι μέρος τῆς Ἰλιάδος, ὑπὸ δὲ Πεισιστράτου τετάχθαι εἰς τὴν ποίησιν.

[3]) Ariston. ad l.: νοθεύεται μέχρι τοῦ „ὡς εἰπὼν ὁ μὲν αὖτις ἔδυ δόμον Ἄιδος εἴσω“ (v. 627).

[4]) Schol. Q. Harl. ψ 296: τοῦτο τέλος τῆς Ὀδυσσείας φησὶν Ἀρίσταρχος καὶ Ἀριστοφάνης. Schol. Vind.: Ἀριστοφάνης καὶ Ἀρίσταρχος πέρας τῆς Ὀδυσσείας τοῦτο ποιοῦνται. Срв. также Eustath. Od. p. 1948, 47.

Прошли вѣка, и зрѣніе критиковъ изощрилось еще болѣе. Оно изощрилось настолько, что назадъ тому лѣтъ тридцать съ небольшимъ никто уже не удивлялся, читая слѣдующее на страницахъ одного изъ лучшихъ филологическихъ журналовъ: „die homerische Kritik vermag nicht viel mehr zu thun, als aus den Geschiebmassen der Epopöen die einzelnen mitgeführten Goldkörner alter epischer Lieder herauszulesen“[1]. Повидимому, авторъ этихъ строкъ даже съ трудомъ могъ предположить, чтобы нашлись еще люди, которые бы не пожелали стать на такую безотрадную точку зрѣнія. Еслижъ бы это паче чаянія случилось, то онъ великодушно предоставлялъ имъ „alle sachlichen wie sprachlichen Inconvenienzen als zum Wesen der homerischen Poësie gehörig unbedenklich hinzunehmen, wobei man freilich zuzusehen wird, welch' wunderliches episches Ideal man sich daraus wird construiren müssen“[2].

Голосъ критика, имѣвшаго столь мрачныя представленія о поэтическомъ единствѣ и цѣльности гомеровскихъ стихотвореній, не былъ одинокимъ,—напротивъ, ему вторилъ хоръ многочисленныхъ единомышленниковъ, и должно ли удивляться, что, при господствѣ этого скептическаго направленія, въ Иліадѣ весьма немного уцѣлѣло мѣстъ, пощаженныхъ неумолимымъ судомъ отрицательной критики? „Такіе то стихи возбуждаютъ серьезное подозрѣніе въ силу своихъ языковыхъ особенностей, а такіе то—по внутреннимъ основаніямъ“,—и, словно безпощадная колесница Джагерната, *„обелъ“* новыхъ аристарховъ уничтожаетъ стихъ за стихомъ, дробитъ и обезображиваетъ пѣснь за пѣснью, оставляя недоумѣвающимъ почитателямъ поэзіи Гомера лишь какіе то жалкіе отбросы!

Перечислить всѣ хотя бы самоважнѣйшія реконструкціи гомеровскихъ поэмъ, предложенныя въ наше время услужливыми и смѣлыми діаскевастами, нѣтъ никакой возможности въ предѣлахъ небольшаго этюда. Достаточно сказать, что теперь врядъ ли уже найдется ученый, который бы не имѣлъ „своего собственнаго Гомера“, вполнѣ отличнаго отъ Гомера преданія. И если сторонникамъ ученія Лахманна не удалось обратить всѣхъ къ культу своей излюбленной „теоріи пѣсенъ“ (Liedertheorie), то они успѣли по крайней мѣрѣ въ томъ, что существованіе послѣдовательныхъ и разновременныхъ пластовъ и наслоеній въ гомеровскомъ эпосѣ признается нынѣ даже самыми горячими поборниками его единства и цѣльности. По справедливому замѣчанію проф. *Магаффи*,

[1]) *P. La Roche* Homerische Analysen. См. Philologus XVI (1860), стр. 15.
[2]) Тамъ же.

„ни одинъ сколько нибудь извѣстный нѣмецкій ученый (да и не „нѣмецкій“ только, добавимъ мы) въ настоящее время не отважится понимать существенное единство и чистоту Иліады и Одиссеи такъ, какъ это дѣлалось въ Александріи и нерѣдко дѣлается въ Англіи и понынѣ“[1]). И если мы обратимся къ тому, что̀ наиболѣе важнаго и значительнаго произвела ученая литература по гомеровскому вопросу за послѣдніе пять—шесть лѣтъ (O. Seeck, Bougot, M. Croiset, Wilamowitz-Möllendorff, Jebb, G. Sortais, E. Kammer, G. Perrot, W. Leaf и др.), то встрѣтимъ наглядное подтвержденіе этихъ словъ. Такъ напр. у *Каммера* (Ein aesthetischer Kommentar zu Homers Ilias“. Paderborn. 1889) 3-я, 13-я и 14-я рапсодіи Иліады означены, какъ „spätere Dichtungen“, 4-я, 5-я, 7-я, 8-я, 10-я, 12-я, 15-я, 17-я, 20-я рапсодіи— какъ „grösstentheils spätere Dichtungen“, и изъ этого однако все еще не слѣдуетъ, чтобы и остальныя 12 рапсодій не заключали въ себѣ, по его мнѣнію, массы позднѣйшихъ „Ein- und Zudichtungen“, такъ что на долю „первоначальной“ поэмы приходится, стало быть, меньше половины нынѣшняго ея состава. У *Сортѐ* („Ilios et Iliade“. Paris 1892) Иліада слагается всего лишь изъ одинадцати пѣсенъ,—да и то неполныхъ: 1, 11, 9, 15, 16, 18 (стт. 1—242), 19 (стт. 1—275), 6 (стт. 313 слл.), 22 (стт. 525 слл.), 23 и 24. *Лифъ* („A companion to the Iliad“. London 1892) отводитъ на долю первоначальной „поэмы о гнѣвѣ“ только четыре полныхъ рапсодіи: 1, 11, 12 и 22,—да кое-какіе отрывки изъ остальныхъ, которыя считаетъ за совершенно отдѣльныя стихотворенія, большею частью относящіяся по содержанію къ такъ называемымъ „ἀριστεῖαι“ (2—7, 13, 17). И т. д.

Но, разъ дѣло обстоитъ такъ, естественно возникаетъ вопросъ: при помощи какихъ же средствъ можно отыскать древнѣйшую основу нашихъ поэмъ и ка̀къ установить хронологію ихъ отдѣльныхъ частей? Такъ какъ для рѣшенія этого вопроса мы обладаемъ лишь ничтожнымъ количествомъ объективныхъ данныхъ, то, разумѣется, во всѣхъ существующихъ на этотъ предметъ взглядахъ, теоріяхъ и предположеніяхъ много шаткаго, произвольнаго и противорѣчиваго. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выдѣлить изъ Иліады или Одиссеи позднѣйшія вставки, приросты и распространенія первоначальнаго ядра поэмы, то мы, конечно, находимся въ гораздо болѣе рискованномъ положеніи, нежели даже тогда, когда рѣшается та же задача по отношенію къ произведеніямъ одного изъ болѣе позднихъ авторовъ, напр. хотя бы какого нибудь греческаго

---

[1]) *Магаффи* Исторія классическаго періода греческой литературы (русск. перев.). I, стр. 44.

трагика. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ по крайней мѣрѣ напередъ даны общія нормы драматическаго произведенія, его приблизительно-возможный объемъ, его дѣленіе и взаимоотношеніе его частей, далѣе—до извѣстной степени могутъ быть опредѣлены пріемы художественной техники писателя, его лексическій капиталъ, его логика, т. е. общій складъ его мышленія, его стиль, его нравственная физіономія, т. е. особенности его этическихъ воззрѣній,—словомъ, для отличенія подлиннаго отъ неподлиннаго мы обладаемъ, если не безусловно точнымъ, то все же достаточно надежнымъ критеріемъ. И однако же, какъ показываетъ исторія изученія текста греческихъ трагиковъ, даже при такихъ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ въ оцѣнкѣ заподозрѣнныхъ критикою мѣстъ нѣтъ ни того единодушія, ни той увѣренности, какихъ можно было-бы ожидать. Что же сказать о гомеровскомъ эпосѣ, самое созданіе котораго могло приписываться одними одному, другими—нѣсколькимъ авторамъ и который мыслимъ и какъ цѣлое, и какъ аггрегатъ отдѣльныхъ пѣсенъ? Время его возникновенія, его составъ, условія его сохраненія и воспроизведенія,—все это было загадкою уже для древнихъ. Его дѣленіе... всѣмъ извѣстно, что традиціонное дѣленіе Иліады и Одиссеи по рапсодіямъ, числомъ—по 24 въ каждой поэмѣ, а равно и общепринятое наименованіе „рапсодія" въ примѣненіи къ этому дѣленію—весьма поздняго происхожденія и страдаетъ большою неточностью [1]). Что же касается языка и стиля гомеровскихъ поэмъ, то объ этомъ лучше всего сказать словами такого глубокаго знатока древне-эллинской рѣчи, какимъ былъ *Георгъ Курціусъ:* „das stellt sich immer entschiedener heraus", говоритъ онъ, „dass Sprache und Versbau durch

---

[1]) Дѣленіе нашихъ поэмъ на части по числу буквъ греческаго алфавита, неизвѣстное ни Аристотелю, ни старшимъ перипатетикамъ, ни даже Ливію Андронику, переводившему около половины III-го стол. до Р. Х. Одиссею на латинскій языкъ, стало вездѣ обычнымъ и принятымъ только уже къ концу III-го стол. Есть полное основаніе думать, что возникло оно въ Александріи въ связи съ предпринятымъ здѣсь раздѣленіемъ большихъ литературныхъ произведеній на „книги", хотя врядъ ли могло принадлежать Аристарху, которому приписывается въ одномъ изъ нашихъ источниковъ (Anonym. de poësi Hom. 2). Слѣдуя Евстаѳію (p. 5), *Зенгебушъ* (Hom. dissert. I, p. 22) и *Виламовицъ-Мёллендорфъ* (Hom. Untersuchungen, стр. 369) относятъ вышеупомянутое дѣленіе къ Зенодоту. Однако см. *A. Ludwich* назв. соч. II, стр. 220, прим. 195. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ ему несомнѣнно предшествовало другое дѣленіе,—быть можетъ, болѣе согласное съ исконнымъ подраздѣленіемъ поэмъ на „пѣсни" и ужъ конечно болѣе соотвѣтствовавшее естественному расчлененію ихъ эпической основы. Слѣды его сохранены Платономъ, Аристотелемъ, Эліаномъ (см. у *Криста* Prolegg. zur Ilias, гл. 1).

beide Gedichte hindurch wesentlich dieselben sind, ferner dass die homerische Sprache eine laxere Regel hat, als die meisten anderen Mundarten, dass sie im höchsten Grade diejenige Eigenschaft besitzt, die man Flüssigkeit oder Dehnbarkeit genannt hat“ [1]). И, если тѣмъ не менѣе все же было сдѣлано немало попытокъ отыскать и опредѣлить различіе въ тонѣ, выраженіи, стилѣ и грамматикѣ, поскольку оно обнаруживается въ различныхъ частяхъ эпоса, то всѣ эти попытки должны быть признаны неудавшимися. Вотъ какъ судитъ объ этомъ предметѣ *Фридлендеръ*: „wenn man Alles besonders finden will, was neuere Kritiker, wie Geist, Düntzer, Rhode u. A. in den von ihnen behandelten Stücken unter den Merkmalen einer eigenthümlichen oder unhomerischen Sprache aufgezählt haben, so dürfte es kaum ein Wort im Homer geben, an dem sich nicht irgend eine Abweichung entdecken liesse“ [2]). Наконецъ, если обратимся къ *архитектоникѣ* гомеровскихъ поэмъ, къ ихъ внутреннему и внѣшнему строенію, къ ихъ экономіи, то и тутъ не найдемъ солидной точки опоры для рѣшенія поставленнаго вопроса. Уже по самому существу героическаго эпоса, предметомъ котораго служитъ обстоятельное изображеніе обширнаго круга лицъ и событій, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ произведеніями, въ которыхъ позволительны и умѣстны и значительныя отступленія (эпизоды), и подробныя описанія, и вводныя лица, и обусловливаемое разнообразіемъ деталей различіе техническихъ пріемовъ. Немудрено поэтому, если нынѣ, послѣ вѣковой работы цѣлаго легіона тружениковъ науки, старавшихся разобраться въ богатомъ эпическомъ наслѣдіи древне-греческихъ рапсодовъ и отдѣлить въ немъ зерна пшеницы отъ плевелъ, намъ все таки приходится о попыткахъ этого рода слышать изъ устъ людей, лично принимавшихъ участіе въ такой работѣ, скептическіе отзывы вродѣ слѣдующаго: „L'ensemble de l'Iliade a été composé par plusieurs aèdes... Mais préciser le nombre et le lot personnel des colloborateurs d'Homère, nous paraît une entreprise sans issue. C'est bâtir aujourd'hui, sur le sable mouvant, à grand renfort d'érudition pédantesque, un système que le moindre souffle de la critique renvensera le lendemain“ [3]).

Въ виду вышеизложеннаго, я полагаю, мы вправѣ считать особенно благопріятнымъ показаніемъ по отношенію къ *первой* рапсодіи Иліады то обстоятельство, что она во всевозможныхъ проектахъ ре-

---

[1]) *G. Curtius* Andeutungen über den gegenwärtigen Stand der homerischen Frage (стр. 33).

[2]) *Friedländer* въ N. Jahrbb. f. Phil. u. Pädag., 3 Supplb., стр. 776.

[3]) *Sortais* назв. соч., стр. 97 сл.

ставраціи первоначальнаго вида этой поэмы удерживаетъ свое мѣсто, наименѣе подвергается усѣченіямъ и урѣзкамъ и въ своей основѣ согласно признается *древнѣйшею* или по крайней мѣрѣ *одною изъ древнѣйшихъ частей гомеровскаго эпоса*. Правда, были дѣлаемы попытки и въ ней обнаружить болѣе или менѣе обширные пласты позднѣйшаго образованія [1]), но знаменательно уже то, что самые крайніе лахманніанцы не могли отрѣшиться отъ впечатлѣнія могучей поэтической красоты и стройности, производимаго первою рапсодіею на читателя. Такъ *Лауеръ* находилъ весь ея строй художественнымъ [2]) и превозносилъ до небесъ изобразительность и психологическую вѣрность ея описаній [3]). Въ наше время *М. Круазé*, котораго конечно нельзя причислить къ критикамъ строго-консервативнаго направленія, высказывается слѣдующимъ образомъ объ этой части Иліады: „quelque opinion qu'on ait sur la formation de l'Iliade et sur l'âge relatif de ses diverses parties, on ne saurait douter que le premier livre, dans son ensemlle, ne soit le plus ancien de tout le poème" [4]). *Сортè* также, какъ мы видѣли, не обинуясь включилъ нашу рапсодію въ составъ цикла гомеровскихъ пѣсенъ, принимаемаго имъ за „первоначальную" Иліаду, а

---

[1]) Сторонникамъ „теоріи пѣсенъ", естественно, должны были казаться подозрительными уже первые семь стиховъ этой рапсодіи, составляющіе ея „prooemium" и заключающіе въ себѣ указаніе на обширный поэтическій планъ, выполненіе котораго предполагаетъ длинную серію пѣсенъ, связанныхъ между собою единствомъ содержанія. Впрочемъ, по мнѣнію *Лахманна* „bis zur Auslieferung der Briseis (A 347) liest man ohne sonderlichen Anstoss" (Betrachtungen üb. Homers Ilias стр. 4). Нѣсколько суровѣе сужденіе его ближайшихъ учениковъ: „bei näherer Prüfung", говоритъ одинъ изъ нихъ, „können wir dem nicht beipflichten, vielmehr erscheint der Abschnitt vss. 245—304 aus mehrfachen Gründen spätern Ursprungs und eine nicht eben gelungene Fortsetzung des alten Liedes zu sein" (*P. La Roche* назван. соч., стр. 41. См. критику соображеній Лароша у *Nutzhorn*'a „Die Entstehungsweise der hom. Gedichte", стр. 141 слл., а равно стр. 227 сл.). Другому лахманніанцу показалось и это мнѣніе еще слишкомъ консервативнымъ, и онъ открылъ непримиримое противорѣчіе въ текстѣ первой пѣсни Иліады уже на 221 стихѣ (*Lauer* „Geschichte der homerischen Poesie". Berl. 1851. Стр. 205 слл.). А третій представитель той же школы считалъ подложнымъ и весь эпизодъ о вмѣшательствѣ Аѳины въ споръ Ахилла съ Агамемнономъ,—стало быть, уже стихи 188 слл. (*Gross* Vindiciae Hom. I. Marburg. 1845. Стр. 27).

[2]) Назв. соч. стр. 207: „Wie künstlerisch das sachliche Arrangement der ersten Rhapsodie auch scheinen mag, die Verwirrung in der Chronologie zeigt deutlich, dass es nicht von Hause aus so könne gewesen sein".

[3]) Тамъ-же стр. 209: „Die Vortrefflichkeit des Gedichtes, das Malerische und die psychologischen Feinheiten desselben wird niemand übersehen, der Gefühl für dergleichen hat".

[4]) *A. et M. Croiset* Hist. de la littérature grecque. I (Paris. 1887). Стр. 111.

Каммеръ въ своемъ „Эстетическомъ комментаріи“ къ этой поэмѣ отозвался о ней, какъ о произведенія образцовомъ и въ качествѣ части большаго цѣлаго, къ которому она служитъ *введеніемъ*, и безотносительно, въ качествѣ стихотворенія, въ высокой степени замѣчательнаго по своему художественному строенію, по обрисовкѣ характеровъ, по изображенію страстей [1]).

Обратимся же послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ разсмотрѣнію первой рапсодіи Иліады въ ея цѣломъ и въ частяхъ.

2.

Содержаніе нашей рапсодіи существенно слагается изъ *трехъ* частей, а именно—за небольшимъ *вступленіемъ* (ст. 1—7), въ которомъ общими чертами намѣченъ предметъ пѣснопѣнія,—гибельный гнѣвъ Ахилла и его ужасныя для ахеянъ слѣдствія,—излагаются *обстоятельства ссоры*, вызвавшей этотъ гнѣвъ (ст. 8—305), и описываются событія, къ коимъ непосредственно повела эта ссора (т. е. ея *ближайшіе результаты*): возвращеніе плѣнной Хрисеиды отцу, насильственное уведеніе ахилловой рабыни Брисеиды въ ставку Агамемнона, скорбь Ахилла и совѣтъ боговъ, рѣшающихся вмѣшаться въ ахеотроянскія дѣла (ст. 306—611).

Уже изъ этого обзора явствуетъ, что первая рапсодія Иліады необходимо предполагаетъ дальнѣйшее развитіе дѣйствія, которое дано здѣсь лишь въ зернѣ, въ зародышѣ. Въ этомъ смыслѣ она не составляетъ вполнѣ законченнаго цѣлаго,—напротивъ, не съ *внѣшней* только стороны, не одиимъ только общимъ вступленіемъ, но *внутренне*, *органически* она связана съ прочими частями эпоса, въ которыхъ естественно ожидается разрѣшеніе представленной здѣсь поэтомъ коллизіи лицъ, интересовъ, страстей и характеровъ.

Но съ другой стороны, какъ *введеніе* къ обширной эпопеѣ, разсматриваемая рапсодія совершенно удовлетворяетъ требованіямъ полноты, единства, обстоятельности и законченности. Въ ней, по справедливому замѣчанію *Каммера* [2]), заложены всѣ нити, изъ которыхъ сплетается дальнѣйшее повѣствованіе, и означены всѣ лица, которымъ предстоитъ играть въ немъ значительную роль. Въ ней искусно приведены въ

---

[1]) *E. Kammer* назв. соч., стр. 130.

[2]) Тамъ же.

тѣсное соприкосновеніе между собою міръ дольній и міръ горній, въ одну эпическую картину соединены герои и небожители, указаны связи и взаимодѣйствіе между двумя сферами — божескою и человѣческою. Еслибы,—чего мы однако не думаемъ,—оказались когда нибудь правы нѣкоторые умѣренные лахманніанцы, видѣвшіе въ этой рапсодіи продуктъ сплоченія *двухъ* первоначальныхъ пѣсенъ [1]), то, пользуясь извѣстною терминологіею Гете, мы могли бы съ полнымъ правомъ первую изъ этихъ предполагаемыхъ пѣсенъ,—т. е. *начало* нашей рапсодіи,—назвать „прологомъ на землѣ“ (Prolog auf der Erde), а вторую,—т. е. ея *конецъ*,—„прологомъ на небѣ“ (Prolog im Himmel).

Впрочемъ, нѣтъ надобности посягать на единство разсматриваемой рапсодіи, чтобы все же не отказываться отъ естественнаго расчлененія ея на двѣ половины, изъ коихъ въ одной передъ нами фигурируютъ по преимуществу *люди*, а въ другой активная роль переходитъ отъ людей къ *богамъ*. Двѣ половины эти, вмѣстѣ составляющія, повторяю, слитное и неразрывное цѣлое, въ художественномъ построеніи своемъ обнаруживаютъ однако нѣкоторый параллелизмъ,—и это обстоятельство даетъ намъ право, трактуя о нихъ не порознь, а въ связи, тѣмъ не менѣе разсматривать ихъ какъ противни (pendants), какъ соотвѣтственныя аналогичныя величины, а, стало быть,—то сравнивать ихъ между собою, то противополагать ихъ одну другой. Такъ, во первыхъ, фигура оскорбленнаго Агамемномомъ жреца Хриса, его молитва къ Аполлону о возмездіи, заступничество бога, сцена ссоры героевъ въ собраніи,—все это послѣдовательно встрѣчаетъ во второй половинѣ нашей рапсодіи свои аналогіи—въ лицѣ Ахилла, обезчещеннаго тѣмъ же Агамемномомъ и идущаго со своего печалью, какъ и Хрисъ, „къ берегу немолчно-шумящаго моря“, въ его мольбѣ о мести къ богинѣ Ѳетидѣ, въ заступничествѣ послѣдней, въ распрѣ боговъ. На Олимпѣ Гефестъ, выступающій въ роли примирителя, соотвѣтствуетъ Нестору, играющему ту же роль „предъ судами ахеянъ“. Клятва Ахилла и клятва Зевса—параллели. Въ сценѣ свиданія съ полоненною дочерью Хрисъ повторяетъ mutatis mutandis свое прежнее обращеніе къ Аполлону съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной формы. Въ разговорѣ Ѳетиды съ сыномъ мы изъ устъ послѣдняго, — такъ сказать, въ субъективномъ освѣщеніи со стороны пострадавшаго лица,—слышимъ снова знакомую

---

[1]) Самъ Лахманнъ принималъ болѣе дробное дѣленіе. По его мнѣнію только стихи 1—348 приходятся на долю первоначальной пѣсни, остальное--работа продолжателей, въ которой примѣтны два пласта,—первый стт. 431—492, второй стт. 348—429 и 493—611.

уже намъ исторію его столкновенія съ Агамемнономъ, изображеннаго въ первой половинѣ рапсодіи со всею живостью красокъ, со всею выпуклостью оттѣнковъ, эпически-объективно.

Эти соотвѣтствія замѣчены давно,—еще *Лахманномъ* [1]), и является вопросъ, каково ихъ художественное значеніе, каковы были цѣли автора, ихъ вызвавшія. Какъ сказано выше, смотрѣть на нашу рапсодію, какъ на продуктъ контаминаціи самостоятельныхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно слѣдовало бы признать за образецъ, а другое—за его копію, невозможно: попробуйте предположить это и послѣдовательно провести раздѣленіе, и вы получите два фрагмента, неясные и неполные одинъ безъ другаго. Здѣсь совсѣмъ не то, что мы видимъ напр. въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону, который безъ всякихъ натяжекъ расчленяется по крайней мѣрѣ на три отдѣльныя части и притомъ такъ, что двѣ изъ нихъ (такъ наз. гимны делійскій и пиѳійскій) построены по одной схемѣ (схемѣ терпандрова нома), сходны по сюжетамъ, сходны по внѣшнимъ пріемамъ и въ подробностяхъ, но различны по стилю, по языку и по степени поэтическаго достоинства [2]). Насколько некрѣпки и внѣшни связи между этими элементами аполлонова гимна, настолько неразрывно скрѣплены другъ съ другомъ всѣ части интересующей насъ рапсодіи. Встрѣчаемыя въ ней повторенія, параллели, аналогіи и проч. являются не безжизненнымъ сколкомъ съ готоваго образца, а лишь *варіаціями основной темы*,—варіаціями, напоминающими тематическую разработку главной мелодической мысли въ музыкальномъ произведеніи. Часто въ полифонной музыкѣ незатѣйливый мотивъ испытываетъ цѣлый рядъ мелодическихъ и гармоническихъ модификацій, и изъ самой простой музыкальной фигуры возникаетъ такимъ образомъ до безконечности богатая красками картина, выростаетъ сложный и грандіозный образъ. Нѣчто подобное видимъ мы и въ первой рапсодіи Иліады, гдѣ мотивъ агамемноновой ὕβρις служитъ какъ бы точкою отправленія для многоразличныхъ поэтическихъ комбинацій, развивающихся изъ него, какъ изъ своего корня, и связываемыхъ имъ въ общее цѣлое. Моръ въ ахейскомъ станѣ, распря, гнѣвъ Ахилла со всѣми его слѣдствіями,—все это вытекаетъ изъ того же основнаго мотива, ибо, по исконному этическому воззрѣнію древняго грека, нравственное зло, ὕβρις, гдѣ бы и какъ бы оно ни проявилось, должно неминуемо вызвать отпоръ, про-

---

[1]) *Lachmann* Betracht. p. 6. Изъ новѣйшихъ трудовъ см. *Croiset* назв. соч. I, стр. 115 сл.

[2]) См. мое изслѣдованіе: „Гомерическіе гимны. Анализъ памятника въ связи съ исторіею его изученія". Харьковъ 1889. Стр. 92 слл.

тиводѣйствіе. Оно есть аномалія, оно есть нарушеніе нравственнаго порядка въ мірѣ, а Зевсъ, какъ блюститель этого порядка, не можетъ быть равнодушнымъ къ его нарушенію. Оттого то Зевсъ Иліады принимаетъ такъ близко къ сердцу обиду Ахилла. Міръ небожителей вовлекается въ сферу интересовъ, которыми волнуются герои поэмы, не по капризу поэта, не потому, что вмѣшательство боговъ сообщаетъ дѣйствію поэмы нѣкій ὄγκος, нѣкую μεγαλοπρέπεια, а въ силу внутренней необходимости, въ силу глубокой *идеи возмездія*, лежащей въ основаніи греческой народной этики и проникающей лучшія созданія древне-эллинской поэзіи. Изгнаніе Хриса—это παραχοπὰ προτοπήμων: страсть помрачаетъ разсудокъ Агамемнона, — онъ навлекаетъ на свое войско страшную кару божества, онъ съ постыднымъ для вождя равнодушіемъ смотритъ на непрестанно пылающіе по стану погребальные костры и допускаетъ Ахилла выступить въ чужой для него роли народнаго печальника, онъ поноситъ бранью Калханта, который осмѣливается открыть ему глаза, онъ незаслуженно оскорбляетъ „лучшаго изъ данаевъ" и вызываетъ противъ себя его гнѣвъ, грозящій гибелью всей ахейской рати, словомъ, онъ неудержимо совершаетъ одинъ проступокъ за другимъ, и Зевсъ опредѣляетъ ему παθόντα γνῶναι. Въ этомъ весь нравственный смыслъ поэмы, и самый гнѣвъ Ахилла, какъ выраженіе протеста противъ цѣлаго ряда возмутительныхъ правонарушеній, противъ эгоизма и произвола,—какъ проявленіе общественной совѣсти, всегда осуждающей всякую ὕβρις [1]), пріобрѣтаетъ съ этой точки зрѣнія такой вѣсъ и такое значеніе, что на него естественно великій поэтъ могъ посмотрѣть, какъ на предметъ, достойный обширной эпопеи: вѣдь въ немъ и въ его послѣдствіяхъ открывалась воля верховнаго блюстителя права, вѣчно стоящаго на стражѣ міроваго порядка Зевса, — Διὸς ἐτελείετο βουλή. Оттого то такими густыми красками изображены въ разсматриваемой рапсодіи и вина Агамемнона, и страданія Ахилла, — оттого то

[1]) Греки словомъ ὕβρις обозначали не только нарушеніе нравственныхъ законовъ въ сферѣ человѣческихъ отношеній, но и вообще всякое нарушеніе естественнаго порядка въ мірѣ явленій, всякое несоблюденіе мѣры, всякое выхожденіе изъ границъ; тѣ же обиды, которыя въ позднѣйшее время на судебномъ языкѣ обозначались въ тѣсномъ смыслѣ словомъ ὕβρις, какъ то побои и тому подобныя грубыя оскорбленія дѣйствіемъ, а равно брань или нанесеніе безчестія, по словамъ *Лерса* (Popul. Aufs. стр. 59 сл.), вели къ публичному процессу, *такъ какъ поруганіе личности разсматривалось какъ поруганіе государства*. „Замѣчательно", продолжаетъ *Лерсъ*,—„и на это обращали вниманіе уже древніе ораторы,—что въ законъ περὶ ὕβρεως были включены даже рабы". См. мои очерки „Изъ исторіи греческой этики", стр. 22 и 25 (въ отд. оттискѣ изъ журн. „Вѣра и Разумъ". X. 1886).

такъ часто возвращается нашъ поэтъ къ этимъ основнымъ моментамъ своего замысла. Формы варіируются, но идея неизмѣнно все та же...

Читатель безъ сомнѣнія согласится, что господство этой идеи сообщаетъ нашему стихотворенію *патетическій* характеръ и заставляетъ ожидать въ дальнѣйшемъ изложеніи трагическаго исхода. И дѣйствительно, всѣ греческіе теоретики, начиная съ Аристотеля и кончая Лонгиномъ и Евстаѳіемъ, твердятъ о πάθος Иліады и ἦθος Одиссеи, объ Ἰλιάς παθητική и Ὀδύσσεια ἠθική κατὰ τὴν παλαιὰν ἀλήθειαν. Аристотель, трактующій въ своей „Поэтикѣ", какъ извѣстно, эпосъ и драму какъ литературные виды существенно однородные, видитъ въ Иліадѣ даже первообразъ *„страстной"* (патетической) трагедіи, а въ Одиссеѣ—первообразъ трагедіи *„характерной"* (Poet. XII, XXIV). И не были ли греки и раньше склонны къ установленію подобной аналогіи, честя именованіемъ „ὁμηρικώτατος" величайшаго изъ своихъ трагиковъ Софокла, какъ наиболѣе близко подошедшаго къ тому поэтическому идеалу, воплощеніемъ котораго являлись гомеровскія поэмы?

Небезъинтересно остановиться съ нѣкоторою подробностью на этомъ сравненіи эпоса съ драмою и съ точки зрѣнія аристотелевской теоріи разсмотрѣть напр. первую половину нашей рапсодіи, отличающуюся особенно оживленнымъ драматическимъ движеніемъ. „Всякое эпическое произведеніе", говоритъ Аристотель, „менѣе едино (нежели трагедія); доказательство тому: изо всякаго эпическаго произведенія выходитъ нѣсколько трагедій. Поэтому, если эпики займутся однимъ сказаніемъ, то или, при стремленіи къ краткости, оказываются сухими, или, увлекшись длиннотою метра,—водянистыми. Разумѣю тотъ случай, если эпопея состоитъ изъ многихъ дѣйствій; такъ Иліада имѣетъ много такихъ частей, и Одиссея тоже; и части эти имѣютъ значительный объемъ, хотя обѣ поэмы составлены, какъ нельзя лучше, и являются, сколько для нихъ это возможно,—изображеніемъ единаго дѣйствія" [1]).

Въ первой половинѣ нашей рапсодіи мы видимъ какъ бы эмбріонъ позднѣйшей драмы: дѣйствіе открывается картиною мора, невольно напрашивающеюся на сравненіе съ великолѣпнымъ прологомъ софоклова „Эдипа-царя"; этотъ моръ, какъ и въ названной трагедіи, есть слѣдствіе вины самого царя,—вождя племенъ, соединившихъ свои ратныя силы въ завоевательномъ походѣ подъ Трою,—и, какъ у Софокла Тиресій, такъ въ нашемъ стихотвореніи Калхантъ, вѣщій птицегадатель, долженъ выступить въ качествѣ обличителя царской вины. Онъ дѣлаетъ это, прикрываясь авторитетомъ Ахилла, главнаго дѣйствующаго

---

[1]) Arist. Poet. c. XXVI.

лица происходящей драмы, — такъ сказать, ея *протагониста*,— и на этого послѣдняго, какъ на вчинателя дѣла, естественно обрушивается весь гнѣвъ чувствительно задѣтаго совершившимися разоблаченіями Агамемнона. Агамемнонъ—это *девтерагонистъ* драмы. Въ ослѣпленіи страсти, подъ роковымъ дѣйствіемъ обольстительной *Аты*, ужаснаго, помрачающаго умъ демона [1]), роль котораго такъ развили и осложнили впослѣдствіи аттическіе трагики, онъ теряетъ способность здраво понимать вещи и видитъ въ требованіяхъ Калханта и Ахилла лишь затаенное намѣреніе унизить его, повелителя ахеянъ, и стать выше его,— „πάντων μὲν κρατέειν, πάντεσσι δ' ἀνάσσειν“ (ст. 288). Это—опять-таки мотивъ, встрѣчаемый нами и въ „Эдипѣ-царѣ“, и въ „Антигонѣ“,— мотивъ, психологически глубоко вѣрный и въ экономіи произведенія въ высшей степени пригодный для того, чтобы сообщить толчокъ дальнѣйшему развитію дѣйствія. На почвѣ взаимнаго непониманія разыгрывается бурная сцена ссоры героевъ, градомъ сыплются съ обѣихъ сторонъ оскорбленія, реплики дѣйствующихъ лицъ стремятся одна за другою неудержимымъ потокомъ, и недалеко уже до кровавой расправы. Вмѣшательство богини Аѳины, появляющейся въ нужную минуту, какъ въ позднѣйшей трагедіи *deux ex machina*, вводитъ страсти въ необходимые предѣлы. Пылъ героевъ нѣсколько остываетъ, и открывается поле дѣйствія для *хора*,—для сонма благородныхъ вождей ахейской рати и толпы воиновъ, въ торжественномъ собраніи которыхъ происходитъ недостойное препирательство Агамемнона съ Ахилломъ. Какъ обыкновенно въ аттической драмѣ, такъ и въ нашей рапсодіи хоръ вступаетъ въ дѣйствіе въ лицѣ своего представителя, *корифея*, въ данномъ случаѣ Нестора, который въ контрастъ съ пагубнымъ ослѣпленіемъ страсти, проявившимся въ ссорѣ героевъ, воплощаетъ въ себѣ трезвую логику уравновѣшеннаго духа,—именно ту ὑγίειαν φρενῶν, какой недостаетъ одержимому Атою Агамемнону. Несторъ говоритъ въ спокойномъ, эпи-

---

[1]) Срав. слова Агамемнона въ XIX рапсодіи (ст. 88 сдл.):

ἐγὼ δ'οὐκ αἴτιός εἰμι,
ἀλλὰ Ζεὺς καὶ Μοῖρα καὶ ἠεροφοῖτις Ἐρινύς,
οἵ τε μοι εἰν ἀγορῇ φρεσὶν ἔμβαλον ἄγριον ἄτην
ἤματι τῷ, ὅτ' Ἀχιλλῆος γέρας αὐτὸς ἀπηύρων.

Засимъ слѣдуетъ знаменитое изображеніе Аты:

θεὸς διὰ πάντα τελευτᾷ,
πρέσβα Διὸς θυγάτηρ Ἄτη, ἣ πάντας ἀᾶται,
οὐλομένη. τῇ μέν θ' ἁπαλοὶ πόδες. οὐ γὰρ επ' οὔδει
πίλναται, ἀλλ' ἄρα ἥ γε κατ' ἀνδρῶν κράατα βαίνει
βλάπτουσ' ἀνθρώπους. κατὰ δ' οὖν ἕτερόν γε πέδησεν.

чески-широковѣщательномъ тонѣ старца, пережившаго пору волненій страсти и умудреннаго опытомъ,—въ тонѣ человѣка, настолько близкаго къ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ, чтобы не относиться безучастно къ ихъ рѣчамъ и поступкамъ, но и настолько далекаго отъ нихъ, чтобы не заразиться ихъ увлеченіемъ. Это именно тотъ самый тонъ, который разъ навсегда былъ усвоенъ хору позднѣйшей драмы и даже давалъ когда то *Шлегелю* поводъ приписывать послѣднему роль какъ бы *идеальнаго зрителя* (des idealisirten Zuschauers). И что слышимъ мы изъ устъ Нестора? Не та же ли это проповѣдь умѣренности, съ которою мы встрѣчаемся вездѣ въ рѣчахъ корифея и хоровыхъ партіяхъ въ аттической драмѣ и которая нашла кратчайшее выраженіе въ излюбленныхъ греческихъ афоризмахъ: ἀμείνω δ' αἴσιμα πάντα (Od. VII, 310), μηδὲν ἄγαν, μέτρον ἄριστον, ἐν τῷ ἐπισχεῖν ἔνεστιν ἀγαθά и проч.?

П. Кауэръ въ одной изъ своихъ недавнихъ рецензій (Berl. Phil. Wochenschr. 1892, № 50) говоритъ: „aus der homerischen Dichtung lesen verschiedene Menschen ganz verschiedene Dinge heraus“, и насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы разсматриваемъ гомеровскія пѣсни сквозь призму идей и формъ, нашедшихъ свое выраженіе лишь много позже въ аттической драмѣ,—что мы заставляемъ Гомера морализировать и приписываемъ такимъ образомъ эпосу нравственно-дидактическую тенденцію, какой онъ вовсе не имѣлъ. Упрекъ этотъ однако былъ бы неоснователенъ. Греки уже въ ту отдаленную пору, когда слагались гомеровскія пѣсни, смотрѣли на миссію поэта съ возвышенной точки зрѣнія, какъ на миссію божескаго посланца, избранника неба и носителя божественнаго откровенія. Его обычные эпитеты въ народномъ эпосѣ — θεῖος, μουσάων θεράπων. Отъ его пѣсенъ слушатели считали себя вправѣ ожидать не одного лишь „чародѣйства сладкихъ вымысловъ“, но и *серьезной мысли*, *поученія*. Не даромъ мусическіе агоны были частью наиболѣе чтимыхъ религіозныхъ празднествъ, не даромъ словесныя произведенія съ древнѣйшихъ поръ подлежали строгой цензурѣ общества. Аристофанъ говорилъ: τοῖς μεν παιδαρίοισιν ἔστι διδάσκαλος ὅστις φράζει, τοῖς δ' ἡβῶσιν οἱ ποιηταί. πάνυ δὴ δεῖ χρηστὰ λέγειν ἡμᾶς (Ran. V. 1854). Крайнимъ выраженіемъ этого взгляда явилось впослѣдствіи стремленіе искать у Гомера, какъ у источника всякой человѣческой мудрости, свѣдѣній историческихъ, математическихъ, медицинскихъ, богословскихъ и философскихъ. Но—est modus in rebus. Кто напр. въ настоящее время сомнѣвается въ полной возможности и правѣ пользоваться гомеровскимъ эпосомъ, какъ матеріаломъ для возсозданія картины внѣшняго быта героическихъ временъ, нашедшаго въ немъ, по общему признанію, отчетливое и всестороннее выраженіе?

А есть ли основаніе думать, что и этическія представленія среды, изображенной поэтомъ, ея нравственная физіономія, ея идеалы не отразились въ героическихъ пѣсняхъ съ такою же полнотою, съ какою отпечатлѣлись въ нихъ бытовыя особенности? И если, собравъ воедино разрозненныя черты, характеризующія эту гомеровскую этику, мы усматриваемъ въ моральныхъ принципахъ героической эпохи существенное сходство съ основаніями позднѣйшей греческой этики, то что̀ это значитъ? Это значитъ, что народная этика, всегда и вездѣ тѣсно связанная съ религіею народа, отличается большою устойчивостью и измѣняется крайне медленно. Это значитъ, что эпическіе пѣвцы вѣрно поняли и точно выразили духъ породившей, взростившей и воспитавшей ихъ среды, нравственный кодексъ которой былъ источникомъ и ихъ собственнаго нравственнаго міросозерцанія. И кто знаетъ,—не въ этой ли духовной связи, тѣсно соединявшей древняго поэта съ его народомъ, не въ этой ли нравственной солидарности пѣвца и внимавшей ему толпы таилась причина безпримѣрной живучести его пѣсенъ?....

Что же касается присутствія драматическихъ элементовъ въ эпосѣ, то не слѣдуетъ забывать, что эпосъ лишь съ теченіемъ времени выдѣлился въ особый литературный родъ изъ слитнаго, нерасчлененнаго цѣлаго, въ которомъ объединялись нѣкогда всѣ формы поэтическаго творчества. Въ этомъ синкретическомъ цѣломъ крылись зачатки позднѣйшей лирики, позднѣйшей драмы и позднѣйшаго эпоса, и лишь мало-по-малу разнородныя литературныя стихіи обособились,—такъ сказать, уплотнились и развились до безконечнаго разнообразія видовъ [1]). Впрочемъ, точныхъ, опредѣленныхъ, ненарушимыхъ границъ между этими видами въ дѣйствительности никогда не существовало, и если мы тѣмъ не менѣе строго и прямолинейно разграничиваемъ ихъ въ теоріи, то это не что иное, какъ фикція. Такимъ образомъ драматическіе элементы задолго до возникновенія художественной драмы могли входить, какъ случайный ингредіентъ, и въ лирическія, и въ эпическія, и въ эпико-дидактическія произведенія, подобно тому какъ и впослѣдствіи мы встрѣчаемся съ ними въ идилліи, въ философскомъ діалогѣ и проч. По Аристотелю, даже самый сюжетъ эпоса долженъ былъ отличаться драматизмомъ, и, какъ высшимъ образцомъ эпической поэзіи великій стагиритъ считалъ гомеровскія поэмы, то мы вправѣ предположить, что это правило было имъ выведено путемъ анализа послѣднихъ. Вотъ

---

[1]) См. *А. Н. Веселовскій* Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. I. Спб. 1886 (стр. 2, 8); *Н. И. Карѣевъ* Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. 1886 (стр. 11 сл.); также мои „Гомерическіе гимны“ (стр. 3, 8, 11).

какъ оно у него формулировано: ὅτι δεῖ τοὺς μύθους καθάπερ ἐν ταῖς τραγῳδίαις συνιστάναι δραματικοὺς καὶ περὶ μίαν πρᾶξιν ὅλην καὶ τελείαν, ἔχουσαν ἀρχὴν καὶ μέσα καὶ τέλος, ἵν' ὥσπερ ζῷον ἓν ὅλον ποιῇ τὴν οἰκείαν ἡδονήν, δῆλον (Poet. 23).

Не можемъ не сравнить съ разсмотрѣнною нами частью первой рапсодіи весьма сходную съ нею по композиціи сцену народнаго собранія во второй рапсодіи. По зову Агамемнона снова къ судамъ стекается тысячеголосная толпа ахеянъ (B v. 86 sqq.). Ужасное бѣдствіе, изображенное въ началѣ поэмы, прекратилось, и духъ народа воспрянулъ; теперь это уже не инертная масса, вяло и безучастно относящаяся ко всему, что происходитъ въ собраніи, но живой бодрый дѣятель, дающій полную свободу проявленію волнующихъ его мыслей и ощущеній. Засѣданіе открывается, какъ и въ первой рапсодіи (A v. 59), предложеніемъ возвратиться на родину; но предложеніе это исходитъ уже не отъ Ахилла, послѣ ссоры удалившагося отъ всякихъ дѣлъ, а отъ его антагониста Агамемнона, желающаго такимъ путемъ испытать настроеніе своего войска. Народъ съ радостью бросается къ кораблямъ, чтобы тотчасъ же спустить ихъ въ море, но это поползновеніе встрѣчаетъ отпоръ со стороны Одиссея, который настойчиво ему противится по внушенію богини Аѳины. Дѣйствія Одиссея въ свою очередь вызываютъ протестъ со стороны народнаго витіи Ѳерсита, и въ собраніи вновь разыгрывается сцена препирательствъ, напоминающая нѣсколько распрю Ахилла съ Агамемнономъ. Подобно Ахиллу, Ѳерситъ выступаетъ въ качествѣ защитника народныхъ интересовъ, печальника народнаго, и ополчается противъ Агамемнона, укоряя послѣдняго въ корыстолюбіи, въ безстыдствѣ, въ ослѣпленіи. Но оратора смиряетъ Одиссей, и дѣло принимаетъ комическій оборотъ. И снова, какъ въ первой рапсодіи, въ собраніи начинаетъ витійствовать Несторъ, по прежнему играющій роль корифея хора.

Нѣкоторое соотвѣтствіе между указанными частями двухъ первыхъ рапсодій Иліады мнѣ не представляется случайнымъ. И прежде всего сошлюсь на слова Гёте, который говоритъ въ своей статьѣ о Лаокоонѣ: „древніе были далеки отъ предразсудка позднѣйшихъ временъ, что произведеніе искусства по наружному виду должно снова стать произведеніемъ природы, и обозначали свои художественныя произведенія изысканнымъ порядкомъ частей, облегчали симметріей для глаза обзоръ разныхъ положеній—и такимъ образомъ самое многосложное произведеніе дѣлалось доступнымъ. Только при помощи этой симметріи и посредствомъ противопоставленій дѣлались возможными съ легкими оттѣнками самые сильные контрасты“ (изд. Н. В. Гербеля VIII,

стр. 351). Такимъ образомъ отмѣченное нами соотвѣтствіе имѣетъ уже извѣстное эстетическое значеніе; но оно имѣетъ также и болѣе глубокій внутренній смыслъ. Ахиллъ воплощающій въ себѣ лучшія, типическія стороны героической noblesse, образецъ доблести и благородства, и Θерситъ,—это олицетвореніе низменныхъ, мелкихъ побужденій черни, ея пошлыхъ и грязныхъ инстинктовъ, не безъ умысла поставлены поэтомъ въ рядъ, какъ противники Агамемнона: эти столь несходныя между собою фигуры, что одна изъ нихъ является какъ-бы пародіею на другую, говорятъ намъ о глубокомъ паденіи нравственнаго авторитета верховнаго вождя, какъ слѣдствіи его ὕβρις. Обаяніе личности Агамемнона исчезло, и уже не доблестнѣйшій герой, а ничтожный демотъ (δήμου ἀνήρ) осмѣливается поднимать противъ него голосъ. Правда, дерзкій протестъ Θерсита производитъ комическій эффектъ, но онъ знаменателенъ уже и самъ по себѣ, независимо отъ того, каковы достигнутые имъ результаты.

Изумительно искусство, съ какимъ трактованы въ двухъ смежныхъ пѣсняхъ сходные сюжеты. Съ тонкимъ тактомъ истиннаго художника поэтъ сумѣлъ избѣжать однообразія и повтореній, которыя казались-бы неминуемыми при двукратномъ изображеніи такихъ предметовъ, какъ народное собраніе, пренія вождей и демотовъ и т. п. Мало этого, и самый тонъ его пѣснопѣній въ томъ и другомъ случаѣ различенъ: въ первой рапсодіи царитъ серьезное настроеніе, во второй — добродушный, незлобивый юморъ. Невольно опять-таки вспоминаются слова Аристотеля: ὥσπερ δὲ καὶ τὰ σπουδαῖα μάλιστα ποιητὴς Ὅμηρος ἦν (μόνος γὰρ οὐχ ὅτι εὖ, ἀλλ' ὅτι καὶ μιμήσεις δραματικὰς ἐποίησεν), οὕτως καὶ τὰ τῆς κωμῳδίας σχήματα πρῶτος ὑπέδειξεν, οὐ ψόγον, ἀλλὰ τὸ γελοῖον δραματοποιήσας. (Poet. IV, 9).

Продолженіе слѣдуетъ.

Краткій обзоръ главнѣйшихъ явленій словѣнской (хорутанской) литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи словѣнскаго языка къ старо-словянскому и другимъ словянскимъ.

Б. М. Ляпунова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я рѣшаюсь напечатать свою пробную лекцію, читанную 5 марта 1892 г. въ Харьковскомъ Университетѣ, не потому, чтобы въ ней были какіе нибудь новые для науки результаты. Напротивъ, я предупреждаю, что это простая компиляція, составленная изъ кусочковъ, вырванныхъ изъ разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ очерковъ и монографій на русскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ и словѣнскомъ языкахъ. Самостоятельно исторіей литературы я никогда не занимался, и къ составленію настоящаго обзора меня вызвалъ тотъ случай, что по университетскимъ правиламъ одна изъ пробныхъ лекцій для начинающихъ приватъ-доцентовъ по словянской или русской филологіи должна быть посвящена исторіи литературы. Самый выборъ темы, взятой слишкомъ широко, объясняется частію именно тѣмъ, что я опасался не справиться съ темой болѣе спеціальной и узкой, частію тѣмъ, что главная тема дозволяетъ или даетъ поводъ коснуться нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросовъ словянской древности. Конечно, вслѣдствіе широты темы и недостатка времени, опредѣленнаго для лекціи (45—50 минутъ), мой обзоръ долженъ былъ выйти слишкомъ поверхностнымъ и верхогляднымъ. Тѣмъ не менѣе въ виду того, что на русскомъ языкѣ по этой отрасли словянскихъ литературъ вообще писано мало, я счелъ небезполезнымъ пустить въ свѣтъ этотъ обзоръ, конечно, дополнивъ его и мѣстами измѣнивъ совсѣмъ, такъ какъ при первоначальномъ составленіи многое мнѣ было неизвѣстно, многимъ я не успѣлъ воспользоваться, что удалось узнать потомъ; при менѣе торопливой работѣ я

могъ полнѣе коснуться тѣхъ вопросовъ, которые затронуты мною въ введеніи, и кромѣ того мнѣ недавно удалось познакомиться съ кое-какими спеціальными трудами по исторіи словѣнскаго языка и литературы. Но и теперь, приступая къ печатанію своей работы, я отнюдь не претендую на полноту и долженъ признаться, что многое еще мнѣ остается или совсѣмъ неизвѣстнымъ или извѣстнымъ только по имени. Мнѣ не удалось, напримѣръ, воспользоваться даже классическимъ трудомъ *Шафарика* „Geschichte der südslawischen Literatur. I. Slowenisches und glagolitisches Schriftthum. Prag 1864“. У меня не было въ рукахъ и трудовъ *Ивана Мацуна* „Kratak pregled slovenske literature. Zagreb 1863“ и „Književna zgodovina slovenskega Štajerja („исторія литературы словѣнской *Штиріи*“). V Gradcu 1883“. Я не имѣлъ возможности также воспользоваться многими появившимися и появляющимися въ разныхъ словѣнскихъ журналахъ („Jezičnik“, „Kres“, letopis „Matice slovenske“, „Ljubljanski zvon“) и отдѣльно прекрасными монографіями словѣнскихъ ученыхъ: Трстеняка, Крека (особенно его „Die slovenische Literatur“ въ „Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild“ 1891), Марна, Паека, Фекони, Раича, Клейнмайра („Zgodovina slovenskega slovstva“ 1881 и др.), Левстика, Левца и др.

Главнѣйшими пособіями мнѣ служили первоначально только слѣдующія сочиненія:

„Исторія славянскихъ литературъ“ *А. Н. Пыпина*, С.-Пб. 1879, гл. 2, отдѣлъ II.

„Очеркъ исторіи словесности Словѣнцевъ“ *Клуна* въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859, I—III.

Отдѣлъ о Словѣнцахъ *Ив. Мацуна* въ статьѣ „Jihoslované“ 1864 (изъ чешскаго Научн. Словн.).

„Slovenska slovnica“ *Ант. Янежича* 1854 (при ней обзоръ исторіи словесности).

„Grammatik der slawischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. Laibach 1808“ (приложенъ обзоръ литературы), *Бартоломея Копитара* и его же:

„Glagolita Clozianus“ (prolegomena) 1836 (Vindobonae).

„Slavin. Beiträge zur Kenntniss der slawischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer, nach allen Mundarten von *J. Dobrowsky*. Prag 1808“.

„Славянскія древности“ *П. I. Шафарика* (въ русск. переводѣ Бодянскаго, Москва 1847).

„Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte herausgegeben v. *Fr. Miklosich*“. I—II, Wien 1851—1858. Его же:

„Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen“ (Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosoph. - histor. Classe, XXIV B. Wien 1876, 1—9).

„Altslovenische Formenlehre in Paradigmen“, Wien 1874 („Einleitung“).

„Филологическія наблюденія *А. Х. Востокова*“ (съ замѣчаніями *И. И. Срезневскаго*).

„Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстныхъ памятникахъ“, С.-Пб. 1865, XXVI, *И. И. Срезневскаго.*

Критико-библіографическая статья *В. Облака* „Slovenica“ въ XII томѣ „Archiv für slavische Philologie“. Я не упоминаю еще о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, которыя цитирую въ своей статьѣ.

Въ послѣднее время, благодаря любезности автора, мнѣ удалось пріобрѣсти еще нѣсколько прекрасныхъ монографій даровитаго словѣнскаго молодого ученаго В. Облака, посвященныхъ разработкѣ древнѣйшихъ памятниковъ словѣнскаго языка и письменности, которыми я и пользуюсь, чтобы пополнить свой обзоръ (оттиски изъ лѣтописи „Матицы словѣнской“: „Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stol.“ 1887, „Starejši slovenski teksti“ 1889, „Doneski k historični slovenski dialektologiji“ I—II 1890—1891, изъ XIV т. „Archiv für slav. Philologie“: „Das älteste datirte slovenische Sprachdenkmal“). Оказала мнѣ не малую помощь и „Slavistische Bibliographie“ Пастерника (Dr. Fr. Pastrnek) 1892 (дополн. томъ къ „Archiv f. slav. Philologie).

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою благодарность слѣдующимъ лицамъ: профессору Д. Н. Овсянико-Куликовскому, редактору Записокъ Харьковскаго университета, согласившемуся помѣстить въ нихъ настоящій очеркъ, проф. М. С. Дринову, снабжавшему меня совѣтами и книгами, проф. Н. Ѳ. Сумцову, давшему совѣтъ напечатать этотъ очеркъ, а также проф. И. В. Ягичу и молодымъ словѣнскимъ ученымъ: В. Облаку и М. М. Мурку, косвенно содѣйствовавшимъ моей работѣ присылкой своихъ трудовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Для пробной лекціи я остановился на литературѣ Словѣнцевъ. Могутъ возразить, почему я выбралъ одну изъ второстепенныхъ словянскихъ литературъ, почему не остановился я на польской, чешской или сербо-хорватской, представляющихъ гораздо больше произведеній по всѣмъ родамъ творчества и науки.

На это отвѣчу, во-первыхъ, что всякая и самая мѣлкая [1]) народность, а слѣдовательно и ея языкъ и письменность, какъ главнѣйшія ея проявленія имѣютъ весьма важное значеніе какъ съ чисто научной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія обще-человѣческаго развитія. Въ научномъ отношеніи для насъ часто могутъ представиться именно въ этихъ мѣльчайшихъ [1]) народностяхъ ключи къ разъясненію того, что непонятно въ языкахъ главнѣйшихъ. Обыкновенно въ глуши горъ и лѣсовъ мы находимъ всего больше старины и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ преданіяхъ. Правда, относительно Словѣнцевъ это не совсѣмъ справедливо, ибо это одна изъ тѣхъ словянскихъ народностей, которыя наиболѣе потерпѣли отъ чужого вліянія. Но то-то и замѣчательно, что, не смотря на этотъ тяжелый культурный гнетъ болѣе сильныхъ народовъ, Словѣнцы сохранили немало старины, особенно въ языкѣ; только старина эта цѣлые вѣка была покрыта толстымъ чуждымъ слоемъ, изъ подъ котораго мало-по-малу съ трудомъ стали пробиваться народные соки, которые первое время были сильно загрязнены, а потомъ становились все чище и чище, по мѣрѣ того, какъ словѣнская народность получала бо́льшія права въ литературѣ и жизни. Да и сами отступленія отъ старины, діалектическія подновленія, развивались ли они чисто естественнымъ путемъ или подъ чужимъ вліяніемъ (кстати замѣчу, что совершенно изолированной отъ чужого вліянія народности не существуетъ на свѣтѣ), весьма важны и любопытны въ научномъ отношеніи, какъ проявленія разнообразія человѣческихъ и народныхъ способностей.

Становясь на практическую точку зрѣнія обще-человѣческаго развитія, мы должны признать, что развитіе всякой мѣлкой [1]) народно-

---

[1]) Старо-слов. *мѣлъкъ* (Miklos. Lexic. palaeoslov.) польск. *miałky* и литов. *mailùs* „kleinigkeit“ (Куршатъ) несомнѣнно указываютъ на этимологическое *ѣ* въ этомъ словѣ, которое и печаталось еще въ нашихъ книгахъ даже начала XIX стол., а лѣчебники XVII в. (рукоп. Москов. Синод. библіот.) еще послѣдовательно пишутъ *ѣ*, на которое указываетъ и великорусское произношеніе (съ *е*, а не *ё*), и нѣтъ надобности отступать отъ этимологіи въ этомъ словѣ, если мы вообще удерживаемъ букву *ѣ*. Покойный А. А. Потебня въ своихъ трудахъ 70—80 годовъ печаталъ въ этомъ корнѣ (въ словахъ этого корня) *ѣ*: *мѣлкая рыба*. Изъ запис. по рус. грам. [2] I,90, *мѣльчайшей пыли* „Слово о полку Игоревѣ“ 46, *мѣлочность* ib. 146, когда позамерзаютъ *мѣли* на озерахъ ib. 152, Рѣнь... нанесенный водою *пѣсок мѣль* „Объясн. малорус. и сродн. пѣсень“ I, 12. (относит. этимологіи *мѣль* можно сомнѣваться; м. б. оно въ связи съ *мѣлъ* „creta“ литов. *mólis* „Lehm“, но *ѣ* и здѣсь несомнѣнно: лит. *mólis* представляло бы при такомъ сближеніи иную степень вокализаціи, чѣмъ наши *мѣль* и *мѣлъ*, но тогда, разумѣется, пришлось бы отдѣлить *мѣль* отъ *мѣлъкъ*).

сти обогащаетъ культуру обще-человѣческую. Напрасно иные думаютъ, что для развитія цивилизаціи необходима извѣстная централизація, приведеніе къ одному знаменателю всѣхъ національныхъ и мѣстныхъ разнообразій, напрасно предлагаютъ намъ обще-словянскій языкъ, какъ средство общесловянскаго развитія. Дѣлающіе это забываютъ, что развитіе цѣлаго зависитъ отъ развитія, а не подавленія частей, ибо каждая отдѣльная часть можетъ внести въ общую сокровищницу что нибудь свое, вытекающее изъ ея особенныхъ свойствъ, отличныхъ отъ свойствъ другихъ частей, слѣдовательно обогатить общее достояніе цѣлаго; истинное же развитіе возможно только на родномъ языкѣ: теряя его, народность теряетъ и способность обогащать общечеловѣческую культуру не только количественно (это возможно и при существованіи одного общаго языка во всемъ образованномъ мірѣ), но и качественно. Такимъ образомъ, для общесловянскаго, какъ и для общечеловѣческаго движенія впередъ желательно не только сохраненіе, а и дальнѣйшее распространеніе отдѣльныхъ нарѣчій и литературъ.

Во-вторыхъ, изученіе словѣнской литературы нелишне въ виду блестящаго успѣха ея въ два послѣднихъ столѣтія. Хотя здѣсь мы не находимъ такъ рано, какъ въ литературахъ, польской, чешской и сербской, уже въ XV—XVI—XVII вѣкахъ, блестящихъ представителей въ художественной, педагогической, богословской, исторической и философской литературѣ на родномъ языкѣ: здѣсь не было въ эти вѣка равныхъ Маруличу, Менчетичу, Држичу, Гундуличу, Пальмотичу у Сербовъ, Николаю Рею и Яну Кохановскому у Поляковъ, не было такихъ прозаиковъ богослововъ, философовъ и педагоговъ, какъ Т. Штитный уже въ XIV в., Я. Гусъ и Хельчицкій въ XV, Аммосъ Коменскій въ XVII в. у Чеховъ; нѣтъ здѣсь и такой богатой оригинальной эпической народной поэзіи, какъ эпосы сербскій, болгарскій и русскій;—тѣмъ не менѣе, однако, Словѣнцы могутъ гордиться тремя весьма даровитыми и нѣсколькими хорошими поэтами, появившимися въ новое время, въ XVIII и XIX вѣкахъ, могутъ указывать на значеніе, какое имѣла литературная дѣятельность ихъ представителей въ эпоху реформаціи въ печатаніи словянскихъ книгъ, а главное и всего болѣе они съ гордостью могутъ указывать на то, что изъ ихъ среды вышли такіе гиганты словянской филологіи, правда, писавшіе по-нѣмецки и по-латыни, какъ Б. Копитаръ и Фр. Миклошичъ, что на восточномъ рубежѣ ихъ области, въ такъ называемой „кайкавщинѣ“, родился, хотя по языку и образованію Сербо-Хорватъ, замѣчательнѣйшій теперь славистъ, профессоръ Вѣнскаго Университета Ягичъ, и что въ послѣднія десятилѣтія на ихъ языкѣ развилась довольно обширная литература по народной исто-

ріи, народному творчеству, діалектологіи и исторической грамматикѣ, главнымъ представителемъ которой теперь молодой выдающійся ученый, дѣлающій честь всей словянской наукѣ, Облакъ.

Въ третьихъ, наконецъ, для занимающихся словянской филологіей изученіе словѣнскаго нарѣчія, а слѣдовательно и литературы важно потому, что нѣкоторые слависты предполагали и предполагаютъ ближайшую связь и даже тождество этого нарѣчія съ церковно-словянскимъ—тѣмъ, на которое впервые были переведены священныя книги съ греческаго, и для котораго была составлена св. Кирилломъ и Меѳодіемъ словянская азбука. Вѣрно или невѣрно это мнѣніе, во всякомъ случаѣ слависты должны съ нимъ считаться тѣмъ болѣе, что высказываемо оно было весьма компетентными учеными.

1. Словянская народность, которой мы хотимъ заняться, у древнихъ писателей начала нашей эры называлась или *Vinidi*, *Venedi*, или *Sclavi*, какъ уже въ 600 г. въ посланіи папы Григорія; въ IX в. въ грамотахъ и проч. *Sclavonia*, *Slavonia*, *de genere Carantania Sclavinorum* 824—836, *in parte Sclavinorum* 834, *territorium in Sclavinia* 837 и проч., *lingua Sclavanisca* 970 (Шафарикъ, Славянскія древности, т. II, кн. 2, стр. 83—84, Miklos. Vergleich. Gram. I. 60—61). Русскіе со временъ Нестора и Чехи съ Далимила называли ихъ Хорутанами (Шафар. ib. 89: *Korutané*, *Korutansky*), что̀ равняется латинскому *Carantani*, извѣстному уже въ латинскихъ памятникахъ VIII и IX в. (*Carantanum* для собственной Хорутаніи, Штиріи и восточной части Тироля, въ отличіе отъ Карніи, Карніоліи—западной части Крайны, Шафар. ib. 88, *dux Sclavorum seu Carentanorum* 993, Шаф. 84). Названіе Крайна, вѣроятно, не имѣетъ ничего общаго съ *край* и несловянскаго происхожденія; оно встрѣчается въ первый разъ въ грам. Отона II въ 974 и 978 г. (*Chrainmarcha*, *Chreine*, Шаф. ib. 93) [1]). Старые словѣнскіе писатели XVI и слѣдующихъ вѣковъ бо̀льшею частію называли свой языкъ и литературу или „Carniolana“ (Бохоричъ) или „Illyrica“ („Illurica“) (I. Мегизеръ, прибавляя: „quae vulgo *sclavonica* appellatur“) или „krainski“; послѣднее и первое тожественны между собою и собственно принадлежатъ только части словѣнскаго языка, но, такъ какъ первые писатели возрожденія были изъ Крайны (= Carnia), то они и называли свой языкъ именемъ своей родины. Но и имена *Sloveni*, *Slovenci*, *Slovenski* встрѣчаются уже у первыхъ писателей воз-

---

[1]) Какъ *Крайна*, такъ и *Хорутанія* (*Carantania*) — названія частныя, принадлежащія собственно только части всей области словѣнской. Русское *у*, чешск. *и* въ послѣднемъ предполагаютъ *юсъ большой* изъ *an*=*on*.

рожденія XVI в. и ихъ преемниковъ въ послѣдующіе вѣка: у Трубера въ „Abecedarium“ и „Katechismus“ 1550: *Sloueni*, *vsem Slovenzom* gnado, myr, mylhost, Катех. 1555: v *Slouenskim* jesiku, *Slouenska* besseda, въ „Matthaeus“ 1555: *Slouenski* jesig, lubi *Slouenci;* тоже у Далматина, Крелля и другихъ (Шафар. Слав. Древ. II, кн. 1, § 25, стр. 50—51).

Теперь сами себя Хорутане называютъ въ общей массѣ безъ различія мѣстностей *Slovénci*, а свой языкъ *slovénski*, т. е. такъ, какъ называли древніе книжники языкъ церковный и литературный тѣхъ Словянъ, которые пользовались словянской (кирилловской или глаголической) азбукой. Пиша эти слова кириллицей, слѣдуетъ ставить послѣ *в* букву *ѣ*, какъ искони и писали словянскіе грамотѣи [1]); нынѣ же многіе, отступая отъ послѣдовательнаго проведенія этимологическаго правописанія, пишутъ *Словенцы* черезъ *е*. Названіе *Словинцы* съ *и*, тоже довольно употребительное, ведетъ свое начало преимущественно отъ западныхъ Сербовъ и Хорватовъ — Далматинцевъ (относительно языка древнихъ Дубровчанъ и теперь еще идетъ споръ, былъ ли онъ чакавскимъ или штокавскимъ нарѣчіемъ, сравн. статьи М. Решетаря „Die čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen“ въ XIII томѣ „Archiv für slavische Philologie“ и замѣтку проф. И. В. Ягича по поводу ихъ

---

[1]) Миклошичъ (V. Gr. I, 60—61), относя это слово вмѣстѣ со многими другими прилагательными и существительными (*дрѣвѣнъ*, *власѣнъ*, пьтѣньцъ Зогр., *младѣньць* Клоц. при *младеньць*, *младьньць* Зогр. Мар., см. слов. при издан. Ягича) къ словамъ съ суф. *ѣнъ*, замѣчаетъ: „Das dunkle *словѣнинъ* nsl. *slovenec*, lautet in lat. urkunden sclauanii 827, vrgl. sclavinia 770. Dem словѣньскъ entspricht mit aslov. oder deutschem suffix sclauanisc-: lingua sclauanisca 970 colonias sclauaniscas c. 1000“. *Словѣньць*, *словѣньскъ* суть производныя отъ *словѣн-ъ, въ которомъ *ѣ* такое же, какъ и въ ст. слов. *роумѣнъ* и другихъ, приводимыхъ Миклошичемъ, и въ коренномъ слогѣ въ глаг. помѣнąти; здѣсь *ѣ* изъ *ен* передъ вторымъ *н* слѣдующ. суффикса. (Ср. проф. Брандта „Грам. замѣтки“, вып. I, 1882, стр. 34 и „Об этимолог. слов. Миклошича“, стр. 25). Что утраты перваго *н* могло и не происходить, доказываютъ русскія формы *словянинъ*, *словянскій,* и т. п., *румяный*, *камян*(*н*)*ый*, *помянуть*, въ которыхъ *я* изъ ѧ, а послѣднее изъ *ен* передъ вторымъ *н*. Ст. слов. *камѣнъ* др. рус. *камянъ* особенно удачный примѣръ для объясненія этихъ образованій, такъ какъ сущ. *камы* именно имѣло въ косвенныхъ падежахъ основу *камен*—. Конечно, нѣкоторыя слова могли явиться съ суф. *ѣн* рус. *ян* уже по аналогіи, не предполагая непремѣнно *ен*+*н*. Съ другой стороны форма *младеньць* и т. п. указываетъ на то, что *ьць* могло присоединяться и прямо къ основѣ на *ен* или—*ьн*. На *ѣ* въ *словѣнецъ* указываетъ и написаніе *Sloueinci* съ *ei* въ Труберовомъ „Catehismus s dveima islagama“ 1575 (Облакъ „Doneski k histor. slovenski dialektologiji“ 1891 ст. 86). Наше правописаніе *Словенецъ* еще можно бы было оправдать только тѣмъ, что это слово у насъ отчасти заимствованное, иностранное (русское было бы съ *я*). Чешск. *Slované* также указываетъ на юсъ малый. Вмѣсто ст. слов. юса больш. употребляю по нуждѣ польск. ą.

тамъ-же): старые Дубровницкіе писатели называли свой сербо-хорватскій языкъ „*slovinski*", измѣняя *ѣ* въ *и* по западно-сербскому или по хорватско-чакавскому говору (Шафарикъ, Слав. Древ. II, кн. 1, § 25, стр. 49—50) [1]; но его распространенію въ нашей научной терминологіи на Хорутанъ могло содѣйствовать произношеніе одного изъ юго-западныхъ (фріульскихъ или венеціанскихъ) словѣнскихъ говоровъ, близкаго къ Резьянскому, представители котораго называютъ себя „Slovini", замѣняя по свойству этой группы говоровъ долгое ударенное *ѣ* черезъ *и* (Срезневск. „Фріульск. славяне" 1881, 41, Miklos V. Gr. I, 310—312, Бодуэн-де-Куртенэ „Опытъ фонетики резьянск. говоровъ" 1875, ст. 51). Что касается вообще этого имени, то оно намъ извѣстно у разныхъ словянскихъ народностей въ разныя времена; мы знаемъ Словѣнъ новгородскихъ у Нестора, Словинцевъ [2]) у Кашубъ, отрасли ляшской вѣтви, Словѣнцевъ или Словаковъ („Slovak", но „jazyk slovenský") чешской вѣтви; послѣднему обстоятельству Миклошичъ въ „Altslov. Formenlehre in Paradigmen" IV придаетъ значеніе для подтвержденія своей теоріи о распространеніи своихъ Словѣнцевъ („der slovenische Volksstamm") по обѣимъ берегамъ Дуная. Кромѣ того у Византійцевъ VII—VIII в. Славиніей называлась область, заселенная Словянами въ Македоніи (Ш. Сл. Др. § 30, Копитаръ Glag. Cloz. XXIX). Но этой распространенности имени

---

[1]) Объ имени „slovinski jezik" у Дубровчанъ см. у Ягича въ Arch. f. sl. Phil. XIII s. 397.

[2]) Не умѣю объяснить себѣ въ этомъ словѣ у Кашубъ *и* (Fl. Cenôva пишетъ *и* черезъ *j:* Skôrb kaszébskosłovjnskjè môvé), такъ какъ вообще *ѣ* тамъ замѣняется по-польски черезъ *je*, *ja*, *jo*. Не представляетъ ли кашубско-словинская форма въ противоположность польской *słowiański*, гдѣ *ia* изъ *ѣ*, замѣну ѩ (на которую указываютъ русск. и чешская ф.)? Это я считаю возможнымъ на основаніи формъ *vicî*, *vikszi* „большій", *cîc* = польск. *ciąć*, *jiczme*, *jiczm* „ячмень", *pisc* „кулакъ" = пол. *pięść*, *svicec* „праздновать" (сравн. рус. *святки*), гдѣ *i* изъ юса малаго (Гильфердингъ „Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря" въ собраніи словъ стр. 160—189; въ словѣ *pajiczena* „паутина" *i* даже вм. большого іотован. юса), при чемъ иногда сохраняется и *n* послѣ *i*: *pinc*, *dzesinc*, *dzevinc* (5, 10, 9); въ формѣ *slovinski* при слѣдующемъ *n* другого суффикса тѣмъ болѣе не могло бы удержаться *n* въ *in* послѣ разложенія *ię* (юса малаго). Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками изслѣдованія Гануша „o samogłoskach nosowych w narzeczu Slowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów", на которое ссылается Лецеевскій, вскользь упоминая о произношеніи носовыхъ въ Кашубскомъ въ своемъ изслѣдованіи „Der Lautwerth der Nasalvocale im Altpolnischen" Wien 1886 стр. 8; самъ же Лецеевскій объ этомъ измѣненіи юса малаго въ Кашубско-слов. не говоритъ ничего, но приводитъ нѣчто подобное изъ другого описаннаго имъ польскаго говора (ст. 6—7). Ив. Лось въ своей статьѣ „Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich" (XI t. „Rozpraw" Краков. академіи, 1885) кашубско-словинскаго не касается вовсе.

въ различныхъ словянскихъ вѣтвяхъ, отдаленныхъ одна отъ другой и по мѣсту и по языку, нельзя придавать значенія какого либо ближайшаго родства ихъ между собою, какъ это замѣтилъ уже Шафарикъ (Слав. Др. II, 2, § 36, стр. 112).

2. Что касается родства словѣнскаго языка съ другими словянскими, то его слѣдуетъ отнести къ южно-словянской группѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда и Болгаръ, хотя нѣкоторыя черты могутъ быть названы переходными къ группѣ сѣверо-западной (это особенно касается сѣверо-западной группы словѣнскихъ говоровъ, кое чѣмъ напоминающихъ чешскіе); да и вообще дѣленіе словянскихъ нарѣчій на большія группы, которое ведется со временъ Добровскаго съ разными видоизмѣненіями, можетъ выдержать критику только съ точки зрѣнія одного какого-нибудь или нѣсколькихъ, произвольно взятыхъ, признаковъ. При болѣе точномъ опредѣленіи являются разногласія. Одни слависты относили и относятъ Словѣнцевъ даже къ Югословянамъ, понимая это слово въ болѣе узкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ только Сербовъ, Хорватовъ и Словѣнцевъ. Это мнѣніе было развиваемо главнымъ образомъ Шафарикомъ въ „Славянскихъ Древностяхъ" (II, кн. 2, § 34, ст. 50—51, § 36, ст. 109—110, § 41, ст. 285); тутъ же (ст. 112) онъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ „Abkunft d. Slaw." 206—209, о сродствѣ Словѣнцевъ хорутанскихъ съ Словянами мизійскими; см. также его „Slovanský národopis" 1842 гл. III, гдѣ „рѣчь иллирская" включаетъ въ себѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словѣнцевъ. За ближайшее родство съ сербо-хорватской вѣтвью высказался и Ягичъ въ своей „исторіи книжевности народа сербскаго и хорватскаго" въ 1867 г. стр. 25—26; высказавъ здѣсь, что существуетъ два мнѣнія, онъ присоединяется къ тѣмъ, которые, „ссылаясь на единственный драгоцѣнный остатокъ старой (хорутанской) словѣнщины и сравнивая его съ настоящимъ старо-болгарскимъ, доказываютъ, что уже тогда съ X вѣка и раньше нарѣчіе словѣнское кое въ чемъ было ближе и сроднѣе языку хорватско-сербскому, чѣмъ болгарско-словѣнскому"... Далѣе: „мы утверждаемъ, что Сербы и Хорваты съ Словѣнцами, какъ южные Словяне, находятся между собой въ ближайшемъ сродствѣ уже изстари".... Также къ „Юго-славянамъ" въ тѣсномъ смыслѣ вмѣстѣ съ Сербо-хорватами отнесены Хорутане у Пыпина въ „Истор. слав. литературъ", введеніе, ст. 7—9 и гл. 2 и у составителей чешскаго „научнаго словника" въ статьѣ „Jihoslované" 1864, стр. 59—61, при чемъ отдается преимущество мнѣніямъ Шафарика и Рачкаго передъ Копитаровымъ и Миклошичевымъ.

Другое мнѣніе было высказано Копитаромъ и Миклошичемъ. По мнѣнію Копитара (въ „Prolegomena“ къ „Glagol. Cloz.“ §§ XII и XXIX и къ изданію Реймскаго Евангелія Slav. Bibliothek I, ст. 60 и проч.), все пространство отъ Инна до Чернаго моря искони было населено одной словянской народностью, которая была позднѣе разъединена вторженіемъ Сербо-Хорватовъ, а еще позднѣе Мадьяръ. Копитаръ указываетъ на бо́льшее родство словѣнскаго нарѣчія съ болгарскимъ, чѣмъ съ сосѣдними хорватскимъ и сербскимъ, исключая тѣхъ чертъ сходства, которыя накопились вслѣдствіе вѣкового сожитія: „Bulgari... slavicam suam dialectum, *primitus, quantum ex certis adhuc signis licet colligere, Serbicâ et Croaticâ longe propiorem Carantanicae aut Pannonicae*, ni jam prius, ex eo saltim tempore adeo immutarunt, ut ipsa omnium salvicarum una repraesentet speciem linguae, qualem Europaei langue romane vocant“... (§ XII).

Взглядъ Копитара былъ развиваемъ Миклошичемъ, который дѣлилъ эту группу словянскихъ говоровъ на четыре вѣтви: западную—хорутанско-словѣнскую, среднюю—паннонско-словѣнскую и восточныя—дако-словѣнскую и мизо-словѣнскую или болгарскую. Всѣ эти 4 вѣтви, по его мнѣнію, произошли изъ языка того народа, который жилъ, говоря словами Копитара, отъ Аквилеи и источниковъ Дравы, Мура и Труны и почти отъ устьевъ Инна до Понта Эвксинскаго, и который у Іорнанда и Прокопія назывался Sclaveni и Σχλαβηνοί, „имя котораго Греками и Римлянами, а потомъ и самими Словянами было перенесено на всѣ словянскіе народы“ (Formenlehre in Paradigmen X—XI стр., также ib. стр. III—IV, IV—XI, XXV, Vergl. Gram. III, 201, „Geschichte der Lautbezeichnung im bulgarischen“ 1883, s. 6; срав. Slav. Biblioth. II, 140—141, гдѣ говорится о происхожденіи обоихъ языковъ, болгарскаго и новословѣнскаго отъ старо-словянскаго). Подъ конецъ своей ученой дѣятельности и Шафарикъ въ 1857 г. въ сочиненіи „Uber den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus“, радикально измѣнивъ свой прежній взглядъ на взаимное отношеніе и происхожденіе двухъ словянскихъ азбукъ, измѣнилъ и свое мнѣніе о словѣнскомъ нарѣчіи, высказавшись опять за близкое родство его съ болгарскимъ, ставя между ними переходное нарѣчіе паннонское (русск. перев. Шемякина 1861, стр. 35—37), хотя здѣсь онъ ничего не говоритъ объ отношеніяхъ къ Словѣнцамъ Сербо-Хорватовъ и о сербо-хорватскомъ клинѣ, будьто-бы раздѣлившемъ первоначально нераздѣльныхъ „Словѣнъ“. Позднѣе и Ягичъ частію (наприм. въ литографиров. курсѣ 188$^4/_5$ въ С.-Пб. универс. „Отношеніе славянскихъ нарѣчій къ ц. слав. яз.“ стр. 7—8) склонялся къ этой теоріи; однако сравн. XIII т. стр. 134 „Archiv für slavische Phi-

lologie“, гдѣ проф. Ягичъ высказывается по поводу статьи болгарскаго ученаго Милетича: „Auch gegen einige Hauptsätze seiner Ansichten, wie z. B. betreffs der angeblichen Viertheilung des „Urslovenischen“ in ein karanthanisches, pannonisches, bulgarisches und dacisches „Slovenisch“.... lassen sich begründete Einwendungen machen“.

Проф. М. С. Дриновъ въ сочин. „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (изданіе Общества истор. и древн. при Московск. Университетѣ 1873), стр. 146—148, высказывая мысль Шафарика (Слав. Др. II, 1, § 30, стр. 386—387), что словянскіе переселенцы на Балканскомъ полуостровѣ были изъ самыхъ различныхъ словянскихъ вѣтвей, что̀ доказывается разнообразіемъ болгарскихъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчаются точки соприкосновенія между самыми отдаленными словянскими нарѣчіями, нѣсколько раньше высказывается довольно близко къ теоріи Копитара и Миклошича: „Всѣ эти особенности, испещряющія область сербо-хорватскаго языка, какъ чуждыя послѣднему и необъяснимыя историческимъ развитіемъ его, служатъ весьма сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнію, что Сербо-Хорваты застали въ занимаемой ими странѣ значительныя поселенія Славянъ, по своему нарѣчію болѣе близкихъ къ Словинцамъ и къ нѣкоторымъ славянскимъ вѣтвямъ, вошедшимъ въ составъ болгарскаго народа“ (стр. 130). Историкъ Рачкій выдѣляетъ даже Чакавцевъ отъ Сербо-Хорватовъ; „по его словамъ“ („Arkiv za povjestnicu jugosl“. IV, 254), говоритъ М. С. Дриновъ (въ указан. мѣстѣ), „въ Чакавщинѣ мы имѣемъ особенное нарѣчіе, которымъ говорили славянскіе поселенцы, обитавшіе въ этомъ краю еще до прихода туда Сербовъ и Хорватовъ“. Этотъ взглядъ проф. Дриновъ считалъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ противоположный ему, и самъ высказываетъ на стр. 161 предположеніе, что даже и Дукляне, Захлумцы и Босняки не были ни Сербами, ни Хорватами, а жили раньше ихъ прихода.

Изъ послѣдователей Миклошича въ этомъ вопросѣ можно назвать словѣнскаго ученаго Крека („Einleitung in die slavische Literaturgeschichte“ 1887, s. 221) [1]), даровитаго болгарскаго ученаго Милетича („Старо-то склонение въ днешнитѣ български нарѣчия“, въ болгар. „Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина“ II. 226—268) и нѣкотор. другихъ. Напротивъ молодой выдающійся словѣнскій ученый діалектологъ Облакъ не считаетъ возможнымъ выдѣлить Сербо-Хорватовъ изъ общей массы Словѣнъ: „Für uns können nur sprachlichen

---

[1]) Въ этой полезной книгѣ можно найти и подробный разборъ литературы вопроса.

Gründe massgebend sein und diese befürworten entschieden einen näheren Zusammenhang des Serbokroat. mit dem heutigen Slovenischen"... (Archiv f. slav. Philologie XIV, s. 298—299). То же высказалъ онъ и въ частномъ письмѣ ко мнѣ: „нельзя... сомнѣваться, что словѣнщина и сербохорватщина въ ближайшемъ сродствѣ. Словѣнскія и хорватскія нарѣчія на двухъ пунктахъ переходятъ одни въ другія, на востокѣ мостъ составляетъ кайкавское нарѣчіе, на юго-западѣ сѣверныя чакавскія нарѣчія въ теснѣйшей связи съ горицкими и венеціанскими"... (привожу эти слова въ свободномъ переводѣ съ словѣнскаго). Проф. Львовскаго университета Калина въ сочин. „Studyja nad historyją języka bułgarskiego" (1891), ч. I, стр. 20—21 считаетъ Словѣнцевъ и Болгаръ наравнѣ съ Сербами и Хорватами (вмѣстѣ) отпрысками одной общей южно-словянской вѣтви; на стр. 81—82 онъ говоритъ о дѣленіи уже въ IX вѣкѣ языка южно-словянскаго на три группы: восточную (языкъ болгарскій), южную (языкъ сербско-хорватскій) и сѣверную или паннонскую; послѣднюю онъ считаетъ переходной отъ хорватскаго къ словѣнскому (стр. 90) и издревле отличной отъ языка церковно-словянскаго, а слѣдоват., по его теоріи, и отъ болгарскаго, отъ котораго тѣмъ дальше отдаленное географически хорутанско-словѣнское.

Какое же изъ приведенныхъ мнѣній предпочтительнѣе? При поверхностномъ сравненіи дѣйствительно насъ поражаетъ иногда сходство нѣкоторыхъ фонетическихъ явленій словѣнскихъ говоровъ съ одной стороны и болгарскихъ съ другой. Какъ въ словѣнскихъ, такъ и въ болгарскихъ говорахъ встрѣчаются мѣстами остатки носовыхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ старымъ юсамъ, чего нѣтъ въ области сербо-хорватской; затѣмъ обычная словѣнская замѣна юса большого черезъ *о* встрѣчается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, напр. въ Дебрскомъ и Родопскомъ; въ остальныхъ же встрѣчаются самыя разнообразныя замѣны, изъ которыхъ преобладающая зв. *а* или глухой звукъ. Между тѣмъ въ сербо-хорватской области послѣдовательно юсъ большой=*у*. Словѣнская замѣна *tj* черезъ *ч* также встрѣчается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (сѣверо-западныхъ); въ сербо-хорватскомъ же мы имѣемъ вмѣсто *tj* особаго рода мягкое *т*, близкое къ очень мягкому *ч*. Наконецъ, встрѣчается часто поразительное сходство въ словарѣ, несмотря на отдаленность разстоянія и на многовѣковую особность исторической жизни. Но не такъ важны эти частности, какъ общій строй фонетики болгарской съ одной стороны и словѣнской съ другой, выражающійся въ любви къ глухимъ звукамъ, вслѣдствіе чего удерживаются часто старые глухіе, къ неясному произношенію неударяемыхъ слоговъ и образованію отсюда новыхъ глухихъ; вспомнимъ также, что въ словѣнскомъ

долгота связана съ удареніемъ, болгарскій же, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ говоровъ, утратилъ её совсѣмъ;—все это радикально противоположно ясности и раздѣльности произношенія сербо-хорватскаго, благодаря которой долгота гласныхъ не зависитъ отъ мѣста ударенія.

Но какъ все еще это шатко! Еще сколько нужно діалектическихъ и историко-діалектическихъ изслѣдованій, чтобы выяснить взаимное отношеніе словянскихъ нарѣчій; пока же лучше воздерживаться отъ такихъ широкихъ обобщеній. Во-первыхъ, что касается отдѣльныхъ фонетическихъ явленій, то часто сходные результаты могутъ быть достигнуты совершенно независимо и несходными путями: напр. относительно дебрскаго и родопскаго *рока* мы можемъ почти съ увѣренностью сказать, что въ немъ *о* получилось непосредственно изъ глухого зв. (ъ), лежащаго въ основаніи всѣхъ діалектическихъ болгарскихъ замѣнъ большого юса; относительно же словѣнскаго *roka* можно думать, что въ немъ *о* изъ *оn*. Что же касается тоническаго характера звуковъ, ихъ неясности, глухоты, то это напоминаетъ отдаленное великорусское (особенно южное) нарѣчіе, которое во всемъ остальномъ совершенно отлично и отъ болгарскаго и отъ словѣнскаго и имѣетъ свои исконныя фонетическія особенности, объединяющія его въ одну группу съ малорусскимъ, не смотря на то, что тоническій характеръ послѣдняго ближе къ сербскому. Еще болѣе рискованно строить обобщенія на основаніи словарныхъ сходствъ, такъ какъ лексическая сторона словянскихъ нарѣчій еще менѣе изслѣдована.

3. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что тѣже ученые, которые высказывались за прадавнюю близость Словѣнцевъ къ Болгарамъ, проводили теорію „паннонизма" ц. словянскаго языка. По мнѣнію Копитара, ц. словянскій яз. есть нарѣчіе паннонское, что у него равносильно хорутанскому („Carantanica aut Pannonica" § XII Glag. Cloz.). „Что большинство занимавшихся этимъ вопросомъ и самъ „summus Dobrovius" послѣднимъ своимъ сужденіемъ предпочелъ приписать священный яз. Болгарамъ, а не Хорутанамъ, находившимся въ округѣ Меѳодія",—это онъ приписываетъ не столько „злому умыслу", сколько невнимательности (ib. XXX). Онъ упрекаетъ Добровскаго въ томъ, что онъ „только на смѣхъ" предпочелъ удалиться „въ пустыни и тайники какого то стараго еще несмѣшаннаго сербо-болгаро-македонскаго нарѣчія" (in eremos et latibula nescio cujus veteris, *nondumque commixtae* dialecti *serbo-bulgaro-macedonicae*) ib. § XII (сравн. также „Письма Добровскаго и Копитара" издан. И. В. Ягича С.-Пб. 1885, стр. 484, 497, 516, 534) [1]).

---

[1]) Возможностью пользоваться этимъ драгоцѣннымъ изданіемъ я обязанъ любезности проф. Д. И. Багалѣя.

Миклошичъ опредѣляетъ мѣсто этого паннонскаго языка болѣе точно: это языкъ тѣхъ Словѣнцевъ, которые жили въ древней Панноніи, по обоимъ берегамъ средняго Дуная, въ той странѣ, гдѣ проповѣдовалъ и былъ епископомъ Меѳодій („Altslov. Formenlehre in Parad.“ III). Его и называетъ Миклошичъ „altslovenisch“ въ отличіе отъ „neuslovenisch“, понимая подъ первымъ именно языкъ паннонской вѣтви.

Но у Миклошича эти два языка всетаки не отожествляются: у него это не двѣ стадіи развитія одного и того же языка, а два разные языка, только очень близкіе между собою; они находятся между собою, какъ братья. Такой взглядъ Миклошичъ проводитъ во всѣхъ своихъ трудахъ 70—80 годовъ, хотя раньше (Slav. Bibl. II. Wien 1858 стр. 140 и въ 1-мъ издан. „Vergl. Gram“) онъ высказываетъ, что оба языка болгарскій и н. словѣнскій считаетъ происшедшими отъ старо-словянскаго, слѣдоват., не отожествляя н. словѣнскій со старо-словянскимъ, ставитъ однако въ сыновнее отношеніе первый къ послѣднему. По послѣднему мнѣнію Миклошича, и ново-словѣнскій (хорутанскій) и старо-словянскій (паннонскій), какъ и дако-словѣнскій и болгарскій суть дѣти одной семьи. Къ „паннонизму“ примкнулъ подъ конецъ жизни и Шафарикъ („О происхожд. и родинѣ глагол.“ 35—37). Къ „паннонизму“ склоняется и проф. Одесскаго университета Кочубинскій („Къ вопросу о взаимн. отношеніяхъ слав. нарѣчій“ 1877, I, стр. 131), хотя и признаетъ, что „онъ всетаки еще предметъ спора“... Изъ прямыхъ послѣдователей Миклошича по этому вопросу назову проф. Грацскаго университета Крека („Einleitung in die slav. Literaturgeschichte“ 1887, стр. 221), который излагаетъ и литературу вопроса.

Гораздо больше имѣетъ представителей то мнѣніе, что ц. словянскій языкъ есть старо-болгарскій. У насъ защитники этого мнѣнія: Востоковъ, по которому родина ст. слов. яз. есть Македонія (Филолог. Наблюденія 95, ibid. „Грам. объясн. на статьи фрейз.“ 8, гдѣ прямо говоритъ, что церковныя книги переложены на болгарскій яз.), Бодянскій, Буслаевъ („Опытъ историч. грам. рус. яз.“ 1858, ч. I, ст. 14), Гильфердингъ (въ 1862 г., Сочин. т. I. ст. 299 и сл.), М. С. Дриновъ (въ рец. соч. Калины по истор. болгар. яз. въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ 1892 г. и устно), проф. Соболевскій („Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“ въ Кіевск. университ. извѣст. 1885 и „Древне-церковно-славянскій яз.“ 1892), который считаетъ основой ц. словян. яз. нарѣчіе Солунское. На западѣ: отчасти уже Добровскій, хотя по нему это въ тоже время языкъ и сербскій; онъ еще не зналъ, что болгарскій яз. не есть часть сербскаго, а потому его „illyrica seu serbica“ („Institutiones linguae slav“... Praefatio IV) заключаетъ въ себѣ оба; это по

нему еще „не смѣшанный сербо-болгаро-македонскій яз.“ Въ письмѣ къ Кеппену, напечатанномъ въ выше упомянутомъ собраніи писемъ Добровскаго стр. 677, онъ болѣе опредѣленно высказывается за Македонію противъ Моравіи и Крайны: „er (Cyrill) seine Sprache nicht zu Laibach, sondern zu Thessalonich erlernt hat“. Далѣе представители „болгаризма“: Шафарикъ въ первое время своей дѣятельности (Слав. Древн. § 26 (т. II, кн. 1, ст. 79), § 30, ib. 329, § 37, т. II, кн. 2, ст. 110), Шлейхеръ (Formenlehre der kirchenslavischen Sprache“ 1852, 28—29), ученикъ его Лескинъ („Handbuch der altbulgarischen Sprache“, Vorwort V—VI, 1886), въ 60-хъ годахъ Ягичъ (въ предисловіи къ издан. Рачкаго Ассеманіева Евангелія 1865, стр. LXI и „Histor. književnosti“ 1867, 36), составитель словѣнскаго отдѣла статьи „Jihoslované“, ст. 115, Гейтлеръ („Starobulharská fonologie“ 1873, „Die albanesischen und die slavischen Schriften“ 1883), проф. Львовскаго университета Калина („Studyja nad hist. j. bułg.“ I, 92 и II, 178—193, 1891).

Приведу и другія мнѣнія. Нѣсколько странно теперь звучитъ мнѣніе Калайдовича, высказанное въ 1824 („Іоаннъ Ексархъ болгарскій“ 7—8), что „языкъ словенскій“ (т. е. церковно-словянскій) „былъ нѣкогда однимъ общимъ для Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ“... Такимъ образомъ, у него онъ отожествляется съ праславянскимъ. И. И. Срезневскій выражался объ этомъ довольно неопредѣленно (Древнеслав. памятники юсов. п. 1868. 4, 167, 184), но кажется, уже и онъ думалъ то, что̀ яснѣе выразилъ В. И. Ламанскій („Непорѣш. вопросъ“ Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. CXLI, 127), что „древне-церковный яз. славянскій не есть собственно одно извѣстное народное нарѣчіе, а языкъ искусственный и смѣшанный“... В. И. картинно изображаетъ борьбу между македонскими, моравскими и словинскими формами, происходившую въ рабочихъ кельяхъ сотрудниковъ Меѳодія (ib. 126). Это мнѣніе принято было и проф. Будиловичемъ („Изслѣдов. яз. др. слав. перев. XIII словъ Григорія Богосл.“ 1871, ст. 23, хотя основной звуковой фонъ въ языкѣ рукописи словъ Григорія онъ на стр. 142 признаетъ древне-болгарскимъ); но въ недавно вышедшей книгѣ „Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы“ (II, 30—37, 56—57) онъ высказывается за Царьградско-пропонтидское происхожденіе ц. слов. яз., т. е. опредѣленно признаетъ его болгаризмъ.

Проф. И. В. Ягичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ вообще держался относительно этого вопроса средняго направленія и, кажется, признавалъ болгарскую (македонскую) основу ц. слов. яз. съ примѣсью,

однако, формальныхъ и лексическихъ особенностей паннонскихъ; название „altslovenisch“ онъ употреблялъ потому, что „sie einzig und allein echt ist und der Lösung der schwierigen Frage über das gegenseitige Verwandtschaftsverhältniss der slav. Dialecte Pannoniens, Bulgariens und Karanthaniens im IX Jahrh...in keiner Weise präjudicirt“... („Studien über das altslov.—glagol. Zograph.—Evang.“ 2, Archiv f. sl. Ph. I B.). Въ другомъ мѣстѣ (Archiv f. sl. Phil. I, 351) Ягичъ говоритъ о кайкавскомъ нарѣчіи: „dieser Dialect ist für das Altslovenische als nächster Grenznachbar des einstigen Pannonisch-slovenischen sehr wichtig“.... Хотя и въ лекціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ своихъ трудахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ онъ часто говоритъ о „паннонизмѣ“, о „паннонско-моравской“ редакціи въ старо-словянской письменности, вліяніи моравско-паннонскихъ или словѣнскихъ говоровъ и т. п. (Маріинск. Четвероеванг. 1883, стр. 426, 428, 438, 447, 466, Четыре критико-палеографическія статьи 1884, ст. 138), но все это не въ смыслѣ происхожденія самого старо-словянскаго языка, а въ смыслѣ эпохи старословянской письменности, во время которой она находилась подъ извѣстными сѣверными вліяніями. Возражая проф. Гейтлеру, полагающему, „что безукоризненный „старо-болгарскій“ языкъ кіевскихъ листковъ, правильность въ употребленіи юсовъ, точное различіе между ъ и ь исключаетъ возможность приводить ихъ ради *ц* и *з* (вм. *щ* и *жд*) въ связь, въ какую бы ни было, съ сѣверною родиною и сѣверо-западно-славянскимъ нарѣчіемъ, и что эти отрывки македонскіе“, проф. Ягичъ говоритъ дальше: „осмѣливаюсь уже теперь утверждать, что правильность церковно-славянскаго языка этихъ отрывковъ—сама по себѣ, а чехизмы (моравизмы или паннонизмы) опять сами по себѣ. Я никогда не отвергалъ мысли, что церковно-славянскій языкъ въ Моравіи былъ по крайней мѣрѣ *настолько элементомъ пришлымъ, насколько представителями его являлись солунскіе братья*, Константинъ и Меѳодій, поэтому и не приходитъ мнѣ въ голову настаивать на томъ, что языкъ кіевскихъ отрывковъ есть настоящій живой языкъ Моравіи или сѣверной Панноніи X вѣка. Мнѣ достаточно того, что въ этихъ отрывкахъ, какъ въ зеркалѣ отражаются ясные слѣды ихъ исторической зависимости отъ настоящаго живого языка Моравіи (или Сѣверной Панноніи) IX и X вѣка“... (Четыре кр.-пал. статьи 137—138).

Я привелъ это мѣсто дословно, чтобы яснѣе дать понять, какъ понималъ пр. Ягичъ „паннонизмъ“ ц. словянскаго яз. Разница между его взглядомъ и взглядомъ его учителя Миклошича на этотъ вопросъ существенная. Для Ягича „паннонизмъ“ и „моравизмъ“ имѣютъ значеніе главнымъ образомъ историко-культурное, у Миклошича первый пони-

мался чисто лингвистически. Проф. Ягичъ не рѣшаетъ опредѣленно вопроса о родинѣ ц. словянскаго языка, такъ какъ его и дѣйствительно нельзя рѣшить при настоящихъ научныхъ средствахъ, но онъ не отрицаетъ, что основой его могло быть нарѣчіе солунское.

Также, не рѣшая, какой именно вѣтви южнословянской принадлежитъ языкъ ц. словянскій, но не считая возможнымъ отожествлять его съ древнеболгарскимъ, хотя признавая, что онъ ближайшимъ образомъ родственъ именно съ болгарскимъ языкомъ, называетъ этотъ языкъ „старо-славянскимъ" проф. Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатовъ (Лекціи по церковно-славянскому языку литограф. 1884—1885 г., стр. 3: „это несомнѣнно языкъ южно-славянскій и притомъ родственный ближайшимъ образомъ съ болгарскимъ языкомъ, хотя мы и не имѣемъ пока основаній утверждать, что старо-славянскій языкъ есть древне-болгарскій; еще менѣе основанія признавать въ немъ языкъ древне-словинскій"...). Но самое важное въ гипотезѣ проф. Фортунатова заключается въ томъ что онъ обратилъ вниманіе на діалектологію старословянскаго языка. Въ печатающемся теперь уже нѣсколько лѣтъ интересномъ курсѣ его (въ Московск. университ. извѣстіяхъ), какъ я слышалъ, діалектологія старо-словянскаго яз. будетъ подробно разработана, насколько позволяютъ данныя памятниковъ. Пока же я могу сообщить только то, что̀ слыхалъ лично отъ него, и что̀ есть въ литографир. курсѣ $188^4/_5$ г. Тамъ на стр. 5—6: „Извѣстныя различія въ языкѣ, существующія между памятниками паннонскими и древнѣйшими старославянскими памятниками русской редакціи, могутъ восходить къ само̀му старо-славянскому языку, который, понятно, какъ и всякій живой языкъ, дробился на нарѣчія и говоры. На существованіе нарѣчій указываютъ и самые паннонскіе памятники, различающіеся между собой въ языкѣ по извѣстнымъ признакамъ"... (терминъ „паннонскіе" проф. Фортунатовъ употребляетъ только условно, не придавая ему особаго значенія). Такимъ образомъ, по мнѣнію проф. Фортунатова, различныя особенности (отступленія) старо-словянскихъ памятниковъ, если онѣ проводятся послѣдовательно, при прочихъ правильныхъ старо-словянскихъ чертахъ указываютъ на особые діалекты самого старо-словянскаго языка; конечно, прежде надо отдѣлить несомнѣнныя вліянія другихъ словянскихъ языковъ, принесенныя переписчиками болгарскими, русскими, сербскими... Эти вліянія выражаются обыкновенно непослѣдовательностью въ правописаніи, описками. Отраженія различныхъ говоровъ самого старо-словянскаго яз. проф. Фортунатовъ видитъ въ Зографскомъ, Маріинскомъ Ев., Савиной книгѣ, Кіевскомъ глаголическомъ миссалѣ. Въ послѣднемъ напр. послѣдовательно, на что уже обратилъ

вниманіе Гейтлеръ, обще-словянскія группы *tj*, *dj* передаются черезъ *ц*, *з* вмѣсто *шт*, *жд* другихъ старо-словянскихъ памятниковъ при прочихъ правильныхъ старо-словянскихъ чертахъ. Можно бы предположить, что это моравизмъ, отраженіе моравской эпохи старо-словянской письменности, какъ и дѣлаетъ проф. Ягичъ [1]), но какъ объяснить при такомъ допущеніи, что юсы остались нетронутыми, когда мы знаемъ, что чешско-моравскіе памятники съ XII вѣка уже не знали никакого слѣда носовыхъ гласныхъ? Неужели въ два столѣтія, если считать даже X вѣкъ [2]) временемъ написанія Кіевскихъ отрывковъ, могла произойти такая рѣзкая перемѣна? Естественно напрашивается предположеніе, что былъ какой-то старо-словянскій говоръ, измѣнявшій по сѣверо-западному *tj* въ *ц*, а *dj* въ *з*; слѣды этого говора видны и въ другихъ памятникахъ почти чисто старо-словянскихъ, какъ напр. въ Glagolita Clozianus" и въ глаголической псалтыри Синайской. Что такое разнообразіе въ замѣнѣ *tj*, *dj* въ области одного нарѣчія возможно, доказываютъ говоры болгарскіе, въ которыхъ эти группы передаются и черезъ *шт*, *жд* на востокѣ, и черезъ *ч*, *дж* на западѣ и сѣверо-западѣ, и черезъ *к*, *г*—на юго-западѣ. Другое дѣло Пражскіе отрывки; въ нихъ при *ц*, *з* изъ *tj*, *dj* и другіе несомнѣнные слѣды чехо-моравскіе (*оу* вм. юса больш., *ш* вм. *с* въ словѣ *вьшѣх*, *вьши* вм. *вьсѣхъ*, *вьси*, *д* въ *модлитвами*) [3]).

Словѣнцы и обзоръ ихъ литературы.

4. Въ настоящее время Словѣнцы или Хорутане занимаютъ гористую страну въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ, сѣв.-западную часть Истріи и прилегающія къ ней части сѣверной Италіи и часть западной Венгріи, т. е. страну отъ верховьевъ Мура до Адріатическаго моря и юго-восточной Истріи съ сѣвера на югъ и отъ Тирольскихъ Альпъ до линіи отъ средняго теченія Дравы къ устью Колпы (Купы) съ запада на

[1]) Кромѣ указаннаго мѣста, см. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890, стр. 2, 44, 57, гдѣ проф. Ягичъ вновь переиздалъ этотъ драгоцѣнный памятникъ (первое издан. у Срезневскаго въ „Свѣд. и замѣтк." LXXVII), сравнилъ его съ вновь найденными имъ глаголич. листами Вѣнскими (Хорватск. редакц.) и приложилъ его фотограф. снимокъ.

[2]) Мнѣ кажется несомнѣннымъ замѣчаніе проф. Ягича, что Кіевскіе листы относятся самое позднее къ XI в. и что они рѣшительно древнѣе Синайскихъ Молитвенника и Псалтыри (ibid. 2).

[3]) Высказывая эти соображенія, я долженъ признаться, что это все еще далеко не вполнѣ ясно.

востокъ и до Колпы (Купы) на юго-востокъ [1]). Уже самый характеръ страны (гористый) долженъ былъ обусловить разнообразіе говоровъ. Различаютъ слѣдующія главныя группы словѣнскихъ говоровъ: *западную, среднюю* и *восточную*. 1) *Западная* заключаетъ въ себѣ говоры *каринтійскіе* (собственно *хорутанскіе* въ тѣсномъ смыслѣ, по словѣнски Korośko), часть штирійскихъ и часть краинскихъ, а именно такъ называемое *верхне-краинское* нарѣчіе или по словѣнски Gorénsko; къ этой же группѣ относятся и говоры Резьянскіе и Словинскіе въ сѣверной Италіи (см. Срезневскаго „Фріульскіе Славяне" 1881, стр. 15—32, Бодуэнъ де-Куртенэ „Опытъ фонетики рез. гов."). 2) *Средняя* заключаетъ нарѣчіе *средне краинское*—notrénsko и часть Штиріи. 3) *Восточная—нижне-краинское* нарѣчіе (Dolénsko), восточную Штирію и нарѣчіе венгерско-словѣнское, близкое къ кайкавскому, переходному отъ хорватскаго къ словѣнскому. На востокѣ, юго-востокѣ и югѣ Словѣнцы соприкасаются съ Хорватами и представляютъ нарѣчія переходныя, а потому довольно трудно провести между ними точную границу. Западная группа говоровъ словѣнскихъ отличается отъ восточныхъ бóльшимъ обиліемъ глухихъ звуковъ гласныхъ, а также особеннымъ произношеніемъ *ѣ* и юса большого. Въ средней полосѣ *ѣ* передается черезъ узкое протяжное *e*, въ нижне-краинскомъ и венгерскомъ черезъ *ej;* на западѣ же, въ Каринтіи и Верхней Крайнѣ какъ *je*, *ie* (односложно), мѣстами долгое *i*, въ Резіи долгое *ѣ*=*i* долг., краткое *ѣ*=широк. *e* (*ae*). Юсъ большой произносится большею частію какъ *o* протяжное въ долгихъ слогахъ, простое—въ краткихъ и неудар. слогахъ, но въ венгерскомъ *ou*, въ горицкомъ *u* или въ долг. слог. *uo*. Такимъ образомъ ст. слов. *брѣгъ* звучитъ на востокѣ (въ Венгріи) *brejg* [2]), въ Штиріи *brêg*, на западѣ (въ верхне-краинскомъ, горицкомъ, венеціанскомъ, резьянскомъ) *brieh*, *brjeh*, *brīh* [3]). На крайнемъ востокѣ слышно *vouza* (уза), на юго-западѣ *muož*, *guoba* (рус. *губа*), въ центрѣ и въ большинствѣ говоровъ *mož*, *goba*, *roka* и т. п. Согласные нѣмые мгновенные на западѣ измѣняются въ концѣ словъ въ соотвѣтственные длительные (придыхательные): *bob—bof*, *bog—boh*, *soséd—sosés*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Штиріи, а также въ средне- и нижне-краинскихъ говорахъ слышно польско-

---

[1]) Болѣе подробно о границахъ см. Шафарика „Slovanský národopis" § 16 и въ статьѣ „Jihoslované" стр. 16—18. Также Клуна въ „Русск. Бесѣдѣ" 1857, III.

[2]) Въ Нижней Крайнѣ не только *tejkati* = ст. слов. *тѣкати*, но мѣстами даже *aj: zvajzda* (Miklos. V. G. I, 311).

[3]) Краткое и неудар. *ѣ* въ Каринтіи и В. Крайнѣ = глух. *ъ* или исчезаетъ совсѣмъ: *бѣлакъ* звучитъ *бълак;* въ Резіи *braeja* = ст. слов. *брѣждая* рус. *бережая* (gravidans) (Mikl. V. G. I. 311—312).

русское произношеніе *л* твердо [1]). (Miklos. Vergl. Gram. 1879, I, 303—360; Kopitar, Grammatik der slav. Sprache in Krain, Kärnten u. Steierm. 1808, 102, 169, 171—172, 176—177, 180—182, 190, 193, 195 и др.).

5. О первобытной исторіи предковъ нынѣшнихъ Словѣнцевъ извѣстно, что въ концѣ уже VI вѣка они своими набѣгами наводили страхъ на римскія колоніи по берегамъ Адріатическаго моря. Папа Григорій Великій въ 600 г. писалъ свою жалобу и соболѣзнованіе Солинскому духовенству (Шаф. Сл. Древн. § 35, т. II кн. 2 ст. 56 и проч.). Тѣснимые Аварами въ концѣ VI и началѣ VII вѣка эти Словяне быстро распространились на западъ до Тироля. Съ 627 по 662 они входили въ составъ могущественной словянской державы Само. Далѣе они постоянно боролись за свою независимость съ Франками и Баварцами, пока, наконецъ, не подпали подъ могущественную руку Карла В. Съ этихъ поръ исторія ихъ сливается съ исторіей Нѣмецкой, а затѣмъ Австрійской имперіи (Пыпинъ, Ист. сл. лит. 284 т. I).

Христіанство къ нимъ приходило съ двухъ сторонъ: изъ Оглеи (Аквилеи) отъ итальянскаго духовенства и изъ Зальцбурга—отъ нѣмецкаго; много дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ въ VIII в. баварскій воевода Тасило, помогавшій хорутанскому князю Владуху. Апостоломъ Хорутанъ называютъ епископа Зальцбургскаго Вергилія, дѣло котораго завершилъ Арно. Послѣ подчиненія Франкамъ распространеніе христіанства пошло быстрѣе. Какъ результатъ христіанской дѣятельности западныхъ миссіонеровъ, мы имѣемъ замѣчательный древнѣйшій памятникъ словѣнскаго языка и просвѣщенія, если не сказать прямо литературы. Это три такъ называемыхъ фрейзингенскихъ статьи.

6. Эти фрейзингенскія статьи не безъ основанія приписываются Аврааму, управлявшему фрейзингенской епархіей между 957 и 994 г. (мнѣніе Копитара). Кеппенъ на основаніи палеографическихъ соображеній, за которыми онъ обращался къ лучшимъ нѣмецкимъ палеографамъ, крайними предѣлами написанія ихъ назначаетъ IX и XI вѣка. Но дѣло въ томъ, что можно сомнѣваться, принадлежитъ ли этотъ памятникъ дѣятельности западныхъ проповѣдниковъ, или находится въ зависимости отъ дѣятельности учениковъ Меѳодія въ Моравіи и Панноніи. И самъ Меѳодій во время своихъ путешествій въ Римъ, можетъ быть, еще во время перваго путешествія вмѣстѣ съ Кирилломъ, могъ занести словянскую письменность къ Хорутанамъ. По содержанію двѣ статьи представляютъ исповѣдь о грѣхопаденіи. Уже Востоковъ (Фил.

---

[1]) Въ Каринтіи и В. Крайнѣ вмѣсто него *W* или звукъ, средній между *л* и *в*.

Наблюд., Граммат. объясн. на три ст. фрейз. рукоп. 1—2) указалъ на сходство и даже тождество выраженій фрейзингенской проповѣди о грѣхопаденіи съ поученіемъ на день св. апостола Марка въ спискахъ XV—XVI в. Ундольскій въ 1840 г. нашелъ текстъ болѣе древній XII в. въ библіотекѣ Троицкой Лавры. Сравненіе съ этимъ текстомъ фрейзингенской статьи о грѣхопаденіи сдѣлано Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстн. и неизвѣст. памятникахъ" XXVI и Миклошичемъ въ соч. „Die christliche Terminologie der slav. Sprachen" (Denkschrift. d. k. Ak. d. Wis. phil.-hist. Cl. XXIV, стр. 6—8). Но Срезневскій и Миклошичъ расходятся въ объясненіи этого поразительнаго сходства. Оба обращаютъ вниманіе на то, что сходное съ фрейзингенской статьей поученіе помѣщено въ числѣ твореній Климента, ученика Мефодія, который умеръ въ 916 г., и приписываютъ его ему; но между тѣмъ какъ Срезневскій первенство признаетъ за поученіемъ Климента и въ сходствѣ его съ фрейзингенской статьей видитъ зависимость хорутанскаго памятника отъ церковно-словянской письменности, Миклошичъ наоборотъ не сомнѣвается, что первоначальный текстъ былъ именно переведенъ съ нѣмецкаго для паннонскихъ или хорутанскихъ словянъ, а Климентъ, узнавъ его въ Панноніи, послѣ, можетъ быть, уже въ Болгаріи (Македоніи), гдѣ онъ былъ потомъ епископомъ, пріурочилъ его ко дню апостола Марка. Миклошичъ именно видитъ большую зависимость фрейзингенскихъ статей отъ нѣмецкаго, на что̀ уже намекалъ и Востоковъ, который сравнилъ двѣ другія словянскія статьи Фрейзингенской рукописи, содержащія формулы исповѣди, съ древне-нѣмецкими, помѣщенными у Гольдаста (стр. 5). Миклошичъ основывается во-первыхъ на томъ, что въ Измарагдѣ имя святого, въ честь котораго поученіе, не указано, какъ и въ соотвѣтствующей фрейзинг. статьѣ, во-вторыхъ на соотвѣтствіи нѣмецкаго „Confessio generalis", чуждаго восточной церкви, но обычнаго въ западной, и на сохраненіе нѣмецкихъ оборотовъ въ словянскомъ текстѣ. Между тѣмъ можно указать на обороты ц. словянскіе, что̀ для Миклошича впрочемъ ничего не доказываетъ, такъ какъ и родина ц. словянскаго языка по нему есть Паннонія; слѣдовательно, на томъ же „паннонскомъ", близкомъ къ хорутанскому, языкѣ могла происходить и проповѣдь западныхъ миссіонеровъ еще до прихода Кирилла и Мефодія, а изъ Панноніи попасть и далѣе на западъ. Для тѣхъ же, кто не считаетъ вопроса о родинѣ ц. словянскаго яз. рѣшеннымъ, или кто рѣшаетъ его иначе, ц. словянскіе обороты въ хорутанскомъ текстѣ не могутъ объясняться такимъ путемъ. Кажется, вѣроятнѣе всего, что памятникъ этотъ явился результатомъ двухъ противоположныхъ влія-

ній, такъ какъ нельзя отрицать ни ц. словянскаго вліянія не только въ поученіи о грѣхопаденіи „дѣда нашего“ (безъ имени Адама, находящагося въ ц. слов. текстѣ) и слѣдствіяхъ его, но и въ молитвѣ и исповѣди, ни западнаго не только въ молитвѣ и исповѣди, но и въ поученіи, хотя Срезневскій (послѣсловіе къ статьѣ Востокова стр. 83—89) всѣ кажущіяся латинскими или нѣмецкими выраженія объясняетъ съ греческаго и находитъ въ другихъ ц. словянскихъ текстахъ. Срезневскій высказываетъ даже предположеніе, что, можетъ быть, даже это тотъже ц. словянскій яз., только переложенный латиницей; кромѣ того, онъ указываетъ и вліянія другихъ словянскихъ нарѣчій (сербскаго или хорватскаго), но послѣднее въ виду неопредѣленности правописанія памятника, неточности передачи словянскихъ звуковъ латинскими буквами и съ другой стороны разнообразія фонетическихъ явленій словѣнскихъ говоровъ мало убѣдительно. Что памятникъ, можетъ быть, несвободенъ отъ ц. словянскаго вліянія, признаютъ также пр. Ягичъ („Archiv f. sl. Ph.“ I, 450—451) и его ученикъ Облакъ („Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen“ 1890, 2).

Во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, какъ дошли до насъ фрейзингенскія статьи, мы вправѣ считать ихъ древнимъ памятникомъ словѣнской (хорутанской) письменности. Въ языкѣ ихъ есть несомнѣнныя черты словѣнской фонетики: юсъ большой [1]) передается бо́льшею частію черезъ *o*, иногда *on*, *un* и *u*, юсъ малый [1]) — черезъ *e*, *en*, глухіе [1])—черезъ *e*, *i*, *tj* черезъ *k* и *c* (вопросъ, какъ читать эти *k*, *c*), *dj* черезъ *g* или *i* (слѣдуетъ читать *j*, какъ показываютъ другіе примѣры) и одинъ разъ, можетъ быть, черезъ *k* въ ф. *vuuraken*, повидимому въ знач. „урожденъ“, но Миклошичъ приводитъ (V. Gr. I. 341) эту форму вмѣстѣ съ примѣрами замѣны *tj и gt*(*kt*) передъ *i*, *ъ* черезъ *k* въ этомъ памятникѣ съ замѣчаніемъ „dunkel“. На основаніи *k* изъ *tj* и *kt* (*gt*) въ извѣстномъ случаѣ Миклошичъ говоритъ, что родина памятника этой особенностью отодвигается на западъ области новословѣнскаго языка и сравниваетъ фрейзинг. *moki* (=мошти λείψανα) съ резьянск. *snukaj* „ночесь“. Срезневскій напротивъ видитъ въ *k* сербское или хорватское вліяніе, такъ какъ черезъ *k* древніе памятники сербскіе означали обыкновенно специфическій сербскій звукъ очень мягкаго *т*, для котораго потомъ былъ введенъ особый знакъ, заимство-

---

[1]) Хотя можно возразить, что это только неточная передача ст. ц. словянскаго произношенія большо́го юса, малаго юса и глухихъ, а не хорутанскаго ихъ произношенія; вообще колебаніе въ обозначеніи показываетъ, что писецъ не находилъ подходящаго знака.

ванный отъ знака для очень мягкаго *д* и *г*, восходящаго въ глубокую древность старо-словянской письменности. Также на хорутанское нарѣчіе указываютъ формы членныхъ прилагательныхъ, какъ *zuetemu* (светему) вмѣсто *-уму*, или *ому*, какъ въ ц. слов. и сербскомъ; съ другой стороны окончаніе *-га* въ *tega*, *inoga* общее сербскому съ хорутанскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ техникѣ метода Golgi.

Изъ гистологическаго кабинета профессора Н. К. Кульчицкаго.

Д-ра В. Павлова.

Значенiе красящихъ веществъ, употребляемыхъ въ гистологической техникѣ, въ высшей степени велико; благодаря имъ, удалось сравнительно за короткое время выяснить тончайшее строенiе нѣкоторыхъ органовъ вполнѣ, а нѣкоторыхъ въ частности.

Особенно важную роль играютъ красящiя вещества, при изученiи строенiя сложныхъ по своему составу органовъ, какъ напримѣръ: центральной нервной системы. Только съ помощью ихъ сдѣлалось возможнымъ выясненiе въ высшей степени запутаннаго хода волоконъ бѣлаго вещества, мѣстоположенiя и расположенiя клѣточныхъ элементовъ въ сѣромъ веществѣ.

Желанiе получить возможно болѣе полную дифференцировку элементовъ, входящихъ въ составъ органовъ, ввело въ гистологическую технику громадное количество красящихъ веществъ, особенно изъ ряда анилиновыхъ красокъ. Можно безъ преувеличенiя сказать, что чуть не каждую недѣлю предлагается какая-нибудь новая краска, или модификацiя старыхъ.

Но такъ какъ каждое красящее вещество употребляется не только само по себѣ: въ водномъ или спиртовомъ растворахъ, но предлагается еще масса другихъ его сочетанiй съ кислотами и щелочами (одинъ карминъ съ 1849 года по 1872 годъ употреблялся въ 33-хъ видахъ) и кромѣ того въ сочетанiи съ другими красящими веществами, то недалеко то время, когда количество всѣхъ красящихъ веществъ, употребляемыхъ въ гистологической техникѣ, достигнетъ колоссальной цифры.

Такой наплывъ представляетъ массу неудобствъ не только для начинающаго, но даже и для спецiалиста; тѣмъ болѣе, что половину

красокъ можно выбросить съ спокойной совѣстью и безъ малѣйшаго ущерба. Но это можетъ сдѣлать тотъ, кто уже перепробовалъ достоинство предлагаемыхъ красокъ, а для начинающаго это весьма неудобно, въ особенности, если онъ предварительно прочтетъ предложеніе автора, обыкновенно расписывающаго свой методъ въ яркихъ краскахъ.

Для примѣра приведу предложеніе Weigert'а: окрашивать осевые цилиндры фуксиномъ [1]); методъ самъ по себѣ хотя и не сложный, но громоздкой (нужно имѣть 5 чашечекъ....); расписанъ этотъ методъ такъ хорошо, что лучше нельзя и ожидать, и ужъ заранѣе предвкушаешь удовольствіе получить препаратъ, въ которомъ окрашены одни осевые цилиндры. Дѣлаешь все, что предписано съ величайшей точностью, и въ результатѣ получается препаратъ съ окрашенною мякотью. Такихъ примѣровъ много.

Все это зависитъ, по моему мнѣнію, отъ поспѣшности дѣлаемыхъ сообщеній.

Другое неудобство, часто встрѣчающееся въ гистологической техникѣ, это неточность описанія даннаго метода, зависящая иногда отъ желанія автора сохранить свой методъ до поры до времени въ тайнѣ, а иногда и отъ того, что самъ авторъ не выяснилъ себѣ всѣхъ случайностей, могущихъ встрѣтиться при примѣненіи его метода.

Вслѣдствіе этого въ результатѣ получается рядъ методовъ окраски, не представляющихъ изъ себя ничего особеннаго, отличающихся отъ уже ранѣе предложенныхъ только цвѣтомъ, а то еще менѣе—оттѣнкомъ.

Поэтому я, по предложенію профессора Н. К. Кульчицкаго, занялся провѣркой и критической оцѣнкой нѣкоторыхъ самыхъ употребительныхъ методовъ окраски, примѣняемыхъ преимущественно къ центральной нервной системѣ.

Занялся я съ чисто практической цѣлью: какимъ образомъ можно получить хорошій препаратъ?

Въ гистологическомъ отношеніи въ нервной ткани слѣдуетъ отличать нервные элементы и не нервные; къ первымъ относятся нервныя клѣтки съ ихъ отростками и нервныя волокна, а ко вторымъ невроглія, кровеносные сосуды и другіе питающіе нервную ткань пути. Какъ нервныя клѣтки, такъ и волокна тоже имѣютъ довольно сложное строеніе. И велика безъ сомнѣнія будетъ заслуга того, кто предложитъ такой методъ окраски, при которомъ сразу можно будетъ получить полную дифференцировку всѣхъ составныхъ частей центральной нервной системы.

---

[1]) Über eine neue Untersuchungsmethode des Centralnervensystems (Centralbl.) d. Wiss. Bd. XX. 1882. № 42. und 43; p. 753, 772.

Для изслѣдованія мѣстоположенія и расположенія нервныхъ клѣтокъ предлагается много различныхъ методовъ, но безспорно первое мѣсто слѣдуетъ отдать методу Golgi, такъ какъ ни при какомъ другомъ не получается столь отчетливыхъ и контрастныхъ картинъ, какъ при примѣненіи послѣдняго, и кромѣ того, что самое главное, благодаря этому методу сразу измѣнился взглядъ какъ на строеніе нервныхъ элементовъ, такъ и на ихъ взаимную связь. Серебро давно уже употреблялось въ гистологической техникѣ. Такъ Krausé [1]) говоритъ, что еще его отецъ въ 1844 году примѣнялъ его при изслѣдованіи эпидермиса и получалъ хорошіе результаты, т. е. очертанія клѣтокъ дѣлались очень ясными, благодаря отложенію серебра въ промежуточномъ веществѣ. Позднѣе, въ 1854 году, Flinzer [2]) примѣнялъ серебро при изученіи строенія роговицы.

Затѣмъ, начиная съ 1856 года, появился цѣлый рядъ сообщеній о примѣненіи серебра His'омъ, Recklinghausen'омъ Adler'омъ и др. [3]).

Всѣ они примѣняли серебро при изслѣдованіи то эпителіевъ, то лимфатическихъ путей, то роговицы.

Golgi [4]) первый въ 1873 году рекомендовалъ argentum nitricum при изслѣдованіи центральной нервной системы. Онъ поступалъ такъ.

Предварительно уплотненный въ kali bichromicum объектъ (небольшой кусокъ) клалъ на продолжительное время въ $^1/_2$—1% водный растворъ argentum nitricum и нервные элементы получилъ черными. За нимъ Torquato Beisso [5]) въ томъ-же году измѣнилъ нѣсколько методъ. Онъ клалъ кусокъ мозга въ абсолютный алкоголь, а потомъ переносилъ его въ алкогольный-же растворъ серебра на 1—2 минуты. Въ 1880 году Golgi [6]) предложилъ комбинацію argentum nitricum съ kali bichromicum и acidum osmicum.

Онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: свѣжій нервъ, только что убитаго животнаго, онъ клалъ въ смѣсь изъ 10 частей kali bichromicum (2% растворъ) и 1 части 1% acidum osmicum; черезъ часъ онъ разрѣ-

---

[1]) Handbuch der menschlichen Anatomie. 3 Aufl. 1876 г. Bd. 1, p. 104.

[2]) De argenti nitrici usu et effectu praesertim. in oculorum morbis Sanandis. Diss. 1854 года bei Coccius gearbeitet.

[3]) См. Gierke: Färberei zu mikroskopischen Zwecken. Zeitschrift für Mikroskopie. 1884 г. Bd. 1 p. 392 и 509.

[4]) Sulla struttura della sostanza grigia del cervello. Communicazione preventiva (Gazz. med. Ital. Sonob. ser. 4. t. VI).

[5]) Del midollo spinale. Genoua 1873 г. p. 4 f.

[6]) Sulla struttura delle fibre nervose midollate periferische e centrali. Arch. per le Sc. med. 1880 г. vol. IV p. 221.

зывалъ положенные куски на меньшіе отъ $^1/_2$ до 1 ст. длины и клалъ ихъ въ ту-же смѣсь, только вновь составленную, гдѣ они должны лежать не менѣе 8 часовъ; потомъ онъ переноситъ объектъ въ $^1/_2\%$ водный растворъ argentum nitricum на различное время для разныхъ объектовъ (для периферическихъ нервовъ 4—8 часовъ центральныхъ 10—15 дней). Немного раньше, въ 1879 году, Golgi [1]) первый предложилъ и употребленіе сублимата въ центральной нервной системѣ съ тою-же цѣлью, какъ и серебро. Кусокъ мозга величиной 1—2 ст. уплотнялся въ Мюллеровской жидкости или kali bichromicum и затѣмъ переносился въ $^1/_4\%$—$^1/_2\%$ водный растворъ сулемы на 8—15 дней. Жидкость должна часто мѣняться: послѣ соотвѣтственной задѣлки нервные элементы при падающемъ свѣтѣ казались бѣлыми, при проходящемъ черными. Golgi говоритъ, что изъ большаго мозга получались хорошіе результаты, для малаго хуже и никакихъ для спиннаго.

Съ тѣхъ поръ какъ Golgi предложилъ свой методъ, прошло 20 лѣтъ. За это время появилось сравнительно немного работъ, относящихся къ улучшенію технической стороны этого метода, да и то въ большинствѣ изъ нихъ разбирается вопросъ, какъ предохранить полученный препаратъ отъ порчи. Вопросъ-же какъ получить такой препаратъ, чтобы его стоило сохранять, какъ-то обходился мимо; а между тѣмъ послѣднее, по моему мнѣнію, важнѣе перваго.

Какъ трудно получить хорошій препаратъ по методу Golgi и его модификаціямъ, это знаетъ всякій, кто хоть разъ работалъ этимъ способомъ. Можно съ увѣренностью сказать, что на 100 объектовъ—50 получится никуда не годныхъ, штукъ 30—40 дадутъ плохіе результаты, и остальные будутъ порядочные, да и то иногда въ центрѣ препарата элементы окрасятся, а по периферіи нѣтъ, или обратно.

Сущность метода Golgi заключается въ слѣдующемъ. Объектъ пропитывается воднымъ растворомъ kali bichromicum. Неизвѣстно, вступаетъ-ли эта соль въ какое-нибудь химическое соединеніе съ субстанціей окрашивающихся по методу Golgi элементовъ, или здѣсь происходитъ импрегнація?

Послѣ дѣйствія на тотъ-же объектъ argentum nitricum, происходитъ чисто химическая реакція, и получается съ одной стороны argentum chromicum, а съ другой kali nitricum; однимъ словомъ, процессъ совершается по слѣдующей формулѣ: $Ka_2\ Cr_2\ O_7 + 2\ Ag\ NO_3 = Ag_2\ Cr_2\ O_7 + 2\ Ka\ NO_3$,

---

[1]) Un nuovo processo di tecnica microskopica Rendic. R. Istituto Lombardo Vol XII, 5 p. 206—210.

и въ результатѣ получается бурое при падающемъ и черное при проходящемъ свѣтѣ окрашиваніе нервныхъ элементовъ.

При употребленіи метода Golgi въ высшей степени интересны слѣдующія три обстоятельства. Простое-ли въ данномъ случаѣ отложеніе серебра въ видѣ импрегнаціи, или это какое-нибудь химическое его соединеніе съ нервными элементами: почему такое отложеніе происходитъ только въ нервныхъ клѣткахъ съ ихъ отростками, неврогліи и щеляхъ какъ искусственныхъ, такъ и нормальныхъ, и наконецъ происходитъ-ли это отложеніе въ самой субстанціи этихъ элементовъ или въ такъ называемыхъ перипространствахъ?

Съ положительностью отвѣтить на эти вопросы при современномъ состояніи химіи и гистологіи нервныхъ элементовъ почти невозможно. Если-бы это отложеніе исключительно происходило въ нервныхъ элементахъ, то можно было-бы допустить какое-то особенное присущее этимъ элементамъ химическое сродство къ серебру. Но дѣло въ томъ, что отложеніе серебра всегда происходитъ въ щеляхъ и по ходу сосудовъ.

Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что въ данномъ случаѣ происходитъ только импрегнація.

Кажется вѣроятнымъ, что предварительная обработка объекта kali bichromicum сморщиваетъ нервные элементы такъ, что вокругъ ихъ получаются свободныя пространства, гдѣ серебро и отлагается.

За это говоритъ также и слѣдующее обстоятельство: иногда попадаются нервныя клѣтки, въ которыхъ середина не окрашена въ черный цвѣтъ; но это можно объяснить тѣмъ, что въ данномъ случаѣ недостаточно было argentum nitricum для соединенія съ kali bichromicum, такъ какъ каждая химическая реакція требуетъ опредѣленнаго количества реагирующихъ веществъ (въ данномъ случаѣ для полной химической реакціи серебра требуется вдвое болѣе, чѣмъ kali bichromicum). Какъ-бы тамъ ни было, но сущность дѣла заключается въ отложеніи argentum bichromicum; что-же касается вторичнаго процесса, который, какъ нѣкоторые думаютъ, заключается въ томъ, что argentum bichromicum въ дальнѣйшемъ разлагается и возстановляется металлическое серебро и что такимъ возстановляющимъ дѣйствіемъ обладаетъ протоплазма, то это очень сомнительно.

Во-первыхъ, химическія свойства этой протоплазмы почти что не извѣстны, а во-вторыхъ серебро, отлагается и въ щеляхъ, гдѣ нѣтъ никакой протоплазмы, а самое главное это то, что подъ вліяніемъ подсѣрнистаго натра и другихъ реагентовъ этотъ осадокъ растворяется.

Выше я сказалъ, что получить удачный препаратъ по методу Golgi и его модификаціямъ въ высшей степени трудно, а если таковой

и получается, то и въ немъ окрашивается сравнительное меньшинство элементовъ, въ чемъ можно убѣдиться послѣ двойной окраски. Причину всѣхъ этихъ неудачъ можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

Если мы въ пробирку съ kali bichromicum (воднымъ растворомъ) прибавимъ argentum nitricum, то моментально образуется бурый осадокъ,—тоже происходитъ и въ объектѣ. Но если мы предварительно подкислимъ водный растворъ kali bichromicum нѣкоторыми кислотами (уксусной, молочной) и затѣмъ подольемъ argentum nitricum, то никакого осадка не получается; прибавка щелочи, даже до сильной щелочной реакціи не препятствуетъ образованію осадка. Отсюда видно, что кислая, въ извѣстной степени, реакція среды препятствуетъ соединенію серебра съ kali bichromicum, щелочная-же и въ особенности нейтральная способствуетъ. Это обстоятельство заставило меня обратить вниманіе, не имѣетъ-ли какого-нибудь вліянія на удачу метода Golgi реакція мозговой массы. Почему этотъ методъ на мозгахъ новорожденныхъ, особенно выкидышей почти всегда удается, на мозгахъ взрослыхъ животныхъ дѣло идетъ хуже, а на человѣческихъ взрослыхъ совсѣмъ плохо—на всемъ препаратѣ окрашено нѣсколько клѣтокъ.

Нервныя клѣтки по Гшейдену и Эдингеру реагируютъ кисло; но наблюденіямъ Лангендорфа живая ткань мозга имѣетъ щелочную реакцію, переходящую немедленно послѣ смерти въ кислую; нервная ткань новорожденныхъ даже послѣ смерти удерживаетъ нѣкоторое время щелочныя свойства.

Прилагая все вышесказанное къ методу Golgi, мнѣ кажется легче и правильнѣе можно объяснить всѣ неудачи, при немъ случающіяся. Мозги выкидышей и доношенныхъ не мертворожденныхъ, удерживаютъ еще нѣкоторое время щелочную реакцію, и подвергаются соотвѣтственной обработкѣ очень быстро послѣ появленія на свѣтъ, такъ какъ они не стѣснены извѣстными медико-полицейскими формальностями, и потому соединеніе argentum nitricum съ kali bichromicum почти всегда удается. Случается правда, что и здѣсь не происходитъ соединенія, но это именно и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мозгъ доставленъ спустя два—три дня послѣ появленія его на свѣтъ; а въ такихъ мозгахъ, какъ извѣстно, благодаря посмертнымъ процессамъ реакція сильно кислая, въ чемъ легко можетъ убѣдиться всякій.

Мозги взрослыхъ сейчасъ-же послѣ смерти имѣютъ кислую реакцію и всегда они доставляются на второй—третій день послѣ смерти, когда посмертные процессы дѣлаютъ реакцію еще болѣе кислою, а при такомъ положеніи дѣла соединеніе arg. nitr. съ kali bichr. невозможно. На взрослыхъ животныхъ реакція часто удается въ особенности по пери-

феріи объекта, такъ что реакція мозговой массы имѣетъ очень большое значеніе при употребленіи метода Golgi, а на нее, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращали вниманія. Какъ избѣжать кислой реакціи, постараюсь отвѣтить ниже.

Всѣ модификаціи метода Golgi можно раздѣлить на три группы. Одни изъ нихъ заботятся о томъ, какъ получить возможно лучшій препаратъ,—таковыхъ меньшинство; другіе, какимъ образомъ сохранить уже полученный препаратъ на болѣе долгое время отъ порчи и, наконецъ, третьи, какимъ образомъ можно подвергнуть такой препаратъ дальнѣйшей окраскѣ?

Въ 1889 г. появилась работа Ernst'a Sehrwald'a [1]), въ которой онъ очень подробно разбираетъ всѣ случайности, препятствующія полученію хорошаго препарата и даетъ совѣты, какъ ихъ избѣгнуть.

Sehrwald говоритъ, что всѣ улучшенія метода Golgi не даютъ того, что слѣдовало-бы ожидать, а потому авторъ преслѣдуетъ двѣ цѣли, помѣшать исчезновенію картинъ уже полученныхъ и воспрепятствовать тѣмъ измѣненіямъ, которыя происходятъ въ объектѣ при послѣдующей его обработкѣ, какъ для микротома, такъ и для задѣлки на стеклѣ.

Авторъ думаетъ, что всѣ неудачи зависятъ только отъ послѣдующей обработки и что соединеніе argentum nitr. съ kali bichr. возможно при всякихъ условіяхъ.

Очевидно, говоритъ онъ, что объекту, въ которомъ отложилось argent. bichr., вредитъ все то, что его растворяетъ. Къ такимъ растворителямъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ (по наблюденіямъ Geuther'a) вода, а потому всѣ дальнѣйшія манипуляціи съ водой или водными растворами должны быть оставлены; само собой понятно, что и alcohol долженъ быть безводенъ. Едва-ли это вѣрно; argen. chrom. въ водѣ совсѣмъ не растворимо, а что касается alcohol'я, то едва-ли кому приходилось употреблять его въ безводномъ состояніи. Далѣе авторъ говоритъ, что хлориды дѣйствуютъ еще хуже, чѣмъ вода: они превращаютъ argen. chrom. въ хлористое и картины исчезаютъ; а потому должно быть обращено особенное вниманіе на alcohol, гдѣ часто содержатся хлориды. Такимъ-же растворяющимъ образомъ дѣйствуютъ параффинъ, ксилолъ, канадскій бальзамъ; а потому, по мнѣнію автора, совсѣмъ нельзя получить хорошаго микротомнаго препарата, срѣзы-же отъ руки, понятное дѣло, не годятся, вслѣдствіе ихъ толщины.

---

[1]) Zur Technik der Golgi'schen Färbung—Zeitschrift für Mikroskopie Bd. IV p. 443.

Поэтому авторъ предпринялъ рядъ опытовъ перевода argen. chrom. въ различнаго рода соединенія, трудно растворимыя въ выше названныхъ веществахъ.

1) Авторъ пробовалъ ввести другую кислоту; само собой понятно, что нужно брать такую кислоту, соль которой не растворима въ водѣ. Азотную, сѣрную, фосфорную кислоты—не удобно потому, что получающаяся при этомъ свободная кислота вредитъ образованію серебр. соли, тѣмъ, что она сейчасъ-же и растворяется; соляная кислота и ClNa дали одинаковые результаты; первоначальныя темныя фигуры переходили въ бѣлыя, отъ образованія хлористаго серебра, послѣднее-же отъ свѣта переходило въ черное металлическое серебро.

Въ результатѣ,—грубыя соотношенія въ картинахъ оставались тѣже; тончайшія то исчезали, то дѣлались менѣе ясными, а именно, на мѣстѣ тончайшихъ черныхъ линій появлялся мелкозернистый осадокъ. Очевидно, что argen. chrom. до перехода его въ хлористое серебро растворяется и осаждается въ видѣ зеренъ; это было-бы еще небольшой бѣдой, если-бы этотъ осадокъ получался на мѣстѣ ранѣе бывшихъ черныхъ линій, а то онъ распространяется по всему препарату.

2) Авторъ пробовалъ замѣнить серебро въ хромовомъ его соединеніи другимъ металломъ: ртутью, золотомъ, баритомъ, ураномъ; всѣ эти опыты окончились неудачей: происходило раствореніе осадка. Наконецъ, авторъ превращалъ хромовое серебро въ сѣрнистое, но и здѣсь раствореніе не избѣгалось; онъ пробовалъ сѣрнистый натръ, калій, сѣро-водородъ, сѣрно-кислый аммоній.

Наконецъ, авторъ примѣнялъ нѣкоторыя вещества, употребляемыя въ фотографіи для редуцированія серебра, но и здѣсь получалось много такихъ картинъ, происхожденіе которыхъ въ сущности было неизвѣстно.

Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ, окончившихся полной неудачей, Sehrwald пришелъ къ тому заключенію, что самое лучшее, это парализировать растворяющую силу реагентовъ, употребляемыхъ при методѣ Golgi, какъ-то: спирта, параффина, ксилола и канадскаго бальзама. Такъ какъ каждая жидкость растворяетъ только опредѣленное количество даннаго вещества, то суть предложенія Sehrwald'а заключается въ предварительномъ насыщеніи всѣхъ вышеперечисленныхъ реагентовъ argentum bichromicum; само собой понятно, что это насыщеніе должно производиться при высокой температурѣ. Какимъ образомъ произвести это насыщеніе, когда argen. chrom. почти что не растворимъ въ названныхъ реагентахъ,—объ этомъ авторъ умалчиваетъ. Чтобы получить микротомный срѣзъ, я пользовался только целлоидиномъ; бралъ два куска мозга изъ одного и того-же животнаго, обрабатывалъ ихъ по

методу Golgi и, предварительно убѣдившись срѣзомъ отъ руки, что препаратъ годенъ, одинъ клалъ въ свѣже-приготовленный целлоидинъ, а другой въ ранѣе употреблявшійся и сдѣлавшійся совершенно чернымъ; объекты лежали одинаковое время какъ въ томъ, такъ и другомъ, и въ результатѣ получалось слѣдующее. Первые срѣзы изъ свѣже-приготовленнаго целлоидина не давали ни одной клѣтки, за то болѣе глубокіе срѣзы давали порядочныя картины; объектъ же изъ чернаго целлоидина сразу давалъ порядочную картину. Если объектъ, задѣланный въ целлоидинъ и дающій хорошія картины, снова положить въ свѣже-приготовленный целлоидинъ, а потомъ опять срѣзывать, то первые срѣзы не даютъ никакой картины, въ глубинѣ-же остаются первоначальныя. Что здѣсь происходитъ раствореніе или вымываніе—сказать трудно. Что касается дѣйствія алкоголя, то я пробовалъ окрашенные срѣзы класть въ него; уже на вторыя сутки картины исчезали (алкоголь всегда употреблялся 96%). Растворяющая сила гвоздичнаго масла сомнительна; у меня были срѣзы на стеклѣ, покрытые гвоздичнымъ масломъ, которое я по мѣрѣ высыханія подбавлялъ; наблюдалъ я эти срѣзы до трехъ недѣль и никакихъ перемѣнъ не замѣчалъ. Канадскій бальзамъ дѣйствуетъ совершенно особеннымъ образомъ.

На нерастворимость argen. chrom. въ вышеназванныхъ реагентахъ указываетъ и Samassa [1]). Онъ, между прочимъ, говоритъ, что всѣ неудачи при методѣ Golgi зависятъ отъ диффузіонныхъ токовъ. Что диффузія происходитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но сваливать на нее всю вину нельзя. Потому что, если-бы всѣ неудачи зависѣли отъ такого постояннаго фактора, какъ диффузія, то мы никогда не могли-бы получить хорошаго препарата, а между тѣмъ таковые часто получаются.

Въ 1890 г. появилось сообщеніе Ramon y Cajal'я [2]). Авторъ работалъ методомъ Golgi на эмбріональныхъ мозгахъ и получалъ прекрасные результаты. Объектъ уплотнялся въ смѣси изъ 20 частей 3% Kali bichromicum и 5 частей 1% Acidum osmicum. Чѣмъ моложе ткань, тѣмъ уплотненіе быстрѣе; маленькіе кусочки лежатъ въ этой смѣси отъ 20 до 30 часовъ, а затѣмъ переносятся на 24 часа въ водный растворъ argentum nitricum. Авторъ совѣтуетъ избѣгать сильнаго уплотненія; онъ противъ взгляда Rossbach'a и Sehrwald'a [3]) и думаетъ,

---

[1]) Zur Technik der Golgi'schen Färbung. Zeitschrift für Mikroskopie 1890. Bd. VII p. 26.

[2]) Sur l'origine et les ramitications des fibres nerveuses de la moëlle embryonnaire.—Anat. Anz. Bd. V. p. 85—95.

[3]) Centralbl. für med. Wiss.—88 № 47.

что серебро отлагается въ клѣточной протоплазмѣ. Kölliker [1]), работавшій этимъ методомъ, описалъ его нѣсколько подробнѣе. Онъ бралъ очень маленькіе кусочки, отъ 3-хъ до 4-хъ mm. длины и клалъ ихъ въ очень большое количество вышесказанной смѣси (на каждый кусокъ 40—50 ст. смѣси); жидкость черезъ нѣсколько часовъ мѣняется, и черезъ 24—36 часовъ объектъ переносится на $^1/_4$ часа въ $^1/_4$% водный растворъ argen. nitr., а затѣмъ на 30—40 часовъ въ $^3/_4$% arg. nitr.; послѣ этого объектъ обрабатывается въ короткое время 40% спиртомъ, часъ абсолютнымъ и часъ целлоидиномъ. Срѣзы кладутся на $^1/_4$ часа въ креозотъ, затѣмъ въ терпентинъ, переносятся на стекло, заливаются ксилолъ-бальзамомъ и оставляются безъ покровнаго стекла. Я много разъ работалъ этимъ методомъ и не могу сказать, чтобы онъ давалъ всегда хорошіе результаты. Въ 1889 г. Greppin [2]) предложилъ слѣдующую модификацію метода Golgi.

Свѣжій мозгъ уплотняется въ мюллеровской жидкости, мѣняющейся первую недѣлю ежедневно, въ остальныя по разу; черезъ 5—8 недѣль мозгъ уплотняется, затѣмъ его переносятъ въ $^3/_4$% argen. nitr. на 3—8 дней; дальнѣйшая задѣлка обыкновенная. При такомъ способѣ, какъ говоритъ Greppin, можно брать и большіе куски—4-ю, 5-ю часть полушарія. Наконецъ, въ 1891 г. самъ Golgi [3]) предложилъ слѣдующую модификацію своего метода. Онъ говоритъ что самые лучшіе препараты получались, если объектъ долгое время лежалъ въ мюллеровской жидкости, затѣмъ 1—2 года въ kali bichromicum, а послѣ этого въ серебрѣ тоже очень долгое время; задѣлка для микротома обыкновенная, срѣзъ-же обрабатывается фиксирующею и тоновою жидкостью фотографовъ, а затѣмъ окрашивается карминомъ.

Что касается результатовъ, получаемыхъ отъ модификацій, требующихъ продолжительное время, то я не могу ничего сказать ни за, ни противъ; относительно другихъ позволяю себѣ дать совѣтъ, основанный на собственныхъ наблюденіяхъ.

Объекты можно брать гораздо большаго объема, чѣмъ совѣтуетъ Kölliker, Ramon y Cajal. Объектъ долженъ быть по возможности свѣжъ

---

[1]) Zur feineren Anatomie des centralen Nervensystems. II Beitrag das Rückenmark—Zeitschrift f. Wiss. Zoolog. Bd. 51, p. 1.

[2]) Arch. f. Anatomie und Entwicklungsgesch. Anat. Abthlg. 1889 Supplemen. p. 55—77, m. 15 fl.

[3]) La rete nervosa dittusa degli organi centrali del systema nervoso, suo significoso fisiologico Bendiconti del R. Istituto Lombardo di science et lettere Milano [2] vol XXIV. p. 594—603; p. 656—673.

(мозги взрослыхъ поэтому не годятся). Въ фиксирующей жидкости ихъ нужно держать гораздо дольше—до недѣли и болѣе; на другой день лучше объектъ разрѣзать на двѣ части и положить его во вновь приготовленную смѣсь изъ 20 части 3% kali bichromicum и 5 частей 1% acid. osm.; потомъ объектъ переносится въ $^1/_4$% водный растворъ argent. nitr., который долженъ быть мѣняемъ хоть разъ въ сутки, лучше чаще, и какъ правило могу рекомендовать, что чѣмъ дольше объектъ лежитъ въ серебрѣ, тѣмъ результатъ будетъ лучше, во всякомъ случаѣ не менѣе 3—5 дней; послѣ этого объектъ сразу переносится въ 96% Alcohol на сутки и на сутки въ целлоидинъ; лучше, если употреблять два целлоидина: болѣе жидкій и густой. Alcohol я употребляю всегда 96% и въ немъ предварительно растворяю $^1/_2$% argen. nitr. Что касается целлоидина, то я пользуюсь такимъ, гдѣ уже ранѣе лежали посеребренные объекты—онъ совершенно черенъ. По мѣрѣ уменьшенія я подбавляю свѣжаго. Въ такомъ целлоидинѣ объектъ можно держать 2 дня, что гораздо удобнѣе: такіе объекты лучше рѣжутся на микротомѣ.

Срѣзы класть въ абсолютный alcohol и въ тотъ-же день заклеивать. Если объектъ въ этотъ день не будетъ срѣзанъ, то залить его снова чернымъ целлоидиномъ и вмѣстѣ съ параффиновой пробкой опустить въ абсолютный alcohol. Что касается креозота и терпентина, то можно безъ малѣйшаго ущерба для просвѣтленія пользоваться только гвоздичнымъ масломъ. Срѣзъ покрывается ксилолъ-бальзамомъ, безъ покровнаго стекла и сохраняется въ темнотѣ. Если и при такомъ образѣ дѣйствія получается сравнительно неудачный объектъ, въ чемъ можно убѣдиться, сдѣлавши нѣсколько срѣзовъ отъ руки (первымъ срѣзамъ нельзя довѣрять въ смыслѣ неудачи), то я совѣтую, снявъ объектъ съ пробки, положить его снова въ фиксирующую смѣсь дня на 2—3, а потомъ снова перенести его въ $^1/_4$% серебро, затѣмъ 96% alcohol и т. д. Мнѣ нѣсколько разъ удавалось это повторное окрашиваніе. Придерживаясь того мнѣнія, что главную причину неудачъ метода Golgi нужно искать въ реакціи мозга (которая у взрослыхъ вообще, а у зародышей отъ времени кислая), я началъ рядъ опытовъ съ уменьшеніемъ кислой реакціи преимущественно у взрослыхъ. Поступалъ я слѣдующимъ образомъ. Кусокъ мозга взрослаго человѣка я клалъ въ 3% растворъ kali bichromicum, куда я прибавлялъ небольшое количество 10% ѣдкаго кали; въ этой жидкости объектъ лежалъ у меня 3 дня (что оказывается недостаточнымъ, такъ какъ средина объекта совершенно не пропитывалась). Затѣмъ объектъ переносится въ $^1/_4$% водный растворъ argen. nitr. на 1—2 дня (что тоже мало); послѣдовательная обработка производилась вышеописаннымъ образомъ; срѣзы по периферіи давали пре-

восходныя картины; много получалось осадка, но это другой вопросъ, какъ его удалить. Одновременно я задѣлывалъ объектъ безъ подщелачиванія и не получалъ никакихъ результатовъ.

На дѣтскихъ мозгахъ (по крайней мѣрѣ уже на двухъ подрядъ) такимъ способомъ я получилъ превосходные препараты, которые я имѣлъ честь демонстрировать въ Медицинской Секціи Общества Опытныхъ Наукъ.

Спустя два дня, когда я уже сдѣлалъ это сообщеніе, я получилъ роскошные препараты изъ коры большаго мозга взрослаго человѣка.

Этотъ объектъ уплотнялся $1^{1}/_{2}$ мѣсяца въ $3^{0}/_{0}$ kali bichromicum, которое въ первую недѣлю я мѣнялъ каждый день, въ остальные—два раза въ недѣлю (во всѣ порціи kali bichromicum я подбавлялъ $5^{0}/_{0}$ ѣдкаго кали: на 100 к. с. kali bichr. 15 капель КНО). Затѣмъ объектъ былъ перенесенъ въ $^{1}/_{4}\ ^{0}/_{0}$ водный растворъ argen. nitr. fus. in bacil.; первый день я перемѣнилъ этотъ растворъ два раза, въ остальные по разу въ день; въ серебрѣ объектъ лежалъ двѣ недѣли; послѣдующая задѣлка была вышеописанная.

Если по всѣмъ этимъ модификаціямъ и получаются хорошіе препараты, то они во всякомъ случаѣ имѣютъ слѣдующіе два недостатка: такъ какъ окрашиваются только вышеописанные элементы, а остальная масса желтаго или бѣлаго цвѣта, то чрезвычайно трудно бываетъ оріентироваться въ препаратѣ.

Второй недостатокъ это тотъ, что такіе препараты современемъ портятся такъ, что совсѣмъ невозможно бываетъ узнать первоначальную картину.

Для лучшей оріентировки нужно окрасить препаратъ. Но дѣло въ томъ, что растворы красящихъ веществъ моментально уничтожаютъ первоначальныя картины. Поэтому всѣ предложенія дальнѣйшей окраски препаратовъ, полученныхъ по методу Golgi, сводятся главнымъ образомъ на то, чтобы перевести arg. bichr. въ другое соединеніе, не разлагающееся отъ употребленія красящихъ веществъ.

Такъ Pal [1]) переводитъ arg. bichr. посредствомъ Natrio-sulfid'a въ сѣрнокислое серебро; срѣзъ промываетъ въ водѣ и кладетъ на сутки въ $^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$ хромовую кислоту, краситъ гематоксилиномъ и раскрашиваетъ по своему методу ($^{1}/_{4}{}^{0}/_{0}$ kali hyperm. и смѣсь изъ ac. oxal. 1 часть,

---

[1]) Ein Beitrag zur Nervenfärbetechnik. Wien med. Jahrb. Neue Folge Jahrg. 1886.

kali sulfurosum 1 ч. и воды 200 ч.). Также поступаетъ и Tal [1]), послѣдовательная окраска Magdalarat.

Greppin [2]) предложилъ слѣдующій способъ дальнѣйшей обработки.

Срѣзъ, по Neumann'у, кладутъ на 30—40 секундъ въ 10% acidum hydrobromicum; желто-бурая окраска препарата сначала измѣняется въ соломенно-желтую, а затѣмъ въ бѣлую; послѣ того срѣзъ раза 3—4 промывается дестиллированной водой и кладется на 24 часа въ 0,5% acidum chromicum, затѣмъ промывается 70% alcohol'емъ и окрашивается гематоксилиномъ (1 grm. гематоксилина на 90 ч. кипящей воды, по охлажденіи 10 ст. 96% спирта); передъ каждымъ употребленіемъ гематоксилина въ него прибавляютъ 8—10 капель насыщеннаго на холодѣ углекислаго литія. Дальнѣйшая раскраска по Pal'ю.

Я пробовалъ часто работать съ acid. hydrobrom. и дѣйствительно оказалось, что, послѣ обработки его, препаратъ можно красить чѣмъ угодно и первоначальныя картины не измѣнялись. Я красилъ Säure Patent Rubin'омъ, по методу Wolters'а съ vanadium chloratum.

Greppin говоритъ, что если препаратъ, обработанный ac. hydrobr., положить на стекло, прибавить гвоздичнаго масла и выставить на солнечный свѣтъ (10 минутъ), то срѣзъ пріобрѣтаетъ буро-фіолетовую окраску и формовые элементы дѣлаются болѣе рѣзкими. Кромѣ того онъ употреблялъ 40% ac. hydrobr. Если срѣзъ, предварительно обработанный 10% ac. hydrobr., перенести на 20—30 секундъ въ 40%, то излишніе осадки растворяются, а если его продержать 2—3 минуты, то вся картина исчезаетъ; но если, передъ обработкой 40% ac. hydrobr., срѣзъ выставить на солнечный свѣтъ, а потомъ положить въ 40% ac. hydrobr., то реакція идетъ медленнѣе, и срѣзы можно держать 2—3 минуты. Въ послѣднемъ случаѣ картины получаются еще лучше.

Самые лучшіе препараты авторъ получалъ, если на предварительно обработанный 10% ac. hydrobr. препаратъ дѣйствовалъ Natrio-sulfid'омъ. Растворъ по Pal'ю онъ приготовлялъ слѣдующимъ образомъ: 10 grm. KHO растворяется въ 1000 частяхъ воды, половина этого раствора насыщается SH_2 и потомъ соединяется съ другой половиной. Срѣзъ держится въ этомъ растворѣ 8—10 минутъ, промывается въ водѣ. Дальнѣйшая задѣлка обыкновенная. 40% ac. hydrobr. дѣлаетъ картины потому

---

[1]) Modificazione al metodo del Golgi nella prepazione delle cellule gangliari del Sistema nervoso centrale Gazzetta degli ospitali 1886. № 48.

[2]) Arch. f. Anat. und Entwicklungsgesch. Anat. Abthlg. 1889 Supplemen. p. 55—77. m. 25 fl.

лучшими, что растворяетъ осадки серебра на сосудахъ, клѣткахъ и ихъ отросткахъ, а потому контуры фигуръ дѣлаются болѣе рѣзкими.

Авторъ только отчасти присоединяется къ мнѣнію Rossbach'а и Sehrwald'а и думаетъ, что серебро отлагается не только въ перигангліонарныхъ пространствахъ, но также и въ субстанціи нервныхъ элементовъ. Что касается способа сохраненія полученныхъ препаратовъ на стеклѣ и объясненія, почему таковые портятся, постараюсь сообщить въ скоромъ времени.

Элементарный учебникъ Римскаго права.

Проф. Л. Н. Загурскаго.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СЕМЕЙНОЕ РИМСКОЕ ПРАВО.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Система изложенія. При изложеніи нынѣ дѣйствующаго римскаго права (такъ называемаго пандектнаго) придерживаются системы Гуго-Гейзе, на основаніи которой въ „особенной части" римскаго права излагается сначала имущественное право (т. е. вещныя и обязательственныя права), далѣе—семейное право и наслѣдственное право; изложеніе семейнаго права предшествуетъ наслѣдственному потому, что семейныя отношенія оказываютъ большое вліяніе на наши имущественныя права, которыя вслѣдствіе смерти лица (наслѣдодателя) перейдутъ въ силу юридическаго преемства къ другимъ лицамъ (наслѣдникамъ). Система Гуго-Гейзе не совпадаетъ, какъ извѣстно, съ системой изложенія чисто-римской (институціонная), которой придерживался юристъ Гай въ своихъ лекціяхъ (institutionum juris civilis commentarii libri IV), другіе римскіе юристы, писавшіе курсы институцій, и императоръ Юстиніанъ, по повелѣнію котораго былъ составленъ учебникъ для студентовъ, имѣвшій также силу закона. Учебникъ этотъ называется также Институціями. По этой институціонной системѣ семейное право не занимаетъ особеннаго самостоятельнаго положенія въ системѣ права, а разсматривается съ точки зрѣнія личнаго права, обусловливающагося юридическимъ положеніемъ лица въ государствѣ (status; jus quod ad personas pertinet); личное положеніе лица въ государствѣ опредѣляется

свободой лица (status libertatis), его принадлежностью къ государству (status civitatis) и принадлежностью къ той или другой семьѣ (status familiae); съ этой послѣдней точки зрѣнія мы всѣ можемъ быть или самостоятельными, т. е., говоря образнымъ выраженіемъ юриста, находимся въ своей собственной власти (suae potestatis, personae sui juris) или несамостоятельными, т. е. находящимися во власти другого лица (personae alieni juris). Законъ опредѣляетъ юридическое положеніе свободныхъ лицъ, находящихся во власти другого, говоря, что они находятся или во власти отца (patria potestas), или во власти мужа (manus), или въ кабалѣ (mancipium); переходя затѣмъ къ изложенію вопроса объ отцовской власти, законъ разбираетъ вопросъ: „какимъ образомъ происходитъ отцовская власть". Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: главный источникъ происхожденія отцовской власти есть рожденіе ребенка отъ брака (nuptiae). Слѣдовательно съ точки зрѣнія институціонной системы бракъ есть одинъ изъ источниковъ происхожденія отцовской власти, а опека—продолженіе отцовской власти надъ сиротами, малолѣтними, ставшими самостоятельными лицами вслѣдствіе смерти ихъ отца.

При изложеніи институтовъ семейнаго права мы будемъ держаться системы Гуго-Гейзе вслѣдствіе мотивовъ, изложенныхъ нами ранѣе въ учебникѣ римскаго права (1. стр. 54—59, 280—284); въ нашемъ изложеніи мы будемъ держаться законодательства Юстиніана, потому что въ эпоху Юстиніана семейныя отношенія суть отношенія чисто личныя между супругами, между родителями и дѣтьми, тогда какъ по древнему римскому законодательству лицо, стоящее во главѣ семейства (qui in domo dominium habet), имѣетъ право надъ личностью подчиненныхъ его власти дѣтей, жены и лицъ кабальныхъ, ничѣмъ не отличающееся отъ права на вещь; медленно и постепенно дошли, однако, римляне до сознанія, что во власти отца коренятся обязанности, обусловливаемыя интересами дѣтей. По законодательству Юстиніана эта точка зрѣнія, за немногими исключеніями, характеризуетъ личныя семейныя отношенія, которыя между супругами обусловливаются бракомъ, между отцемъ и дѣтьми—отцовской властью.

II. Содержаніе семейнаго права. Ученіе о бракѣ, отцовской власти и опекѣ составляетъ содержаніе семейнаго права [1]). Эти отношенія *личныя*, слѣдовательно доступны только физическимъ лицамъ; они *абсо-*

---

[1]) У нѣкоторыхъ писателей находимъ два *отдѣла* семейнаго права: въ одномъ обсуживаются семейныя отношенія между свободными лицами,—бракъ, отцовская власть, опека; въ другомъ—отношенія между отцомъ семейства и его рабами и либертами,—слѣд. рабство, колонатъ и патронатъ.

лютны и прекращаются со смертью опредѣленнаго субъекта; характерная черта объективнаго права—возможность принудить человѣка къ выполненію предписаній права—не можетъ служить нормой для многихъ сторонъ семейныхъ отношеній, потому что семейство есть болѣе нравственный союзъ, чѣмъ юридическій, такъ какъ въ основаніи его лежитъ нравственный элементъ—любовь (pietas, officium, caritas sanguinis). Конечно, юристы понимали, что основаніе брака, а слѣдовательно союза родителей и дѣтей, скрывается въ животной природѣ человѣка (quod natura omnia animalia docuit), но они понимали, что эти животные инстинкты въ человѣкѣ облагораживаются и нравственнымъ элементомъ: полнымъ жизненнымъ общеніемъ между (однимъ) мужемъ и (одной) женою; вотъ почему императоръ Гордіанъ опредѣляетъ понятіе „супруги" (uxor) въ томъ смыслѣ, что жена есть „Socia rei humanae atque divinae domus". Хотя таже природа возлагаетъ на сожителей обязанность воспитанія нарожденныхъ дѣтей (procreatio et educatio liberorum), но отношенія между родителями и дѣтьми проникнуты идеей обязанности воспитывать дитя и поддерживать его до того времени, пока оно не придетъ въ силы заботиться само о себѣ; идея воспитать дитя не допускаетъ мысли о возможности жестоко обращаться съ ребенкомъ: „не плохой-ли тотъ отецъ, который колотушками укрощаетъ своего сына?"... Подумай... сынъ твой ребенокъ, но ребенкомъ, вѣдь, и ты былъ... помни, примѣняя свою отцовскую власть, что ты—человѣкъ, и что ты—отецъ человѣка... Вліяніе закона на семейныя отношенія обусловливается нравственной и юридической стороной семейныхъ отношеній. Законъ не можетъ оставить безъ вниманія нравственную сторону этихъ отношеній потому, что бракъ имѣетъ значеніе не только для жизни отдѣльныхъ людей, какъ основаніе семейныхъ отношеній, но имѣетъ значеніе для государственнаго союза, такъ какъ бракъ есть первое воспитательное учрежденіе, создающее для государства гражданъ и кладущее на цѣлыя поколѣнія опредѣленный отпечатокъ. Если нѣтъ въ государствѣ семьи, тамъ царитъ эгоизмъ, война, разбой". Задача права заключается въ томъ, чтобы поставить семейство въ соотвѣтствіе и съ его нравственнымъ характеромъ (любовь), и съ его значеніемъ въ государствѣ (забота о томъ, чтобы значеніе семьи не было подорвано), слѣдовательно право оказываетъ троякое вліяніе на семейныя отношенія: a) *опредѣляетъ* юридическія условія семейныхъ отношеній, т. е. тѣ условія, на основаніи которыхъ распознается юридически существованіе брака; b) *устраняетъ* нарушенія нравственнаго характера семейныхъ отношеній, слѣдовательно обезпечиваетъ взаимную вѣрность супруговъ не въ одинаковой степени для мужа и жены; въ силу вѣковыхъ предразсудковъ

и физіологическихъ условій общество снисходительнѣе относится къ измѣнѣ мужа, чѣмъ жены, легкое поведеніе которой деморализируетъ общество, дѣтей лишаетъ заботъ отца; c) *опредѣляетъ* имущественныя послѣдствія, вызываемыя семейными отношеніями.—Хотя существованіе брака и отношенія между родителями и дѣтьми не вызываются *какими* либо мѣстными или случайными причинами, но на указанные три вопроса законодательства древнія и современныя даютъ различные отвѣты, болѣе различные, чѣмъ по другимъ вопросамъ гражданскаго права, такъ какъ на семейномъ правѣ рѣзче всего отпечатлѣваются особенности даннаго народа, напр. у римлянъ на первомъ планѣ стоялъ эгоизмъ отца семейства. Вообще говоря, рѣшить проблемму о вліяніи законодательства на семейныя отношенія чрезвычайно трудно, потому что душа этихъ отношеній—взаимное довѣріе и любовь—не поддаются строгой нормировкѣ со стороны закона; взаимную любовь подъ надзоръ полиціи, говоритъ Йирингъ, поставить нельзя; опредѣлить уголовное наказаніе за нарушеніе нравственнаго правила также нельзя, потому что уголовный законъ въ этихъ случаяхъ перейдетъ свою задачу: исторія народовъ показываетъ, что если нравственный законъ возводится законодателемъ на степень юридической нормы,—въ результатѣ получаются послѣдствія, обратныя желаемому, напр. въ Германіи стремились въ теченіе нѣскольких столѣтій уничтожить внѣбрачныя отношенія между полами, но въ результатѣ получалось увеличеніе дѣтоубійствъ. Но нужно согласиться, что римское законодательство удачнѣе другихъ законодательствъ разрѣшило вопросъ о вліяніи закона на семейныя отношенія. По римскому праву, только тѣ стороны семейныхъ отношеній были юридически нормированы, которыя представляютъ чрезвычайную важность для общественнаго блага, для государства.

III. Различіе между семейнымъ правомъ и обязательственнымъ правомъ. Обязательственное право производитъ юридическую связь также между опредѣленными только лицами, всилу которой одно лицо имѣетъ право требовать отъ другого исполненія опредѣленнаго дѣйствія; но главное отличіе семейнаго права отъ обязательственнаго заключается въ томъ, что при семейномъ правѣ вся личность отдѣльнаго индивидуума подчинена другому, тогда какъ при обязательственномъ правѣ она подчинена только въ опредѣленномъ отношеніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

УЧЕНІЕ О БРАКѢ*).

§ 1.

Опредѣленіе брака.

По опредѣленію юриста Модестина „бракъ есть соединеніе мужчины и женщины для нераздѣльнаго общенія жизни и права“ (nuptiae sunt conjunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio)[1]), по опредѣленію институцій Юстиніана: „для нераздѣльнаго общенія жизни“ (nuptiae sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio, individuam vitae consuetudinem continens [2]); но въ обоихъ опредѣленіяхъ указывается на *нераздѣльность* общенія, которая не исключаетъ добровольнаго прекращенія супружескихъ узъ посредствомъ развода, какъ это будетъ показано ниже.

Изъ этого этическаго опредѣленія брака мы видимъ, что цѣль моногамическаго брака не составляетъ половое сожительство; его цѣль— нравственное общеніе или общность всей жизни, выражающееся въ нераздѣльномъ сожительствѣ. Нераздѣльное сожительство—существенный признакъ брака (affectus maritalis, consensus matrimonialis, animus matrimonii); этимъ признакомъ обусловливаются тѣ юридическія послѣдствія брака, что жена подчиняется власти мужа, принимаетъ права состоянія своего мужа, а зачатыя въ бракѣ дѣти считаются законнорожденными (liberi patrem sequuntur) и подчиняются отцовской власти, мужу своей матери. Общность существованія супруговъ есть исключительный признакъ брака и отличаетъ его отъ всѣхъ иныхъ половыхъ союзовъ, даже отъ конкубината, который, какъ союзъ мужчины и женщины, по формѣ похожъ на бракъ, но по внутренней своей сторонѣ онъ отличается отъ брака, именно, тѣмъ, что при конкубинатѣ нѣтъ общности существованія сожителей; вслѣдствіе этого конкубина не получаетъ права состоянія своего сожителя и прижитыя ею дѣти не считаются законнорожденными.

Этическое опредѣленіе брака было дано Модестиномъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей; съ точки зрѣнія (которой не былъ чуждъ императоръ Пробъ) [3]) древнихъ народовъ бракъ вообще преслѣ-

---

*) Inst. 1. 10 *de nuptiis;* Dig. 23. 2 de *ritu nuptiarum;* Cod. 5. 4 *de nuptiis. Rossbach,* Untersuchungen über die römische Ehe, Stuttgardt, 1853. *Загурскій,* „Ученіе о законнорожденности“, Харьковъ, 1880 г.

[1]) L. 1. h. t.—[2]) § 1 Inst. 1. 9.—[3]) L. 9. Cod. h. t.

дуетъ реальную цѣль—нарожденіе дѣтей (liberorum quaerendorum causa); въ плодоносности брака были заинтересованы религія, нравственность, семья и государство; вступленіе въ бракъ—обязанность... Мы имѣемъ, говоритъ Демосѳенъ, uxores propter ingenuos liberos suscipiendos; meretrices—voluptatis causa; concubinas—propter quotidiana ministeria corporis.—Бракъ, вызывающій всѣ свойственныя ему юридическія послѣдствія, называется „nuptiae", *justum* (legitimum) *matrimonium*, и какъ таковой есть институтъ гражданскаго права; слѣдовательно для вступленія въ бракъ необходимо было обладать „правомъ на вступленіе въ бракъ" (jus connubii), которое императоры жаловали лицамъ, не имѣющимъ сего права (jus connubii consessum). Бракъ, заключенный между лицами, неимѣющими jus connubii, назывался matrimonium juris gentium; такой бракъ считался дѣйствительнымъ бракомъ, женщина считалась женой, дѣти считались законнорожденными, но ни жена, ни дѣти не подпадали подъ власть мужа, отца. Но съ теченіемъ времени manus вышелъ изъ употребленія. По законодательству Юстиніана бракъ, заключенный съ соблюденіемъ требуемыхъ условій, не вызывая подчиненія жены мужу (sine conventione uxoris in manum mariti), вызываетъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя нѣкогда были свойственны только nuptiae.

Если бракъ есть институтъ гражданскаго права, то можно ли сказать, что бракъ есть контрактъ? Конечно, нѣтъ: a) цѣль брака—общность существованія супруговъ, которая вызываетъ множество нравственныхъ обязанностей между супругами, выполнить которыя принудить юридическимъ путемъ нельзя ни мужа, ни жену и оцѣнить на деньги эти обязанности, разумѣется, невозможно; b) заключая бракъ, мужчина и женщина не имѣютъ въ виду прекратить свои супружескія отношенія тотчасъ, коль скоро выполнятъ свои обязанности; c) права и обязанности, вытекающія изъ супружескаго союза, не могутъ быть измѣнены частной волей, слѣдовательно оцѣнка вопроса о дѣйствительности заключеннаго брака не подлежитъ усмотрѣнію супруговъ.

---

§ 2.

Сговоръ (sponsalia) *).

I. Опредѣленіе; значеніе; форма заключенія.

Совершенію брака, обыкновенно, предшествуетъ *сговоръ* (sponsalia) т. е. договоръ, заключаемый женихомъ и невѣстой о будущемъ зак-

*) Dig. 23. 1. De *sponsalibus*. — Cod. 5. 1 de sponsalibus et arrhis sponsalitiis et proxenetecis. *Sonntag*, De sponsalibus apud Romanos. Halae. 1861.

люченіи между ними брака, съ согласія тѣхъ лицъ, во власти которыхъ они состоятъ (Sponsalia sunt mentio—предложеніе—et repromissio nuptiarum futurarum)[1]. Для дѣйствительности будущаго брака сговоръ не имѣлъ значенія, т. е. онъ не вызывалъ юридической обязанности для жениха и невѣсты непремѣнно вступить въ бракъ: за каждымъ изъ сговоренныхъ признавалось право уничтожить заключенный сговоръ и другая сторона не могла настаивать на томъ, чтобы бракъ былъ дѣйствительно заключенъ. Считается безнравственнымъ стѣснять какъ бы то ни было свободу вступленія въ бракъ[2]; вотъ почему недѣйствительно обязательство уплатить неустойку въ случаѣ, если обрученный не вступитъ въ бракъ[3]). Впрочемъ, по древнему праву возможно было предъявленіе иска къ обрученному, отказывающемуся отъ заключенія брака. Дѣло въ томъ, что сговоръ нѣкогда совершался въ формѣ стипуляціи, при которой обѣщаніе (sponsio) совершалось лицами, имѣющими отцовскую власть надъ обрученными („se filiam in matrimonium daturum“ „filium suum illam in matrimonium ducturum“)[4]; впослѣдствіи формулы произносились женихомъ и, по прежнему, отцомъ невѣсты („se filiam in matrimonium ducturum“ „se eam daturum“); неисполненіе стипуляціи вызываетъ возможность предъявить искъ (actio ex stipulatu) о вознагражденіи вреда и убытковъ (id quod interest), причиненныхъ неисполненіемъ договора о вступленіи въ бракъ; мѣра оцѣнки вреда и убытковъ предоставлена судьѣ; впослѣдствіи для дѣйствительности обрученія довольно заключенія неформальнаго договора (nudus consensus), но искъ о вознагражденіи вреда и убытковъ не допускался[5]). Въ качествѣ средства принудить къ заключенію предположеннаго обѣщанія являлся, какъ по древнему, такъ и по новому праву, *задатокъ* (arrha sponsalitia),—получившій задатокъ долженъ былъ отдать его вдвойнѣ, если отступалъ безъ особенной причины отъ обрученія, и своихъ подарковъ обратно не получалъ; считалось возможнымъ заключить словесный договоръ (стипуляцію) объ уплатѣ суммы вчетверо большей противъ полученнаго задатка, если женихъ безосновательно откажется отъ своего обѣщанія[6]). Въ томъ случаѣ, если бракъ состоится, задатокъ или возвращается обратно давшему, или же переходитъ въ дареніе „по причинѣ брака“ (donatio propter nuptias)[7]). Отъ задатка необходимо отличать *подарки между* обрученными (donatio ante nuptias, largitas, donatio seu arrha sponsalitia), которые совершались въ ожиданіи будущаго между обрученными брака (si nuptiae erunt subsecutae); по указу императора Константина, подарившій можетъ потре-

---

[1]) L. 1 Dig. h. t.—[2]) L. 1 Cod. h. t.—[3]) L. 5 Cod. h. t.—[4]) Gell. 4. 4.—[5]) L. 4 Dig. h. t.—[6]) L. 5 Cod. cit. Cp. l. un. Cod. th. 3. 10.—[7]) Cp. l. l. 4. 6. 17. 19. 20. Cod. 5. 3.

бовать даръ обратно, если не виновенъ въ нарушеніи обрученія; онъ не имѣетъ права требовать дара обратно, если обрученіе нарушено по его винѣ; такъ какъ *поцѣлуй* обрученныхъ служитъ публичнымъ знакомъ заключеннаго обрученія, то женихъ имѣетъ право требовать половины своихъ подарковъ, если обрученіе, заключенное „osculo interveniente", было прекращено безъ вины или смертью невѣсты [1]). Подарки между обрученными, совершенные по поводу брака, вступленіе въ который имъ по закону запрещено, конфискуются [2]).

II. Условія заключенія. Изъ вышеуказаннаго опредѣленія обрученія видны слѣдующія условія сговора:

a) *обрученіе* есть договоръ, слѣдовательно необходимо согласіе обрученныхъ; въ этомъ отношеніи примѣняются общія правила о вліяніи на дѣйствительность договора *сумашествія*, *обмана*, *принужденія и ошибки;* совершеннолѣтія въ лицѣ обручаемыхъ не требуется, такъ какъ считается достаточнымъ достиженіе женихомъ или невѣстой полныхъ семи лѣтъ [3]);

b) *согласіе отца*, во власти котораго состоитъ обручаемый; оно можетъ быть дано молчаливо. Отецъ имѣетъ право самъ заключить обрученіе для своихъ дѣтей; но въ этомъ случаѣ требуется согласіе обручаемыхъ сыновей, но не дочерей; дочь можетъ отклонить выборъ, сдѣланный ея отцомъ, только въ томъ случаѣ, если избранный ей женихъ неодобрительнаго поведенія (indignus moribus vel turpis persona). Воля отца на столько велика, что и послѣ смерти его дочь не могла отказаться отъ вступленія въ бракъ, если женихъ не относился къ лицамъ неодобрительнаго поведенія [4]);

c) *дѣйствительная возможность заключить теперь* или *въ будущемъ бракъ,*—съ этой точки зрѣнія между обручаемыми не должны существовать тѣ препятствія, при наличности которыхъ между ними невозможно заключеніе брака; впрочемъ обрученіе губернатора съ провинціалкой признавалось дѣйствительнымъ [5]).

III. Юридическія послѣдствія. Обрученіе не вызываетъ юридической обязанности для сговоренныхъ вступить между собою въ бракъ, но вызываетъ слѣдующія косвенныя юридическія послѣдствія:

a) обрученный, заключившій новое обрученіе раньше прекращенія прежде заключеннаго, подвергается (ipso jure) *безчестью*, согласно постановленіямъ преторскаго эдикта „о двойномъ обрученіи" (bina sponsalia) [6]).

b) обрученные могутъ *отказаться* свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судѣ [7]);

[1]) L. 16 Cod. h. t.—[2]) L. 4 Cod. 5. 5.—[3]) L. 14 Dig. h. t.—[4]) L. 12 § l. 15 Dig. h. t.—[5]) L. 15 Dig. h. t.—[6]) L. 1 Dig. 3. 1.—[7]) L. 5 Dig. 22. 5.

c) *обида*, причиненная одному изъ обрученныхъ, считается взаимной, слѣдовательно женихъ въ случаѣ оскорбленія его невѣсты имѣетъ право предъявить за нее искъ объ обидѣ (actio de injuriis) [1];

d) *измѣна* невѣсты жениху, какъ измѣна жены мужу, считается прелюбодѣяніемъ (adulterium) [2];

e) *убійство* обрученнымъ обрученнаго подпадаетъ подъ дѣйствіе закона объ „отцеубійствѣ" (de parricidiis) [3];

f) обрученные разсматриваются какъ *свойственники* (affines) [4];

g) женихъ не имѣетъ права отчуждать земельный участокъ, полученный имъ въ приданое [5].

IV. Прекращеніе. Обрученіе прекращается:

a) *смертью* обрученнаго;

b) *появленіемъ* препятствій, при которыхъ заключеніе брака между обрученными становится невозможнымъ;

c) по *взаимному согласію* обрученныхъ (repudium voluntarium);

d) *отказомъ* вступить въ бракъ, если отъ момента заключенія сговора прошло два или три года, въ теченіе которыхъ бракъ не былъ заключенъ [6];

e) *отказомъ* отъ сговора (repudium necessarium); отказаться отъ сговора можетъ каждый изъ обрученныхъ (alii desponsatae renuntiare conditioni et nubere alii non prohibentur) прямымъ заявленіемъ объ отказѣ („conditione tua non utor"); такой отказъ можетъ оказать роковое вліяніе на данный задатокъ; вотъ почему законодатель рекомендуетъ смотрѣть: не обусловливается ли отказъ отъ сговора одной изъ законныхъ причинъ, напр. дурнымъ поведеніемъ обрученнаго, еретическими его вѣрованіями, не заключили-ли обрученные отдѣльнаго какого-либо условія о задаткѣ на случай прекращенія обрученія отказомъ и пр. [7].

---

§ 3.

Законныя условія брака.

Условія заключенія дѣйствительнаго брака таковы:

a) вступающіе въ бракъ должны обладать *брачнымъ возрастомъ*, т. е. мужчина долженъ достигнуть 14 лѣтъ, женщина—12 лѣтъ (viri potens). Бракъ, заключенный молодыми людьми, не достигшими брач-

[1]) L. 15 § 24 Dig. 47. 16.—[2]) L.—13 § 3. 8 Dig. 48. 5.—[3]) L. 3 Dig. 48. 9.—[4]) Учебникъ, 1 стр. 139.—[5]) L. 4 Dig. 23. 5.—[6]) L. 2 Cod. h. t., l. 2 Cod. 5. 17.—[7]) L. 1 Cod. h. t.

наго совершеннолѣтія, считается дѣйствительнымъ на будущее время съ момента достиженія супругомъ брачнаго совершеннолѣтія, когда является возможность плотскаго соединенія супруговъ. Такъ какъ бракъ предполагаетъ физическое развитіе супруговъ, то, очевидно, что скопецъ (castratus) не можетъ вступить въ бракъ, потому что не обладаетъ способностью сожитія (impotentia coependi et generandi); наоборотъ больной половыми органами (spado) можетъ вступить въ бракъ, такъ какъ отъ болѣзни можно еще вылѣчиться;

b) вслѣдствіе запрещенія *полигаміи* невозможно заключеніе брака, если оба или одинъ изъ супруговъ состоятъ въ бракѣ;

c) вступающіе въ бракъ должны имѣть *согласіе* на это, согласіе же это—воля брачущихся отнынѣ жить вмѣстѣ въ качествѣ супруговъ; такое согласіе не требуетъ какой либо формы для своего выраженія (nudus consensus); слѣдовательно недѣеспособный вслѣдствіе душевной болѣзни (furiosus, demens) не можетъ вступить въ бракъ; но душевныя болѣзни, поразившія одного изъ супруговъ послѣ заключенія брака, не уничтожаютъ брака. Согласіе брачущихся жить вмѣстѣ можетъ быть опорочено вслѣдствіе обмана, страха, ошибки, притворства; физическое принужденіе вступить въ бракъ и притворство вызываютъ ничтожность брака; наоборотъ, психическое насиліе и обманъ даютъ возможность обманутому супругу предъявить искъ о признаніи заключеннаго брака недѣйствительнымъ. Впрочемъ вопросъ о вліяніи обмана и насилія на дѣйствительность брака не разработанъ быть можетъ потому, что обманутый супругъ скорѣе всего можетъ уничтожить бракъ путемъ развода. Ошибка въ личности супруга (error in persona), т. е. въ его индивидуальности, вызываетъ ничтожность брака; ошибка относительно качествъ умственныхъ, физическихъ или относительно имущественныхъ средствъ супруга не оказываетъ вліянія на дѣйствительность брака;

d) **согласіе отца**, если вступающій въ бракъ состоитъ въ отцовской власти; согласіе можетъ быть дано явно или молчаливо, но во всякомъ случаѣ оно должно предшествовать заключенію брака; бракъ, заключенный безъ согласія отца, считается ничтожнымъ; но если отецъ далъ впослѣдствіи свое согласіе на бракъ сына, уже живущаго съ данной женщиной безъ согласія отца, то бракъ будетъ считаться дѣйствительнымъ на будущее время, считая отъ момента согласія отца, но безъ обратнаго дѣйствія, слѣдовательно прижитыя дѣти раньше полученія согласія отца считаются незаконнорожденными. Въ томъ случаѣ, когда отецъ не можетъ дать свое согласіе вслѣдствіе напр. своего сумашествія или безумія или нахожденія въ плѣну уже около трехъ лѣтъ, или отказываетъ,

наконецъ, въ своемъ согласіи безъ всякихъ уважительныхъ мотивовъ, а изъ одного только упорства, то законъ разрѣшаетъ, чтобы сынъ или дочь такого лица испросили на вступленіе въ бракъ согласіе сановника (магистрата). Если въ бракъ хочетъ вступить внукъ опредѣленнаго лица, который находится во власти (patria potestas) своего дѣда, то необходимо различать два случая: а) если внукъ послѣ своего дѣда станетъ лицомъ самостоятельнымъ (sui juris),—въ этомъ случаѣ для дѣйствительности брака внука достаточно согласія дѣда; б) если внукъ послѣ смерти дѣда подпадетъ подъ власть своего отца,—тогда внукъ, вступая въ бракъ, долженъ заручиться согласіемъ дѣда и отца; это послѣднее положеніе объясняется тѣмъ, что никто не можетъ имѣть противъ своего желанія себѣ наслѣдника, котораго въ данномъ случаѣ внукъ прижилъ бы безъ согласія своего отца [1]). Для дѣйствительности брака внучки достаточно согласія ея дѣда, потому что прижитыя ею дѣти подпадутъ подъ власть ея мужа, или отца мужа. Самостоятельная женщина (sui juris) не имѣетъ вообще права вступить въ бракъ безъ согласія отца, дѣда; если отца нѣтъ въ живыхъ, она должна заручиться согласіемъ матери; нѣтъ матери—согласіемъ близкихъ родственниковъ. Только съ достиженіемъ 25 лѣтняго возраста женщина получаетъ право располагать рукою по своему усмотрѣнію [2]), тогда какъ эманципированный сынъ можетъ вступать въ бракъ, не нуждаясь въ согласіи отца или дѣда.

---

§ 4.

Юридическія препятствія къ заключенію брака.

I. Виды препятствій. На основаніи вышеизложенныхъ условій дѣйствительности брака понятны сами собою юридическія препятствія къ заключенію брака. Эти препятствія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: *препятствія абсолютныя* и *препятствія относительныя.*

А) **Абсолютныя** препятствія (impedimenta dirimentia) суть тѣ, при наличности которыхъ заключеніе брака невозможно вслѣдствіе неимѣнія лицами, желающими вступить въ бракъ, брачной правоспособности. Къ числу этихъ препятствій относятся:

a) рабство;

b) недостиженіе брачнаго совершеннолѣтія; старческій возрастъ не служитъ препятствіемъ къ заключенію брака [3]);

c) сумашествіе;

---

[1]) § 7 Inst. I. 11.—[2]) L. 20 Cod. 5. 4.—[3]) L. 27 Cod. 5. 4.

d) неполученіе согласія отца на бракъ;

e) въ древности *весталки* не могли вступать въ бракъ раньше истеченія 30 лѣт. срока ихъ обѣта; по законодательству христіанскихъ императоровъ (со времени сыновей императора Константина), монахи и монахини не имѣютъ брачной правоспособности. Вступленіе монаха или монахини въ бракъ не вызываетъ ничтожности брака, а влечетъ лишеніе обѣта монашества [1]); лица бѣлаго духовенства, занимающія въ духовной іерархіи санъ не ниже субдіакона, не могли вступать въ бракъ; дѣти, прижитыя сими лицами отъ брака, заключеннаго по принятіи указаннаго сана, считались рожденными отъ кровесмѣсительной связи (incestuosi) [2]); однако, женатымъ мірянамъ не воспрещается добиваться посвященія въ субдіаконы, діаконы, священники;

f) запрещается вступать въ новый бракъ до прекращенія существующаго. Для надлежащей оцѣнки этого воспрещенія, слѣдуетъ, однако, вспомнить, что римское право долго не знало соблюденія какихъ либо формальностей при разводѣ; вотъ почему у римлянъ вопросъ о томъ: „заключеніе новаго брака мужемъ или женою, при существованіи брака прежняго, должно быть разсматриваемо какъ заключеніе брака ничтожнаго или же какъ разводъ существующаго брака" вызывалъ различныя мнѣнія. Этотъ спорный вопросъ былъ разрѣшенъ съ того момента, когда законодательство предписало соблюденіе формальностей при разводѣ (см. ниже). Мужчина, имѣющій конкубину, не можетъ вступить въ бракъ съ другой женщиной ранѣе, чѣмъ не прекратитъ конкубината (см. ниже). Послѣдовательное заключеніе нѣсколькихъ браковъ допускалось по древнему праву съ тѣмъ ограниченіемъ, что вдова могла выйти вторично замужъ по истеченіи траурнаго года (annus luctus); этимъ ограниченіемъ старались избѣгнуть возможнаго „смѣшенія крови" (turbatio sanguinis) въ томъ случаѣ, если вдова оказалась беременной; если-бы она вышла замужъ ранѣе истеченія срока траурнаго періода, то возможно было сомнѣніе объ отцевствѣ имѣющаго родиться ребенка, напр. вдова вышла замужъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти своего мужа; черезъ шесть мѣсяцевъ, считая отъ момента заключенія второго брака, она рождаетъ ребенка; спрашивается: отцомъ этого ребенка будетъ ли второй супругъ его матери или же покойный ея мужъ? Можно допустить и то и другое предположеніе, такъ какъ оба предположенія отвѣчаютъ принципу опредѣленія отцевства съ точки зрѣнія зачатія ребенка. По преторскому эдикту беременная женщина, ея мужъ и ея отецъ, нару-

---

[1]) Nov. 5. 8.—6. 6.—[2]) L. 45 Cod. 1. 3—Nov. 6. 1—123. 9. 12.

шившіе предписанія эдикта о соблюденіи траурнаго года, подвергаются безчестью, но второй бракъ не считается ничтожнымъ; съ рожденіемъ ребенка обязанность не выходить вторично замужъ до истеченія траурнаго года прекращается, потому что рожденіе ребенка прекращаетъ возможность сомнѣній относительно его отцевства. Таково было законодательство „о вступленіи вдовы во второй бракъ (secundae nuptiae) въ теченіе языческаго періода. Христіанскіе императоры смотрѣли вообще неблагопріятно на заключеніе вдовами второго брака и предписывали, чтобы вдовы не выходили вторично замужъ или, по крайней мѣрѣ, выдерживали-бы годъ вдовства [1]). Нарушеніе этого постановленія влекло для женщины различныя невыгодныя послѣдствія (poenae secundarum nuptiarum, см. ниже).

B. **Относительныя** препятствія (impedimenta impedientia) суть тѣ, которыя опредѣляются закономъ на основаніи различныхъ соображеній и при наличности которыхъ вступленіе въ бракъ является невозможнымъ для лицъ, обладающихъ брачною правоспособностью. Къ числу этихъ препятствій относятся:

a) *родство* (cognatio). Воспрещается вступленіе въ бракъ родственникамъ въ *прямой* линіи безъ различія степени (in infinitum), несмотря на то: существуетъ ли между данными лицами родство по рожденію (кровное, cognatio) или по усыновленію (гражданское, adoptio); въ послѣднемъ случаѣ запрещеніе остается, хотя бы узы по усыновленію были расторгнуты; *въ боковой*—во второй степени и при так. назыв. respectus parentelae (дядя и племянница); если боковое родство создано путемъ усыновленія, то запрещеніе вступать въ бракъ существуетъ до тѣхъ поръ, пока длится усыновленіе [2]). Слѣд. бракъ между двоюродными родственниками (дѣти отъ братьевъ и сестеръ) допускался [3]);

b) *свойство* (affinitas). Извѣстно, что первоначально было воспрещеніе брака съ тещей и мачихой, невѣсткой и падчерицей; впослѣдствіи,—со свояченицей и вдовой умершаго брата. По соображеніямъ „*какъ-бы*—свойства" воспрещенъ бракъ между мужемъ и дочерью отъ разведенной съ нимъ жены, которую эта послѣдняя прижила позднѣе отъ второго своего мужа; между отцемъ и невѣстой его сына; между сыномъ и невѣстой отца, отчимомъ и вдовой пасынка, пасынкомъ и вдовой отчима [4]);

---

[1]) Nov. 22. 22.—[2]) § 2. Inst. 1. 10.—[3]) § 4 ib.—[4]) §§ 6. 7. 9 Inst. 1. 10, l. 14. 15 Dig. 23. 2., l. 4. 5 Dig. 38. 10, l. 17 Cod. 5. 4., l. 5. 8. 9 Cod. 5. 5.

c) *съ точки зрѣнія религіозной* воспрещено вступленіе въ бракъ: аа) крестному отцу съ крестницей; bb) еврею съ христіанкой, христіанину съ еврейкой [1]);

d) вслѣдствіе совершеннаго *преступленія* воспрещается заключеніе брака между прелюбодѣемъ и прелюбодѣйкой, похитителемъ и похищенной [2]);

e) вслѣдствіе *политическихъ соображеній:* губернаторъ и другіе провинціальные чиновники, присланные изъ Рима, не имѣютъ права вступать въ бракъ съ провинціалками (туземками) [3]);

f) въ *интересахъ* находящагося въ *опекѣ:* заключеніе брака воспрещено между опекуномъ (со времени Коммода) и подопечной, находящейся въ его опекѣ; это запрещеніе распространяется и на мужчинъ, находящихся подъ властью опекуна, или подъ властью которыхъ опекунъ находится, и на тѣхъ, съ которыми опекунъ находится во власти; запрещеніе это существуетъ до тѣхъ поръ, пока опекунъ не сдастъ отчетовъ по опекѣ, по достиженіи малолѣтней полнаго совершеннолѣтія и пока не истекъ срокъ возстановленія въ прежнемъ положеніи (in integrum restitutio). Исключеніе въ томъ случаѣ, если отецъ подопечной помолвилъ ее съ однимъ изъ этихъ лицъ или же обѣщалъ въ завѣщаніи отдать ее одному изъ нихъ [4]).

Въ законодательство Юстиніана не перешли постановленія о запрещеніи браковъ: a) между свободнорожденными и mulieres famosae [5]); b) между сенаторами (и ихъ потомками per masculos до 3 степ.) съ либертинками, актрисами и ихъ дѣтьми [6]); нарушеніе этихъ постановленій вызывало по закону Papia Poppaea гражданскія наказанія за безбрачіе; позднѣе — ничтожность заключеннаго брака; но Юстиніанъ воспретилъ вступленіе въ бракъ свободной женщины съ колономъ [7]).

II. Юридическія послѣдствія нарушенія препятствій. Если, не смотря на указанныя препятствія, лица все-таки вступили между собою въ бракъ, то бракъ считается ничтожнымъ, т. е. не можетъ вызывать никакихъ юридическихъ послѣдствій, которыя обыкновенно вызываются дѣйствительнымъ бракомъ, ни по отношенію къ сожителямъ (нѣтъ ни мужа, ни жены), ни по отношенію къ прижитымъ дѣтямъ (они не имѣютъ отца), которыя считаются незаконнорожденными. Такой союзъ между мужчиной и женщиной не есть бракъ ни по гражданскому праву (nuptiae), ни по общенародному (matrimonium); это не бракъ, а „плот-

---

[1]) L. 26 Cod. 5. 4, l. 6 Cod. 1. 9.—[2]) L. 26 Dig. 23. 2, Nov. 134. 12; 143; 150.—[3]) L. 57 Dig. ib.—[4]) L. 59, 60, 62, 64, 66, 67 D. 23. 2. Cod. 5. 6.—[5]) Ulp. 16. 2.—[6]) L. 44 pr. Dig. h. t. Nov. 117. 6.—[7]) Nov. 22. 17.

ское соединеніе“ (coitus); такой союзъ, заключенный съ нарушеніемъ правилъ о родствѣ, называется „беззаконнымъ и кровесмѣсительнымъ“ (nefariae et incestuosae nuptiae); браки, заключенные съ нарушеніемъ указанныхъ препятствій, нерѣдко вызываютъ уголовныя кары для сожителей и ставятъ внѣ закона неповинныхъ въ своемъ рожденіи незаконныхъ дѣтей, изъ среды которыхъ законъ въ особенности преслѣдуетъ дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія (adulterini) и кровесмѣшенія (incestuosi).

Впрочемъ, нѣкоторые изъ изслѣдователей полагаютъ, что законодательство Юстиніана признавало „*matrimonium putativum*“, т. е. если былъ заключенъ бракъ съ нарушеніемъ указанныхъ препятствій, при чемъ женихъ или невѣста или оба вмѣстѣ дѣйствовали добросовѣстно (cum bona fide), т. е. не знали, что они не могли вступить въ бракъ вслѣдствіе существующаго препятствія; такой бракъ, конечно, расторгается, но вызываетъ обычныя дѣйствія брака для ошибшагося супруга, а рожденныя отъ такого брака дѣти пользуются всѣми правами законнорожденныхъ по отношенію къ обоимъ родителямъ [1]). Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что въ прежнее время сенатъ, позднѣе императоры выдавали *разрѣшенія* (dispensationes) на заключеніе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда препятствіе къ заключенію брака основывалось на законѣ; слѣдовательно эти разрѣшенія не могли устранить препятствій, основывающихся на нравственномъ или физическомъ законѣ.

Продолженіе слѣдуетъ.

---

[1]) L. 57. § 1. Dig. 23. 2, l. 4 Cod. 5. 5, l. 1 Cod. 5. 8.

Bestimmung der Längen-Differenz zwischen Nicolajew und Charkow.

von Prof. G. Lewitzky.

Während der grossen chronometrischen Expedition im Jahre 1846 bestimmte Otto Struve unter anderem auch die Längen-Differenz zwischen Charkow und Moskau. Den wahrscheinlichen Fehler seiner Bestimmungen schätzte Struve auf etwa 0^s2, bemerkte aber dabei: „la longitude la moins exacte est celle de Kharkov, par suite de l'effet extraordinaire des températures et parce qu'ici la détermination du temps est moins sûre que pour les deux autres observatoires" [1]).

Es war daher nothwendig, als die Einrichtung einer neuen Universitätssternwarte begonnen wurde, die Länge derselben, und zwar auf telegraphischem Wege, zu finden, wobei die Verbindung mit Nicolajew, als einem sicher bestimmten und aus Charkow bequem zu erreichenden Punct, in Aussicht genommen war.

Der in der Ausführung der Längenbestimmungen in Russland so hochverdiente Director der Marinesternwarte in Nicolajew I. Kortazzi sagte nicht allein seine Betheiligung an der Arbeit zu, sondern übernahm es auch, da ich noch keine Gelegenheit gehabt hatte Längenbestimmungen zu machen, mir alle dazu nöthigen praktischen Anweisungen zu geben. Es wurde dabei vereinbart, die Bestimmung der Längen-Differenz zwischen Nicolajew und Charkow im Juni und Juli 1889 auszuführen. Die Vertheilung der Beobachter zwischen den Beobachtungsstationen wurde nach dem folgenden Schema festgestellt:

---

[1]) *O. Struve,* Expéditions chronometrique de 1845 et 1846. Seconde partie. Expédition de 1846. p. 43.

Nicolajew.	**Charkow.**
Kortazzi	Lewitzky
Lewitzky	Kortazzi
Lewitzky	Kortazzi
Lewitzky	(Bestimmung der relativen persönlichen
Kortazzi	Gleichung).
Kortazzi	Lewitzky.

Bei jeder Vertheilung der Beobachter war es wünschenswerth, drei vollständige Abende, d. h. mit Zeitbestimmungen vor und nach dem Wechseln der Signale, zu erhalten, was aber in Folge ungünstiger Witterungsverhältnisse nicht ganz erreicht werden konnte.

Die Zeitbestimmungen wurden ausgeführt: in Nicolajew in einem um 0^s115 östlich von dem Centrum der Sternwarte liegenden Drehthurm für transportabele Instrumente, und in Charkow auf einem um 0^s088 östlich von dem Centrum des Meridiankreises aufgemauerten und mit einer Plattform versehenen Pfeiler.

Für die Beobachtungen und für die Zeitübertragung wurden folgende Chronometer und Uhren gebraucht:

in Nicolajew:

A	= Dent № 1821	Mittlerer-Zeit Chronom.
XIII	= Pihl № 63 [1])	Mittlerer-Zeit Chronom.
B	= Dent № 735	Mittlerer-Zeit Chronom.
Y	= Frod. № 3218	Sternzeitchron.
U	= A. G. № 1473	Sternzeitchron.
N	= Howü № 24. (Normaluhr der Sternwarte).	

in Charkow:

13	= Kessels № 1290 [1])	Mittlerer-Zeit Chronom.
C	= Dent № 1954	Mittlerer-Zeit Chronom.
D	= Baraud № 956	Mittlerer-Zeit Chronom.
E	= Birchal № 803	Mittlerer-Zeit Chronom.
X	= Dent № 1559	Sternzeitchronom.
Z	= Frodsham № 3142	Sternzeitchronom.
W	= Wirèn № 70	Sternzeitchronom.
K	= Knoblich's Pendeluhr.	

Die für die Zeitbestimmungen angewandte Methode war die Zinger'sche. Bei klarem Wetter wurden jedesmal nicht weniger als 3—4

[1]) Dreizehnschläger.

Paare vor und nach dem Signalwechsel beobachtet. Die Signale wurden nach der bekannten akustischen Methode, mittelst zwei Morse'schen Schlüssel und zwei Relais, welche von den Beobachtern nicht gewechselt wurden, mit einem Dreizehnschläger gegeben und nach einem Sternzeitchronometer empfangen. Von jedem Beobachter wurden die Signale in zwei neunreihigen Sätzen gegeben. Da ich aber meiner Schwerhörigkeit wegen oft weniger Coincidenzen bemerken konnte, als wünschenswerth war, so wurde mir in solchen Fällen noch ein Satz Signale von Kortazzi gegeben. Die Zeitbestimmungen wurden von beiden Beobachtern mit Repsold'schen transportabelen Verticalkreisen ähnlicher Construction und nahezu gleicher Dimensionen ausgeführt. Ein wesentlicher Unterschied zwischen beiden Instrumenten bestand nur in der Art und Weise der Verbindung des Höhenkreisniveau's mit dem Ständer der Horizontalachse. Bei dem von Kortazzi gebrauchten Instrumente ist diese Verbindung eine feste, so dass keine Nachziehung der Feder zu befürchten ist, wogegen bei dem von mir benutzten Verticalkreis das Niveau an einem um die Horizontalachse drehbaren und mit dem Ständer mittelst einer Feder verbundenen Rahmen befestigt ist. Zugleich war die Feder der Klemmschraube am Verticalkreis etwas zu schwach, so dass in Folge der Nachwirkung beider Federn fehlerhafte Angaben des Niveau's entstehen konnten. Da ich vor der Längenbestimmung im J. 1889 diesen Repsold'schen Verticalkreis nur ausnahmsweise benutzte, so blieb leider der erwähnte Uebelstand unbemerkt. Während der Längenbestimmung selbst und schon in der Mitte derselben fiel mir die Trägheit der Niveaublase auf und als Ursache dieser Erscheinung stellten sich die bekannten Ausscheidungen an der inneren Oberfläche des Niveaurohrs heraus. Da mir damals kein Reserveniveau zur Verfügung stand, so war ich gezwungen, mit demselben Niveau weitere Beobachtungen zu machen, bemühte mich aber so gut als möglich die schädliche Einwirkung der Ausscheidungen dadurch zu vermindern, dass ich vor dem Sterndurchgang die Niveaublase mittelst der Fussschraube des Instruments in heftige Bewegung setzte. Dasselbe Verfahren bei der Bestimmung des Niveau-Theilwerthes anzuwenden war natürlich nicht möglich und vielleicht in Folge dessen ergaben solche Bestimmungen am 9 Juni und 10—14 Juli merklich verschiedene Resultate. Ich fand nämlich:

9 Juni: $\frac{\tau}{2} = 0^s\!.0586$ bei der Temperatur $+16.8$ C.

10 — 14 Juli: $\frac{\tau}{2} = 0^s\!.0675$ bei der Temperatur $+28.4$ C.

Bei der ersten Bestimmung (9 Juni) war die Einwirkung der Ausscheidungen noch nicht bemerkbar, während sie bei der zweiten (10—14 Juli) sehr deutlich hervortrat. Bei der Reduction der Zeitbestimmungen wurden der jedesmaligen Lufttemperatur entsprechende Niveau-Theilwerthe angewandt, welche durch Interpolation zwischen den zwei oben angegebenen Werthen gefunden wurden. Statt der Thermometerangabe wurde dabei als Argument die Blasenlänge genommen, die sich mit der Temperatur sehr regelmässig änderte.

In Folge beider soeben erwähnten Mängel des Instruments stimmten die einzelnen von mir beobachteten Uhrcorrectionen bedeutend schlechter überein, als es nach der Uebereinstimmung der Fäden zu erwarten war. Der wahrscheinliche Fehler der Bestimmung der Uhrcorrection aus einem Paar erreichte die Grösse von $\pm 0^s 08$, wobei besonders grosse Differenzen bei meinen Beobachtungen in Charkow (Wahr. Fehl. $\pm 0^s.088$) vorkamen; in Nicolajew dagegen war die Uebereinstimmung eine etwas bessere (W. F. $= 0^s 069$). Dieser Unterschied in der Genauigkeit scheint nicht zufällig zu sein, sondern seinen Grund in dem Umstand zu haben, dass in Charkow in den ersten Abendstunden die Lufttemperatur sehr rasch abnahm, was in Nicolajew nicht der Fall war. Bei starker Temperaturabnahme konnte in der Feder der Klemmschraube am Verticalkreise eine Nachwirkung entstehen, wobei das Niveau eine falsche Neigung zeigte.

In wie weit jede der beiden Ursachen, die Nachwirkung der Feder und die Ausscheidungen an der inneren Oberfläche des Niveaurohrs, zur Verminderung der Genauigkeit der Zeitbestimmungen beigetragen hat, ist nicht zu entscheiden; sicher ist nur, dass keine anderen Ursachen vorhanden waren, als jene. Nach der Beendigung der Längenbestimmung wurde nämlich das Niveau umgefüllt und eine Vorrichtung zum Festklemmen der Horizontalachse mit Niveaurahmen angebracht. Dadurch wurde der wahrscheinliche Fehler der einzelnen Uhrcorrection, sogar bei ungünstigen Witterungsverhältnissen, sogleich auf nur $0^s 04$ reducirt. Der Einfluss des bedeutend grösseren als bei Kortazzi wahrscheinlichen Fehlers meiner Zeitbestimmungen auf die Längenunterschiede wurde vielleicht dadurch ein wenig abgeschwächt, dass ich zufälligerweise etwas mehr Uhrcorrectionen, als Kortazzi, bekommen habe. An jenen 17 Tagen, an denen auf beiden Stationen das Wetter die Beobachtungen ermöglichte, erhielt ich 112 Zeitbestimmungen gegen 88 bei Kortazzi. In der folgenden Tabelle sind die Werthe der von mir bestimmten Chronometercorrectionen angegeben. Die erste Columne giebt die Chronometer-Zeit der Bestimmung der Correction und die zweite die Correction selbst.

Charkow.

Zeit der Bestimmung der Corr. nach Chronom.		Chronometer-correction.	
13 Juni.			
h	m	m	s
14	46.4	—1	52.05
15	26.6		.04
14 Juni.			
17	51.9	—1	53.40
18	3.0		.53
18	17.0		.32
18	29.0		.42
15 Juni.			
18	17.0	—1	55.55
18	29.1		.66
18	45.1		.41
18	57.6		.70

Zeit der Bestimmung der Corr. nach Chronom.		Chronometer-correction.	
16 Juni.			
h	m	m	s
14	46.5	—1	58.18
14	58.2		57.94
15	7.9		.69
15	26.6		.85
17	57.5		58.09
18	17.1		.08
18	29.2		57.99
18	45.1		.91
18 Juni.			
14	46.6	—2	1.61
15	2.2		.71
15	16.4		.85
15	26.8		.88
17	29.3		2.08

Zeit der Bestimmung der Corr. nach Chronom.		Chronometer-correction.	
18 Juni.			
h	m	m	s
17	41.6	—2	2.17
18	3.1		.12
18	17.1		1.95
18	29.2		2.23
19 Juni.			
15	8.0	—2	3.93
15	26.8		4.25
15	36.6		3.97
15	49.8		4.13
18	37.1		.33
18	57.8		.06
19	10.6		.27
19	27.2		.22

Nicolajew.

21 Juni.		
15	5.6	—1.86
15	14.4	2.22
15	24.1	1.98
15	35.9	.87
18	43.9	.81
18	56.0	.96
19	13.5	2.02
19	25.2	1.97
22 Juni.		
18	27.6	—1.48
18	43.9	.52
18	56.0	.57
19	13.5	.61
19	25.2	.64
23 Juni.		
15	0.1	—1.34
15	14.3	.44
15	24.1	.47
15	35.9	.45
17	49.7	.50
18	0.2	.38
18	15.3	.56
18	27.6	.72
24 Juni.		
18	27.6	—1.16
25 Juni.		
16	30.6	—0.69
17	49.6	.74
18	0.2	.57
17	15.2	.69
18	27.6	.61
18	43.9	.71
18	56.0	.61
26 Juni.		
14	56.0	—0.34
15	5.6	.22
15	14.3	.50

26 Juni.		
15	24.1	—0.29
27 Juni.		
15	24.1	—0.20
15	35.9	.11
15	48.4	.08
16	7.5	.29
18	27.6	.10
18	43.9	—0.05
18	56.0	+0.01
28 Juni.		
15	42.4	+0.01
15	54.6	—0.13
16	7.5	.07
29 Juni.		
18	34.6	+0.33
18	43.9	.22
19	13.5	.32
19	25.2	.26
19	43.8	.06
1 Juli.		
16	17.9	+0.42
16	30.6	.31
16	49.2	.11
18	34.6	.28
18	43.9	.11
19	0.3	.37
19	13.5	.39
2 Juli.		
15	35.9	+0.55
15	48.4	.48
16	7.4	.56
16	30.6	.54
18	15.2	.48
18	27.6	.52
18	43.9	.49
18	56.0	.61

Charkow.

4 Juli.			
15	45.0	—2	33.73
16	10.5		.93
16	51.3		34.11
17	1.7		33.69
18	45.6		34.09
18	58.3		.14
19	11.2		.04
5 Juli.			
16	10.6	—2	35.00
16	33.2		34.76
6 Juli.			
15	50.3	—2	36.23
16	10.6		35.86
16	20.6		.83
16	33.2		36.04
18	29.8		.26
18	45.8		.12
18	58.4		.17
19	11.2		.23
7 Juli.			
15	57.5	—2	37.16
16	10.6		.09
16	20.7		.30
16	33.3		.31
18	45.8		.32
18	58.4		.07
19	11.2		.18
8 Juli.			
16	10.5	—2	37.62
16	20.6		.74
16	33.3		.74
19	27.6		.89
19	46.0		38.01
19	57.8		37.86
20	14.2		.96

Bei den Zeitbestimmungen wurden meistentheils alle sieben Fäden, aus welchen das Netz des Fernrohrs bestand, beobachtet. Deswegen erhielten die meisten Chronometercorrectionen bei der Ableitung der Mittelwerthe gleiches Gewicht. Nur dann, wenn die Durchgänge wegen Nebel als besonders unsicher notirt oder nur vier Durchgänge beobachtet wurden, erhielten die entsprechenden Chronometercorrectionen ein halbes Gewicht. Es kamen übrigens nur zwei solche Correctionen vor, die eine am 26 Juni und die andere am 5 Juli.

Bei der Berechnung der Gänge des Arbeitschronometers aus den beobachteten Correctionen verfuhren wir, Kortazzi und ich, auf etwas verschiedene Art. Wenn die Chronometercorrection an einem Abend zweimal, vor und nach dem Signalwechsel, bestimmt wurde, vereinigte Kortazzi diese Correctionen in zwei Mittel, um daraus die wirklichen Gänge der Chronometer an jenem Abend ableiten zu können. Da aber meine Zeitbestimmungen zu unsicher waren, um daraus den Unterschied zwischen den mittleren täglichen und abendlichen Gängen bestimmen zu können, so vereinigte ich sämmtliche Chronometercorrectionen nur in ein Mittel. Weitere Berechnungen der Gänge wurde von mir, in Uebereinstimmung mit Kortazzi, nach folgendem, von ihm mitgetheilten Schema ausgeführt.

Aus zwei aufeinander folgenden Chronometervergleichungen wurden die Unterschiede: Dreizehnschläger—Arbeitschronometer, Dreizehnschläger—Mittlerer-Zeit Chronometer und Arbeitschronometer—Sternzeitchronometer abgeleitet. Durch einfache Interpolation berechnete man diese Unterschiede (Relationen zwischen Chronometer) für die mittleren Momente der Zeitbestimmungen und für die mittleren Momente des Signalwechsels. Bezeichnen wir weiter:

durch XIII die Angabe des Dreizehnschlägers.
„ A „ „ „ Mittleren Zeit Chronometers.
„ У „ „ „ Arbeitschronometers.
„ N „ „ „ Sternzeitchronometers.
„ S und T Sternzeit und Mittlere Zeit.
„ S_0 — Sternzeit im Mittleren Mittag und
„ red. — die Reduction der Sternzeit auf die Mittlere Zeit.

Die vorhin angedeuteten Rechnungen sind tabellarisch zusammengestellt, wie folgt:

| У | S | S_0 red. | S — T | [T — У] | XIII — У | XIII — A | У — N | [T — XIII] [T — A] | S — У | [S — N]

Die eingeklammerten Grössen sind dabei durch folgende Gleichungen zu finden:

$$\begin{aligned} T-Y &= (S-Y) - (S-T) \\ T-XIII &= (T-Y) - (XIII-Y) \\ T-A &= (T-XIII) + (XIII-A) \\ S-N &= (S-Y) + (Y-N) \end{aligned}$$

Alle in diesem Schema angeführten Grössen mit Ausnahme von T—Y werden auch für die Momente des Signalwechsels berechnet. Zuerst aber müssen die Correctionen aller Chronometer für diese Momente gefunden werden. Dazu leitet man die mittleren täglichen Chronometergänge ab aus den für die Momente der Zeitbestimmungen in der soeben auseinandergesetzten Weise gefundenen Chronometercorrectionen. Es seien X, X_1, X_2, drei aufeinanderfolgende Momente der Bestimmung der Chronometercorrection; ϑ und ϑ_1 die dazwischenliegenden Zeitintervalle und u und u_1 die entsprechenden mittleren täglichen Gänge: so wird der tägliche Gang (u) für den Moment X_1 durch die Gleichung:

$$(u) = \frac{\vartheta_1 u + \vartheta u_1}{\vartheta + \vartheta_1}$$

bestimmt.

Für den ersten und letzten Beobachtungstag muss man sich mit dem ersten und letzten mitt. täg. Gang begnügen.

Mit den auf diese Weise gefundenen mittleren Gängen reducirt man die Grössen: T—XIII, T—A, S—Y und S—N auf die Momente des Signalwechsels. Für diese Momente werden wir also die folgende Reihe von Grössen haben:

Y	S	S_0 red.	S—T	XIII—Y	XIII—A	Y—N	T—XIII	T—A	S—Y	S—N

Aus diesen Zahlen wird dann die Correction des Arbeitschronometers im Moment des Signalwechsels gefunden. Dazu bilden wir zuerst:

$$\begin{aligned} S-XIII &= (S-T) + (T-XIII) \\ S-A &= (S-T) + (T-A) \\ A-Y &= (XIII-Y) - (XIII-A); \end{aligned}$$

und hierauf:

Aus den Angaben des Dreizehnschlägers: S—Y = (S—XIII) + (XIII—Y)
" " " " Mittleren-Zeit Chronom.: S—Y = (S—A) + (A—Y)
" " " " Sternzeitchronometers: S—Y = (S—N) + (N—Y)

Somit ergibt sich folgendes Schema der ganzen Rechnung:

S	S—XIII / XIII—Y	S—A / A—Y	S—N / N—Y	S—Y nach Y	nach XIII	nach A	....	nach N	...	Mittelwerth von S—Y

Die Zahlen der folgenden Tabellen sind nach dem soeben auseinandergesetzten Schema angegeben, so dass die Bedeutung der Columnen ohne weiteres verständlich ist.

1559=X	S	S_0 red.	S—T	T—X	13—X	13—C	13—D
		h m s				h m	h m
13 Juni		5 27 33.22				23 43	23 41
h m s					h m s	s	s
14 6 12	h m s		h m s	h m s	18 11 38.035	8.38	35.29
15 6 30	15 4 38	1 34.54	5 29 7.76	18 29 0.195	28.245	—	35.341
15 57 29					19.965	—	35.385
14 Juni		5 31 29.78					
15 51 27					18 7 25.01	—	35.77
16 29 17	16 27 24	+ 1 47.45	5 33 17.23		7 18.83	—	35.81
17 16 23					18 7 11.135	12.12	35.86
18 10 12	18 8 19	+ 2 3.98	5 33 33.76	18 24 32.823	7 2.421	12.30	35.93
18 48 0					6 56.30	12.42	35.98
15 Juni		5 35 26.35					
15 30 15					18 3 31.815	14.54	35.98
16 39 15	16 37 20	+ 1 48.435	5 37 14.785		3 20.54	14.72	35.99
17 25 27					3 12.99	14.84	36.00
18 37 12	18 35 16	+ 2 7.76	5 37 34.11	18 20 30.31	3 1.24	14.89	36.08
19 14 32					2 55.125	14.92	36.12
16 Juni		5 39 22.91					
15 40 36					17 59 33.565	17.42	37.00
16 43 30	16 41 32	+ 1 48.48	5 41 11.39	18 16 50.644	59 23.365	17.64	37.20
16 53 44	16 51 46	+ 1 50.15	5 41 13.06		59 21.71	17.67	37.24
17 28 20					59 16.110	17.79	37.35
17 Juni							
14 40 14					17 55 48.52	20.96	38.27
16 30 5					55 30.54	21.26	38.38
17 14 34					55 23.26	21.38	38.42
18 Juni		5 47 16.02					
15 46 32					51 41.055	24.04	38.12
16 43 36	16 41 34	+ 1 47.19	5 49 3.21	18 8 54.835	51 31.654	24.13	38.15
16 36 3	16 34 1	+ 1 45.955	5 49 1.975		51 32.899	24.11	38.15
16 59 23					51 29.055	24.15	38.16
19 Juni		5 51 12.58					
15 59 42					17 47 41.57	26.02	37.12
17 16 42	17 14 38	+ 1 51.96	5 53 4.54	18 4 51.315	47 28.94	26.17	37.21
16 45 32	16 43 28	+ 1 46.855	5 52 59.435		47 34.05	26.11	37.18
17 47 32					47 23.88	26.23	37.25
							h m
4 Juli		6 50 20.93					5 47
17 10 59					21 53 51.438	—	25.43
17 31 54	17 29 20	+ 1 44.68	6 52 5.61	17 5 20.429	53 48.025	—	25.45
17 36 19	17 33 45	+ 1 45.41	6 52 6.34		53 47.304	—	25.46
18 13 15					53 41.278	—	25.50
5 Juli		6 54 17.48					
15 35 47					21 50 11.302		26.42
16 20 12	16 17 37	+ 1 32.29	6 55 49.77	17 1 35.310	50 4.103	—	26.49
16 47 20					49 59.708	—	26.54
17 42 15	17 39 40	+ 1 45.73	6 56 3.21		49 50.717	—	26.57
18 8 13					49 46.467	—	26.58
6 Juli		6 58 14.03					
16 46 46					21 46 3.232	—	26.50
17 32 30	17 29 54	+ 1 43.48	6 59 57.51	16 57 26.398	45 55.745	—	26.54
17 34 11	17 31 35	+ 1 43.76	6 59 57.79		45 55.468	—	26.54
17 57 55					45 51.582	—	26.56
7 Juli		7 2 10.59					
16 48 29					21 42 7.240	—	27.04
17 25 24	17 22 47	+ 1 41.67	7 3 52.26	16 53 30.536	42 1.232	—	27.10
17 45 8	17 42 31	+ 1 44.90	7 3 55.49		41 58.023	—	27.13
18 20 8					41 52.328	—	27.19
8 Juli		7 6 7.15					
16 48 41					38 12.088	—	27.81
18 21 24	18 18 46	+ 1 50.20	7 7 57.35	16 49 24 819	37 56.958	—	27.88
18 23 9	18 20 31	+ 1 50.48	7 7 57.63		37 56.648	—	27.88
18 55 30					37 51.398	—	27.90

CHARKOW.

13—E	X—Z	X—W	X—K	T—13	T—C	T—D	T—E	S—X	S—Z	S—W	S—K
h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m	h m
22 50	0 18	23 54	0 0	0 17	0 0	23 59	23 8	23 58	0 16	23 52	23 58
s	s	s	s								
31.29	13.71	45.515	43.735	s		s		s	s	s	s
—	13.643	45.109	41.940	31.95	—	7.29	—	**7.955**	21.60	53.06	49.89
—	13.585	44.765	40.420								
			h m								
			23 59								
—	13.64	36.71	59.22								
—	13.66	36.51	58.17	30.496		6.40		6.702	20.30	43.15	4.88
32.84	13.68	36.25	56.86								
32.95	13.64	35.91	55.32	30.402	42.70	6.33	3.35	**6.583**	20.22	42.49	1.90
33.02	13.62	35.67	54.24								
											m
33.38	14.58	29.40	19.49								57
33.53	14.61	29.07	17.50	29.204	43.87	5.23	2.83	4.614	19.20	33.69	22.05
33.63	14.63	28.85	16.16								
33.72	14.69	28.50	14.15	29.07	43.96	5.15	2.79	**4.420**	19.11	32.92	18.57
33.77	14.72	28.32	13.10								
			h m								
			23 58								m
34.85	16.07	22.45	39.13								56
35.07	16.13	22.13	37.37	27.28	44.92	4.48	2.35	**2.034**	18.16	24.16	39.40
35.11	16.14	22.08	37.09	27.27	44.93	4.47	2.35	2.017	18.15	24.09	39.10
35.23	16.18	21.90	36.12								
			h m								
			23 57								
37.04	16.67	14.95	60.02								
37.31	16.83	14.41	56.97								
37.42	16.89	14.19	55.74								
								m			m
38.35	17.88	7.23	18.10					57			55
38.41	17.94	6.97	16.53	23.18	47.31	1.33	1.59	**58.045**	15.98	5.01	14.57
38.40	17.93	7.01	16.74	23.186	47.304	1.34	1.59	58.056	15.985	5.06	14.79
38.42	17.96	6.90	16.10								
		m	m								
		53	56			m				m	
39.03	19.09	59.88	37.905			58				51	54
39.17	19.15	59.50	35.80	22.37	48.54	59.58	1.54	**55.855**	15.00	55.35	31.65
39.11	19.13	59.65	36.65	22.387	48.514	59.618	1.54	55.901	15.02	55.554	52.56
39.23	19.18	59.35	34.965								
	h m	h m	h m								
	0 18	23 52	23 59	h m		h m		h m	h m	h m	h m
—	32.54	8.60	57.60	19 11		0 58		23 57	0 15	23 49	23 57
—	32.55	8.48	57.58	32.40	—	57.85	—	**26.039**	58.59	34.52	23.62
—	32.55	8.46	57.57	32.396		57.85		26.036	58.586	34.49	23.61
—	32.57	8.25	57.53								
		h m									
		23 51									
—	32.38	60.72	55.34								
—	32.31	60.41	55.24	31.21	—	57.70	—	**25.080**	57.39	25.49	20.32
—	32.26	60.22	55.18								
—	32.31	59.94	55.13	31.158	--	57.68		25.020	57.32	24.95	20.13
—	32.34	59.81	55.10								
—	32.34	52.03	53.19								
—	32.33	51.79	53.11	30.65	—	57.19	—	**23.908**	56.24	15.70	17.02
—	32.33	51.78	53.11	30.65		57.19		23.907	56.24	15.69	17.02
—	32.33	51.65	53.07								
—	31.86	43.52	51.03								
—	31.83	43.31	50.97	29.30	—	56.40	—	**22.796**	54.63	6.11	13.77
—	31.82	43.20	50.93	29.281		56.39		22.784	54.606	5.98	13.73
—	31.79	43.01	50.87								
										m	
—	30.59	34.31	48.49							48	
—	30.51	33.74	48.37	27.86	—	55.74	—	**22.169**	52.68	55.91	10.54
—	30.51	33.73	48.37	27.858		55.74		22.168	52.68	55.90	10.536
—	30.48	33.53	48,33								

Tägliche

(Eingeklammert sind die für die Uebertragung der Chronometer-

Juni.	13		C		D		E	
13								
	—1.375		—		—0.851		—	
14		(—1.338)				(—1.012)		
	—1.305		+1.237		—1.158		—0.550	
15		(—1.640)		(+1.135)		(—0.932)		(—0.512)
	—1.943		+1.042		—0.728		—0.478	
16		(—1.977)		(+1.090)		(—0.994)		(—0.447)
	—2.050		+1.195		—1.575		—0.380	
18		(—1.218)		(+1.200)		(—1.684)		(—0.161)
	—0.792		+1.202		—1.740		—0.049	
19		(—0.792)		(+1.202)		(—1.740)		(—0.049)
Juli.								
4		(—1.252)				(—0.158)		
	—1.252		—		—0.158		—	
5		(—0.910)				(—0.314)		
	—0.533		—		—0.486		—	
6		(—0.948)				(—0.641)		
	—1.357		—		—0.794		—	
7		(—1.371)				(—0.715)		
	—1.386		—		—0.635		—	
8		(—1.386)				(—0.635)		

Chronometergänge

correctionen auf die Momente der Signalwechsel gebrauchten Gänge).

X		Z		W		K	
—1.216		—1.224		—9,374		—42.55	
	(—1.692)		(—1.154)		(—9.384)		(—42.539)
—2.123		—1.090		—9,393		—42.53	
	(—2.369)		(—1.059)		(—9.454)		(—42.530)
—2.590		—1.031		—9.510		—42.53	
	(—2.403)		(—1.050)		(—9.530)		(—42.495)
—1.995		—1.090		—9.575		—42.42	
	(—2.091)		(—1.002)		(—9.488)		(—42.116)
—2.140		—0.958		—9.443		—41.96	
	(—2.140)		(—0.958)		(—9.443)		(—41.960)

	(—1.009)		(—1.263)		(—9.504)		(—3.473)
—1.009		—1.263		—9.504		—3.473	
	(—1.060)		(—1.183)		(—9.418)		(—3.316)
—1.116		—1.095		—9.322		—3.142	
	(—1.117)		(—1.358)		(—9.481)		(—3.205)
—1.118		—1.618		—9.638		—3.267	
	(—0.861)		(—1.747)		(—9.727)		(—3.188)
—0.604		—1.877		—9.817		—3.109	
	(—0.604)		(—1.877)		(—9.817)		(—3.109)

	S	S—13 13—X	S—C C—X	S—D D—X	S—E E—X	S—Z Z—X	S—W W—X
Juni.							
	h m s	h m s		h m s		h m s	h m s
14	16 27 24	5 50 47.726	—	5 32 23.63	—	0 16 20.30	23 52 [illegible]
		18 7 18.83		25 43.02		23 41 46.34	0 5 [illegible]
15	16 37 20	5 54 43.989	5 37 58.655	5 36 20.015	4 45 17.615	0 16 19.20	23 52 [illegible]
		18 3 20.54	18 20 5.82	18 21 44.55	19 12 47.01	23 41 45.39	0 5 [illegible]
16	16 51 46	5 58 40.33	5 41 57.99	5 40 17.53	4 49 15.41	0 16 18.15	23 52 [illegible]
		17 59 21.71	18 16 4.04	18 17 44.47	19 8 46.60	23 41 43.86	23 5 [illegible]
18	16 34 1	6 6 25.16	5 49 49.28	5 48 3.31	4 57 3.565	0 16 15.985	23 [illegible]
		17 51 32.90	18 8 8.79	18 9 54.75	19 0 54.499	23 41 42.07	0 5 52.99
19	16 43 28	6 10 21.82	5 53 47.95	5 51 59.05	5 1 0.975	0 16 15.02	23 51 [illegible]
		17 47 34.05	18 4 7.94	18 6 56.87	19 56 54.94	23 41 40.87	0 6 [illegible]
Juli.							
4	17 33 45	2 3 38.736		7 51 4.19		0 15 58.586	23 49 [illegible]
		21 53 47.304		16 6 21.84		23 41 27.45	0 7 [illegible]
5	17 39 40	2 7 34.37		7 55 0.89		0 15 57.32	23 49 [illegible]
		21 49 50.717		16 2 24.15		23 41 27.69	0 8 [illegible]
6	17 31 35	2 11 28.44		7 58 54.98		0 15 56.24	23 49 [illegible]
		21 45 55.47		15 58 28.95		23 41 27.67	0 8 [illegible]
7	17 42 31	2 15 24.77		8 2 51.88		0 15 54.61	23 49 [illegible]
		21 41 58.02		15 54 30.89		23 41 28.18	0 8 [illegible]
8	18 20 31	2 19 25.488		8 6 53.37		0 15 52.68	23 48 [illegible]
		21 37 56.648		15 50 28.768		23 41 29.49	0 8 [illegible]

*) Bei der Bildung dieser Mittelwerthe erhielten

S—K K—X	S—X nach X	B	C	D	E	Z	W	K	Mittelwerth von S—X *)
m s	h m s	s		s		s	s	s	h m s
58 4.88 0 1.83	23 58 6.70	6.56	—	6.65	—	6.64	6.64	6.71	23 58 6.659
57 22.05 0 42.50	23 58 4.61	4.53	s 4.47	4.57	s 4.62	4.59	4.62	4.55	23 58 4.577
56 39.10 1 22.91	23 58 2.02	2.04	2.03	2.00	2.01	2.01	2.01	2.01	23 58 2.015
55 14.79 2 43.26	23 57 58.06	58.06	58.07	58.06	58.06	58.06	58.05	58.05	23 57 58.058
54 52.56 2 23.35	23 57 55.90	55.87	55.89	55.92	55.91	55.89	55.90	55.91	23 57 55.900
57 23.61 0 2.43	23 57 26.036	26.04		26.03		26.04	26.03	26.04	23 57 26.037
57 20.13 0 4.87	23 57 25.02	25.09		25.04		25.01	25.01	25.00	23 57 25.021
57 17.02 0 6.89	23 57 23.91	23.91		23.93		23.91	23.91	23.91	23 57 23.912
57 13.73 0 9.07	23 57 22.78	22.79		22.77		22.79	22.78	22.80	23 57 22.786
57 10.536 0 11.63	23 57 22.17	22.14		22.14		22.17	22.17	22.17	23 57 22.164

ttleren Zeit Chronometer ein halbes Gewicht.

Y	S	So Red.	S—T	T—Y	XIII—Y
Juni 21		h m s			
h m s		5 59 8.47			h m s
15 53 57	h m s		h m s	h m s	18 13 51.195
17 12 18	17 12 16	+1 50.27_5	6 0 58.74_5	17 58 59.294	13 38.655
17 39 32	17 39 30	+1 54.74	6 1 3.21		13 34.291
18 11 35					13 29.15
Juni 22		6 3 5.02			
15 58 41					10 0.37
16 40 12	16 40 10	+1 44.37	6 4 49.39		9 53.645
17 21 27					9 46.965
18 57 12	18 57 10	+2 6.81	6 5 11.83	17 54 46.606	9 31.600
19 47 48					9 23.490
Juni 23		6 7 1.58			
15 50 36					6 11.315
16 43 24	16 43 23	+1 44.25	6 8 45.83	17 51 12.688	6 2.839
16 41 53	16 41 52	+1 44.00	6 8 45.58		6 3.082
17 19 22					5 57.062
Juni 24		6 10 58.14			
16 1 35					2 19.495
16 57 56	16 57 55	+1 45.99	6 12 44.13		2 10.408
17 32 5					2 4.898
18 27 36	18 27 35	+2 0.68	6 12 58.82	17 47 0. 02	1 56.030
19 15 4					1 48.455
Juni 25		6 14 54.69			
15 55 6					17 58 30.792
16 55 45	16 55 44	+1 44.98	6 16 39.67		58 21.085
17 29 54					58 15.620
18 6 12	18 6 11	+1 56.52_5	6 16 51.21_5	17 43 8.125	58 9.842
19 13 47					57 59.083
Juni 26		6 18 51.25			
14 31 15					54 54.818
15 9 42	15 9 42	+1 26.97	6 20 18.22	17 39 41.466	54 48.699
16 9 27					54 39.190
16 54 34	16 54 34	+1 44.15	6 20 35.40		54 31.982
17 36 54					54 25.220
Juni 27		6 22 47.82			
16 20 36					50 47.908
17 0 30	17 0 30	+1 44.47	6 24 32.29	17 35 27.593	50 41.535
16 56 24	16 56 24	+1 43.80	6 24 31.62		50 42.190
17 31 6					50 36.647
Juni 28		6 26 44.38			
15 15 53					47 8.418
15 54 48	15 54 48	+1 33.06	6 28 17.44	17 31 42.497	47 2.187
16 20 23					46 58.088
16 50 13	16 50 13	+1 42.14	6 28 26.52		46 53.327
17 31 52					46 46.678
Juni 29		6 30 40.94			
16 14 44					43 9.495
17 4 4	17 4 4	+1 43.76_5	6 32 24.70_5		43 1.599
18 12 50					42 50.603
19 8 12	19 8 12	+2 4.10	6 32 45.04	17 27 15.198	42 41.776
20 0 9					42 33.498
1 Juli		6 38 34.06			
17 13 39					35 21.055
17 52 54	17 52 54	+1 50.47	6 40 24.53	17 19 35.754	35 14.787
17 39 42	17 39 42	+1 48.31	6 40 22.37		35 16.896
18 11 18					35 11.850
2 Juli		6 42 30.61			
16 51 27					31 35.098
17 18 6	17 18 7	+1 44.13	6 44 14.74	17 15 45 789	31 30.842
17 12 28	17 12 29	+1 43.20	6 44 13.81		31 31.742
17 30 44					31 28.825

NICOLAJEW.

XIII—A	XIII—B	XIII—P	T—XIII	T—A	T—B	S—Y	S—P
h	h	h					
0	0	23					
m s	m s	m s	h m	h m	h m	h m	h m
13 57.12	11 35.92	59 41.250	23.45	23.59	23.56	23 59	23 59
57.31	36.05	41.211	s	s	s	s	s
57.38	36.10	41.198	20.639	17.95	56.689	**58.039**	39.250
57.46	36.15_5	41.182	20.540	17.92	56.635	58.046	39.241
14 1.00	38.50	40.43					
1.04	38.48	40.409	15.528	16.505	53.923	58.415	38.805
1.08	38.46	40.372					
1.35	38.64	40.330	15.006	16.356	53.646	**58.436**	38.766
1.50	38.73	40.308					
4.88	41.04	39.957					
5.02	41.09	39.913	9.849	14.869	50.939	**58.518**	38.431
5.02	41.09	39.914	9.855	14.870	50.942	58.518	38.431
5.12	41.12	39.883					
9.88	43.81	39.225					
10.03	43.85	39.236	4.341	14.291	48.136	58.815	38.083
10.12	43.88	39.242					
10.25	43.97	39.220	3.990	14.240	47.960	**58.84**	38.060
10.365	44.04	39.202					
			m				
14.44	46.58	38.388	44				
14.66	46.70	38.356	58.579	13.257	45.273	59.318	37.681
14.79	46.77	38.338					
14.93	46.86	38.328	58.283	13.213	45.143	**59.340**	37.668
15.19	47.04	38.309					
19.60	50.04	37.882					
19.77	50.15	37.839	52.767	12.537	42.917	**59.686**	37.525
20.04	50.33	37.772					
20.18	50.38	37.720	52.311	12.448	42.729	59.708	37.502
20.31	50.42	37.672					
24.46	53.93	37.130					
24.57	53.94	37.112	46.058	10.628	39.998	**59.883**	36.995
24.56	53.94	37.114	46.075	10.630	40.006	59.883	36.996
24.65	53.96	37.098					
30.12	57.10	36.702					
30.30	57.15	36.691	40.310	10.610	37.460	**59.937**	36.628
30.42	57.19	36.684					
30.52	57.24	36.650	40.077	10.607	37.356	59.943	36.614
30.65	57.31	36.602					
						h m	
36.35	12 0.58	36.083				0 0	
36.56	0.66	36.069	33.956	10.457	34.570	0.213	36.290
36.85	0.77	36.049					
37.02	0.91	36.022	33.422	10.442	34.332	**0.238**	36.260
37.19	1.04	35.997					
48.88	7.85	35.217					
49.04	7.98	35.202	20.967	10.007	28.947	**0.284**	35.486
48.99	7.94	35.207	21.024	10.010	28.972	0.282	35.489
49.12	8.04	35.195					
54.58	11.27	34.712					
54.68	11.30	34.633	14.947	9.627	26.247	**0.529**	35.162
54.66	11.29	34.649	14.971	9.629	26.258	0.528	35.163
54.73	11.31	34.595					

Tägliche Chronometergänge

(Eingeklammert sind die für die Uebertragung der Chronometercorrectionen auf die Momente der Signalwechsel gebrauchten Gänge).

		XIII.		A.		B.		Y.		P.	
Juni	21		(—5.250)		(—1.486)		(—2.837)		(+0.370)		(—0.451)
		—5.250		—1.486		—2.837		+0.370		—0.451	
	22		(—5.486)		(—1.569)		(—2.917)		(+0.218)		(—0.407)
		—5.685		—1.639		—2.984		+0.090		—0.369	
	23		(—5.584)		(—1.157)		(—2.890)		(+0.186)		(—0.358)
		—5.464		—0.587		—2.779		+0.300		—0.346	
	24		(—5.636)		(—0.825)		(—2.821)		(+0.408)		(—0.373)
		—5.794		—1.043		—2.860		+0.508		—0.398	
	25		(—6.054)		(—0.899)		(—2.658)		(+0.448)		(—0.274)
		—6.285		—0.770		—2.478		+0.394		—0.163	
	26		(—6.260)		(—1.220)		(—2.583)		(+0.299)		(—0.311)
		—6.229		—1.772		—2.711		+0.183		—0.492	
	27		(—6.120)		(—0.843)		(—2.684)		(+0.116)		(—0.435)
		—6.023		—0.019		—2.660		+0.057		—0.385	
	28		(—6.046)		(—0.078)		(—2.704)		(+0.152)		(—0.357)
		—6.073		—0.148		—2.757		+0.265		—0.324	
	29		(—6.191)		(—0.176)		(—2.761)		(+0.176)		(—0.351)
		—6.394		—0.223		—2.765		+0.024		—0.397	
Juli	1		(—6.244)		(—0.334)		(—2.766)		(+0.175)		(—0.354)
		—6.169		—0.389		—2.767		+0.251		—0.332	
	2		(—6.169)		(—0.389)		(—2.767)		(+0.251)		(—0.332)

		S	S — XIII XIII — У	S — A A — У	S — B B — У	S — P P — У	S — У nach У	S — У XIII	S — У A	S — У B	S — У P	Mittelwerth von S — У*)
		h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	s	s	h m	s	s	h m s
Juni	21	17 39 30	5 46 23.750	6 0 21.13	5 57 59.845	23 59 39.241			23. 59			
			18 13 34.291	17 59 36.911	18 1 58.191	0 0 18.802	58.046	58.041	58.041	58.036	58.043	23 59 58.042
	22	16 40 10	5 50 4.918	6 4 5.895	6 1 43.313	23 59 38.805						
			18 9 53.645	17 55 52.605	17 58 15.165	0 0 19.591	58.415	58.563	58.500	58.478	58.396	58.443
	23	16 41 52	5 53 55.435	6 8 0.450	6 5 36.522	23 59 38.431						
			18 6 3.082	17 51 58.062	17 54 21.992	0 0 20.086	58.518	58.517	58.512	58.514	58.517	58.516
	24	16 57 55	5 57 48.471	6 11 58.421	6 9 32.266	23 59 38.083						
			18 2 10.408	17 48 0.378	17 50 26.558	0 0 20.764	58.815	58.879	58.799	58.824	58.847	58.834
	25	16 55 44	6 1 38.249	6 15 52.927	6 13 24.943	23 59 37.681						
			17 58 21.085	17 44 6.425	17 46 34.385	0 0 21.644	59.318	59.334	59.352	59.328	59.325	59.328
	26	16 54 34	6 5 27.711	6 19 47.848	6 17 18.129	23 59 37.502						
			17 54 31.982	17 40 11.802	17 42 41.602	0 0 22.280	59.708	59.693	59.650	59.731	59.782	59.735
	27	16 56 24	6 9 17.695	6 23 42.250	6 21 11.626	23 59 36.996						
			17 50 42.190	17 36 17.630	17 38 48.250	0 0 22.886	59.883	59.885	59.880	59.876	59.882	59.881
	28	16 50 13	6 13 6.597	6 27 37.127	6 25 3.876	23 59 36.614						
			17 46 53.327	17 32 22.807	17 34 56.087	0 0 23.350	59.943	59.924	59.934	59.963	59.964	59.953
	29	17 4 4	6 16 58.661	6 31 35.162	6 28 59.275	23 59 36.290	h m 0 0					
			17 43 1.599	17 28 25.039	17 31 0.939	0 0 23.931	0.213	0.260	0.201	0.214	0.221	h m 0 0 0.220
Juli	1	17 39 42	6 24 43.394	6 39 32.380	6 36 51.342	23 59 35.489						
			17 35 16.896	17 20 27.906	17 24 8.956	0 0 24.793	0.282	0.290	0.286	0.298	0.282	0.286
	2	17 12 29	6 28 28.781	6 43 23.439	6 40 40.068	23 59 35.163						
			17 31 31.742	17 16 37.082	17 20 20.452	0 0 25.351	0.528	0.523	0.521	0.520	0.514	0.520

*) Bei der Bildung der Mittelwerthe haben die Chronometer folgende Gewichte erhalten:

Chronometer:	У	XIII	A	B	P
Gewichte:	2	1	1	2	4.

Die bis hierher angeführten Rechnungen wurden von jedem betreffenden Beobachter nur für seine eigenen Beobachtungen gemacht. Alle weiteren Rechnungen wurden der Controlle wegen von uns beiden und daher doppelt ausgeführt.

Bei dem Signalwechsel wurde aus allen in einem Satz Signale bemerkten Coincidenzen die arithmetisch mittlere Differenz: Arbeitschronometer—Dreizehnschläger, gebildet, welche dem Momente der in der mittleren (5ten) Reihe bemerkten Coincidenz enstsprach. Die Bildung solcher Differenzen wurde durch eine von Kortazzi entworfene Tabelle wesentlich erleichtert. Das arithmetische Mittel aus den Anfangsmomenten der 5ten Reihen beider von mir gegebenen und von Kortazzi empfangenen Signalsätze wurde als mittlerer Moment des Signalwechsels angenommen und zu diesem Moment wurden sämtliche aus allen Sätzen von beiden Beobachtern erhaltene Differenzen: Arbeitschronometer — Dreizehnschläger, reducirt. Dabei wurden natürlich, wo es nöthig war, die relativen Gänge der Chronometer berücksichtigt.

Der in solcher Weise abgeleitete Unterschied: Arbeitschronometer—Dreizehnschläger, repräsentirt eigentlich den Unterschied der Angaben beider Chronometer, welche sich auf zwei verschiedene physische Momente beziehen in Folge der so genannten Stromgeschwindigkeit und der Differenz der persönlichen Gleichung beider Beobachter beim Aufgeben und Empfangen der Signale. Vorausgesetzt, dass letztere Differenz sehr klein und die Stromgeschwindigkeit während des Signalwechsels constant sei, geben die Unterschiede von zwei Werthen von X—Y, welche aus den Signalen von beiden Stationen, der westlichen und der östlichen, erhalten wurden, die doppelte Stromgeschwindigkeit: 2 v.

In der folgenden Tabelle sind die soeben erwähnten Grössen mit Hinzufügung der zur Bildung von X—Y nöthigen Chronometervergleichungen gegeben.

Datum.	Mitt. Mom. d. Signalwechsels. nach X	nach Y	X — 13 Chronometervergleichung.	Y — 13 Signale.	X — XIII Signale.	Y — XIII Chronometervergleichung.	X — Y nach Signalen aus Nic. n. Ch.	X — Y nach Signalen aus Ch. n. Nic.	2v
	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	h m s	s
Juni 14	16 29 17	16 10 26	5 52 41.17	5 33 49.708	5 38 15.485	5 19 23.95	+0 18 51.535	+0 18 51.462	0 07
15	16 39 15	16 20 22	56 39.46	37 45.660	42 8.947	23 15.11	53.837	53.800	4
16	16 53 44	16 34 48	6 0 38.29	41 42.106	46 3.780	27 7.57	56.210	56.184	3
17	16 30 5	16 11 7	4 29.46	45 31.358	49 51.530	30 53.38	58.150	58.102	5
18	16 36 3	16 17 2	8 27.10	49 26.437	53 44.566	34 43.82	19 0.746	19 0.663	8
19	16 45 32	16 26 29	12 25.95	53 22.490	57 38.189	38 34.70	3.489	3.460	3
21	17 58 41	17 39 32	20 32.30	6 1 22.975	6 5 35.104	46 25.71	9.393	9.325	7
22	16 59 24	16 40 12	24 20.34	5 8.358	9 18.424	50 6.35	12.074	11.982	9
23	17 1 7	16 41 53	28 17.14	9 2.966	13 11.173	53 56.92	14.253	14.174	8
24	17 17 12	16 57 56	32 16.79	13 0.220	17 6.259	57 49.59	16.669	16.570	10
25	17 15 4	16 55 45	36 13.05	16 53.722	20 58.345	6 1 38.92	19.425	19.328	10
26	17 13 55	16 54 34	40 8.76	20 47.689	24 49.180	5 28.02	21.160	21.071	9
27	17 15 47	16 56 24	44 5.92	24 42.450	28 41.347	9 17.81	23.537	23.470	7
28	17 9 38	16 50 13	48 1.07	28 35.384	32 32.380	13 6.67	25.710	25.686	2
29	17 23 33	17 4 4	51 59.87	32 31.561	36 26.794	16 58.40	28.394	28.309	8
Juli 4	17 36 19	17 16 42	2 6 12.70	1 46 35.657	55 44.826	6 36 7.71	37.116	37.043	7
5	17 42 15	17 22 37	10 9.28	50 30.964	59 36.513	39 58.11	38.403	38.316	9
6	17 34 11	17 14 31	14 4.53	54 24.665	7 3 26.264	43 46.32	39.944	39.865	8
7	17 45 8	17 25 27	18 1.98	58 20.603	7 19.08[illegible]	47 37.65	41.432	41.377	5
8	18 23 9	18 3 27	22 3.35	2 2 20.981	11 15.963	51 33.58	42.383	42.369	1
	U	Y	U — XIII	Y — XIII	U — XIII	Y — XIII	Y — U		
1	16 54 56	17 39 42	5 39 56.70	6 24 43.133	5 39 56.728	6 24 43.10	+0 44 46.433	+0 44 46.372	6
2	16 27 41	17 12 28	43 40.98	28 28.282	43 40.998	28 28.26	47.302	47.262	4

Die zur Ableitung der Längendifferenzen dienenden Grössen und die Längendifferenzen selbst sind in folgender Tabelle zusammengestellt, wobei mit C_x und C_y die Correctionen gegen die Sternzeit der Arbeitschronometer in Charkow und Nicolajew, mit L die gesuchte Längen-Differenz, α der Unterschied der persönlichen Gleichungen beider Beobachter und (X—Y) das Mittel aus den beiden vorhin angeführten Werten von X—Y bezeichnet sind.

Datum.	Charkow. Beobachter.	Charkow. Anzahl der Uhrcorr.	Nicolajew. Beobachter.	Nicolajew. Anzahl der Uhrcorr.	C_x	C_y	$C_x - C_y$	(X — Y)	L + α	L — α	Gewicht.
					h m s	h m s	m s	h m s	h m s		
Juni 14	Lew.	4	Kor.	2	23 58 6. 66	23 59 56. 28	—1 49. 62	+0 18 51.499	0 17 1.88		1/2
16	„	8	„	1	2. 01$_5$	56. 20	—1 54. 18$_5$	56.197	2.01		1/2
18	„	9	„	5	57 58. 06	56. 62	—1 58. 56	19 0.705	2.15		1
19	„	8	„	6	55. 90	57. 13	—2 1. 23	3.475	2.25		1
										h m s	
21	Kor.	4	Lew.	8	50. 33	58. 04	—2 7. 71	9.359		0 17 1.65	1
22	„	3	„	5	48. 12	58. 44	—2 10. 32	12.028		1.71	1
23	„	5	„	8	46. 10	58. 52	—2 12. 42	14.214		1.79	1
25	„	5	„	7	41. 69	59. 33	—2 17. 64	19.377		1.74	1
26	„	6	„	4	40. 32	59. 73$_5$	—2 19. 41$_5$	21.115		1.70	1
29	„	5	„	5	33. 58	0 0 0. 22	—2 26. 64	28.352		1.71	1
Juli 4	Lew.	7	Kor.	6	26. 04	0. 86	—2 34. 82	37.080	2.26		1
5	„	2	„	5	25. 02	1. 21	—2 36. 19	38.359	2.17		1/2
6	„	8	„	6	23. 91	1. 58	—2 37. 67	39.904	2.23		1
7	„	7	„	6	22. 79	2. 03	—2 39. 24	41.404	2.16		1
8	„	7	„	8	22. 16	2. 34	—2 40. 18	42.376	2.20		1

Bestimmung der relativen persönlichen Gleichung in Nicolajew.

Datum.	Beobachter.	Anzahl	Beobachter.	Anzahl	$U_l = S_l - Y$	$U_k = S_k - U$	$U_l - U_k$	Y — U	α	Gewicht.
Juli 1	Lew.	7	Kor.	7	0 0 0.286	0 44 46.52	—0 44 46.234	0 44 46.403	0.17	1
2	„	8	„	8	0.520	47.60	47.080	47.282	0.20	1

Wie man sieht, ist die Uebereinstimmung der einzelnen Werthe von $L+\alpha$ und $L-\alpha$ eine befriedigende mit Ausnahme zweier Werthe von $L+\alpha$ am 14 und 16 Juni. Zwar bekommen diese Werthe nur ein halbes Gewicht in Folge dessen, dass an den betreffenden Tagen in Nicolajew (und am 14 Juni auch in Charkow) zu wenig Uhrcorrectionen erhalten werden konnten. Doch ist es auch nicht unmöglich, dass beim Beginn der Arbeit bei mir eine bedeutende Schwankung des persönlichen Fehlers vorgekommen war. Unter Berücksichtigung der in der letzten Columne der vorangehenden Tabelle angeführten Gewichte bekommen wir:

$$L = 0^h\ 17^m\ 1^s 94 \pm 0^s 014$$
$$\text{und } \alpha = 0^s 23$$

Für die letzte Grösse giebt die unmittelbare Bestimmung:

$$\alpha = 0^s\ 18_5$$

Addirt man zu dem soeben erhaltenen Werth von L die Reduction zu dem Centrum der Sternwarte in Nicolajew und zu der Mitte des Meridiankreises in Charkow, so bekommt die Längen-Differenz beider letztgenannten Punkte den Werth:

$$0^h\ 17^m\ 1^s 97.$$

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Нѣсколько словъ по поводу книги Л. Ю. Шепелевича: „Этюды о Дантѣ. Апокрифическое Видѣніе св. Павла“. Вып. I (1890). Вып. II (1891).

Заглавіе книги г. Шепелевича не совсѣмъ точно: о Дантѣ здѣсь мы не находимъ ничего, кромѣ того немногаго, что заключаютъ въ себѣ двѣ послѣднія главы 2-й ч. („Воскресный покой Павлова видѣнія“ и „Лѣствица адскихъ наказаній“ въ „Павловомъ Видѣніи“ и „Божественной Комедіи“). Книга представляетъ спеціальное изслѣдованіе о П. В. и къ литературѣ о Дантѣ отношенія не имѣетъ, въ особенности въ виду тѣхъ отрицательныхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ г. Шепелевичъ въ концѣ своего изслѣдованія: на вопросъ—„существуетъ-ли извѣстное отношеніе между тѣми образцами, которые рисуетъ въ аду народное воображеніе въ нашемъ скромномъ памятникѣ, и первою частью великой Дантовской поэмы“ авторъ отвѣчаетъ: „сравненіе и содержаніе извѣстныхъ намъ западныхъ редакцій и версій П. В. съ поэмой Данта способно лишь дать отрицательный выводъ“ (гл. V, стр. 78); „только въ немногихъ случаяхъ мы можемъ указать на общіе образы и концепціи,—но и это сходство весьма смутно и отдаленно“ (стр. 96); съ послѣднимъ выводомъ мы не вполнѣ согласны.

Г. Шепелевичъ внесъ въ свой трудъ чрезвычайно интересный рукописный матеріалъ—5 славянскихъ списковъ Павлова Видѣнія, одинъ болгарскій (изъ собранія проф. М. С. Дринова), латинскій XIV ст. и 2 французскихъ XIII и XIV вв. Остались неизвѣстны автору: одна французская и италіанская редакціи изслѣдуемаго имъ памятника и отрывокъ коптской редакціи въ изданіи Dulaurier.

Не можемъ не высказать сожалѣнія, что г. Шепелевичъ не воспользовался румынскимъ спискомъ Павлова Видѣнія, изданнымъ Hasdeu въ числѣ „богомильскихъ“ текстовъ изъ сборника попа Григорія (XVI в.). Полагаемъ, что указаніе на румынскій списокъ даннаго апокрифа и

его отношеніе къ славянскимъ, въ особенности-же къ чрезвычайно любопытному болгарскому, бывшему у автора подъ рукою, было-бы интересно.

Мы не имѣемъ въ виду дать здѣсь полный отчетъ о трудѣ г. Шепелевича, заслуживающемъ полнаго вниманія; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые недосмотры автора и неточности.

Всѣ извѣстныя намъ эсхатологическія сказанія находятся между собою въ большемъ или меньшемъ родствѣ. Нельзя не видѣть самой тѣсной связи между „Павловымъ Видѣніемъ" и „Хожденіемъ Богородицы по мукамъ". Сдается намъ, что г. Шепелевичу слѣдовало-бы привлечь для сравненія съ изслѣдуемымъ имъ апокрифомъ и родственный, столь-же популярный апокрифическій памятникъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ". Сходство между указанными апокрифами—не только во внѣшней схемѣ, но и въ деталяхъ; параллели здѣсь можно подобрать не случайныя. Богородица отправляется въ адъ посмотрѣть на муки грѣшниковъ; съ тою-же цѣлью идетъ въ адъ и св. Павелъ; мученія, видимыя Богородицей и апостоломъ, аналогичны (въ нѣкоторыхъ изводахъ „Павлова Видѣнія" о мученіяхъ говорится подробнѣе чѣмъ въ „Хожденіи Богородицы", и мученія разновиднѣе); грѣшники П. В. погружены въ рѣку такимъ-же образомъ, какъ и въ Х. Б. („и много множество мужь и҆ женъ. погружены-а въ ней (=рѣкѣ) до колѣну а другиı-а до пупу. другиı-а же до оустиу. а҆ дроугиı-а до власъ главьнъıхъ", въ изданіи Тихонравова; „и видѣхъ въ рѣката огненна че бѣше народъ много мъжи и жены едни бяха до шія. а други до поясъ, а други до колѣне", ркп. М. С. Дринова; „animas dimersas usque ad genua, alias usque ad umbelicum alii usque ad labia, alii usque ad supercilia", Шепелевичъ, II, 98. Въ Х. Б: ὅπου ὁ ποταμός.... κἀκεῖ κατεκεῖτο πλῆθος ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν, οἱ μεν ἕως ζώνης, οἱ δὲ ἕως στήθους, ἄλλοι δὲ ἕως τραχήλου, ἕτεροι δε ἕως κορυφῆς"; „иде же рѣка исхожаше огньна. и тоу бяше множьство моужь и женъ. и бяхоу погроужени. ови до поюса, ови до пазоухоу. ови до шию. а дроузии до върха" (въ изд. Срезневскаго). Въ числѣ мучающихся Богородица видитъ тѣхъ, кто не вѣровалъ въ Отца, Сына и Духа и св. Богородицу, тѣхъ, кто не вѣрилъ въ рожденіе Христа отъ нея; апостолъ Павелъ видитъ „ὅσοι οὐκ ὡμολόγησαν θεοτόκον τὴν ἁγίαν Μαρίαν καὶ ὅτι ἐνηντρώπησεν ἐξ αὐτῆς ὁ Κύριος". Богородица встрѣчаетъ въ аду книжника, который прочиталъ Евангеліе и поучалъ народъ въ Законѣ Божіемъ, но самъ не ходилъ въ законѣ; („се ı-есть гже иже стыı-а книгы прочиташе и еуаглиı-а самъ не послушаше. Люди оучаше а самъ не творяше волı-а бжиı-а"; „οὗτος ἐστὶν ἀναγνώστης, ὅστις τὸν λαὸν ἐδίδασκεν, αὐτὸς δὲ τὰς

ἐντολὰς τοῦ θεοῦ οὐκ ἐποίησεν", въ изд. Срезневскаго); св. Павелъ: мученія чтеца, который училъ людей, а самъ не соблюдалъ заповѣдей божіихъ; „се его-же видиши цтець бѣ, иже оучаше, люди. самже заповѣди бжы-а не сохрани", Тихонравовъ. „Тозіе даскалъ та хората оучеще на законъ. а тои сам не държеше. законъ", ркп. М. С. Дринова. „This one was a reader and teacher in the world but he would not him self keep one of the words which he taughtd", сирійская редакція, Tischendorf. При видѣ мученій Богородица плачетъ; ангелъ, увидѣвъ ея слезы, говоритъ: „еще не видѣла, св. Богородица, великихъ мукъ". Св. Павелъ также плачетъ (плачетъ и Дантъ: Inf. III, 22—25) *), и ангелъ говоритъ ему, что самыхъ ужасныхъ мукъ онъ еще не видѣлъ. Грѣшники обращаются къ Богородицѣ и апостолу съ одною и тою-же просьбою: о заступничествѣ предъ Христомъ. Какъ Богородица, такъ и св. Павелъ исполняютъ просьбу грѣшниковъ—обращаются къ Господу. Господь въ томъ и другомъ апокрифѣ считаетъ грѣшниковъ недостойными божественнаго милосердія, но ради Богородицы и ради Павла даетъ грѣшникамъ извѣстный перерывъ—ἀνάπαυσις, refrigerium—въ адскихъ мученіяхъ".

Въ особенности же несомнѣнно для насъ вліяніе „Хожденія Богородицы" на болгарскій изводъ „Павлова Видѣнія" (ркп. М. С. Дринова): въ Х. Б. дается перерывъ въ мученіяхъ отъ Великаго четверга до Троицы (ἁγίαν Πεντεκόστην) (см. Тихонравовъ и Срезневскій); въ П. В. отъ Свѣтлаго Праздника до Троицы; вліяніе Х. Б. мы усматриваемъ и на сербскомъ изводѣ П. Видѣнія (изд. Поливки): въ Х. Б. мучаются въ аду тѣ, кто не вставалъ на заутреню въ святую недѣлю (ἁγίᾳ κυριακῇ); въ текстѣ Поливки: „иже въ святую недѣлю не вьстають на утрьню и литургую".

Указанныя сходныя черты въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ" и „Павловомъ Видѣніи" представляются намъ не случайными. Намъ кажется, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно указать на генетическую связь, на единство основы между памятниками, однородными по содержанію, слѣдуетъ искать въ нихъ родственныхъ мотивовъ; въ данномъ случаѣ эти мотивы на лицо, и есть возможность указать и на генетическую связь между „Видѣніемъ Павла" и „Хожденіемъ Богородицы по мукамъ".

*) ταῦτα ἀκούσας ἐγὼ ἔκλαυσα πικρῶς καὶ ἀτενίσας εἰς τὸ στερέωμα ἴδον τὸν οὐρανὸν ἀνεῳγότα (Tischendorf, Apocal. Apocr., 62). „And when i was weeping over these things, the angel said". (Сирійск. редакція, Tischendorf, l. c.) „et tunc flevit beatus Paulus et dicit Vae peccatoribus". „Азъ восплакахъ", говоритъ Павелъ (ркп. М. С. Дринова), „и възрѣвши на нь сті-а бця. и въсплакася вельми", „καὶ ἰδοῦσα ἡ παναγία ἔκλαυσεν" (въ изданіи Срезневскаго).

Въ изслѣдованіи г. Шепелевича мы не нашли указанія на другой апокрифическій памятникъ, оказавшій, какъ намъ кажется, несомнѣнно извѣстное вліяніе на нѣкоторые изводы „Павлова Видѣнія". Разумѣемъ „Эпистолію о Недѣлѣ" (Ἐπιστολὴ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, Epistole Domini Nostri I. Christi, filii Dei).

Г. Шепелевичъ излагаетъ вкратцѣ исторію развитія воскреснаго культа на востокѣ и на западѣ (II ч. стр. 63—66), пользуясь изслѣдованіемъ акад. А. Н. Веселовскаго (Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. Ж. М. Н. Пр. LXXXIV); приводитъ постановленія нѣскольких соборовъ, указывающія на постепенное развитіе обязательности воскреснаго культа. „Большинство передѣлокъ П. В. имѣютъ въ виду поученія о необходимости достойнаго празднованія воскреснаго дня" (II, 66). Авторъ указываетъ только на каноническія постановленія относительно необходимости культа воскреснаго дня. Намъ кажется, что эти каноническія постановленія не непосредственно повліяли (какъ полагаетъ г. Шепелевичъ) на тѣ эпизоды Павлова Видѣнія, которые представляютъ собою родъ поученій о достойномъ празднованіи воскреснаго дня. Между каноническими постановленіями и указанными проповѣдями должно быть посредствующее звено, и это звено мы видимъ въ „Эпистоліи о Недѣлѣ". Послѣдняя относится къ VI в.; упала она съ неба и написана будто-бы Самимъ Христомъ. Эпистолія дошла до насъ въ многочисленныхъ и разноячныхъ спискахъ (ак. А. Н. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. CLXXXIV), что, конечно, указываетъ на широкое распространеніе апокрифа. Всѣ списки эпистоліи въ основныхъ мотивахъ сходны по содержанію. Эпистолія требуетъ почитанія воскреснаго дня, грозитъ непочитающимъ его казнями, смертью; всѣ должны принять эпистолію со „страхомъ божіимъ". Нарушителямъ воскреснаго культа грозятъ: „каменіе огненое, вода горящая"... Содому и Гоморѣ лучше будетъ въ день судный, „нежели граду и вѣси, мѣсту и двору, иже не пріимѣть епистолья сея страхомъ божіимъ". Господь обѣщаетъ „omnia mala... et addam vobis malum super quod habuistis"... „Καὶ ἐὰν οὐ μετανοήσητε, ποιήσω ἐγὼ χειμῶνας καὶ παραλαγμοὺς καὶ πῦρ χαχλάζον ἐξ οὐρανοῦ, καὶ ἀχρίδας καὶ βρούχους, καὶ ποταμοὺς ἀτάχτους" (ак. А. Н. Веселовскій, l. c.).—Такого рода посланіе, притомъ какъ бы упавшее съ неба, не могло, конечно, не производить извѣстнаго впечатлѣнія на умы. Полагаемъ, что каноническія постановленія относительно воскреснаго культа вызвали это апокрифическое посланіе. Возможнымъ представляется намъ предположеніе, что тѣ литературные памятники, которые имѣютъ въ виду культъ воскреснаго дня, возникли подъ непосредственнымъ

вліяніемъ эпистоліи. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ мучаются на одрахъ „яко пламень и огнь иже *въ св. недѣлю* на заутреню не встають“. Въ спискѣ „Павлова Видѣнія“ Поливки (XXI к. Starine) „въ дну адову мучетьсе иже въ св. недѣлу нь вьстають на заутрьню“.—Высказанное предположеніе кажется намъ вѣроятнымъ: на умы всегда большее дѣйствіе оказывали и оказываютъ до сихъ поръ не сухія догматическія постановленія, а литературныя — религіозно-фантастическія, которыя популяризируютъ и иллюстрируютъ постановленія каноническія; религіозно-фантастическія произведенія, какъ извѣстно, и до сихъ поръ пользуются у народа такимъ-же уваженіемъ, какъ и св. книги*). Едва-ли возможно предполагать, что соборныя опредѣленія относительно важности воскреснаго дня могли производить большее впечатлѣніе и были-бы доступнѣе, чѣмъ эпистолія, будто-бы упавшая съ неба и писанная самимъ Христомъ, эпистолія обѣщающая такъ жестоко карать непочитающихъ „св. недѣли“. Каноническія постановленія отразились на указываемыхъ г. Шепелевичемъ эпизодахъ Павлова Видѣнія, но не непосредственно, а чрезъ посредство „Эпистоліи о Недѣлѣ“. Наши предположенія основываются, между прочимъ, на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Неизданная италіанская ркп. XV в. (г. Шепелевичъ указываетъ на нее, но она осталась ему неизвѣстна) въ неополитанской библ. примыкаетъ къ статьѣ о воскресномъ днѣ: la epistola de la domenga volgare.

2) Брандесъ (Visio S. Pauli) указываетъ на прозаическую нѣмецкую версію Павлова Видѣнія. Передъ апокрифомъ—статья, имѣющая нѣкоторое сродство съ Видѣніемъ: „Bottschaft Christi, die er auf dem Altar S. Peters zu Rom geschrieben“. Здѣсь говорится о выгодахъ для людей отъ почитанія воскреснаго дня и карахъ нарушителямъ воскреснаго культа.

3) Въ послѣсловіи французской передѣлки (IV редакція) Павлова Видѣнія авторъ уясняетъ значеніе воскреснаго дня и говоритъ, какія событія къ нему пріурочены (эпистолія, опредѣляя святость воскреснаго дня, перечисляетъ событія, относящіяся къ этому дню), какъ слѣдуетъ вести себя въ этотъ день.

4) Въ прологѣ къ нѣмецкой прозаической версіи Павлова Видѣнія (напечатано Брандесомъ (l. c.) въ приложеніи) перечисляется, что было сдѣлано въ воскресный день (г. Шепелевичъ по этому поводу замѣчаетъ:

*) Борьба, которую ведетъ наше сельское духовенство противъ „сна Богородицы“, запрещеніе перепечатывать этотъ апокрифъ (въ изд. для народа), недавно изданныя брошюрки противъ „сна Богородицы“ не вполнѣ достигаютъ своей цѣли: „сонъ Богородицы“ переписывается; рукописи хранятся какъ талисманы у иконъ; иными носятся на груди. Обѣщаніямъ апокрифа придается вѣра. Также могли вѣрить и казнямъ, угрозамъ, на которыя такъ щедра „Эпистолія о Недѣлѣ“.

„факты, конечно (?), заимствованы изъ св. исторіи“). Такое-же перечисленіе событій, какъ изъ ветхо-, такъ и ново-завѣтной исторіи приуроченныхъ къ воскресенью, встрѣчается въ славянскихъ изводахъ эпистоліи, между прочимъ и въ чешскихъ спискахъ эпистоліи: „List s nebe“ „List prstem Božim psany“.

5) Въ спискѣ Павлова Видѣнія Поливки мы находимъ проповѣдь о воскресномъ днѣ: „слышите братие, сказую вамъ: день светые недѣлы великъ есть и за небо недѣла прьвій дьнь божій есть: понеже сы дьнь божи ест; сего ради повеле богъ почитати дьнь св. недѣлы, иже не почитають дьнь св. недѣле, сіи людіе не суть божи и покоя не имають ти душе на томъ свету, но въ дну адову мучетьсе иже въ св. недѣлу нь встають на заутрену“.

Было-бы желательно, сдается намъ, встрѣтить въ трудѣ г. Шепелевича указаніе на „Эпистолію о Недѣлѣ“ — памятникъ чрезвычайно важный для изслѣдователя „апокрифическаго Видѣнія Павла“.

Въ главѣ о „Воскресномъ покоѣ въ Павловомъ Видѣніи“ мы замѣтили нѣкоторыя неточности. На стр. 63 г. II ч. г. Шепелевичъ говоритъ: „большинство передѣлокъ П. В. повѣствуютъ, что, ради ходатайствъ св. Павла, арх. Михаила и сонма святыхъ и угодниковъ, грѣшники освобождаются отъ мукъ „въ день и ночь святыя недѣли“. (Въ выноскѣ: Ab hora nona sabbati usque in prima hora secunde feriae (w); „ω 9-го часа суботе до расвитающаго понедѣльника (Поливка)“. На стр. 66: „мы видѣли, что большинство передѣлокъ Павлова Видѣнія..... оттѣняютъ тотъ эпизодъ, что Господь, по просьбѣ св. Павла, арх. Михаила и угодниковъ, даетъ отдыхъ осужденнымъ на вѣчныя мученія по *воскресеньямъ*“. Авторъ упустилъ изъ виду греческую редакцію Павлова Видѣнія (Apocalyps. Apocryphae, Tischendorf) и болгарскій изводъ (ркп. М. С. Дринова). Въ греческомъ текстѣ отдыхъ дается осужденнымъ разъ въ годъ, но не каждое воскресенье; „δίδωμι ὑμῖν νύχταν καὶ τὴν ἡμέραν τῆς ἁγίας χυριαχῆς, ἐν ᾗ ἠγέρθην ἐν νεχρῶν“. Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о покоѣ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе = χυριαχή Λαμπρά, μεγάλη χυριαχή *). Въ болгарскомъ текстѣ „та давамъ намъ покой даси ωпо-

*) „Авторъ Павлова Видѣнія“, замѣчаетъ г. Шепелевичъ, „кто-бы онъ ни былъ, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая высказывалась и до него“. Аврелій Пруденцій (348—408?) въ своемъ гимнѣ высказываетъ почти тоже, что авторъ П. В. въ обращеніи Христа“ (II, 68). Намъ сдается, что Аврелій Пруденцій подъ „feriae sub Styge“ разумѣетъ такъ-же, какъ и авторъ П. В. (греческ. редакція), только *одинъ день*: Sunt..... sub Styge, feriae *illa nocte* sacer qua rediit Deus Stagnis *ad Superos ab Acheruntiis*.

чините ѿ стое воскрніе мое до пятьдесятница сиречь ста Трца не раздѣлная". Въ болѣе древнемъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ П. В. отдыхъ дается только *одинъ* разъ въ годъ: въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ болѣе позднихъ—молитвѣ придается бо́льшая сила: она способна вызвать большее милосердіе божіе, дать грѣшникамъ болѣе частый отдыхъ: освобожденіе отъ мученій не только въ день, когда празднуется Воскресеніе Христово, но и въ тѣ дни, которые установлены церковью въ воспоминаніе о великомъ моментѣ Воскресенія Христа; во многихъ спискахъ П. В. отдыхъ дается еженедѣльно по воскресеньямъ: въ день и нощь св. недѣли.

Deus dedit eis refrigerium omnibus diebus dominicis et noctibus usque in diem judicii.

Repos vus durrai del none al Samadi Tresque vienge la prima ura del luendi. Gib euch ru und rest allen den, die in peinen sind, ewichleichen von Sampcztag ze nonzeit uncz an den mantag ze primzeit (Brandes, o. c. въ приложеніяхъ).

Въ болгарскомъ изводѣ П. В., который г. Шепелевичъ считаетъ совершенно справедливо наиболѣе позднимъ изъ извѣстныхъ ему списковъ апокрифа, временемъ отдыха для осужденныхъ на вѣчныя мученія служитъ промежутокъ отъ Свѣтлаго Христова Воскресенія до Троицына дня. Этимъ значительно разнится болгарскій изводъ не только отъ всѣхъ изводовъ восточной группы текстовъ, но и западныхъ. Было уже указано, что пятидесятидневный отдыхъ въ болгарскомъ изводѣ можетъ быть объясненъ вліяніемъ на П. В. нѣкоторыхъ списковъ Хожденія Богородицы по мукамъ (въ сербскомъ спискѣ Х. В.—рип. проф. Григоровича—отдыхъ дается грѣшникамъ отъ Великаго Четверга до недѣли всѣхъ святыхъ, т. е. 57 дней; въ греческомъ спискѣ (изданномъ Hasdeu): „δίδω ἀνάπαυσιν εἰς τοὺς ἡμέρας πεντήκοντα ἑπτά: ἤγου ἀπὸ τὴν λαμπρὰν ἕως τῶν ἁγίων παντων".

Эпизоды Хожденія Богородицы по мукамъ и Павлова Видѣнія, повѣствующіе о божественномъ милосердіи къ осужденнымъ на вѣчныя мученія, на нашъ взглядъ, имѣютъ историко-литературное значеніе: встрѣчаются они во многихъ памятникахъ не только апокрифическаго содержанія, проникаютъ и въ fableaux. Было-бы интересно попытаться опредѣлить, въ какомъ изъ апокрифическихъ памятниковъ указанный эпизодъ появляется впервые. Помимо историко-литературнаго эти эпизоды могутъ имѣть и историко-культурное значеніе.—Какъ объяснить указанную выше разницу относительно продолжительности покоя грѣшниковъ въ аду—ἀναπάυσις, refrigerium—въ различныхъ спискахъ Павлова Видѣнія? Можно, кажется намъ, объяснить такъ: отдыхъ,

пріуроченный сперва къ моменту Воскресенія Христова къ „ἡμέρα, ἐν ᾗ ἐγήρθεν ἐκ νεκρῶν“, распространяется и на тѣ дни, въ которые воспоминается церковью это великое событіе—дни „недѣли“ (dies dominicus). Но не представляется-ли возможнымъ объяснить въ данномъ случаѣ различные сроки „покоя“ постепеннымъ развитіемъ гуманности, ослабленіемъ древней вѣры въ Бога карающаго, мстительнаго, чуждаго прощенія и наоборотъ: усиленіемъ вѣры въ божіе милосердіе, въ божественную любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ силу и дѣйствіе молитвы? На значеніе молитвы и ея дѣйствіе, на возможность чрезъ нее удостоиться божественнаго милосердія указывается не только въ „Видѣніи Павла“ и „Хожденіи Богородицы“, но и въ другихъ болѣе позднихъ памятникахъ; особенно ярко въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, выдѣляется въ „Видѣніи Брандана“ тотъ эпизодъ, гдѣ божественное милосердіе безгранично: освобождается отъ мученій и при томъ на время болѣе продолжительное, чѣмъ то, которымъ пользуются для отдыха грѣшники въ аду въ „Видѣніи Павла“ и „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, величайшій изъ грѣшниковъ — Іуда. „Meum refrigerium (говоритъ Іуда св. Брандану) habeo hic omni die dominico a vespera usque ad vesperam et in Nativitate Domini usque in pentecostem et in purificacione Dei Genetricis atque assumptione“ (S. Brandan hrgb. v. C. Schröder, 1871). Необходимо при этомъ принять во вниманіе, что до предательства Христа въ народномъ воображеніи Іуда уже былъ большимъ грѣшникомъ: убійцею отца и мужемъ матери (по италіанскому тексту „Видѣнія Брандана“) *). На послѣдній эпизодъ указываемъ какъ на подтвержденіе нашего предположенія относительно зависимости большей или меньшей продолжительности „покоя“ въ аду отъ усиленія вѣры въ безпредѣльность божія милосердія и силу молитвы. Если наша гипотеза не слишкомъ смѣла, то мы рѣшаемся пойти нѣсколько дальше—высказать еще такого рода предположеніе: весьма возможно, что въ самомъ древнемъ спискѣ „Павлова Видѣнія“ — недошедшемъ до насъ urtext'ѣ X—эпизода объ освобожденіи грѣшниковъ отъ мученій даже и въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія не было; другими словами: грѣшники пребывали „nell'eterno dolore“.

Скажемъ еще въ заключеніе два слова по поводу того, что говоритъ г. Шепелевичъ на стр. 72 II ч. „Среди лицъ, получившихъ теологическое образованіе, съ теченіемъ времени пріобрѣло догматическую

*) Ср. Legenda aurea; сказаніе объ Іудѣ, изданное Constans (la légende d'Oedipe) по Дидотовской ркп., Du Méril—poésies populaires latines du moyen âge; ркп. XVIII в., найденную І. Франко и др.

устойчивость и обязательность положеніе, что мученія грѣшниковъ не могутъ быть *ни облегчены*, *ни временно прекращаться*". Римско-католическая церковь признавала возможность молиться о временномъ облегченіи отъ мученій въ аду, стало быть, признавала возможность *облегченія* обреченныхъ на вѣчные муки. Мы говоримъ на основаніи молитвы, приводимой Графомъ (A proposito della Visio Pauli, giornale Storico della letteratura italiana, 1878): „pro anima de quo dubitatur": „ut si forsitan ob pravitatem criminum non meretur surgere ad gloriam, per haec sacrae oblationis libamina vel tolerabilia fiant ipsa tormenta".

Изслѣдованіе г. Шепелевича объ „Апокрифическомъ Видѣніи Павла" представляетъ интересное и солидное дополненіе къ диссертаціи Брандеса (Visio Sancti Pauli) и тѣмъ немногочисленнымъ трудамъ, которые мы имѣемъ по исторіи эсхатологическихъ сказаній. Дальнѣйшіе изслѣдователи этого вопроса извлекутъ изъ книги г. Шепелевича пользу. Авторъ—молодой ученый, впервые выступающій съ крупнымъ трудомъ (нѣсколько мелкихъ работъ по исторіи литературы были напечатаны раньше отдѣльными брошюрами и въ журналѣ „Ateneum") заявилъ въ немъ себя осторожнымъ и серіознымъ изслѣдователемъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія „Этюдовъ о Дантѣ" и надѣемся, что г. Шепелевичъ, не смотря на всю сложность предстоящей ему задачи, доведетъ съ успѣхомъ начатое имъ съ ученою скромностью дѣло до конца.

Сергѣй Соловьевъ.

Поземельный Кадастръ Ѳ. Горбъ-Ромашкевича.

Часть I. Варшава 1892.

Въ работѣ „Поземельный Кадастръ" Г. Горбъ-Ромашкевичъ поставилъ себѣ задачу: „сгруппировать тотъ матерьялъ, который предлагаютъ ученые первой половины настоящаго столѣтія, ведущіе споръ о кадастрѣ, повѣрить на фактахъ дѣйствительной жизни тѣ доводы, которые приводятъ спорящія стороны въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній и такимъ образомъ освѣтить нѣсколько и самый вопросъ о способахъ поземельнаго обложенія" (стр. II). Признавая, что вопросъ о кадастрѣ не рѣшенъ окончательно (?) и что въ теоріяхъ ученыхъ вопросъ этотъ „въ настоящее время стоитъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ стоялъ въ концѣ прошлаго столѣтія, авторъ полагаетъ что усвоеннымъ имъ пріемомъ изслѣдованія можно подойти и къ рѣшенію вопроса о поземельномъ кадастрѣ" (тамъ же ср. стр. 5—6). Подводя въ Заключеніи итоги, авторъ заявляетъ, что въ его изложеніи представлены были ученія о поземельномъ кадастрѣ, существовавшія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, *въ связи* съ фактическимъ положеніемъ дѣла въ тѣхъ странахъ, гдѣ были выполнены наиболѣе типическіе образцы двухъ спорныхъ видовъ кадастра (стр. 272).

Во введеніи авторъ установляетъ терминологію; подъ кадастромъ онъ разумѣетъ совокупность операцій, при помощи которыхъ приводятся въ извѣстность данныя, предназначенныя служить основаніемъ для опредѣленія размѣровъ налога съ земельныхъ имуществъ (стр. 2), и противополагаетъ кадастръ по доходности кадастру по цѣнности и кадастръ по участкамъ (парцеллярный) кадастру по имѣніямъ (стр. 3—5).

Въ I главѣ выясняется положеніе вопроса въ литературѣ прошлаго столѣтія, когда уже опредѣлились различныя мнѣнія объ измѣреніи и оцѣнкѣ земель съ цѣлью ихъ обложенія. Одни ученые высказывались за опредѣленіе чистаго дохода земель, считая этотъ путь болѣе прямымъ и вѣрнѣе ведущимъ къ цѣли (Юсти, Зонненфельсъ), другіе—за опредѣленіе цѣнности земель на основаніи продажныхъ цѣнъ (Юнгъ),

третьи,—за раскладку налога по арендным платам (А. Смит). Наметивъ въ общихъ чертахъ направленіе теоретической мысли, авторъ переходитъ къ практическому выполненію различныхъ способовъ раскладки поземельнаго налога и характеризуетъ два выдающіяся явленія финансовой исторіи прошлаго столѣтія—миланскій кадастръ, основанный на точномъ измѣреніи земель и опредѣленіи чистаго дохода ихъ, и тирольскія земельныя оцѣнки, принявшія въ основаніе среднія рыночныя цѣны (die currenten mittleren Kaufwerthe) съ цѣлью равномѣрнаго распредѣленія поземельнаго налога между округами и общинами. Операціи миланскаго кадастра авторъ подробно и отчетливо излагаетъ на основаніи сочиненій Кремера, Бургера и Линдена и затѣмъ цитируетъ противоположныя мнѣнія Кремера и Бургера о значеніи миланскаго кадастра. По словамъ Кремера, миланскій кадастръ, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ теоріи, достаточно вознаграждаетъ затраченный на него капиталъ, такъ какъ мѣсто прежняго произвола заняли справедливость и равенство; оцѣнки земель были близки къ дѣйствительности и лишь немного жалобъ могло быть предъявлено съ достаточными основаніями". По словамъ Бургера, оцѣнки миланскаго кадастра носятъ на себѣ печать поспѣшности и несовершенства; онѣ представляютъ ничѣмъ не мотивированное личное мнѣніе оцѣнщиковъ о размѣрахъ доходности земель—„недостатки миланскаго кадастра зависѣли и отъ правилъ, по которымъ выполнялись оцѣнки, и отъ самого способа выполненія ихъ". Тирольскія земельныя оцѣнки авторъ выясняетъ на основаніи сочиненія Креля (Krehl). Въ этой первой главѣ теоретическія соображенія ученыхъ, законодательные акты и практическія работы по оцѣнкѣ земель лишь сопоставляются, безъ ближайшихъ указаній на связь между ними.

Въ главахъ II, III и IV авторъ занимается различными мнѣніями о кадастрѣ, какія онъ находитъ въ нѣмецкой литературѣ первой четверти XIX столѣтія. Начавъ разсмотрѣніе съ мнѣній противниковъ поземельнаго кадастра, онъ довольно долго останавливается на соображеніяхъ Сарторіуса (Sartorius), считая его, и совершенно справедливо, типическимъ противникомъ кадастра; у Сарторіуса намѣчены уже существенныя возраженія, которыя затѣмъ были воспроизведены въ болѣе новое время. Онъ анализируетъ затѣмъ мнѣнія Гофера (Hofer) о раскладкѣ поземельнаго налога на основаніи среднихъ данныхъ (nach allgemeinen Durchschnittsberechnungen) между провинціями (на основаніи данныхъ о количествѣ населенія и о пространствѣ территоріи провинціи), округами (при чемъ принимается классификація округовъ по плодородію почвы и климату, а также и пространство площадей, занятыхъ различными родами угодій) и общинами.

Въ главѣ III авторъ излагаетъ мнѣнія ученыхъ, которые высказывались въ пользу поземельнаго кадастра и въ основу его полагали *цѣнность* земель, при чемъ однакожъ подъ цѣнностью земель понималось не одно и тоже. Такъ, Крель, мнѣнія котораго авторъ излагаетъ особенно подробно, рекомендуетъ устроить поземельное обложеніе на основаніи капитальной цѣнности земли (Capitalwerth), представляющей цѣнность тѣхъ производительныхъ силъ земли, которымъ обязана своимъ существованіемъ поземельная рента; эту капитальную цѣнность Крель отличаетъ отъ покупной цѣны (Kaufpreis), которая представляетъ индивидуальную цѣну отдѣльной покупки и отъ покупной цѣнности (Kaufwerth), въ которой заключается возмѣщеніе капитала, затраченнаго на сельскохозяйственныя постройки, изгороди и т. д. Такую капитальную цѣнность земель предполагается для цѣлей обложенія приводить въ извѣстность чрезъ свѣдущихъ людей. Рядомъ съ обложеніемъ земли по капитальной цѣнности Крель предлагаетъ ввести обложеніе промысловой сельскохозяйственной прибыли (которую сельскій хозяинъ получаетъ въ качествѣ арендатора за обработку земли и затраченный оборотный капиталъ) соразмѣрно величинѣ оборотнаго капитала (Betriebskapital). Отдавая больше вниманія соображеніямъ Креля, авторъ не упускаетъ изъ виду и мнѣній другихъ ученыхъ того же оттѣнка: Штокара фонъ Нейфорна (Stokar von Neuforn), который за основаніе поземельнаго обложенія принимаетъ покупную цѣнность (Kaufwerth), опредѣляемую путемъ опроса мѣстныхъ людей въ общинѣ, и Гарля (Harl), по ученію котораго цѣнность земель для обложенія ихъ налогомъ должна исчисляться по средней мѣстной покупной цѣнности ихъ (nach dem mittleren Lokal-Kauf-Werthe), опредѣляемой представителями общинъ, подъ руководствомъ чиновниковъ отъ правительства, при чемъ должны быть принимаемы во вниманіе пространство земельныхъ участковъ, естественное плодородіе ихъ, искусственно созданная производительность ихъ, и, наконецъ, ихъ положеніе и удобства для сбыта продуктовъ.

Въ главѣ IV авторъ задается цѣлью резюмировать мнѣнія ученыхъ первой четверти XIX столѣтія о кадастрѣ, отнестись къ ихъ ученіямъ критически и выяснить причины, побуждавшія ученыхъ того времени высказываться противъ кадастра по доходности и за кадастръ по цѣнности. Представивъ нѣкоторыя соображенія діалектическаго характера, авторъ останавливается на результатахъ опыта по примѣненію двухъ типическихъ видовъ кадастра въ прошломъ столѣтіи—миланскаго и тирольскаго. Установивъ, что продолжительность выполненія операцій при томъ и другомъ кадастрѣ почти одинакова, и охарактеризовавъ

выдержками изъ мнѣній ученыхъ первой четверти XIX столѣтія относительное значеніе этихъ кадастровъ, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію относительно опыта прошлаго столѣтія по выполненію двухъ главныхъ видовъ поземельнаго кадастра—по доходности и по цѣнности земель: „подводя итоги, мы можемъ, повидимому, не опасаясь сдѣлать ошибку, сказать, что если этотъ опытъ, на примѣрѣ миланскаго кадастра, и не былъ рѣшительно въ пользу перваго вида поземельнаго кадастра, то во всякомъ случаѣ на примѣрѣ тирольскаго кадастра онъ не былъ и въ пользу второго вида его“ (стр. 107). Впрочемъ въ этой же главѣ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе нѣсколько подрывающее принципіальное значеніе тѣхъ контроверзъ по вопросу о поземельномъ кадастрѣ, выясненіемъ которыхъ онъ такъ настойчиво занимался. „Строго говоря, *каждая* изъ основъ податной оцѣнки земель—и капитальная стоимость, и средняя рыночная цѣна, и непосредственно опредѣленный чистый доходъ—*могла бы* привести къ *равномѣрному* обложенію земель, если бы удалось найти способъ, при помощи котораго можно было вполнѣ и правильно примѣнить ее на дѣлѣ. Вопросъ, слѣдовательно, тутъ въ томъ, какая изъ этихъ основъ представляетъ больше удобствъ *для примѣненія на практикѣ*“ (стр. 102).

Въ главѣ V авторъ описываетъ операціи поземельнаго кадастра, выполненныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Баваріи (съ 1808 г.) и Баденѣ (съ 1810 г.). Авторъ руководствуется трудомъ Риве (Rivet) и Фоке (Vocke) при характеристикѣ баварскаго провизоріума, принявшаго въ основаніе текущую цѣнность (Currentewerth) земельныхъ имуществъ, которая приводилась въ извѣстность на основаніи показаній владѣльцевъ, вычисленій присяжныхъ оцѣнщиковъ, рыночныхъ цѣнъ за послѣднія 20 лѣтъ и заключеній чиновниковъ. Оцѣнивая практическое значеніе баварскаго провизоріума, авторъ ссылается на отзывы Рау, Фоке и Риве и приводитъ цифру расходовъ, какихъ потребовало выполненіе кадастровыхъ операцій. Баденскій кадастръ выясняется авторомъ на основаніи непосредственнаго изученія соотвѣтствующаго законодательнаго памятника (d. badische Grundsteuerordnung v. 20 Juli 1810) и при пособіи сочиненія Регенауера (Regenauer). По закону 1810 г. основаніемъ поземельнаго налога признается чистый доходъ земельныхъ участковъ; но, въ виду трудности точнаго исчисленія чистаго дохода, принимаются среднія цѣны, выведенныя изъ цѣнъ, уплаченныхъ въ сдѣлкахъ о куплѣ-продажѣ земель за 1780—1789 г. и за 1800—1809 г. При оцѣнкѣ баденскаго кадастра авторъ пользуется отзывами бюджетныхъ коммиссій и обращаетъ вниманіе на жалобы, вызванныя выполненіемъ закона. Выводы автора изложены чрезвычайно осторожно:

„Результаты опыта Баваріи и Бадена по примѣненію на практикѣ кадастра, въ которомъ податная оцѣнка земель основывается на ихъ цѣнности, результаты эти, какими бы причинами ни объясняли ихъ, были, во всякомъ случаѣ, далеки отъ того, чтобы ихъ можно было назвать *вполнѣ* удовлетворительными или чтобы, опираясь на нихъ, можно было отдать *рѣшительное* предпочтеніе этому виду кадастра предъ другимъ, основаннымъ на чистомъ доходѣ земель“ (стр. 148).

Съ VI главы начинается наиболѣе цѣнная часть труда Г. Горбъ-Ромашкевича, посвященная изложенію и оцѣнкѣ французскаго кадастра. Въ этомъ изложеніи авторъ опирается на подлинный законодательный матерьялъ и освѣщаетъ его выдержками изъ докладовъ палатамъ и изъ отчетовъ исполнителей закона. Изложеніе начинается съ анализа закона 1 декабря 1790 г. о поземельномъ налогѣ (loi concernant la contribution foncière). Изъ инструкціи Національнаго Собранія, приложенной къ закону, авторъ приводитъ соображенія, по которымъ въ основаніе поземельнаго налога былъ принятъ чистый доходъ, приносимый земельными участками, и затѣмъ очень обстоятельно знакомитъ съ дальнѣйшимъ движеніемъ дѣла въ революціонное время, съ законодательными постановленіями и ихъ примѣненіемъ.

Въ главѣ VII разсматриваются работы по выполненію кадастра par masses de culture (консульское постановленіе 3 ноября 1802 г.): классификація земель каждаго рода культуры, оцѣнка дохода арпана земли каждаго класса каждой культуры и распредѣленіе земель, находящихся въ общинѣ, по установленнымъ классамъ.

Выяснивъ значеніе этихъ работъ, авторъ характеризуетъ операціи, предписанныя инструкціями 29 октября и 5 ноября 1805 г. и представляющія уже опытъ парцеллярнаго кадастра, къ которому во Франціи и пришли силою обстоятельствъ.

Въ главѣ VIII дается характеристика французскаго парцеллярнаго кадастра по закону 14 сентября 1807 г. Очеркъ организаціи работъ по выполненію этого кадастра полно, ясно и съ большимъ знаніемъ дѣла составленъ авторомъ на основаніи источника первой руки—оффиціальнаго сборника — Recueil méthodique des lois, decrets, règlements, instructions et décisions sur le cadastre de la France. Авторъ оттѣняетъ довольно рѣзко достоинства парцеллярнаго кадастра, заключающіяся въ опредѣленности и постоянствѣ установленнаго дохода, съ котораго имѣетъ взиматься налогъ.

Въ IX и послѣдней главѣ авторъ снова обращается къ теоріямъ, удачно полемизируетъ съ Крелемъ, излагаетъ мнѣнія ученыхъ второй четверти XIX столѣтія, которые склонялись въ пользу кадастра по до-

ходности—Кремера, Гроса, Мальхуса (Malchus) и Рау и останавливается затѣмъ на мнѣніяхъ противника поземельнаго кадастра и реальнаго поземельнаго обложенія—бывшаго директора Берлинскаго статистическаго бюро Гофмана (J. G. Hoffmann, die Lehre von den Steuern, 1840).

Въ Заключеніи (стр. 272—281) авторъ въ немногихъ словахъ подводитъ итоги. Онъ резюмируетъ выводы критики относительно обложенія по капитальной цѣнности и старается опровергнуть или смягчить возраженія противъ обложенія по доходности, лично однакожъ не высказываясь вполнѣ въ пользу этого послѣдняго способа.

Таково содержаніе труда Г. Горбъ-Ромашкевича. Въ немъ дается обильный и чрезвычайно цѣнный матерьялъ по поземельному обложенію, особенно важный для насъ въ настоящее время, когда имѣются предположенія о переустройствѣ поземельнаго обложенія въ Россіи. Изъ книги Г. Горбъ-Ромашкевича можно многому научиться; благодаря ей, можно избѣжать ошибокъ, очень возможныхъ при поспѣшныхъ и непровѣренныхъ компетентною критикою переустройствахъ. Богатый законодательный матерьялъ изложенъ очень обстоятельно, частью по непосредственнымъ источникамъ, частью по передачамъ свѣдущихъ лицъ. Различные типы обложенія по доходности (миланскій кадастръ, французскій кадастръ) и по цѣнности (тирольскія оцѣнки, баварскій провизоріумъ, баденскій кадастръ) охарактеризованы ясно, вѣрно и вполнѣ достаточно для хорошаго ознакомленія съ ними. Результаты примѣненія законодательныхъ мѣръ очерчены блѣднѣе; авторъ ссылается на мнѣнія и указываетъ число и основательность жалобъ. При изложеніи мнѣній ученыхъ (почти исключительно нѣмецкихъ), основанномъ на непосредственномъ изученіи, авторъ очень заботится о вѣрной передачѣ чужихъ мыслей и прибѣгаетъ къ выпискамъ и цитатамъ. Въ критикѣ мнѣній авторъ довольно воздерженъ; для провѣрки ихъ онъ пользуется противоположеніемъ и сличеніемъ. Законодательныя постановленія и мнѣнія ученыхъ въ изложеніи автора сопоставляются; связь фактовъ и мнѣній намѣчается лишь немногими чертами.

Авторъ разсматриваетъ свой трудъ, какъ подготовительный; ему предстояло расчистить путь для дальнѣйшаго изслѣдованія, и задача поставлена имъ въ очень общей формѣ: разобраться въ спорахъ о двухъ способахъ поземельнаго обложенія—по цѣнности и по доходности.

Много существенныхъ вопросовъ вызываетъ поземельное обложеніе: о значеніи кадастра по имѣніямъ въ противоположность кадастру по участкамъ, о долговѣчности основаній кадастра, о стоимости кадастровыхъ операцій, о системахъ раскладочной и количественной въ примѣненіи къ поземельному обложѣнію, объ отношеніи поземельнаго обложенія къ

общему подоходному налогу, о значеніи системъ полеводства и обстановки сельскаго хозяйства для кадастровыхъ операцій и т. п. Эти вопросы, какъ и многіе другіе, найдутъ освѣщеніе и разрѣшеніе въ послѣдующихъ частяхъ труда. Въ той-же части, которая уже сдѣлалась достояніемъ читающей публики и составила очень цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу, г. Горбъ-Ромашкевичъ высказалъ солидную научную подготовку и достойный всякой похвалы способъ изученія предмета изъ первыхъ рукъ.

М. Алексѣенко.

ЛѢТОПИСЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Объ участіи Харьковскаго общества въ открытіи Харьковскаго университета.

Проф. А. С. Лебедева.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи въ университетскомъ залѣ для чествованія памяти В. Н. Каразина 8 ноября 1892 года).

Имя В. Н. Каразина, память котораго мы собрались теперь чествовать, неразрывно связано съ именемъ Харьковскаго университета. Ему принадлежала мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ же съ изумительною настойчивостію, какую могла давать ему только его горячая любовь къ родинѣ и просвѣщенію, достигъ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, и осуществленія ея—къ великой радости всего мѣстнаго населенія, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ, въ значительной степени, нужно впрочемъ сказать, имъ-же (Каразинымъ) внушеннымъ, отнесшагося къ учрежденію въ Харьковѣ университета. Воодушевленное его пламенными рѣчами о тѣхъ выгодахъ—духовныхъ и матеріальныхъ,—какія могъ-бы доставить Харьковской губерніи учрежденный въ Харьковѣ университетъ, дворянство Харьковской губерніи жертвуетъ значительную сумму, въ 400,000 рублей, на устройство университета, изъяснивъ въ протоколѣ засѣданія по этому предмету (1 сент. 1802 г.), что оно, „обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди изобилія природнаго, на представляемыя этимъ изобиліемъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить университетъ“. Вмѣстѣ съ этимъ оно приглашало—и не напрасно—къ пожертвованіямъ на этотъ предполагаемый университетъ дворянства и другихъ южныхъ губерній, выставляя имъ на видъ, что въ выгодахъ учрежденія университета въ Харьковѣ будутъ участвовать и они. Такимъ образомъ Екатеринославское дворянство постановило пожертвовать на учрежденіе этого университета 108,200 руб., Херсонское дворянство 40,500 р. По примѣру

дворянства Харьковской губерніи, и соревнуя ему, и горожане Харьковскіе, съ своей стороны, въ засѣданіи городской думы постановили: вносить въ пользу университета въ продолженіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то есть—по одному проценту съ четвертью ежегодно, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города,—мотивируя это постановленіе тѣмъ, что „независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія производитъ просвѣщеніе на жителей“, отъ учрежденія университета предвидятся и прямыя матеріальныя выгоды для города, какъ то: „умноженіе его населенности, распространеніе торговли и промысловъ, приращеніе въ оборотѣ денегъ“; причемъ добавлялось, что съ теченіемъ времени, „какъ благосостояніе города умножится, могутъ они и увеличить сумму взноса, или прибавить число лѣтъ“, и выражалась увѣренность, что „достаточные изъ купцовъ, независимо отъ тѣхъ, обязательныхъ по постановленію думы, взносовъ, готовы будутъ и на частные взносы, отъ произволенія каждаго“. И эта увѣренность не была напрасною: извѣстно, напримѣръ, значительное пожертвованіе харьковскаго купца Аникѣева въ 3000 руб.—Подобнымъ же образомъ и уѣздные города Харьковской губерніи изъявляли готовность отчислять въ пользу университета половину, или двѣ трети откупной суммы, а равно также представляли отъ наиболѣе состоятельныхъ горожанъ и особыя жертвованія.—Общая сумма этихъ денежныхъ взносовъ и жертвованій на учрежденіе въ Харьковѣ университета отъ дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи исчислялась въ 618000 руб. Не остались безучастными къ учрежденію въ Харьковѣ университета и Харьковскіе войсковые обыватели, пожертвовавшіе въ пользу университета 150 десятинъ земли—теперешній Университетскій садъ съ окрестностію. А войсковой обыватель Купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизненно жертвовать на университетъ по 50 руб. въ годъ.—Но еще, быть можетъ, знаменательнѣе выразило свое сочувствіе зарождавшемуся университету—хотя и не денежными уже пожертвованіями—духовенство, особенно въ лицѣ самого епископа тогдашняго—Христофора Сулимы. При праздновании открытія университета 17 января 1805 г., учредительная грамота университета торжественно, при колокольномъ звонѣ, внесена была въ соборный храмъ, гдѣ принялъ ее—предъ началомъ литургіи—самъ преосвященный и положилъ на особо приготовленный для нея аналой, на которомъ она и оставалась до конца службы. Въ концѣ литургіи преосвященный, до того времени никогда ни говорившій при торжественныхъ собраніяхъ проповѣдей, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. Затѣмъ грамота, въ сопровожденіи преосвященнаго же и служившаго съ нимъ духовенства,

въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, перенесена была въ университетъ, гдѣ и положена была архіерейскими руками на предназначенное ей мѣсто. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“, *Сухомлинова*, въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“... стр. 139—140). Лѣтъ 45 прежде, великій дѣятель и ревнитель просвѣщенія, Ломоносовъ, проектируя устройство университета въ С.-Петербургѣ, въ числѣ „привилегій“ будущаго университета находилъ необходимымъ поставить и такую, какъ условіе спокойной и безпрепятственной дѣятельности университета: „духовенству, къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. („Матеріалы для біографіи Ломоносова“, собранные *Билярскимъ*, стр. 418). При открытіи Харьковскаго университета, представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку; свое довѣріе и сочувствіе къ университетской наукѣ представитель духовенства, преосвященный Христофоръ Сулима, явилъ и потомъ, когда дозволилъ Харьковскимъ семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи въ университетѣ, особенно нуждавшіяся тогда въ слушателяхъ, не боясь для будущихъ служителей алтаря вреда отъ ученій, правду физическую показующихъ. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го, *Сухомлинова*, въ его изслѣдованіяхъ и статьяхъ стр. 66). Такимъ образомъ, по инициативѣ В. Н. Каразина, при общемъ и дѣятельномъ сочувствіи всѣхъ слоевъ общества, начался Харьковскій университетъ, теперь уже близъ столѣтія совершающій свою просвѣтительную миссію для края, Россіи, и, наконецъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ дѣятелей, имена которыхъ пользуются почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ и принадлежатъ уже всемірной исторіи просвѣщенія, несущій посильную лепту и въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній! Значеніе этой просвѣтительной дѣятельности университета не нуждается въ доказательствахъ; доказывать его значило-бы возвращаться къ тому темному и давно минувшему времени, когда, скажемъ словами сатирика того времени—Кантемира, какой-нибудь—

„Критонъ съ четками въ рукахъ вздыхалъ и ворчалъ,
И просилъ, свята душа, съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Ненуждаясь въ доказательствахъ полезности научнаго знанія, Харьковъ можетъ считать себя—только счастливымъ, что именно въ немъ

устроился такой просвѣтительный центръ, такъ высоко поднявшій значеніе города, и благословлять память лица, такъ много для этого дѣла потрудившагося.—А еще болѣе, конечно, долженъ благословлять—и благословляетъ—эту память самъ университетъ, усиліями этого лица созданный. Совершенно естественно поэтому, что именно здѣсь, въ университетской средѣ, и возникла впервые мысль, теперь, повидимому, близкая уже къ осуществленію, о сооруженіи памятника виновнику основанія Харьковскаго университета,—мысль, уже въ 1873 году такъ твердо и горячо высказанная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ въ его актовой университетской рѣчи о В. Н. Каразинѣ. Совершенно понятно также и это, совершаемое теперь, всесословное чествованіе памяти В. Н. Каразина въ торжественномъ собраніи въ зданіи университета и по почину университета.

Да празднуется же свѣтло въ нашемъ соединенномъ и единствомъ настроенія объединенномъ собраніи эта дорогая для всѣхъ насъ память неутомимаго, для блага земли родной, радѣтеля просвѣщенія, вдохновляя и насъ къ тому добру, которому онъ былъ неустанный служитель!

Просвѣтительная дѣятельность Василія Назаровича Каразина (1773—1842 г.).

Проф. Д. И. Багалѣя.

(Рѣчь, сказанная 8 ноября 1892 г., по случаю 50-ти-лѣтія со дня кончины Каразина) *).

4-го ноября исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина. Только теперь въ сознаніе русскаго образованнаго общества понемногу начинаетъ проникать мысль, что это былъ чрезвычайно выдающійся общественный дѣятель, что имъ можетъ и должна будетъ гордиться его родина—Харьковская губ. Но самый характеръ Каразина настолько сложный, отзывы современниковъ о немъ столь разнообразны, что разобраться въ нихъ не легко и полной оцѣнки его личности мы до сихъ поръ не имѣемъ, несмотря на то, что существуетъ нѣсколько недурныхъ монографій о его жизни и дѣятельности.

Въ настоящей бесѣдѣ я постараюсь на основаніи печатныхъ *первоисточниковъ* и пособій, а также нѣкоторыхъ неизданныхъ еще матеріаловъ, очертить *одну*, но самую важную сторону въ жизни В. Н. Каразина—его *просвѣтительную* дѣятельность—и затрону другія только мимоходомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что то былъ фокусъ, гдѣ сосредоточивались всѣ его помыслы, надежды, начинанія, попеченія объ общемъ благѣ.

Всю свою жизнь В. Н. Каразинъ посвятилъ самообразованію, научнымъ изслѣдованіямъ, практическому примѣненію ихъ къ жизни и, наконецъ,—что самое важное—распространенію просвѣщенія въ обществѣ. Это былъ страстный ревнитель просвѣщенія, томимый вѣчною жаждою знанія, преданный ему съ пылкостью даровитаго талантливаго автодидакта. Обладая быстрымъ подвижнымъ, легко схватывающимъ умомъ, онъ, не окончивъ никакой школы, путемъ самообразованія, достигъ того, что могъ работать въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія впол-

*) Эта рѣчь была произнесена въ сокращенномъ видѣ, а теперь печатается полностію и съ примѣчаніями. *Ред.*

нѣ самостоятельно. За горячую любовь къ знанію друзья называли его украинскимъ Ломоносовымъ. И дѣйствительно: отнюдь не приравнивая Василія Назаровича къ великому самородку сѣвера, можно отмѣтить въ характерѣ дѣятельности того и другаго нѣкоторыя сходныя черты—жажду знанія, добываемаго по большей части самостоятельно, благоговѣніе къ наукѣ, стремленіе къ распространенію ея въ обществѣ, энциклопедизмъ образованія, творческій изобрѣтательный умъ и вѣру въ самобытныя силы русскаго человѣка. Эта жажда знанія направила его въ горный корпусъ (лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній), гдѣ онъ въ продолженіе долгаго времени слушалъ лекціи и откуда вынесъ любовь къ естественнымъ наукамъ. Эта жажда свѣта увлекла его въ путешествіе по Россіи, а потомъ и въ Западную Европу, которая уже была ему извѣстна по книгамъ: онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и отчасти даже латинскимъ языками и былъ начитанъ въ иностранной литературѣ. Въ Европу впрочемъ онъ не попалъ: на самой границѣ его остановила русская пограничная стража. Извѣстно, что отлучаться за границу можно было тогда только по особому Высочайшему соизволенію; Василію Назаровичу было отказано въ немъ—и онъ рѣшился тайно проникнуть туда. Съ цѣлью предупредить и парализовать донесеніе мѣстнаго начальства, онъ отправилъ съ эстафетою Государю письмо, въ которомъ, по одной редакціи [1]), было такое выраженіе: „я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. *Я бѣжалъ учиться!*“ Письмо оказало желаемое дѣйствіе: Императоръ Павелъ потребовалъ къ себѣ смѣльчака, простилъ его и предоставилъ ему самому выборъ службы. Онъ поступилъ къ Трощинскому коллежскимъ переводчикомъ (тутъ ему пригодилось знаніе языковъ)—и немедленно сталъ собирать въ архивахъ матеріалы по исторіи финансовъ и медицины въ Россіи. Недавно опубликованы новыя данныя, относящіяся къ этому періоду его жизни [2]). Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Москву и работалъ тамъ въ нын. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи Императоръ Александръ I-й покровительствовалъ этимъ занятіямъ и рекомендовалъ Каразина вниманію московскаго генералъ-губернатора Салтыкова въ такихъ выраженіяхъ: „онъ мнѣ лично извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе“. Въ это время уже произошелъ извѣстный *случай*, выдвинувшій Василія Назаровича, сдѣлавшій его личнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ юнаго Александра, поставившій его, можно сказать, у подножія трона. Это было смѣлое и откровенное письмо [3]) его къ Государю, содержавшее цѣлую программу царствованія въ духѣ довѣрія къ обще-

ственному мнѣнію. Императоръ велѣлъ разыскать автора письма (безъ подписи оно было положено въ кабинетѣ государя), принялъ, обнялъ его и повелъ бесѣду о вопросахъ, затронутыхъ теоретикомъ-реформаторомъ.

Съ этого момента начинается 1-й *петербургскій* періодъ дѣятельности Василія Назаровича Каразина на пользу просвѣщенія; съ нимъ впрочемъ тѣсно сливается и 2-й—*харьковскій*, ибо, состоя на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ въ тоже самое время принималъ живѣйшее участіе и въ основаніи Харьковскаго университета; затѣмъ съ 1804 г. начинается третій періодъ—*деревенскій*, когда онъ сталъ проживать почти исключительно въ деревнѣ Кручикѣ и заниматься тамъ научными опытами.

Уже въ 1-мъ своемъ письмѣ къ Императору Александру I Каразинъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе просвѣщенія въ народной жизни. По его мнѣнію, народное воспитаніе должно было явиться первою и главною задачею государя. „Какъ наисовершеннѣйшіе законы, писалъ онъ, останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ (Императоръ) всю свою внимательность на *воспитаніе* своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію блюстителю законовъ, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія представятся..... тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, тѣмъ, которые, учредивъ училища, нелѣностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и *своимъ примѣромъ* наставлять должностямъ человѣка и гражданина“ [1]). Такимъ образомъ, Каразинъ хотѣлъ предоставить дѣло народнаго образованія тѣмъ сословіямъ, которыя въ то время могли считаться *единственно* образованными; но для духовенства онъ считалъ необходимымъ учредить гимназіи, чтобы отвлечь его отъ семинарской замкнутости и схоластики. Такой же восторженный взглядъ на просвѣщеніе онъ высказывалъ и позже; въ письмѣ къ доктору Реману онъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: „народное просвѣщеніе! Какое прекрасное выраженіе!... Если что либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго пространства Россіи, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы

громадно оно ни было—то это опять таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ“ [5]). Конечно, тутъ есть преувеличеніе: не одно Министерство Народнаго Просвѣщенія работаетъ для будущаго, а и нѣкоторыя другія. Но мысль, что *истинное* величіе государства немыслимо безъ успѣховъ просвѣщенія, едва ли можетъ вызвать возраженія; а проектъ поставить Министерство Народнаго Просвѣщенія выше всѣхъ другихъ—служитъ лучшимъ доказательствомъ его горячаго желанія, чтобы Россія поскорѣе сравнялась въ отношеніи просвѣщенія съ западомъ. Огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ онъ придавалъ творческимъ силамъ государства, которое, по его мнѣнію, должно было опереться на единственно образованные въ то время общественные слои (дворянство и духовенство). Не меньше успѣховъ онъ ждалъ и отъ живой общественной самостоятельности; ее онъ постоянно проповѣдывалъ и въ своихъ запискахъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Наиболѣе подробно онъ изложилъ свои мысли по этому вопросу въ рѣчи „Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ“, прочитанной въ 1820 году въ петербургскомъ обществѣ любителей словесности [6]). Она ясно показываетъ, какія широкія задачи В. Н. Каразинъ ставилъ современной ему русской литературѣ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Наиболѣе видная роль въ народномъ воспитаніи, говоритъ онъ тутъ, принадлежитъ правительству; „но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать? Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества“. Есть два средства для распространенія просвѣщенія: одно правительственное—школа, другое, доступное и частнымъ лицамъ, публичное наставленіе, дѣйствующее на общественное мнѣніе; его и должна давать литература. „Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіей, которая только что поэзія, прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ“. Легкія стихотворенія и невинные романы пусть останутся домашнею забавою молодежи; но литературныя и ученыя общества не должны преподносить публикѣ этихъ дѣтскихъ упражненій. „Они должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Они должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной воли устроеннымъ; скажу болѣе: они должны пре-

взойти ихъ въ дѣятельности, буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается... Не обязаны-ль они разливать полезныя знанія, образовать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется въ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ! Какъ, мил. гос., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчествуютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа даже, когда мы имѣли уже Екатерину! А у насъ въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько и занимательныхъ!

Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы, добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библіотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды. А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ, соблазнительные элегіи и стишки въ альбомы. Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ-же дарованія, то-же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ опишемъ лучше путешествія дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего, исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разновидныхъ обитателей..., углубимся въ исторію. И въ поэзіи предъ нами открыто обширное поле; только нужно оставить подражаніе и идти по стопамъ Ломоносова, Державина, и нѣкоторыхъ другихъ". Изъ этого мы видимъ, что литературу В. Н. Каразинъ понималъ очень широко, разумѣя подъ нею и словесность, и науку. Понятное дѣло, что съ этой точки зрѣнія тогдашніе книги и журналы его не удовлетворяли. Его мысль о необходимости изученія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія съ нашей стороны. Такимъ образомъ, и здѣсь Василій Назаровичъ сталъ реформаторомъ, будилъ мысль, возставалъ противъ косности и неподвижности, высказалъ свѣтлый взглядъ на вещи и—что самое важное—самъ именно дѣйствовалъ такъ, какъ совѣтовалъ другимъ; слово у него не расходилось съ дѣломъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Императоръ Александръ поручилъ обработку общихъ вопросовъ образованія въ Россіи и устройство практической системы воспитанія ея гражданъ; таковы были *теоретическіе*

взгляды его на просвѣщеніе—на задачи министерства народнаго просвѣщенія и литературы. *Практическая* дѣятельность его была непродолжительна, хотя она всетаки оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи высшаго образованія въ Россіи. В. Н. Каразину принадлежитъ *идея объ особомъ* министерствѣ народнаго просвѣщенія (какого тогда не было еще въ Европѣ); онъ же составилъ и первоначальный проектъ его, который, впрочемъ, подвергся значительному измѣненію. Здѣсь имѣло мѣсто то, что повторялось потомъ со всѣми планами и проектами Каразина: они были слишкомъ грандіозны и не совсѣмъ приспособлены къ условіямъ дѣйствительной жизни. Во вновь учрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія на долю Василія Назаровича выпала *организаціонная* работа; имъ главнымъ образомъ были начертаны и редактированы „правила народнаго образованія", составлялись проекты университетскихъ и академическихъ уставовъ. О практическихъ работахъ въ министерствѣ свидѣтельствуетъ фактъ назначенія его правителемъ дѣлъ „главнаго правленія училищъ", членами котораго были будущіе попечители вновь созданныхъ учебныхъ округовъ (Муравьевъ, Новосильцевъ, Потоцкій...) и академики. Въ это время, по мысли Каразина, былъ созданъ оффиціальный органъ министерства, носившій названіе—„Ежемѣсячныя сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" [7]).

Къ сожалѣнію, эта дѣятельность Каразина продолжалась только 2—3 года. Съ точки зрѣнія тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Завадовскаго Василій Назаровичъ былъ плохимъ чиновникомъ. Графъ не любилъ Каразина и не могъ ему простить рѣзкихъ отзывовъ о себѣ въ письмахъ къ государю. Воспользовавшись нѣкоторыми промахами Каразина въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета (злосчастнымъ эпизодомъ о художникахъ), онъ нанесъ ему разомъ двойной ударъ: остранилъ отъ службы въ министерствѣ и отъ участія въ дѣлахъ Харьковскаго университета. Конечно, огромное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что Императоръ Александръ охладѣлъ къ своему бывшему любимцу; не будь этого, никакія интриги противниковъ не пошатнули бы его положенія. Все это произошло въ концѣ 1804 года за нѣсколько мѣсяцевъ до оффиціальнаго открытія Харьковскаго университета.

Устраненіе отъ университетскихъ дѣлъ было особенно чувствительно для Василія Назаровича, ибо онъ смотрѣлъ на университетъ какъ на свое родное дѣтище. И виновникомъ основанія Харьковскаго университета нужно дѣйствительно признать Василія Назаровича Каразина. *Ему первому принадлежитъ мысль объ основаніи университета въ Харьковѣ.* Уже въ началѣ 1802 года онъ былъ всецѣло занятъ ею,

какъ это видно изъ письма его къ харьковскому священнику Фотіеву (отъ 2 мая 1802 года)[8]). „Бывъ удостоенъ, пишетъ онъ тутъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ Императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя *чистыя побужденія*—любовь къ своему родному краю и Харькову. „Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища“. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ его письма къ священнику Фотіеву и кн. Чарторысскому. „Сія мысль (объ университетѣ) пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать. Не для чего описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украйны проистекти имѣетъ... Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ“[9]). „Князь! писалъ онъ Чарторысскому, вамъ извѣстно отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украйны, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы, и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ“ [10]). Съ этимъ признаніемъ Василія Назаровича вполнѣ согласуется то, что онъ говорилъ харьковскому дворянству, убѣждая его сдѣлать пожертвованіе для открытія въ Харьковѣ университета.

Слово у Василія Назаровича не расходилось съ дѣломъ: подавъ идею объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, онъ съ изумительною настойчивостью старается привести ее въ исполненіе. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ продолжается его *практическая* дѣятельность на этомъ полѣ. Съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ онъ ведетъ дѣло отъ начала до

конца, идя впереди всѣхъ, участвуя не только во всѣхъ главныхъ дѣйствіяхъ, но и въ мелочахъ. Онъ пользуется съ одной стороны своимъ вліятельнымъ положеніемъ „правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ", а съ другой—и это главнымъ образомъ—своими связями съ харьковскимъ обществомъ. Харьковъ, самъ по себѣ, никогда бы не получилъ такъ рано университета, если бы В. Н. Каразинъ не добился общественнаго пожертвованія на университетъ. Чтобы заинтересовать мѣстное общество въ своемъ проектѣ, онъ явился въ Харьковъ и здѣсь въ собраніи дворянъ прочиталъ составленное имъ „предначертаніе" объ университетѣ. По „предначертанію" Каразина, Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять изъ себя соединеніе нѣсколькихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—академію художествъ, военную, инженерную, духовную, университетъ, высшую гимназію и два профессіональныя училища. Онъ долженъ былъ явиться вполнѣ *общественнымъ* учрежденіемъ, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки, Англіи; казна на него въ сущности не должна была затрачивать ничего [11]).

Спрашивается, имѣлъ ли основаніе Каразинъ расчитывать на сочувственное отношеніе харьковскаго общества къ дѣлу просвѣщенія вообще и къ своему проекту въ частности; другими словами, мы ставимъ вопросъ: были ли какія нибудь просвѣтительныя теченія въ Харьковскомъ краѣ во 2-й половинѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка и нельзя ли доказать фактически ихъ вліянія на успѣхъ предпріятія В. Н. Каразина. Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и вотъ на основаніи какихъ данныхъ. Обращая вниманіе на фамиліи лицъ, оказавшихъ наиболѣе рвенія къ плану Каразина, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ (Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ) были духовными учениками Гр. Саввича Сковороды, другіе принадлежали къ литературному кружку сумскаго помѣщика А. А. Палицына (кромѣ В. Н. Каразина, самъ Палицынъ, Ушинскій, Гр. Ром. Шидловскій). Сфера вліянія Сковороды захватывала *всѣ* тогдашніе общественные слои—и помѣщиковъ, и горожанъ, и войсковыхъ обывателей (бывшихъ казаковъ) и даже посполитыхъ (крестьянъ). Харьковскій купецъ Урюпинъ, бывшій городскимъ головою и сильно способствовавшій дѣлу пожертвованія на университетъ со стороны городскаго общества, состоялъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Гр. Сав. Сковородой. Даже нѣкоторые изъ членовъ Палицынскаго кружка не остались свободными отъ вліянія „старчика" Сковороды. Сверхъ того въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовало цѣлое учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ, ибо доступъ въ него былъ открытъ и для дѣтей свѣтскихъ

лицъ. Сковорода и коллегіумъ дѣйствовали параллельно, въ одномъ направленіи, культивируя школьную мудрость, создавая культъ науки въ Украйнѣ. Правда, это была не та европейская наука, которая появилась у насъ съ основаніемъ университета; это была старая западно-русская латинская образованность съ схоластическимъ оттѣнкомъ; но она не была чужда мѣстному обществу: это послѣднее принесло ее съ собою изъ заднѣпровья.

Съ другой стороны начала оказывать замѣтное вліяніе на высшее Харьковское общество европейская образовательная стихія. Она нашла себѣ пріютъ преимущественно въ Сумскомъ уѣздѣ. Среди сумскихъ дворянъ еще въ 1767 году возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружекъ А. А. Палицына. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ извѣстный харьковскій писатель и архитекторъ. По словамъ самого В. Н. Каразина, „ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ". Его селеніе Поповка носила полушуточное полусерьезное названіе Поповской Академіи. Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія [12]).

Такимъ образомъ, не совсѣмъ былъ правъ Н. А. Лавровскій, утверждавшій, что Харьковскій университетъ осѣлъ „на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ". Почва для дѣятельности В. Н. Каразина была въ значительной степени подготовлена. Конечно, говоря это, мы нисколько не умаляемъ подвига В. Н. Каразина, а только вводимъ его въ условія тогдашней дѣйствительности, возстановляемъ характеръ окружавшей его среды. Въ этой средѣ были и прогрессивные элементы, и инертная масса, и люди, по выраженію Филадельфа Васильевича Каразина, бѣгавшіе отъ одного имени „просвѣщеніе". Василій Назаровичъ былъ самый передовой и энергичный человѣкъ въ партіи прогрессистовъ; онъ былъ вождемъ ея: за нимъ шли и Палицынъ, и всѣ остальные. На его долю выпала чрезвычайно трудная задача—склонить однихъ, побѣдить равнодушіе другихъ, преодолѣть противодѣйствіе третьихъ. И онъ блистательно вышелъ изъ затрудненія: пылкая, горячая рѣчь, носившая на себѣ яркій отпечатокъ его характера, воодушевила дворянство на патріотическое пожертвованіе 400,000 рублей; вслѣдъ затѣмъ откликнулись на призывъ харьковскіе купцы, граждане и войсковые обыватели, а также дворяне сосѣднихъ губерній; одни (дворане) давали отъ своихъ имуществъ, другіе (купцы) отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) пожертвовали землю, которую

предки ихъ отвоевали и грудью защищали отъ татаръ. Сумма всѣхъ денежныхъ сборовъ достигла 618,000 руб. [13]). Такими огромными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ *всѣ* сословія и этимъ доказали свою любовь къ просвѣщенію. Результатомъ же пожертвованій было Высочайшее соизволеніе на открытіе Харьковскаго университета.

Теперь предстояла вторая не менѣе трудная часть задачи: *дѣйствительно открыть университетъ*. И здѣсь дѣло было доведено до благополучнаго окончанія, благодаря между прочимъ энергичному и постоянному участію въ немъ В. Н. Каразина: не будь его, оно могло бы совсѣмъ заглохнуть или по крайней мѣрѣ затянуться на многіе годы. Въ этотъ рѣшительный моментъ оказалась какъ нельзя болѣе кстати энергія Каразина, изумительная его настойчивость, которую иные готовы были называть назойливостью. Положеніе усложнялось тѣмъ, что Государь замѣтно охладѣлъ въ это время къ своему бывшему любимцу и благодаря этому сановные друзья его оставили, а враги всячески вредили его начинаніямъ. Каразинъ обращался съ письмами къ министру внутреннихъ дѣлъ и самому Государю. Онъ велъ переговоры съ русскими и заграничными учеными, приглашая ихъ на службу въ новый университетъ; онъ заботился о привлеченіи сюда студентовъ. Вмѣстѣ съ Тимковскимъ онъ принималъ живѣйшее участіе и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; слѣды его дѣятельности видны всюду, во всѣхъ подробностяхъ дѣла. Онъ выдавалъ авансы изъ собственныхъ средствъ на расходы, не терпящіе отлагательства, онъ поручилъ своему довѣренному лицу Шишкину приготовлять зданія подъ будущій университетъ, оставилъ ему деньги на расходы, уполномочилъ заключать его именемъ письменные договоры, самъ составлялъ библіотеку и типографію для университета, отправляя изъ Петербурга цѣлые возы книгъ, выписывалъ изъ-за границы инструменты и приборы, пріобрѣталъ коллекціи и, наконецъ, прислалъ въ Харьковъ цѣлую колонію мастеровъ, которые впослѣдствіи причинили ему множество хлопотъ. Даже съ учрежденіемъ университетскаго комитета (11 апр. 1804 г.), Каразину была предоставлена практическая дѣятельность по части устроенія университета и она продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ за злосчастное дѣло о мастерахъ. Здѣсь обнаружились обычныя свойства характера Каразина—изумительная энергія съ одной стороны и непрактичность съ другой; первая несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ

дѣтищемъ. Ему страстно хотѣлось видѣть вѣнецъ дѣла и онъ всячески торопилъ Тимковскаго; составилъ даже церемоніалъ открытія университета, который впрочемъ остался только достояніемъ архива. Открытіе университета совершилось безъ него, „безъ виновника его бытія“— положеніе прискорбное для одной стороны, глубоко обидное для другой!

Послѣ всего сказаннаго мы въ правѣ заявить, что В. Н. Каразинъ былъ истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ; благодаря ему состоялись пожертвованія, а пожертвованія повели за собою назначеніе для новаго университета г. Харькова. Мы имѣемъ прямое оффиціальное признаніе этой связи между пожертвованіями и основаніемъ университета въ утвердительной университетской грамотѣ (отъ 5-го ноября 1804 г.)[14]); здѣсь прямо говорится, что пожертвованіе харьковскаго дворянства и горожанъ *ускорило* устроеніе въ Харьковѣ университета. Харьковское дворянство также открыто признало иниціативу въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина; объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ найденное мною въ архивѣ Депут. Собранія похвальное свидѣтельство (отъ 1-го сент. 1802 г.), въ которомъ буквально говорится слѣдующее: „слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства (затѣмъ идутъ подписи) [15]). Такое же сознаніе мы встрѣчаемъ и у частныхъ лицъ— ближайшихъ свидѣтелей его плодотворной дѣятельности. Ректоръ Дерптскаго университета проф. Парротъ, которому Василій Назаровичъ сообщилъ свое предначертаніе, прямо приписываетъ ему патріотическую идею учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища [16]). Харьковскій профессоръ Роммель называетъ его „истиннымъ основателемъ Харьковскаго университета“[17]). А вотъ что писалъ Каразину извѣстный уже намъ священникъ Фотіевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сбывшейся, наконецъ, общей мечты—торжественнаго открытія университета: „17 января (1805 г.) исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украйна вамъ единственно обязана. Тѣжъ,

кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству“ [18]). Эта мысль о В. Н. Каразинѣ, какъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ, не только не ослабѣла съ теченіемъ времени, но еще болѣе уяснилась въ общественномъ сознаніи и—что самое важное—получила очень знаменательное выраженіе въ самой университетской средѣ. Еще 10 іюня 1805 г. внесено было проф. Балленъ де Баллю предложеніе въ совѣтъ о выборѣ Василія Назаровича въ почетные члены университета, но признано неблаговременнымъ. Выборы состоялись только въ 1811 году и сопровождались слѣдующею замѣчательною мотивировкою: „ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charkoviae sit constituta“, т. е. совѣтъ подвинутъ былъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета[19]). Этого мало: въ 1833 году Харьковскій университетъ еще разъ осязательно выразилъ свою признательность виновнику своего существованія. Въ виду страшно стѣснительныхъ его матеріальныхъ обстоятельствъ (онъ долженъ былъ уплатить къ опредѣленному сроку графу Подгоричани 2384 руб.), профессора и преподаватели Харьковскаго университета собрали между собою и внесли за него въ гражданскую палату 1280 руб. „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству [20])“. Остальную часть суммы—1200 р.—внесло городское общество. Тогдашній городской голова Андрей Мотузокъ, внося эти деньги предсѣдателю гражданской палаты, просилъ принять ихъ „по желанію его и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I-го о учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распро-

странилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе [21]). Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личныя дѣла, въ критическое положеніе!

Съ 1804 года начинается *третій* періодъ въ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, самый длинный (онъ продолжался до смерти его въ 1842 году), но уже менѣе видный, хотя всетаки плодотворный и поучительный. Отнынѣ родное село Кручикъ замѣняетъ ему Петербургъ и дѣлается виднымъ просвѣтительнымъ центромъ въ Харьковскомъ краѣ. Безпокойный умъ, ненасытная жажда дѣятельности увлекаютъ его здѣсь то въ научные опыты, то въ литературную работу, то въ сферу теоретическаго и практическаго рѣшенія политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Тутъ онъ предается со всею страстностью своей натуры занятіямъ естественными науками, преимущественно химіей, агрономіей и метеорологіей. Помимо научной пытливости его влекла къ этимъ занятіямъ любовь къ родинѣ, къ Украйнѣ, желаніе изучить ея естественныя богатства и ввести въ нее болѣе совершенную культуру. Его радовало то обстоятельство, что Харьковскій университетъ обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. „Grace à l'université, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украйны: будемъ имѣть и фауну, и флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній". Университетъ далъ первое описаніе Славянскихъ минеральныхъ водъ — и Василій Назаровичъ съ своей стороны обращаетъ вниманіе ученой коллегіи на минеральный источникъ въ дачахъ надъ р. Орелью въ Константиногр. уѣздѣ Полтавской губ., въ имѣніи К. К. Ковалевскаго и даетъ краткое описаніе его [22]). Его озабочивалъ постоянно вопросъ о благоустройствѣ роднаго Харькова и въ 1840 г. онъ предлагалъ, для предупрежденія засоренія нашихъ рѣчекъ, устроить въ предѣлахъ городской черты *канализацію* для спуска нечистотъ [23]). Видя страшное истребленіе лѣсовъ, онъ старался открыть новый способъ винокуренія, при которомъ бы сберегалось топливо; съ этою же цѣлью онъ пропагандируетъ новые способы добыванія селитры, отопленія, искусственное лѣсонасажденіе. Чтобы поднять сельско-хозяйственную культуру, онъ вводилъ новые виды растеній; а чтобы усилить мѣстную отпускную торговлю, предлагалъ консервировать мясо, фрукты, вмѣсто водки производить сухой алкоголь [24]). Чтобы распространять всѣ эти новов-

веденія въ краѣ, онъ учредилъ въ Харьковѣ *Филотехническое* общество, существовавшее съ 1811 по 1818-й годъ и бывшее прототипомъ нынѣшнихъ сельско-хозяйственнаго и техническаго. Трудно описать, сколько энергіи и средствъ вложилъ онъ въ это предпріятіе: объ этомъ пусть разскажетъ будущій историкъ этого общества на основаніи его актовъ и отчетовъ. Въ области метеорологіи онъ опередилъ современную ему русскую науку на десятки лѣтъ и предложилъ такое устройство правильной метеорологической сѣти наблюденій, какая и на западѣ была принята много лѣтъ спустя послѣ этого [25]). Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ оцѣнки всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ и опытовъ В. Н. Каразина со стороны *спеціалистовъ*, и эта обязанность, естественно, лежитъ на почтенныхъ сочленахъ нашей университетской коллегіи. Необходимо, чтобы профессоръ химіи занялся разсмотрѣніемъ и оцѣнкою его химическихъ опытовъ, профессоръ физической географіи—метеорологическихъ наблюденій и изслѣдованій въ области электричества, проф. агрономіи—сельско-хозяйственныхъ опытовъ въ связи съ дѣятельностью основаннаго имъ Филотехническаго общества, проф. государственнаго права—политическихъ теорій въ связи съ практическимъ ихъ приложеніемъ (разумѣемъ его сельскую думу), проф. исторіи и статистики—историческихъ и статистическихъ работъ. Статьи эти пусть послужатъ предисловіемъ къ собранію сочиненій В. Н. Каразина, которыя частью помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а частью напечатаны отдѣльными брошюрами; и тѣ, и другія (въ особенности послѣднія) составляютъ библіографическую рѣдкость и потому остаются неизвѣстны не только образованному обществу, но и спеціалистамъ. Я съ своей стороны принялъ бы на себя трудъ собрать и редактировать труды Каразина. Конечно, Василій Назаровичъ не былъ ученымъ спеціалистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова хотя бы уже потому, что предметы его умственныхъ интересовъ были въ высшей степени разнообразны. Но онъ обладалъ изъ ряда вонъ выдающимися дарованіями, позволявшими ему быстро схватывать сущность предмета. Мало того: мнѣ думается, что ему была присуща не только способность усвоенія, но и самостоятельнаго научнаго творчества. Къ сожалѣнію, онъ не прошелъ никакой школы; ему недоставало правильности, методичности въ занятіяхъ, выдержки, усердія, способности долго сосредоточиться на одномъ предметѣ—и потому изъ него вышелъ пылкій горячій энтузіастъ знанія, знанія вообще, скорѣе энциклопедистъ, чѣмъ спеціалистъ. Такимъ именно разносторонне образованнымъ человѣкомъ изображаетъ его намъ извѣстный Роммель [26]). Тѣмъ не менѣе имя В. Н. Каразина не должно

пройти незамѣченнымъ и въ *исторіи русской науки*, въ особенности въ области химіи и метеорологіи: ему нужно будетъ отвести въ ней почетное мѣсто. В. Н. Каразинъ относился къ своимъ занятіямъ очень серьезно. Въ сел. Кручикѣ у него была своя химическая лабораторія, въ которой онъ занимался химическими изслѣдованіями; тутъ находилась и метеорологическая станція (первая въ Харьковской губ.), гдѣ онъ самолично велъ наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; тутъ же было, употребляя современную номенклатуру, и опытное поле, на которомъ выращивалась китайская, французская, египетская, монгольская, итальянская, сардинская, англійская, критская, андалузская пшеница, испанскій ячмень, различныя иностранныя жита, производились опыты унаваживанія, вводились новыя сельско-хозяйственныя постройки (украинскій овинъ, украинская клуня) и примѣнялись изобрѣтенныя Василіемъ Назаровичемъ земледѣльческія орудія (молотильный катокъ). Изъ отчета В. Н. Каразина, засвидѣтельствованнаго мѣстнымъ земскимъ исправникомъ, оказывается, что урожай пшеницы на унавоженныхъ имъ поляхъ былъ на $^2/_3$ болѣе обыкновеннаго [27]). Наконецъ, у него была огромная библіотека, обнимавшая, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли знаній (въ 1836 г. сгорѣло 5000 томовъ этой библіотеки и всѣ его мемуары до 1821 года).

Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ у себя дома на свои вообще далеко необширныя средства устроилъ вполнѣ ученую обстановку для занятій. И результаты своихъ опытовъ онъ сообщалъ ученымъ обществамъ, съ тѣмъ чтобы ихъ разбирали и оцѣнивали вполнѣ компетентные люди (таковы его доклады московскому обществу естествоиспытателей); его записки и проекты разсматривались и провѣрялись въ Академіи Наукъ и различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Если мы представимъ себѣ теперь, каковы были въ то время помѣщичьи селенія Харьковской губ., то Кручикъ, съ его лабораторіей, опытными полями, библіотекой и метеорологической станціей, рѣзко выдѣлится изъ общаго фона и представится намъ какимъ то сельско-хозяйственнымъ институтомъ съ ученымъ директоромъ во главѣ. Все здѣсь было устроено не такъ, какъ у сосѣдей, и Каразинъ явился у себя въ деревнѣ настоящимъ реформаторомъ-эмансипаторомъ. Отнюдь не считая крѣпостныхъ крестьянъ своею собственностью, онъ смотрѣлъ на помѣщика только какъ на собственника земли и опекуна населенія. Вотъ почему онъ предоставилъ своимъ крестьянамъ (или, какъ онъ называлъ ихъ, *поселянамъ*), въ наслѣдственное владѣніе земли, обязавъ ихъ за это опредѣленными денежными повинностями. Онъ же далъ имъ правильное административное и судебное устройство [28]). Не оставилъ онъ

безъ измѣненія и отношеній своихъ крестьянъ къ приходскому священнику: жалованье этому послѣднему было значительно увеличено, а плата за исполненіе различныхъ требъ уничтожена [29]); наконецъ В. Н. Каразинъ устроилъ и приходское училище для крестьянскихъ дѣтей, на которое ежегодно отпускалась значительная по тому времени сумма въ 250 р. Школа эта не должна была отрывать отъ земледѣлія, а давать необходимыя для него элементарныя познанія и нравственно поднимать питомцевъ; Каразинъ хотѣлъ, чтобы изъ нея выходили *люди* [30]). Изъ этой школы можно было переходить въ уѣздное училище; а если бы тамъ кто либо обнаружилъ выдающіяся способности, такому давалась отпускная съ обязательствомъ внести за себя впослѣдствіи выкупъ [31]). Такъ принципъ человѣческаго отношенія къ рабу получалъ практическое осуществленіе въ Кручикѣ и, конечно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе и на другихъ помѣщиковъ, и на самыхъ крестьянъ. На помѣщиковъ оказывало нѣкоторое вліяніе Филотехническое общество; на поселянъ сел. Кручика—его собственный примѣръ и школа. Обыватели Кручика примѣняли болѣе совершенную земледѣльческую культуру и благодаря этому благосостояніе ихъ все болѣе и болѣе возрастало [32]). Простой народъ ввѣрялъ Каразину подъ часъ защиту самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, такъ напр., однодворцы с. Вольнаго избрали его своимъ повѣреннымъ въ дѣлѣ, касавшемся ихъ земель (Сбор. Харьк. ист. фак. общ. т. 3-й стр. 310—311). Сохранилось чрезвычайно любопытное *собственноручное* письмо Каразинскаго крестьянина Ѳедора Манжаренка, занимавшаго видную должность писаря въ устроенной Вас. Назаровичемъ сельской думѣ. Письмо это служитъ яркимъ выраженіемъ взглядовъ на него эмансипированныхъ имъ лицъ изъ крестьянской среды; значеніе его, какъ достовѣрнаго источника, усиливается тѣмъ, что написано оно уже было *послѣ* смерти В. Н. Каразина, подъ живымъ впечатлѣніемъ возстановленія старыхъ дореформенныхъ порядковъ. „Не могу забыть, пишетъ Манжаренко, всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ по истинной, страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтеля и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться видѣть подобія въ мірѣ семъ, кольми паче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти В. Н., крестьяне его начали быть управляемы на манеръ *общій*, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверз-

лись врата неправды и совершенно ликуетъ несправедливость, страждутъ сироты и плачутъ юные воспитанники; страдальцы выглядываютъ отрады, но нѣтъ ея здѣсь,—она покоится въ лонѣ Авраамлѣ!..“ [32]). Самъ Василій Назаровичъ старался пропагандировать свои гуманныя идеи въ обществѣ путемъ печати. Въ статьѣ по поводу открытія палаты государственныхъ имуществъ онъ выражаетъ большое удовольствіе, что отнынѣ будетъ кому заботиться о матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересахъ государственныхъ крестьянъ—призрѣвать сиротъ, устраивать училища съ преподаваніемъ грамоты и ремеслъ [33]) и т. п. О широкомъ пониманіи имъ идеи образованія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что уже въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, въ разгаръ крѣпостнаго права, онъ писалъ о необходимости образованія для женщинъ средняго и даже низшаго сословія. „Матери, говоритъ онъ, суть первоначальныя и лучшія наставницы; прилежная домосѣдка мать имѣетъ больше удобности и времени заниматься образованіемъ своихъ дѣтей. Слѣдовательно, она будетъ дѣйствовать на потомство“ [34])! Василій Назаровичъ проектировалъ въ Харьковѣ устройство *женскаго* ремесленнаго училища, изъ котораго выходили бы частью народныя учительницы, а частью мастерицы, экономки. Изъ предметовъ здѣсь должны были преподаваться—катехизисъ, русскій языкъ, начала ариѳметики; но главное вниманіе предполагалось обратить на работы—огородничество, шитье бѣлья, вышиванье, тканье ковровъ, приготовленіе варенья [35]). Мысль Каразина осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-ти-лѣтній старецъ за годъ до своей смерти.

Замѣчательна и смерть В. Н. Каразина: въ глубокой старости, 70-ти лѣтъ отъ роду, онъ добровольно вызвался ѣхать въ Крымъ для того, чтобы испробовать на мѣстѣ усовершенствованный имъ способъ винодѣлія; во время разъѣздовъ на перекладной въ осеннюю непогодь онъ простудился и умеръ отъ горячки въ г. Николаевѣ: умеръ за работой на пользу русскаго общества, которому служилъ всю свою жизнь. Достойный конецъ достойной трудовой жизни!

Не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ до самой смерти сохранилъ свои выдающіяся способности; его послѣдняя работа „Беспристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“ [36]) блещетъ и остротою ума, и наблюдательностью, и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ автора. Въ началѣ ея помѣщено краткое предисловіе, въ которомъ вполнѣ сказался Каразинъ. „Не все, что говорится или пишется съ добрымъ намѣреніемъ, говоритъ В. Н., бываетъ принято

благосклонно. Но это еще не должно останавливать благонамѣреннаго человѣка. Ибо онъ не долженъ имѣть никакой личной цѣли. Къ тому-жъ мнѣ отъ роду уже 70 лѣтъ: поздно ожидать награды или осужденія!" Онъ умеръ такимъ, какимъ былъ въ жизни—смѣлымъ поборникомъ правды и общаго блага.

Смерть его не прошла незамѣченной въ общей прессѣ; но любопытно, что въ Харьковѣ ее замолчали. Въ тогдашнихъ „Моск. Вѣд." мы находимъ слѣдующій некрологъ его [36]): „мы получили изъ Николаева прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей тамъ 4 ноября въ 8 час. пополудни кончинѣ члена многихъ ученыхъ обществъ и правителя дѣлъ Филотехническаго общества статскаго совѣтника В. Н. Каразина, одного изъ людей истинно замѣчательныхъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Науки и особенно естественныя потеряли въ немъ ревностнаго поборника. Мы надѣемся сообщить въ непродолжительномъ времени его біографію и ограничимся теперь только припоминаніемъ, что въ первые годы царствованія блаженной памяти Императора Александра I-го, удостоенный личной довѣренности Его Величества, В. Н. Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія. Ему же собственно Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ... Всю жизнь свою посвятилъ онъ опытамъ и примѣненіямъ наукъ естественныхъ, а особенно химіи, и практической пользѣ общества и сдѣлалъ множество открытій, которыхъ важность не всегда была оцѣнена. На этомъ поприщѣ, одушевленный *пламенной* любовью къ отечеству, онъ дѣйствовалъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ своихъ съ неутомимымъ самоотверженіемъ и съ изумительною ревностью. Нынѣшнимъ еще лѣтомъ онъ былъ въ Одессѣ и выѣхалъ отсюда въ Крымъ для произведенія, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ, опытовъ надъ однимъ изъ тысячи своихъ предположеній—улучшеніемъ русскихъ винъ... Жители Харькова, гдѣ онъ преимущественно жилъ и дѣйствовалъ, не забудутъ всего того, что онъ сдѣлалъ къ процвѣтанію ихъ города, и память объ немъ сохранится между ними, какъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ согражданъ".

В. Н. Каразинъ при жизни былъ хорошо извѣстенъ представителямъ московскихъ литературныхъ кружковъ: его зналъ Калайдовичъ, проводившій съ нимъ время въ бесѣдахъ о словесности; въ этихъ разговорахъ между прочимъ Василій Назаровичъ постоянно ратовалъ противъ крѣпостнаго права въ его тогдашнихъ формахъ: извѣстный литераторъ С. Т. Аксаковъ называлъ Каразина „Посошковымъ новаго времени". М. П. Погодинъ говорилъ, что В. Н. Каразинъ „есть лицо, недостаточно еще оцѣненное въ русской исторіи". Особенно дружествен-

ныя связи установились между Василіемъ Назаровичемъ и Погодинымъ. Познакомились они въ 1828 г. и такъ сблизились, что Каразинъ, выѣхавъ изъ Москвы, писалъ Погодину: „обязательная ваша привѣтливость ко мнѣ въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти". Впослѣдствіи ихъ еще болѣе сблизили общіе научно-литературные интересы. В. Н. Каразинъ передалъ Погодину для напечатанія одну чрезвычайно важную рукопись—(Кирилова. „Цвѣтущее состояніе русскаго государства 1727 г."). Затѣмъ В. Н. Каразинъ принималъ живое нравственное и литературное участіе въ издаваемыхъ Погодинымъ журналахъ—Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ. По словамъ біографа Погодина г. Барсукова, В. Н. оказалъ даже вліяніе на развитіе славянскихъ симпатій Погодина. И дѣйствительно, напечатавъ въ 1868 г. записку Каразина объ освобожденіи Сербовъ, Погодинъ прибавляетъ: „Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ" [37]). Въ началѣ 70-хъ годовъ въ своемъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому Погодинъ далъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о Вас. Назаровичѣ: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію (между нами), долженъ засвидѣтельствовать свою благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденіи дастъ вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того, какъ поставленъ Вилье. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе. Члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало, которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержатъ мнѣніе. Я зналъ лично Василія Назаровича. Это былъ рьяный ревнитель добра, съ богатымъ воображеніемъ, огромными свѣдѣніями, изобрѣтательный, въ высшей степени образованный, со словомъ сильнымъ и убѣдительнымъ[38])". Интересенъ еще отзывъ о Вас. Наз. Харьковскаго литературнаго дѣятеля И. Бецкаго, близко стоявшаго къ Погодину и его „Москвитянину". Для того чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно знать, что Бецкій отличался вообще самостоятельностью, прямотою и даже рѣзкостью въ сужденіяхъ. Вотъ что писалъ онъ изъ Харькова Погодину 13 января 1843 года: „безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ. Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: пріѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ *дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, объ автографахъ, о

бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. Дневникъ его—это, ей, ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ феноменъ покойникъ. Мнѣ кажется, если бы В. Н. былъ бы не въ Харьковѣ и если бы обстоятельства не передѣлали на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ-бы много, много принести пользы, при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей“ [39]). Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того—ясно сквозитъ и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго несовсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ [40]).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ появился о Вас. Наз-чѣ такой отзывъ въ „Современникѣ“ лица, повидимому, хорошо знавшаго его: „что-бъ о немъ не говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію: рано или поздно Харьковъ да и вся Украйна отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ.... Ни одна отрасль наукъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ теоретически. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности.... Нетерпѣливый и отвлеченно теоретическій, Василій Назаровичъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни.... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь, съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности“ [41]).

Сознаніе о важности услугъ, оказанныхъ В. Н. Каразинымъ русскому обществу и особенно Харьковскому краю, между тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало и нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ науч-

ныхъ трудовъ, посвященныхъ его жизни и дѣятельности. Въ 1860 г. извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ біографію В. Н. Каразина, а въ 1866 году перепечаталъ ее въ дополненномъ видѣ въ сборникѣ „Украинская Старина". Эта работа и въ настоящее время является самымъ полнымъ сводомъ біографическихъ и библіографическихъ данныхъ о Каразинѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ проф. Н. А. Лавровскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ [42]) по исторіи Харьковскаго университета, отвелъ не мало мѣста и В. Н. Каразину. Онъ прямо говоритъ, что „г. Харьковъ несомнѣнно обязанъ существованіемъ въ немъ университета В. Н. Каразину". Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него слѣдующую характеристику Каразина: „онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, одушевленъ былъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едвали позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы—большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться—имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка" [43]). Въ „Русской Старинѣ" за 1870—1875 г. опубликовано сыномъ Василія Назаровича, Филадельфомъ Васильевичемъ, значительное количество матеріаловъ для его біографіи [44]); ему же принадлежитъ и опытъ біографіи, представляющій для насъ интересъ не столько по взглядамъ, сколько по богатству новыхъ фактическихъ данныхъ [45]). Въ послѣднее время и въ мѣстныхъ харьковскихъ изданіяхъ стали печататься матеріалы и статьи о В. Н. Каразинѣ [46]). Наконецъ, въ извѣстномъ изданіи Павленкова (знаменитыхъ дѣятелей) появилась недавно популярная біографія В. Н. Каразина (составлена г. Абрамовымъ); г. Абрамовъ считаетъ Василія Назаровича однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей [47]).

Мы въ своей рѣчи старались дать не панегирикъ, не похвальное слово, а матеріалы для объективнаго и мотивированнаго сужденія о заслугахъ В. Н. Каразина передъ русскимъ обществомъ. И вотъ наши выводы. Имя Василія Назаровича начертано крупными, неизгладимыми чертами въ исторіи мѣстной харьковской культуры и образованности. Харьковскій университетъ ему обязанъ своимъ началомъ—и этой одной заслуги было бы вполнѣ достаточно, чтобы благодарная память о немъ перешла въ потомство. Городъ Харьковъ, получившій университетъ раньше Петербурга, Кіева и Казани, въ значительной степени Каразину

обязанъ своимъ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ. Не будь этого, онъ долго бы еще оставался въ своемъ первобытномъ состояніи. Каразинъ знаменуетъ собою пробужденіе общественнаго и научно-литературнаго духа въ Украйнѣ, пользы которой въ его представленіи были неотдѣлимы отъ интересовъ всей Россіи. Не можетъ остаться незамѣченной его дѣятельность и въ исторіи общерусскаго просвѣщенія: не малую услугу оказалъ онъ ему своей идеей особаго министерства народнаго просвѣщенія. Наконецъ, Каразинъ пріобрѣлъ себѣ право на всеобщее вниманіе своимъ необыкновеннымъ умомъ и способностями: этотъ самоучка дворянинъ постоянно шелъ впереди своего вѣка и предлагалъ то, что и въ настоящее время составляетъ еще pium desiderium.

Такимъ образомъ, мы, вмѣстѣ съ Г. П. Данилевскимъ, М. П. Погодинымъ и Н. А. Лавровскимъ, думаемъ, что В. Н. Каразинъ вполнѣ заслужилъ себѣ *памятникъ* въ Харьковѣ. Мы говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, зная прекрасно, что дѣятельность Василія Назаровича и въ особенности его характеръ возбуждали подъ часъ нареканія и нападки. Вникая внимательнѣе въ эти отрицательные отзывы, мы легко открываемъ общій источникъ ихъ происхожденія; это были *пересуды* современниковъ, попавшіе въ печать и оказавшіе извѣстное вліяніе на сужденія о личности Каразина и со стороны потомства. Это были своего рода народныя легенды, сочиненныя безымянными авторами, нерѣдко сводившими такимъ путемъ счеты съ непріятнымъ человѣкомъ. Судьба Каразина, сама по себѣ довольно необычайная, давала имъ благодарныя темы и гарантировала успѣхъ ихъ сочиненій въ публикѣ. И петербургская бюрократическая среда (гдѣ пришлось первоначально дѣйствовать Василію Назаровичу), и харьковская провинціальная были очень падки къ различнаго рода сенсаціоннымъ слухамъ о человѣкѣ, котораго такъ высоко выдвинулъ „случай". Въ глазахъ высшаго петербургскаго общества, особенно придворнаго, Василій Назаровичъ, являлся выскочкой, котораго необходимо было во что бы то ни стало дискредитировать въ глазахъ Государя, иначе онъ могъ сдѣлаться очень опаснымъ. Особенное нерасположеніе и тайный страхъ должны были чувствовать къ нему старые государственные дѣятели. Выразителемъ подобныхъ взглядовъ на Каразина явился въ своихъ запискахъ извѣстный Державинъ, занимавшій въ царствованіе Александра I-го высокій постъ министра юстиціи. Онъ набросилъ сильную тѣнь на нравственную сторону личности Василія Назаровича, назвавъ его умнымъ человѣкомъ, „но не весьма завидной честности"; основаніемъ же для такого отзыва послужилъ *слухъ* о желаніи Василія Назаровича жениться на богатой невѣстѣ Надаржинской; Державинъ ставитъ въ вину Каразину то обстоя-

тельство, что онъ въ дѣлѣ наслѣдства этой дѣвицы сталъ дѣйствовать въ ея пользу, желая будто бы сдѣлать ей впослѣдствіи предложеніе и получить въ приданое за ней ея огромное состояніе. Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ событіемъ, а съ легендой, которая вводитъ насъ въ область гадательныхъ недоказанныхъ предположеній и темныхъ слуховъ, не поддающихся провѣркѣ. Самъ Державинъ говоритъ, что дѣло Надаржинской было правое и онъ самъ рѣшилъ его въ ея пользу, значитъ Каразинъ стоялъ также за правое дѣло; и если даже допустить, что *раньше* онъ былъ другаго мнѣнія (хотя это ничѣмъ не доказывается), то и тогда не зачѣмъ будетъ дѣлать непремѣнно худшаго предположенія: онъ могъ также ошибаться, какъ и Зубовъ, дѣйствовавшій совершенно безкорыстно, bona fide, и тѣмъ не менѣе представившій докладъ Государю въ пользу противника Надаржинской—Кондратьева; дѣло было очень запутанное и на него возможны были разныя точки зрѣнія [48]); при томъ Каразинъ вовсе не былъ знакомъ съ Надаржинской, которой, кстати сказать, въ то время было всего только 13 лѣтъ. Фактъ сватовства Каразина на Надаржинской не установленъ. Державинъ, по петербургскимъ слухамъ, говоритъ только о намѣреніи его посвататься за нее, у Ярославскаго [49]) же (въ его запискахъ), этотъ эпизодъ получаетъ дальнѣйшія мѣстныя (харьковскія) подробности и прибавки, весьма сомнительныя и отчасти опровергаемыя другими данными. Мы объясняемъ происхожденіе всѣхъ этихъ слуховъ тѣмъ, что Каразинъ въ это время заявилъ себя, какъ ревнитель правды и искоренитель злоупотребленій и тѣмъ поддерживалъ особое довѣріе къ себѣ Государя; самому Державину пришлось производить слѣдствіе надъ Калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ, по поводу его злоупотребленій, открытыхъ В. Н. Каразинымъ и доказанныхъ несомнѣнными данными; эта безпокойная дѣятельность по части искорененія неправды и близость къ Государю, естественно, вызывали зависть и желаніе набросить тѣнь на самого ревнителя правды; дѣло Надаржинской, въ которомъ Василій Назаровичъ опять таки хотѣлъ заявить себя правдолюбцемъ, подало прекрасный поводъ приписать ему такія намѣренія, какихъ у него и не было, чтобы тѣмъ дискредитировать его въ глазахъ общества и Государя; при томъ самъ Каразинъ могъ помочь своимъ недругамъ излишнею горячностью въ защитѣ интересовъ Надаржинской... и горячность эта могла дѣйствительно казаться подозрительной. Невинное примѣненіе химическаго фокуса къ акціямъ Филотехническаго общества породило также неблагопріятные для Каразина слухи въ Харьковѣ и нашло себѣ выраженіе въ запискѣ Анастасевича [50]). Своеобразное сочетаніе консервативныхъ и либеральныхъ взглядовъ

вызвало въ свое время злую эпиграмму Воейкова, а въ наши дни неудовольствіе историка крестьянскаго сословія В. И. Семевскаго [51]). Вотъ въ сущности и всѣ пятна (въ значительной степени мнимыя) на свѣтломъ фонѣ дѣятельности Каразина. Допускаемъ, что современемъ могутъ открыться еще какіе нибудь отрицательные отзывы о немъ. Даже увѣрены въ томъ, что это случится, потому что Василій Назаровичъ принадлежалъ къ людямъ съ рѣзко очерченной умственной и нравственной физіономіей; у него было много страстныхъ поклонниковъ и друзей, но еще больше враговъ и хулителей.

Основной чертой его *характера* является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его tête chaude (горячей головой) [52]). И все это, по нашему мнѣнію, объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь. Извѣстно, какихъ приключеній исполнена была жизнь его отца на военномъ поприщѣ. Намъ удалось найти данныя, доказывающія, что такимъ же неугомоннымъ-несдержаннымъ оставался отецъ его и въ роли помѣщика сел. Кручика (разумѣемъ эпизодъ съ колоколомъ) [53]). У сына былъ также огромный запасъ энергіи, но только вся она была направлена на *мирное* служеніе общественному благу. Отстраненный съ одного поприща, онъ немедленно же переходитъ къ другому и обнаруживаетъ здѣсь такую же изумительную дѣятельность, какъ и на прежнемъ. Василій Назаровичъ самъ сознался однажды, что въ его жилахъ кипѣла отцовская кровь. Предлагая себя немедленно послѣ опалы въ эмиссары русскаго правительства для поддержанія сербскаго возстанія, онъ говоритъ: „отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя *при неменьшей*, можетъ быть, *отважности*, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями [54])“. Мы выше замѣтили, что Василій Назаровичъ обладалъ огромнымъ умомъ. Но это не былъ холодный умъ практика; это былъ безпокойный умъ надѣленнаго пылкой фантазіей изобрѣтателя. Воображеніе у него господствовало надъ разсудкомъ и влекло его все къ новымъ и новымъ мечтаніямъ и предпріятіямъ, въ которыя самъ онъ искренно и глубоко вѣрилъ. Отсюда и грандіозность его проектовъ, служившая причиной непригодности многихъ изъ нихъ къ дѣлу; отсюда его непрактичность, вызывавшая не разъ улыбку на устахъ холодныхъ практиковъ. Припомнимъ его мечты о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть Харьковскій университетъ на всю южную Россію; вспомнимъ его предсказаніе, что г. Харьковъ сдѣлается новыми Аѳинами. Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарто-

рьєскому, о необходимости поддержать сербское возстаніе. Начавъ описывать будущіе предѣлы славянства, онъ прерываетъ свою рѣчь и говоритъ: „но какъ опредѣлить географическія границы, среди *восторга*, который меня обнимаетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ (славянъ), столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, не существующимъ уже, увы! для насъ“ [55]). Эта *восторженность* характеризуетъ почти всѣ его сочиненія. А его письма къ Императору Александру I-му, въ которыхъ онъ самъ себя называетъ „сельскимъ мечтателемъ“ и признается въ своей наивности [56])? Такимъ же мечтателемъ оказывался онъ и въ собственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить его Филотехническое общество, которое должно было давать дохода—не менѣе какъ по 6% на акцію. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ крайній идеализмъ больше всего принесъ вреда ему самому. Какъ человѣкъ прямой, искренній, Василій Назаровичъ всегда и всѣмъ говорилъ то, что думалъ, не дѣлая даже исключенія для царей. Судьба, казалось, въ началѣ благопріятствовала ему, поддерживала въ этомъ „правдоговореніи“, даже вознесла его за это на высоту, о которой едва ли могъ мечтать даже онъ, при всей своей пылкой фантазіи; но эта же судьба и низвергла его съ высоты. А падать, какъ извѣстно, труднѣе, чѣмъ подниматься. При томъ онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ. И вотъ начинается дѣятельность на новомъ болѣе узкомъ поприщѣ—научномъ. Между тѣмъ натура беретъ свое; пылкая фантазія рисуетъ ему возможность чуда: ему вѣрится, что его снова потребуютъ *туда*, на верхъ, откуда исходитъ все, гдѣ можно развить широкую дѣятельность на пользу общую... [57]). Въ результатѣ—неудача, злорадство враговъ, Шлиссельбургъ, невольное затворничество въ Кручикѣ... Тяжело было душевное состояніе Василія Назаровича въ послѣдніе годы. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ пользамъ Россіи, своего края—и этого рвенія и усердія современники по достоинству не оцѣнили или, что еще хуже, забыли о нихъ. Это его глубоко оскорбляло, заставляло страдать. Не могъ онъ, при своей живости, впечатлительности, оставаться ровнодушнымъ къ *неуспѣхамъ* своихъ начинаній—неудачи причиняли ему страданія. Другой на его мѣстѣ ушелъ бы отъ дѣлъ, отъ общества; но онъ не могъ этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ: у него было слишкомъ много энергіи и живучести; въ 70 лѣтъ онъ сохранилъ еще живость ума и чувства [58]). Онъ по прежнему искалъ дѣла, но только не желалъ уже ни похвалы, ни осужденія современниковъ, ибо не вѣрилъ въ ихъ безпристрастіе. Это душевное настроеніе ярко выразилось въ предсмертномъ письмѣ его къ Погодину. „Кто знаетъ, пишетъ онъ ему, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядываю-

щій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукой объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ де подалъ мысль къ основанію такого то университета. И только то!! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя болѣе 30 лѣтъ?... Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ въ тамошней библіотекѣ.—Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ! Хоть для потомства?“ Думалъ ли Каразинъ, прибавляетъ отъ себя Погодинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи [59]). И этотъ человѣкъ, обладавшій огромной вѣрой въ жизнь и людей, въ концѣ своего земнаго поприща потерялъ ее и расчитывалъ только на нелицепріятный судъ потомства.

Теперь пора дать ему этотъ судъ, милостивые государи и милостивыя государыни! Прошло уже 50 лѣтъ со дня его смерти. На нашей нравственной обязанности лежитъ оцѣнка подвиговъ его ума, слова и дѣла. Пожелаемъ же, чтобы эта оцѣнка нашла себѣ основаніе въ собраніи его сочиненій и посвященныхъ имъ изслѣдованіяхъ, чтобы изъ книгъ и изслѣдованій она перешла въ живое сознаніе общества и затѣмъ воплотилась въ вещественныхъ и невещественныхъ памятникахъ. Пожелаемъ, чтобы Каразины почаще являлись въ нашемъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы толкать его впередъ по пути всяческаго прогресса, въ особенности по пути просвѣщенія, по тому пути, на которомъ, по вѣрному замѣчанію б. попечителя Потоцкаго, „остановиться—значитъ то же, что подаваться назадъ“. Пусть растетъ сочувствіе къ нашему университету со стороны всѣхъ классовъ населенія. Мечты В. Н. Каразина отчасти сбылись: Харьковскій университетъ въ теченіе 87 лѣтъ является уже просвѣтительнымъ центромъ „полуденной Россіи“; пусть же онъ свѣтитъ, пока земля стоитъ и солнце свѣтитъ и свѣтъ его все болѣе и болѣе разсѣиваетъ мракъ!

Примѣчанія.

[1]) Нужно замѣтить, что ни подлиннаго письма, на точной копіи съ него не сохранилось и только впослѣдствіи, многіе годы спустя, самъ Василій Назаровичъ возстановилъ его по памяти; въ такомъ видѣ оно напечатано въ „Русск. Стар.“ 1873 г., апрѣль, стр. 567—568 (съ подлинной рукописи Василія Назаровича, сообщенной редакціи его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ); въ этой редакціи нѣтъ приведенныхъ нами словъ. Но мы ихъ встрѣчаемъ въ книгѣ Г. П. Данилевскаго, который ссылается на туже рукопись письма Василія Назаровича; быть можетъ, эта прибавка была устно сообщена Гр. П. Данилевскому Василіемъ Назаровичемъ или его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ, и она является весьма правдоподобной; трудно допустить, чтобы Василій Назаровичъ указалъ Императору Павлу только на одинъ мотивъ своего бѣгства—слухи о его жестокости. Мы думаемъ, что въ этомъ письмѣ, какъ и въ послѣдующихъ, смѣлыя рѣчи по адресу государя были смѣшаны съ выраженіемъ горячей преданности ему и отечеству; раскаяніе Каразина побудило Павла Петровича сдѣлать то, чего онъ не любилъ дѣлать—простить дерзновеннаго.

[2]) Разумѣемъ здѣсь статью г. Бочарова „*Памяти В. Н. Каразина. Новыя данныя къ его біографіц* (по первоисточникамъ и подлиннымъ архивнымъ бумагамъ)“, напечатанную въ № 307 „Москов. Иллюстрир. газеты“ за 1892-й годъ.

[3]) Письмо это напечатано съ примѣчаніями самого Василія Назаровича, но къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми пропусками, въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 4-й, стр. 68—80; у меня имѣется *полный* списокъ этого письма, сдѣланный для харьк. помѣщика Дм. Хрущева и принадлежащій нынѣ сыну его, Павлу Дмитріевичу Хрущеву.

[4]) Ibidem, стр. 75—76.

[5]) „Русская Старина“, 1875, апрѣль, стр. 751.

[6]) Рѣчь эта напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 3-й, стр. 330—335.

[7]) Сотрудникъ В. Наз. Анастасевичъ прямо говоритъ: „занятія мои съ Василіемъ Назаровичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ мин. нар. просв., въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьк. у—а и въ особенности по канцеляріи кн. Чарторысскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго университета и его округа по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (Едукаціонной) коммиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, а когда образовалась сія часть Виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назаровичемъ продолжались какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же правленія: „Ежем. соч. объ успѣхахъ нар. просв.“ (Записка о Вас. Наз. Каразинѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общ., 1861, кн. 3-я, стр. 192—193).

[8]) Письмо это напечатано у Гр. П. Данилевскаго („Укр. Старина“, стр. 135—139), подлинникъ его хранится въ библіотекѣ Харьк. университета.

[9]) Ibidem, стр. 136—137.

[10]) „Русская Старина“, 1871, т. 3-й, стр. 704.

[11]) „Предначертаніе“ Каразина напечатано въ статьѣ его сына („Рус. Старина“, 1875, май, стр. 66—76). Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукопись „предначертанія“ (она хранится въ университетскомъ архивѣ).

[12]) Болѣе подробное развитіе всѣхъ этихъ мыслей читатель найдетъ въ приготовляемыхъ нами къ изданію „Очеркахъ по исторіи Харьковскаго университета", именно въ 1-й главѣ ихъ, посвященной характеристикѣ просвѣщенія въ Харьк. краѣ до открытія университета.

[13]) Подробныя свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ помѣщены нами во 2-й главѣ „Очерковъ по исторіи Харьк. университета".

[14]) Грамота эта напечатана въ „Сбор. постан. по мин. нар. просв." т. 1-й; подлинникъ ея составляетъ собственность университета.

[15]) Вотъ они: губ. предводитель дворянства Вас. Донецъ-Захаржевскій, харьк. уѣздный—Дмитрій Щербининъ, валковскій—Мих. Шидловскій, богодуховскій—Иванъ Куликовскій, зміевской—Петръ Фонъ-Мейеръ, лебединскій—Алексѣй Алферовъ, сумской—Куколь-Яснопольскій, ахтырскій—Кондратьевъ, купянскій—Райзельонъ-Сошальскій, депутатъ зміевскаго уѣзда Ник. Шидловскій, купянскаго—Іосифъ Абаза, харьковскаго—Василій Тихоцкій, ахтырскаго—Иванъ Яипольскій, валковскаго—Ник. Зварыкинъ (Архивъ Харьк. Двор. Депут. Собр., „Протоколы по текущимъ дѣламъ" 1802 г.)

[16]) „Рус. Старина" 1875, май, стр. 76.

[17]) „Воспоминанія", стр. 77.

[18]) „Сѣверная Пчела" 1860, № 92; этого номера нѣтъ въ нашей университетской библіотекѣ, но, благодаря любезности г-жи Токмаковой, всѣ письма, напечатанныя тутъ Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ, для меня были списаны съ экземпляра, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

[19]) Н. А. Лавровскаго. Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2, стр. 309).

[20]) Г. П. Данилевскаго. „Украинская Старина", стр. 150—151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв." 1873, февраль, стр. 310.

[21]) Г. П. Данилевскаго. „Укр. Старина", стр. 151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.", 1873, № 2 стр. 310.

[22]) Прибавленіе къ „Харьк. Губ. Вѣд." 1838 г., № 38, стр. 337—338.

[23]) Ibidem, 1840 г., № 12, стр. 113.

[24]) См. „Украинскую Старину", стр. 128, 140—145; ср. Отчетъ Филотехническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818. X. 1819; см. также приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд." за 1838-й годъ, стр. 429—430, гдѣ помѣщены и его личныя наблюденія объ истребленіи лѣсовъ.

[25]) См. Записку, читанную въ Имп. Моск. Общ. Естествоиспытателей дѣйств. чл. онаго В. Н. Каразинымъ о метеорологіи, 15 марта 1810 г. („Рус. Старина", 1871, т. 3-й, стр. 719—722); ср. также статью о В. Н. Каразинѣ, какъ метеорологѣ, въ Рус. Архивѣ за 1892-й годъ. № 5.

[26]) Василій Назаровичъ Каразинъ... говоритъ Роммель, былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ („Воспоминаніе", стр. 77).

[27]) Отчетъ Филотехнич. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г. X. 1819 г., стр. 1—17, 22—26.

[28]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ устройствѣ сообщаетъ самъ Вас. Наз. въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. (См. „Русскую Старину", 1871, т. 3-й, стр. 335—366).

[29]) См. объ этомъ обстоятельную монографію о. Ник. Лащенка, основанную на данныхъ харьковскаго консисторскаго архива („Харьковскій Сборникъ“ на 1887-й годъ, стр. 53—64).

[30]) Ibidem, стр. 63; Вас. Наз. ставилъ своею цѣлью нравственно влiять на учениковъ и съ этою цѣлью сочинилъ даже особый катехизисъ, отрывки изъ котораго имѣются и въ печати.

[31]) Письмо къ губ. Бахтину („Рус. Стар.“, 1871, т. 3-й, стр. 358). Изъ одного письма къ Вас. Наз. видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ г. Гофвилѣ Эмилію Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчиковъ, по всей вѣроятности лучшихъ воспитанниковъ Кручанской школы; см. „Сѣв. Пчелу“ 1860, № 92.

[32]) „Сѣверная Пчела, 1860, № 92.

[33]) Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 1, стр. 1—2.

[34]) Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 34, стр. 234.

[35]) Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841, № 3, стр. 21—23.

[36]) „Моск. Вѣдом.“, 1842 г., № 101.

[37]) Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 3-я, стр. 203—206.

[38]) Письмо М. П. Погодина къ Н. А. Лавровскому (ненапечатанное; автографъ переданъ мнѣ акад. Н. А. Лавровскимъ).

[39]) Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 6-я, стр. 313—314.

[40]) Бецкій навѣстилъ Каразина въ 1841 г., по просьбѣ М. П. Погодина, и вынесъ неблагопріятное впечатлѣніе изъ этого посѣщенія: его непріятно поразила излишняя разговорчивость Вас. Наз. и онъ юмористически описываетъ ее въ письмѣ къ Погодину; см. Н. Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6-я, стр. 65—66.

[41]) Приведенъ у Гр. П. Данилевскаго, стр. 109—110.

[42]) См. „Вас. Наз. Каразинъ и открытіе Харьк. университета“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1872, январь и февраль) и его же „Воспоминаніе о Вас. Наз. Каразинѣ“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль).

[43]) „Жур. Мин. Нар. Просв. 1873, февраль, стр. 295.

[44]) Подобные же матеріалы появились еще раньше (въ шестидесятыхъ годахъ) на страницахъ „Чтеній Моск. Общества Исторіи и Древностей“.

[45]) См. въ „Рус. Старинѣ“ 1875 г. (февраль, май, сентябрь, октябрь, ноябрь) статью подъ заглавіемъ „Вас. Наз. Каразинъ, основатель Харьк. университета“; она подписана такъ: „воспитанникъ Харьковскаго университета 20-хъ годовъ“; но содержаніе ея, а въ особенности сравненіе съ имѣющимися въ моихъ рукахъ письмами Филадельфа Васильевича къ Н. А. Лавровскому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ принадлежности ея сыну Вас. Назаровича.

[46]) Разумѣемъ прекрасную работу о. Ник. Лащенка „Вас. Назар. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика“ („Харьк. Сборн.“ на 1887-й годъ) и замѣтку редакціи „Харьк. Сборн.“ по поводу ея (ibidem); ср. также записки Ярославскаго (тамъ же и въ болѣе полномъ видѣ въ „Кіев. Стар.“ за 1887-й г.); кое какіе матеріалы для біографіи Вас. Наз. и его отца напечатаны проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и мною въ „Сборникѣ Харьк. Историко-Фил. Общества“, т. 3-й.

[47]) См. *мою* рецензію на эту книжку въ „Кіевской Старинѣ“ 1891, іюнь, стран. 499—503.

[48]) Вопросъ заключался въ томъ, что Надаржинская родилась только 2 мѣсяца спустя послѣ законнаго брака своихъ родителей; но дядя (Кондратьевъ),

оспаривавшій потомъ законность ея рожденія, называлъ ее все время племянницей; родители также считали ее законной своей наслѣдницей; см. Записки Г. Ром. Державина. М. 1860, стр. 452—454, 443—451.

[49]) См. „Харьковскій Сборникъ" на 1887-й годъ и „Кіев. Стар." 1887 года.

[50]) Дѣло въ томъ, что В. Н. Каразинъ выпустилъ акціи Филотехническаго общества, которыя давали дивидендъ (впрочемъ изъ его собственныхъ средствъ); на этихъ акціяхъ химическимъ составомъ написанъ былъ тайный знакъ, указывавшій срокъ уплаты процентовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее объявленіе самого В. Н. Каразина: „за долгъ поставляется просить тѣхъ особъ дворянства и купечества, которые имѣютъ акціи, чтобы они не пропускали предъявлять ихъ въ назначенные сроки. Химическія чернила, коими написаны секретные на нихъ знаки, относительно къ срокамъ процентовъ, по прошествіи мѣсяца послѣ срока, сами собой начинаютъ обнаруживаться и слѣдовательно подвергаютъ акцію сомнѣнію. Впрочемъ сіе обстоятельство теперь, при началѣ общества нашего, по малому еще числу акцій и по извѣстности особъ, у которыхъ онѣ большею частью находятся, конечно имѣть мѣста не можетъ. Само собою разумѣется, что мѣра сія изобрѣтена не для нынѣшняго первоначальнаго времени. Всѣ акціи признаются теперь имѣющими свое достоинство"... Вас. Наз. оказался тутъ просто непрактичнымъ: онъ, во 1-хъ, принялъ такую мѣру, въ которой на первыхъ порахъ, по его же словамъ, не было никакой надобности, а во 2-хъ, повидимому, не предусмотрѣлъ того, что знаки могутъ обнаружиться не во время, отъ теплоты карманной книжки, гдѣ ихъ носили; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прямо говоритъ Анастасевичъ. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ нѣсколько иначе объясняетъ цѣль этихъ тайныхъ знаковъ; въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому онъ между прочимъ пишетъ: „акціи эти у меня сохранились; посылаю вамъ одну. Причина, по которой дѣлался въ клѣточкахъ знакъ химическими чернилами объяснена: „желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ нашего общества сдѣлало необходимою сію мѣру", сказано въ концѣ оборотной стороны. Сумма денегъ, внесенныхъ по акціи, могла быть различна, начиная отъ 100 руб.; писалась она въ продолговатомъ квадратѣ на первой страницѣ. Чтобъ устранить подлогъ, который не трудно было сдѣлать по простотѣ акцій, эта сумма или соотвѣтствующій ей знакъ, извѣстный Каразину, выставлялся на оборотной сторонѣ акціи секретными чернилами. Выводъ ихъ наружу доказывалъ несомнѣнно подлогъ. И эта прекрасная предосторожность истолкована, какъ фальшъ Каразина!... Выпускъ акцій былъ обезпеченъ частью недвижимаго имѣнія Каразина, которое и было продано съ аукціона на удовлетвореніе кредиторовъ"... Очень вѣроятно, что В. Наз. своими тайными знаками преслѣдовалъ двоякую цѣль—и ту, о которой говоритъ самъ, и ту, о которой говоритъ его сынъ. Акція, отправленная Филадельфомъ Васильевичемъ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, передана имъ мнѣ и хранится нынѣ въ числѣ другихъ документовъ Каразинскаго комитета; см. „Украинскую Старину", стр. 169; Записка Анастасевича („Чтенія Моск. Общ., 1861, III, стр. 197); письма Филадельфа Васильевича къ Ник. Ал. Лавровскому переданы мнѣ этимъ послѣднимъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность.

[51]) См. соч. В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в.", т. 1-й; въ эпиграммѣ Воейкова В. Н. Каразинъ называется хамелеономъ.

[52]) „Рус. Старина" 1871, т. 3-й, стр. 710—711.

[53]) См. *мою* статью „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ" („Кіев. Старина" 1892, декабрь).

[54]) „Рус. Старина" 1871, т. 3-й, стр. 703—704.

[55]) Ibidem, стр. 716—717.

[56]) „Рус. Старина", 1875, ноябрь, стр. 470—471.

[57]) Въ этомъ отношеніи любопытно письмо, написанное Вас. Назаровичемъ въ 1814 году извѣстному Аракчееву. Препровождая ему отчетъ Филотехническаго общества, Каразинъ писалъ: „можетъ быть, захотите сдѣлать мнѣ благодѣяніе сообщеніемъ Его Августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей болѣе нежели обыкновенныхъ,—пока напослѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности... Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ я продолжаю тоже самое стремленіе, которое Имъ однажды было одобрено: „часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что мы съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ". Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному Его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донынѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой донынѣ подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь привести нѣкогда, можетъ быть, не прежде какъ уже по смерти своей пользу дражайшему отечеству. И тогда уповаю быть оправданъ!..." Н. Бочарова. Памяти В. Н. Каразина („Моск. Иллюстр." газета, 1892 г. № 307).

[58]) О живости чувства свидѣтельствуетъ письмо его къ супругѣ, писанное не за долго до смерти на 70-мъ году жизни; современемъ я его напечатаю.

[59]) „Москвитянинъ" 1843, № 2, стр. 628—629.

Матеріалы для исторіи Харьковскаго Университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣе двухъ сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на берегу рѣки Харькова раскинулся первый поселокъ. Мѣстность, занятая въ настоящее время городскими постройками, была покрыта густой и сочной растительностью, питаемой обильными нѣкогда водами рѣкъ Харькова и Лопани, съ прилегавшими къ нимъ многочисленными заливами, озерцами и ручьями. Въ густыхъ тростникахъ Лопани дикія козы скрывались отъ волковъ и медвѣдей. Перелетные лебеди покрывали ее весной. Роскошные сады съ путивльскими и склянковыми яблоками были нанимаемы московскими промышленниками за 30, 40 руб. въ лѣто. Въ урожайные годы четверть ржаной муки продавалась на базарахъ полковаго города Харькова по 70 коп. мѣдью, четверть овса по 25 коп.

Велико было природное богатство края; но бѣденъ онъ былъ удобствами цивилизаціи. Городская жизнь была однообразна и скучна. Съ солнечнымъ закатомъ горожане уже помышляли о сытномъ ужинѣ и крѣпкомъ снѣ, который не раздѣляли только часовые, высматривавшіе на городскомъ валу появленіе непрошенныхъ гостей—татарскихъ хищниковъ. Долгое время не было ни театра, ни книжныхъ магазиновъ, ни типографіи. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда возникли впервые драматическія представленія, довольствовались одной рукописной афишей; книги привозили два-три раза въ годъ ярморочные торговцы, и книги-то были, обыкновенно, очень скромныя—Письмовникъ Курганова, Оракулъ Мартына Задеки, плохенькіе лѣчебники, залящіеся романы о любви Моины и Услада и т. п. Даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія городъ выглядывалъ такимъ бѣднымъ и грязнымъ, что въ совѣтѣ университета возникла мысль хлопотать передъ правительствомъ о переведеніи университета въ Бѣлгородъ.

Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ, городъ росъ и развивался, и въ настоящее время является средоточіемъ жизнедѣятельныхъ силъ

значительной части южнорусскаго края. Въ теченіе двухсотлѣтняго документальнаго существованія Харькова были годы бѣдствій, чумы, холеры, истребительныхъ пожаровъ, были годы свѣтлыхъ духовно-нравственныхъ явленій въ жизни мѣстнаго общества, когда возникали стремленія къ самостоятельной литературной дѣятельности и учреждались филантропическія и научно-просвѣтительныя общества. Въ настоящее время чувствуется уже настоятельная потребность въ историческомъ отчетѣ, въ систематическомъ и стройномъ обзорѣ харьковской старины. Писать исторію г. Харькова не значитъ опускаться въ безсодержательныя мелочи прошлаго. Если это прошлое состоитъ исключительно изъ мелочей, то не стоитъ затрачивать время на его изученіе, тѣмъ болѣе не стоитъ, что въ настоящемъ многое требуетъ затраты личнаго безкорыстнаго и доброжелательнаго труда. Только мысль о живыхъ, но давно забытыхъ или незамѣченныхъ въ свое время или недостаточно использованныхъ началахъ прошлаго можетъ повести къ его изученію. Собираніе внѣшнихъ фактовъ людской жизни, перечисленіе городскихъ учрежденій по вывѣскамъ и уставамъ—дѣло скучное и малополезное. Исторія, какъ установленіе генетической связи культурныхъ явленій, можетъ пріобрѣсти серьезный интересъ. Просвѣтительныя и филантропическія стремленія мѣстныхъ дѣятелей недавняго прошлаго, ясно обрисованныя, получаютъ значеніе воспитательнаго элемента и содѣйствуютъ дальнѣйшему общественному преуспѣянію. Цѣнность историческаго изслѣдованія опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ оно формируетъ и укрѣпляетъ созидающую мысль человѣка. Сближеніемъ фактовъ прошлаго опредѣляется ихъ сущность и значеніе. Среди забытыхъ могилъ и пришедшихъ въ разрушеніе памятниковъ историкъ отыскиваетъ искры жизни, подчасъ жизни многообѣщающей. Освобождая ихъ отъ нанесеннаго потокомъ времени праха и забвенія, онъ такимъ образомъ содѣйствуетъ ихъ обращенію въ животворный для общественнаго организма источникъ тепла.

Систематическая и достаточно полная и разносторонняя исторія г. Харькова—дѣло будущаго. Сегодня, въ нынѣшнемъ году, такой исторіи не можетъ быть по многимъ причинамъ. Не собраны и неразобраны необходимые археологическіе и историческіе матеріалы; не опубликованы важные для бытовой исторіи документы, хранящіеся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, напр. дневники, письма, судебные процессы выдающихся харьковскихъ горожанъ стараго времени. Почти совсѣмъ нѣтъ историческихъ монографій о дѣятельности отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій. Свѣтильникъ чистаго знанія, разсадникъ просвѣщенія въ значительной части южнорусскаго края, харьковскій уни-

верситетъ прежде всего заслуживаетъ подробной и дѣльной исторической монографіи. Уже на первыхъ порахъ своей научной жизни университетъ вносилъ въ мѣстное образованное общество просвѣтительныя и филантропическія стремленія, при чемъ или сами профессоры становились въ живое общеніе съ жизнью, или питомцы мѣстнаго университета являлись посредниками между людьми общества и людьми науки. Съ пятидесятыхъ годовъ почти всѣ лучшіе мѣстные люди или получили высшее образованіе въ здѣшнемъ университетѣ, или, такъ или иначе, пришли съ нимъ въ близкое соприкосновеніе по своему служебному положенію.

Для исторіи харьковскаго университета собрано мало матеріала, мало даже для внѣшней исторіи, не говоря уже о внутренней; нѣтъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія роста учрежденій, состоящихъ при университетѣ; собрано весьма мало біографическихъ свѣдѣній о профессорахъ; архивные матеріалы лишь затронуты въ трудахъ немногихъ лицъ; не собраны воспоминанія; печатныя данныя (актовыя рѣчи и отчеты, воспоминанія и пр.) разбросаны и отрывочны. Въ скоромъ времени, черезъ 12 лѣтъ, предстоитъ празднованіе столѣтія университета, и тогда понадобится біографическій словарь профессоровъ (по примѣру словарей московскаго и кіевскаго) и общіе историческіе отчеты, а предварительно неизбѣжно понадобятся архивныя справки и библіографическіе указатели—работа сложная, медленная и копотливая.

Предстоящія замѣтки—черновой матеріалъ для будущихъ исторіографовъ нашего университета. Въ нихъ отмѣчены нѣкоторыя черты изъ внутренней жизни университета за послѣднее двадцатилѣтіе и черты личнаго характера дѣятелей, обыкновенно ускользающія отъ вниманія оффиціальной исторіографіи, практическія занятія по исторіи, начинанія и предположенія просвѣтительнаго значенія, не получившія практическаго осуществленія, наконецъ, кое-какіе анекдоты. Послѣдніе вносятся въ статью, потому что въ нихъ часто отражаются характерныя особенности личности, иногда настроеніе цѣлаго общества. Двадцать лѣтъ—время небольшое, а между тѣмъ произошло много крупныхъ внутреннихъ измѣненій и въ личномъ составѣ и въ настроеніи университетской среды. На одномъ историко-филологическомъ факультетѣ въ истекшее двадцатилѣтіе смерть унесла Рославскаго-Петровскаго, Деллена, Петрова, Пѣховскаго, Аристова, Потебню, Колмачевскаго, Андреевскаго и молодыхъ талантливыхъ магистрантовъ Александра Попова и Ильинскаго. Но гдѣ одно потеряно, тамъ другое пустило ростки, и уже такова духовная живучесть университета, что эти ростки клонятся къ солнцу объективной научной истины и получаютъ просвѣтительное и

моральное значенія. Университетъ, какъ море, вѣчно волнующееся подъ тяготѣніемъ научной мысли: въ однихъ мѣстахъ волна упала, въ другихъ поднимается.

Невозможно учесть ту массу труда, знаній и энергіи, которую затратили харьковскіе профессоры за истекшее двадцатилѣтіе въ области науки, просвѣщенія и филантропіи, въ университетѣ и внѣ университета, въ ученыхъ обществахъ, на съѣздахъ, въ публичныхъ лекціяхъ, въ положеніи гласныхъ думы и гласныхъ земства. Достаточно здѣсь сказать, что почти во всѣхъ капитальныхъ вопросахъ мѣстной научной и общественной жизни профессоры оказываются или иниціаторами, или на ихъ рукахъ лежала разработка самыхъ крупныхъ проектовъ, частью осуществившихся (устроеніе научныхъ обществъ, женскихъ гимназій, библіотекъ), частью неосуществившихся (женскіе курсы, изданіе журнала, устройство рабочаго дома и др.).

Прошлое нашихъ воспоминаній стоитъ близко къ современному, потому мы имѣемъ много судей и критиковъ; всякое преувеличеніе или ошибка легко можетъ быть замѣчена и исправлена.

ГЛАВА I.

Воспоминанія объ А. А. Воскресенскомъ и А. А. Потебнѣ.

Въ XIII полутомѣ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона (1892 г.) Д. Менделѣевъ помѣстилъ статью объ Александрѣ Абрамовичѣ Воскресенскомъ, его біографію съ научной оцѣнкой заслугъ въ химіи, оцѣнкой весьма важной при высокомъ научномъ авторитетѣ самого г. Менделѣева. Статья проникнута глубокимъ уваженіемъ автора къ „дѣдушкѣ химіи“, какъ г. Менделѣевъ называетъ Воскресенскаго. Отсылая читателя къ этой прекрасной статьѣ, ограничимся здѣсь краткими фактическими данными: Воскресенскій, сынъ священника тверской губерніи, родился въ 1809 г., учился въ духовной семинаріи, потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, наконецъ за границей у Либиха и по возвращеніи въ Россію въ 1838 г. былъ назначенъ профессоромъ химіи въ петербургскомъ университетѣ, съ 1863 г. ректоромъ петербургскаго университета, съ 1867 г. попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Въ началѣ 70-хъ годовъ В. вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 21

января 1880 г. послѣ „долгой и плодотворной дѣятельности“. Г. Менделѣевъ отмѣтилъ, между прочимъ, слѣдующую замѣчательную черту: Воскресенскій въ отставкѣ много времени посвятилъ на устройство въ своемъ имѣніи (Новоторжскаго уѣзда) двухклассной крестьянской школы. По словамъ г. Менделѣева, В. должность попечителя „считалъ не по себѣ, особенно вслѣдствіе тѣхъ симпатій къ реализму, которыми проникнута была вся его жизненная дѣятельность“.

Когда В. былъ въ Харьковѣ попечителемъ, я былъ въ послѣднихъ классахъ харьковской 2-й гимназіи (въ концѣ 60-хъ годовъ) и на первыхъ курсахъ историко-филологическаго факультета (въ началѣ 70-хъ годовъ). Въ такомъ возрастѣ и въ такомъ положеніи я, понятно, не могъ знать В. со стороны главныхъ чертъ его характера и дѣятельности. В. появлялся передо мной случайно, какъ высшее начальство, и въ моей памяти рѣзко запечатлѣлись лишь внѣшній его видъ, его наружность, пріемы обращенія, его поговорки и прибаутки. Оригинальный былъ это человѣкъ: высокій, полный, сѣдой, всегда улыбающійся, съ поклонами во всѣ стороны, чрезвычайно словоохотливый, каламбуристъ и шутникъ. Онъ очень часто ходилъ въ гимназіи на уроки и въ университетъ на лекціи. Человѣкъ всѣмъ доступный, простой и добрый В. въ разговорахъ и въ обращеніи съ учащимися обнаруживалъ слѣды пройденной имъ семинарской школы образованія. Помнится мнѣ одинъ пасмурный сентябрскій денекъ 1869 года. Ученики 7 класса второй гимназіи безучастно и утомленно слѣдили за движеніями руки учителя геометріи, чертившаго на доскѣ какую-то замысловатую фигуру. Часы показывали начало втораго; и учителю, и ученикамъ, казалось, въ одинаковой степени хотѣлось поскорѣе распроститься съ этой скучной казенной четыреугольной комнатой съ печальной черной доской, траурно выглядывающей мѣловыми очертаніями безконечно длинныхъ и однообразныхъ геометрическихъ фигуръ. Неожиданно растворились обѣ половинки двери, и въ классъ скорымъ шагомъ вошелъ Воскресенскій, сопровождаемый тогдашнимъ директоромъ гимназіи, добрымъ и уважаемымъ учениками Сцепурой. Попечитель направился прямо къ каѳедрѣ, плотно усѣлся на креслѣ, положилъ цилиндръ на край каѳедры и запросто протянулъ ноги, какъ бы давая знать ученикамъ: „погодите, лѣнтяи, я скоро не уйду и не одного потяну къ доскѣ на геометрическія прегрѣшенія!“ Онъ вызвалъ къ доскѣ ученика, который, будучи наканунѣ спрошенъ, питалъ себя надеждой, что новое испытаніе въ грѣхахъ и новая крючковатая тройка послѣдуютъ не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ. Но перстъ попечителя вывелъ его изъ этого заблужденія, и маленькому грѣшнику пришлось вкривь и вкось толковать, что прямая, пер-

ковскаго помѣщика Алферова, умершаго въ Боннѣ, въ музей поступила богатая коллекція картинъ, акварелей и гравюръ, по минимальной заграничной оцѣнкѣ въ 30,000 талеровъ. Въ особенности цѣнна эта коллекція по громадному количеству гравюръ древнихъ и новыхъ мастеровъ (отъ Альбрехта Дюрера нач. XVI в. до Клейна и др.). Вотъ Потебня и сообщилъ послѣ лекціи, что нашъ университетъ обогатился такимъ цѣннымъ пожертвованіемъ.

На студентовъ новичковъ Потебня производилъ впечатлѣніе человѣка сухаго, строгаго и недоступнаго. Во время моего студенчества ни я, ни, сколько помню, мои товарищи, не обращались къ Потебнѣ съ личными вопросами или просьбами. Разъ я какъ то по окончаніи лекціи, въ то время какъ Потебня своимъ обычнымъ скорымъ шагомъ шелъ изъ аудиторіи въ лекторій, въ корридорѣ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Не помню, о чемъ я спрашивалъ, не помню, что Потебня мнѣ объяснялъ; помню только, что Потебня при вопросѣ вздрогнулъ, точно я испугалъ его, и это обстоятельство настолько меня смутило, что я въ университетѣ не обращался къ нему съ вопросами. У Потебни, какъ человѣка кабинетнаго, весьма впечатлительнаго и нѣсколько болѣзненнаго, были своеобразныя манеры въ обращеніи и разговорѣ, наводившія нѣкоторое смущеніе на посторонняго человѣка. Работая постоянно и усиленно въ труднѣйшихъ научныхъ областяхъ, Потебня привыкъ къ сосредоточенному выраженію лица и при пустомъ вопросѣ, при началѣ обычнаго разговора, у него появлялись складки на лбу, что придавало выраженію лица строгость и говорило объ усиліяхъ мысли. Студентъ новичокъ приходилъ въ невольное смущеніе. Профессоръ хмурился по привычкѣ, а студенту казалось, что профессоръ находится въ какомъ-то затрудненіи и, быть можетъ, недовольствѣ.

Съ Потебней я близко познакомился и сталъ бывать у него уже по окончаніи курса въ университетѣ. На послѣднихъ курсахъ и въ первые два года по выходѣ изъ университета я занимался спеціально исторіей всеобщей литературы. Потебня посовѣтовалъ мнѣ перейти на каѳедру исторіи русской литературы, на томъ основаніи, говорилъ онъ, что исторія всеобщей литературы въ Россіи своего рода роскошь, и занятіе исторіей отечественной литературы представляется у насъ болѣе нужнымъ и болѣе производительнымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ трудно русскому ученому угнаться за нѣмцами въ изученіи, напр., жизни и литературы германскихъ народовъ. Этотъ совѣтъ опредѣлилъ дальнѣйшую мою дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для продолженія научныхъ занятій по всеобщей литературѣ фундаментальная библіотека университета не давала мнѣ необходимыхъ пособій.

На всѣхъ моихъ диспутахъ, pro venia legendi, магистерскомъ и докторскомъ, А. А. былъ оффиціальнымъ оппонентомъ, и отъ него я получилъ научное крещеніе.

Потебня не любилъ выдвигаться на первый планъ и принимать на себя отвѣтственную роль даже въ случаяхъ вполнѣ возможныхъ, въ кругѣ его спеціальныхъ научныхъ занятій. Около десяти лѣтъ назадъ редакторъ Рус. Фил. Вѣстника предполагалъ передать это изданіе въ другой университетскій городъ. Между прочимъ, былъ намѣченъ Харьковъ, и Потебнѣ было предложено редактировать этотъ журналъ. Несомнѣнно, что Потебня, при его обширной эрудиціи, трудолюбіи, высокомъ уваженіи къ слову, что выражалось даже въ чрезвычайно тщательной корректурѣ, былъ бы отличнымъ редакторомъ. Несомнѣнно также, что редактированіе спеціальнаго изданія отняло бы у него много драгоцѣннаго времени, въ ущербъ его собственнымъ занятіямъ. Потебня былъ весьма заинтересованъ переводомъ Р. Ф. В. въ Харьковъ, но, не желая редактировать его, просилъ меня принять на себя редакторство, при чемъ по письмамъ проф. А. И. Смирнова ознакомилъ меня съ условіями изданія и обѣщалъ свою личную поддержку и дѣятельное участіе. При всемъ томъ, я отказался по многимъ причинамъ, главнымъ образомъ по недостатку свободнаго времени. Изданіе удержалось на прежнемъ мѣстѣ и ведется съ прежнимъ выдающимся усердіемъ и знаніемъ дѣла.

Потебня не былъ узкимъ доктринеромъ. Все хорошее въ старомъ и новомъ университетскомъ строѣ онъ признавалъ. Но и темныя стороны университетскихъ порядковъ онъ прекрасно сознавалъ и, при случаѣ, когда у него спрашивали, указывалъ на нихъ съ полной откровенностью, ничего не умалчивая и не преукрашивая. Когда министерство народнаго просвѣщенія, по введеніи новаго университетскаго устава, замѣтило несовершенство нѣкоторыхъ первыхъ мѣропріятій и стало собирать свѣдѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ, то и Потебня въ числѣ прочихъ представилъ докладную записку, въ свое время прочитанную въ факультетѣ и пересланную въ министерство. Эта записка не была формальнымъ отвѣтомъ по мелочамъ учебной программы; она касалась существенныхъ сторонъ въ распорядкѣ лекцій. Въ тревожное время Потебня вполнѣ сохранилъ присутствіе духа, уваженіе къ истинѣ и независимость въ сужденіи. Такіе документы нельзя передавать по памяти. Современемъ эта записка, вѣроятно, найдетъ мѣсто въ печати, и тогда она будетъ однимъ изъ крупныхъ памятниковъ его гражданскаго мужества и патріотической честности. Вскорѣ послѣдова-

ли новыя мѣропріятія, сохранившія научное достоинство за всѣми предметами факультетскаго преподаванія, согласно съ основными положеніями новаго университетскаго устава. Изъ этихъ сопоставленій вовсе не вытекаетъ, чтобы мнѣніе Потебни имѣло въ данномъ случаѣ превалирующее значеніе. Современная организація учебнаго дѣла на истор.-филол. факультетахъ обязана заботливости и усиліямъ многихъ почтенныхъ дѣятелей науки, близко стоящихъ къ министерству; но и мнѣніе Потебни было имъ извѣстно и могло быть для нихъ значительной опорой по ясности и прямолинейности.

Изъ другихъ случаевъ отношеній Потебни къ вопросамъ, возбужденнымъ высшимъ начальствомъ, можно отмѣтить его мнѣніе по вопросу о гонорарѣ за чтеніе лекцій. Потебня держался того мнѣнія, что въ настоящей системѣ вознагражденія профессоровъ за трудъ смѣшаны два разнородныхъ принципа, жалованье и гонораръ, одинъ, выработанный условіями русской жизни, другой—условіями заграничнаго университетскаго быта, неимѣющими опоры въ прошломъ русскихъ университетовъ. Гонораръ предполагаетъ свободу слушанія и свободу преподаванія, и въ настоящемъ своемъ видѣ стѣснителенъ для профессоровъ по нравственнымъ соображеніямъ и для студентовъ по причинамъ матеріальнаго свойства. Потебня предвидѣлъ, что при неравномѣрномъ распредѣленіи гонорара могутъ возникнуть нежелательныя явленія, напр., параллельные курсы, не оправдываемые научной потребностью.

Добрый и отзывчивый въ душѣ Потебня былъ суровъ въ принципіальныхъ вопросахъ и чрезвычайно легко прекращалъ знакомство, разъ замѣчалъ нарушеніе нравственнаго принципа, хотя бы безъ малѣйшаго личнаго къ нему отношенія. Если онъ узнавалъ, что профессоръ—пусть даже давній его знакомый снизошелъ до лжи, заискиванія, печатной брани или т. п. прегрѣшенія, онъ уже не кланялся ему на другой день, не подавалъ руки, какъ-бы забывалъ о его существованіи. Иногда пострадавшій прощалъ, а Потебня, стоя въ сторонѣ, не могъ простить по принципу.

Въ факультетѣ Потебня игралъ видную роль. Къ его голосу внимательно прислушивались, и слово его часто бывало рѣшающимъ. Въ факультетѣ онъ былъ охранителемъ научныхъ интересовъ и общихъ нравственныхъ университетскихъ принциповъ и въ этомъ отношеніи въ высшей степени былъ строгъ и нелицепріятенъ. Такъ, одинъ молодой ученый, даровитый и трудолюбивый, представилъ солидную магистерскую диссертацію, и факультетъ былъ расположенъ дать ему за эту

диссертацію докторскую степень. Потебня хорошо его зналъ, расположенъ былъ лично къ нему, и все таки подалъ голосъ противъ докторства единственно въ силу хорошей университетской традиціи, чтобы не создать опаснаго прецедента, которымъ потомъ могли воспользоваться лица, недостаточно подготовленныя или недостаточно втянувшіяся въ научную дѣятельность. Въ другой разъ у Потебни на магистерскомъ экзаменѣ не прошелъ молодой ученый, нынѣ заявившій себя въ печати нѣсколькими полезными научными трудами, не прошелъ, вопервыхъ, потому что не удовлетворилъ экзаменаціоннымъ требованіямъ по объясненію текста древнихъ памятниковъ, во-вторыхъ, изъ-за обилія рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, отъ лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, но къ филологіи совсѣмъ не причастныхъ. Эти письма дѣйствительно составляли опасную новинку. Они могли связать провинціальнаго профессора и насиловать его мнѣніе. Потебня, при единогласномъ мнѣніи факультета, призналъ экзаменъ неудовлетворительнымъ.

Потебня, по порученію факультета, былъ оффиціальнымъ оппонентомъ на многихъ диспутахъ. Какъ оппонентъ, Потебня былъ вѣжливъ, держался въ предѣлахъ предмета диссертаціи, говорилъ по существу, безъ вопросовъ, не сводя спора на личную почву и не останавливаясь на мелочахъ. Замѣчательная эрудиція и сильная діалектика всегда дѣлали Потебню побѣдителемъ безъ униженія побѣжденнаго. Потебнѣ часто приходилось участвовать на диспутахъ по предметамъ для него стороннимъ, и въ такихъ случаяхъ въ немъ обнаруживался знатокъ дѣла, и Потебня выручалъ факультетъ изъ затрудненія съ полнымъ научнымъ достоинствомъ и пользой для дѣла.

По происхожденію, по нѣкоторымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Потебня былъ малоруссъ. Для Потебни это была такая же естественно-необходимая черта ума и характера, какъ цвѣтъ волосъ, очертанія глазъ или складъ черепа. Онъ съ уваженіемъ относился къ научной и просвѣтительной дѣятельности Н. И. Костомарова. Широкое нравственное міросозерцаніе Потебни исключало всякую односторонность, между прочимъ, и односторонній націонализмъ. Ко всякой народности онъ относился съ уваженіемъ и для всякой народности допускалъ возможность и право широкаго развитія всѣхъ кроющихся въ ней силъ. Потебня относился съ полнымъ осужденіемъ къ мнѣнію Макса Мюллера, что для развитія европейскаго человѣчества достаточно 4 языковъ—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и италіанскаго. Потебня говорилъ по этому поводу, что „языки составляютъ своеобразные органы мысли и подходятъ къ ней съ разныхъ сторонъ, и потому, достигнувъ единства языковъ, мы

остались бы въ проигрышѣ. Теперь мы подходимъ къ мысли съ разныхъ сторонъ и выражаемъ ея содержаніе съ разныхъ точекъ зрѣнія, а тогда довольствовались бы одною стороною ея. Все единство свелось бы на то общее пожираніе другъ друга, которое выражено въ малорусской поговоркѣ: „коза дере лозу, а вовкъ—козу, а вовка—мужикъ, а мужика—жидъ, а жида—панъ, а пана—юриста (адвокатъ), а юристу—триста чортывъ".

Отмѣтимъ слѣдующее его замѣчаніе о пользѣ науки, высказанное студентамъ на лекціи: „успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистыя науки, свободныя отъ какихъ либо утилитарныхъ цѣлей, способны сами по себѣ удовлетворить человѣка, способны дать ему такое удовольствіе, какое, напримѣръ, доставляетъ искусство; но въ тоже время нѣтъ знанія, которое рано или поздно не принесло прямой ощутительной пользы". При такомъ уваженіи къ наукѣ Потебня естественно уважалъ и главныхъ ея носителей и выразителей—университеты. Его уваженіе къ западноевропейскому просвѣщенію основано было не только на книжномъ, но и на личномъ съ нимъ знакомствѣ во время заграничныхъ путешествій. Нравился Потебнѣ также сравнительно болѣе высокій уровень европейской общественной морали. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ отзывался о западноевропейской привѣтливости и доброжелательствѣ въ личныхъ отношеніяхъ.

Потебня высоко цѣнилъ и любилъ искусство. Онъ находилъ, что искусство всегда идетъ впередъ науки и является необходимымъ условіемъ прогресса. Въ языкѣ и въ народной словесности онъ отмѣчалъ проявленія художественнаго начала, при чемъ мелкіе оттѣнки поэтическаго образа не ускользали отъ его вниманія. Чуткость ко всему прекрасному проявлялась также въ его отношеніяхъ къ музыкѣ, живописи и поэзіи. Онъ любилъ народные мелодическіе мотивы малорусскихъ пѣсенъ, и простѣйшими мотивами часто дорожилъ какъ самыми изящными. Зная немного музыку, онъ могъ на рояли подбирать народные мотивы пѣсенъ. Любилъ Потебня также живопись. Онъ всегда посѣщалъ иногда по нѣсколько разъ академическія и передвижныя выставки и любилъ поговорить о выдающихся картинахъ. Въ послѣдніе годы онъ покупалъ у мѣстныхъ художниковъ небольшіе пейзажи. Потебня интересовался также сочиненіями по теоріи и исторіи искусства. Въ особенности ему нравились лекціи по исторіи искусства Тэна. Изъ поэтовъ Потебня любилъ Гомера, Шекспира, Шиллера. Особенно близки его сердцу были Пушкинъ, Тютчевъ и Шевченко. Въ моихъ бумагахъ сохранился списокъ текста телеграммы, составленной А. А. Потебней, по порученію совѣта университета, для отправки въ Москву при открытіи памятника А. С. Пушкину. Теле-

грамма эта представляется интересной по обрисовкѣ литературныхъ убѣжденій Потебни: „Совѣтъ харьковскаго университета, сожалѣя о невозможности имѣть своего представителя при праздновании открытія памятника А. С. Пушкину, ограничивается выраженіемъ искренняго своего желанія! Пусть же сбывается чаяніе поэта (къ нему не заростетъ народная тропа), но не въ примѣненіи къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преуспѣянія какъ народности, такъ и всенародности русской литературы! Пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе объ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человѣкъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ среди своего народа, безсильнымъ при встрѣчѣ свободнаго развитія его мысли! Пусть ширится русская литература и за нынѣшними своими предѣлами силою своего собственнаго достоинства! Наконецъ, пусть будетъ Вамъ праздникъ радостенъ, „а мы уже, дружина, жадьни веселія“.

По преданіямъ, давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, Потебня прочелъ публичную лекцію о Ѳ. И. Тютчевѣ. Въ печати не сохранилось никакихъ указаній на нее. Въ посмертныхъ бумагахъ найдены замѣтки объ изученіи иностранныхъ языковъ, съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности, написанныя по поводу стихотвореній Тютчева, вѣроятно, остатокъ отъ лекціи или черновой ея набросокъ. Въ высокой оцѣнкѣ стихотвореній Тютчева Потебня сходился съ Тургеневымъ.

Въ засѣданіи историко-филологическаго Общества 11 февраля 1881 г. Потебня сказалъ рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ; эта рѣчь была напечатана въ сокращеніи въ 52 N Южнаго Края 1881 г., повидимому, съ вѣдома и согласія автора. Уже одно вступленіе отличается оригинальностью и строгостью взгляда: „Число гостей нашихъ болѣе обыкновеннаго“, такъ началъ Потебня свою рѣчь. „Есть основаніе думать, что нѣкоторые изъ нихъ привлечены невѣрными слухами о характерѣ нашего собранія. Въ виду этого считаю нужнымъ сказать, что какъ вообще цѣль нашего общества содѣйствовать развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній, такъ и настоящее собраніе назначено не для изліянія чувствъ, хотя бы и самыхъ благородныхъ, и не для причтенія, такъ сказать, Ѳ. М. Достоевскаго къ лику святыхъ и пророковъ, а для спокойнаго обмѣна мыслей о его литературной и публицистической дѣятельности. Полезное чествованіе дѣятеля мысли есть стараніе понять его“. Потебня подробно остановился на „Дневникѣ Писателя“. Лучшее въ „Дневникѣ“ то, что образно, поэтично, иносказательно; прочее слабо, хотя и характерно. Содержаніе „Дневника“ Потебня свелъ къ тремъ отдѣламъ: русское образованное общество, народъ и Европа, при чемъ подробно остановился на маніи величія личнаго и народнаго. Поднятіе

національнаго духа есть аппетитъ нормальный; но мессіанизмъ есть плохой суррогатъ здоровой пищи. Мессіанизмъ (еврейскій, польскій и др.), или вѣра въ то, что извѣстному народу предназначено быть спасителемъ міра, есть вѣра униженныхъ и оскорбленныхъ, долженствующая въ мечтѣ вознаградить ихъ за дѣйствительныя страданія и внушить любовь къ жизни. Какъ реакція дѣйствительному или мнимому униженію и паденію духа является гипсоманія, а не чувство собственнаго достоинства, равенства и братства. Наоборотъ кто хоть по малости имѣетъ возможность совершать дѣла братства и любви, тотъ врядъ ли почувствуетъ жажду всемірнаго господства. Вообще Потебня отнесся съ большимъ осужденіемъ къ мессіанизму Достоевскаго съ его враждой къ „господамъ русскимъ европейцамъ" (подробности см. въ Южн. Краѣ).

О графѣ Л. Толстомъ мнѣ приходилось бесѣдовать случайно и мимоходомъ. Потебня и въ графѣ Толстомъ, какъ въ Достоевскомъ, строго различалъ писателя художника отъ писателя публициста, и въ публицистическихъ его статьяхъ осуждалъ непродуманное и бездоказательное отрицаніе науки.

Лѣтъ десять назадъ Потебня въ небольшомъ кругу своихъ друзей сдѣлалъ краткое сообщеніе о значеніи Шевченка. Не входя въ разборъ отдѣльныхъ стихотвореній, онъ далъ общую высокую оцѣнку поэзіи Шевченка, которая незыблемо сохраняетъ за собою просвѣтительное и гуманитарное значенія и является плодотворнымъ жизненнымъ стимуломъ при всякомъ подъемѣ общественной морали. Изъ малорусскихъ писателей стараго времени Потебня высоко цѣнилъ Сковороду и Квитку. По міросозерцанію и нравственной философіи онъ былъ близокъ къ Сковородѣ. Въ кругу близкихъ знакомыхъ Потебня однажды, лѣтъ 10 назадъ, прочиталъ замѣчательную лекцію о философіи Сковороды по предисловію неизданнаго въ печати его сочиненія „Израильскій Змій или картина нареченная День". Рукопись этого сочиненія была подарена историко-филологическому обществу нынѣ покойнымъ преподавателемъ исторіи и географіи В. Л. Спасскимъ. Въ сочиненіи Сковороды находится мистическое толкованіе Библіи, не имѣющее никакого значенія. Замѣчательно лишь предисловіе къ этому толкованію, гдѣ находятся общія философскія мысли пантеистическаго свойства. Языкъ предисловія сильный и выразительный. Философія Сковороды получила яркое освѣщеніе въ блестящемъ толкованіи Потебни, при чемъ искусно были оттѣнены нѣкоторыя національныя особенности Сковороды въ языкѣ и мышленіи. Къ сожалѣнію, этотъ рефератъ Потебни не былъ напечатанъ и не сохранился въ посмертныхъ его бумагахъ.

Публичная лекція о Квиткѣ была прочитана Потебней въ 1878 по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя, съ назначеніемъ всего сбора (200 руб.) на изданіе сочиненій Квитки. Эта лекція также не была напечатана и не сохранилась въ рукописяхъ. Краткая замѣтка о ней была напечатана въ Газетѣ Гатцука 1878 г. стр. 819.

Къ періодической печати Потебня относился доброжелательно, но участія въ ней не принималъ, исключая спеціальныхъ органовъ—Журн. Мин. Нар. Просв., Фил. Зап., Рус. Фил. Вѣст. и Кіев. Старины. Потебня внимательно слѣдилъ за получаемыми въ университетѣ спеціальными иностранными, преимущественно славянскими изданіями: Періодическимъ Списаніемъ, Гласникомъ, Архивомъ г. Ягича и др. Изъ большихъ литературно-политическихъ изданій онъ интересовался только Вѣстникомъ Европы.

Въ іюнѣ 1890 г. имѣлъ мѣсто одинъ любопытный эпизодъ: между двумя писателями возникъ споръ о заимствованіи литературнаго сюжета, и спорившіе просили А. А. Потебню, Д. И. Багалѣя, А. А. Русова, Я. С. Станиславскаго и А. Л. Шиманова быть судьями. По этому случаю сличены были двѣ подавшія поводъ къ спору комедіи, причемъ никакого плагіата не оказалось, и въ № 3264 Южнаго Края было сдѣлано особое сообщеніе, въ которомъ первая общая часть о значеніи литературнаго заимствованія была написана А. А. Потебней. Для опредѣленія понятія о плагіатѣ Потебня положилъ такое основаніе: „Съ одной стороны, свойства человѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразнѣйшія произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодотворною для меня, а черезъ меня и для другихъ, должна быть мною *усвоена*, т. е. до извѣстной степени *присвоена*, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли „suum cuique tribuere“ до подробностей во множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны,—авторъ нерѣдко наклоненъ „sibi nimium tribuere“, какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность на всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишенъ эгоистическихъ побужденій къ дѣятельности, быть можетъ, общеполезной, и общеполезное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію“. Далѣе: 1) Въ словесности, и въ частности въ драматическихъ произведеніяхъ, заимствованіе фабулы не есть плагіатъ. Въ противномъ случаѣ произведенія древнихъ грече-

скихъ трагиковъ, пользовавшихся миѳами, Энеида Виргилія и произведенія многихъ другихъ римскихъ писателей, драмы Шекспира, „Фаустъ“ Гете, „Каменный Гость“ Пушкина, „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“ Гоголя и многія другія произведенія должны быть признаны плагіатами. Въ живописи и скульптурѣ этому соотвѣтствуютъ произведенія на ту же библейскую, церковно-историческую, историческую тему, наприм., безчисленныя изображенія мученій Св. Себастіана. 2) Въ предыдущемъ отчасти заключено и то, что заимствованіе готовыхъ характеровъ не есть еще плагіатъ. Фабула безъ плагіата нерѣдко заимствуется вмѣстѣ съ такими характерами (напр. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, у насъ: Чацкій, Молчалинъ, Репетиловъ, Расплюевъ). Поэтому никакая нравственность не уполномачиваетъ считать личною собственностью типа уродливаго злодѣя, тѣмъ болѣе, что и раньше у Шекспира есть такой злодѣй (Глостеръ, Ричардъ III), безобразный до того, что, какъ онъ говоритъ, „взвидѣвши его, собаки лаютъ“, вслѣдствіе чего онъ „бросился въ злодѣйскія дѣла“. 3) Наиболѣе личное въ драматическомъ творчествѣ—то, въ чемъ наиболѣе, а иногда исключительно сказывается степень его своеобразности и таланта,—такъ называемое оживленіе фабулы, изложеніе, совокупность частностей въ изображеніи характеровъ, мотивировка дѣйствій, рѣчи лицъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о плагіатѣ существенно было бы не то, что въ другихъ пьесахъ есть Ричардъ Глостеръ, безобразный злодѣй, ищущій въ замужество леди Анну, а на прим. вся 2-я сцена 1-го акта Ричарда III, гдѣ леди Анна сначала осыпаетъ проклятіями Глостера, а кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ отъ него кольцо,—вся эта сцена у гроба, съ тѣмъ же ходомъ мыслей и чувствъ дѣйствующихъ лицъ, съ тѣмъ же общимъ смысломъ рѣчей, хотя бы отдѣльныя выраженія и были иныя.

Этими данными заканчиваю свои воспоминанія объ А. А. Потебнѣ; въ памяти мелькаютъ еще многія бесѣды, многія замѣчанія А. А-ча; но я не берусь формулировать ихъ изъ опасенія исказить его мнѣнія въ передачѣ собственными словами на разстояніи многихъ лѣтъ отъ перваго впечатлѣнія.

Продолженіе слѣдуетъ.

Н. Сумцовъ.

✝

Иванъ Ивановичъ Дитятинъ.

Двадцать девятаго октября настоящаго года скончался въ Дерптѣ Иванъ Ивановичъ Дитятинъ, бывшій съ 1878—87 г. профессоромъ исторіи русскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, а въ послѣднее время профессоромъ русскаго государственнаго права въ Дерптскомъ университетѣ. Въ лицѣ Ивана Ивановича Дитятина русская наука лишилась солиднаго дѣятеля. Онъ скончался въ такіе годы, когда при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ условія его личной жизни, можно ожидать только полнаго расцвѣта силъ. Ему всего было 45 лѣтъ. И. И. Дитятинъ происходилъ изъ мѣщанъ и воспитывался при обстановкѣ далеко не благопріятной для научнаго развитія. Высшее образованіе онъ получилъ на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Петербургскій юридическій факультетъ, въ которомъ тогда участвовали такія крупныя научныя силы, какъ профессора Рѣдкинъ, Андреевскій, Градовскій и Сергѣевичъ, обратилъ вниманіе на даровитаго и трудолюбиваго молодого человѣка и благодаря этому обстоятельству, по окончаніи курса, И. И. Дитятинъ въ 1874 году былъ причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія для научныхъ занятій. Выдержавъ въ Петербургскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ и защитивъ магистерскую диссертацію, И. И. Дитятинъ занялъ въ Ярославскомъ юридическомъ лицеѣ каѳедру сначала энциклопедіи права (всего на нѣсколько мѣсяцевъ), а затѣмъ каѳедру исторіи русскаго права. Послѣ защиты докторской диссертаціи въ 1878 году, онъ былъ переведенъ въ Харьковскій университетъ на ту же каѳедру исторіи русскаго права, на которой и оставался до 1887 года. Въ 1887 году, вслѣдствіе различныхъ несчастливо для него сложившихся обстоятельствъ онъ долженъ былъ оставить эту каѳедру, но черезъ нѣкоторое время былъ назначенъ на каѳедру русскаго государственнаго права въ Дерптскій университетъ. Въ послѣдній годъ, по

причинѣ развившейся тяжкой болѣзни, онъ уже не могъ продолжать своихъ ученыхъ и преподавательскихъ занятій.

Въ теченіе своей сравнительно непродолжительной научной и преподавательской дѣятельности И. И. Дитятинъ далъ для исторіи русскаго права нѣсколько работъ высокаго научнаго достоинства. Главный его трудъ, предметъ его магистерской и докторской диссертацій, это „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи". Онъ состоитъ изъ двухъ томовъ: т. I-й заключаетъ въ себѣ довольно обширное введеніе и исторію городовъ въ XVIII вѣкѣ, т. II-й заключаетъ въ себѣ исторію городского самоуправленія въ настоящемъ столѣтіи до реформы городского устройства въ 1870 году. Этотъ трудъ оставилъ далеко за собою болѣе ранніе труды по этому предмету Плошинскаго, Пригары и другихъ.

Во введеніи къ исторіи русскаго городского управленія И. И. Дитятинъ въ краткихъ очеркахъ излагаетъ исторію городовъ въ Италіи, Германіи, Франціи и Англіи. Переходя затѣмъ къ исторіи русскихъ городовъ въ XVIII в., И. И. Дитятинъ проводитъ ту мысль, что управленіе городами въ XVIII столѣтіи, до жалованной грамоты городамъ Екатерины II 1785 года, не смотря на существованіе ратушъ, городовыхъ магистратовъ и Главнаго магистрата, нельзя считать городскимъ самоуправленіемъ. Городскія учрежденія до Екатерины II имѣли болѣе общегосударственное, чѣмъ мѣстное значеніе. Главнымъ дѣломъ этихъ учрежденій была раскладка и взиманіе *государственныхъ* сборовъ и отбываніе разныхъ государственныхъ службъ и повинностей. Недоставало существенныхъ элементовъ самоуправленія—права самостоятельно опредѣлять нужды города, права обложенія мѣстныхъ жителей налогами въ пользу города и права самостоятельнаго расходованія городскихъ средствъ.

Городскія учрежденія въ это время не объединяли всѣхъ жителей города. Они имѣли значеніе не для всѣхъ жителей города, а только для торгово-промышленныхъ людей въ городѣ.

Одна изъ главъ I-го тома указаннаго выше сочиненія посвящена введенію при Петрѣ Великомъ цехового устройства. Цеховое устройство было введено въ Россіи въ то время, когда въ Западной Европѣ оно стало клониться къ упадку. Оно введено съ цѣлью способствовать усовершенствованію производства. Устраивая цехи, Петръ Великій и его преемники были однако далеки отъ мысли о точномъ копированіи и перенесеніи западно-европейскаго образца на нашу почву. Во 1-хъ, цехи въ Западной Европѣ составляли привилегированную часть городского общества и являлись аристократическою властью относительно остального населенія. Они имѣли политическое значеніе. Наше правительство

не хотѣло, да и не могло дать цехамъ такого преобладанія въ городахъ и такого политическаго значенія въ общемъ государственномъ строѣ. Во 2-хъ, вступленіе въ цехи не было у насъ такъ затруднено разными стѣснительными условіями, какъ въ Западной Европѣ, гдѣ получить званіе цехового значило пріобрѣсть право участвовать во власти надъ городомъ. 3) Цехи почти не получили монополіи въ области производства.

Жалованная грамота 1785 года и другіе законодательные акты Екатерины II-й внесли новыя начала въ городское устройство. Только съ этого времени было положено начало городскому самоуправленію. Городское управленіе посредствомъ лицъ, выбранныхъ населеніемъ, получаетъ нѣкоторую самостоятельность. Екатерина II создаетъ учрежденія, объединяющія все населеніе города. До Екатерины II только должность полиціймейстера имѣла одинаковое отношеніе ко всему населенію города. Со времени Екатерины мы видимъ *общее собраніе всѣхъ* жителей города и *городского голову*, который является уже представителемъ не однихъ только посадскихъ, а всего населенія города. Впрочемъ реформа, хотя и стремящаяся установить самостоятельно дѣйствующія и безсословныя мѣстныя учрежденія въ городахъ, постоянно сбивается на старыя сословныя начала. По смерти Екатерины II городскія учрежденія не только не развиваются, а напротивъ приходятъ въ упадокъ. Развитію городскихъ учрежденій мѣшала сильная правительственная опека. Она отбивала у способныхъ людей охоту и лишала возможности служить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Въ особенности упадокъ пошелъ быстро со времени учрежденія министерствъ, которыя, въ противоположность началамъ децентрализаціи, положеннымъ въ основаніе учрежденій Екатерины, были построены на началахъ централизаціи.

Изображенію упадка городского устройства въ XIX ст. и указанію главной причины этого упадка, слишкомъ сильной опеки правительства, и посвященъ II томъ указаннаго сочиненія И. И. Дитятина. Въ концѣ тома мы находимъ законоположенія позднѣйшаго времени (1840—62 г.), касающіяся городовъ Петербурга, Москвы, Одессы и Тифлиса.

И. И. Дитятину принадлежитъ также исторія С.-Петербургскаго городского общества. Это сочиненіе написано по порученію Петербургской городской думы къ столѣтнему юбилею жалованной грамоты городамъ 1785 г.

И. И. Дитятинъ охотно писалъ по спеціальнымъ вопросамъ статьи въ журналахъ и помѣщалъ ихъ главнымъ образомъ въ „Русской Мысли“ и „Юридическомъ Вѣстникѣ“.

Кромѣ указанныхъ выше сочиненій о городахъ, вотъ его важнѣйшіе труды: Екатерининская коммиссія 1767 года для составленія уложенія (Юрид. Вѣст. 1879, т. I), Наши города въ первыя три четверти нынѣшняго столѣтія (Ю. В. 1880, № 2), Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства (Русск. Мысль, 1880, № 5), Верховная власть въ Россіи въ XVIII вѣкѣ (Р. М. 1881, №№ 3—4), Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“ (Р. М. 1881, № 11, 1882, № 3), Къ вопросу о земскихъ соборахъ въ XVII ст. (Р. М. 1883, № 12), Къ исторіи городового положенія 1870 (Ю. В. 1885 т. XVIII). Изъ исторіи русскаго законодательства въ XVI и XVIII вв. (Р. М. 1888, №№ 1—4, 10 и 11).

Всѣ эти статьи являются серіозными и строго обдуманными трудами по исторіи русскаго права.

Изъ всѣхъ этихъ статей я считаю необходимымъ въ особенности остановиться на одной, а именно: „Когда и почему возникла рознь въ Россіи между командующими классами и народомъ“. Лица, не читавшія этой статьи, могутъ иногда, судя по заглавію, заподозрить автора въ какихъ либо крайнихъ демократическихъ, чуть не соціалистическихъ тенденціяхъ. Это было бы чистѣйшимъ недоразумѣніемъ. Для такихъ заключеній въ статьѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода. Статья эта есть не что иное, какъ пространный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ розни между „командующими классами и народомъ“, поставленный И. С. Аксаковымъ въ первыхъ 20 нумерахъ газеты Русь. Самыя выраженія „рознь командующихъ классовъ и народа“ принадлежатъ газетѣ Русь. Въ этой газетѣ всѣ современныя бѣдствія — раздоры, крамолы, хищенія, всяческія неправды, приписываются исключительно времени послѣ Петра Великаго и объясняются губительнымъ вліяніемъ западной цивилизаціи и петровской реформы, выдѣлившихъ изъ народа и оторвавшихъ отъ него интеллигенцію. Лѣкарствомъ противъ всѣхъ современныхъ золъ рекомендуется возвращеніе къ московскому строю жизни и сліяніе интеллигенціи съ народною массою. Сущность отвѣта И. И. Дитятина на эти утвержденія газеты Русь состоитъ въ томъ, что рознь, крамолы, хищенія и всякія неправды еще въ большей мѣрѣ существовали въ допетровскій періодъ русской жизни. Это основательно доказано И. И. Дитятинымъ массою историческихъ фактовъ. Рознь между, такъ называемыми Русью, командующими классами и народомъ „есть исконное историческое явленіе нашего да и прибавимъ, говоритъ И. И. Дитятинъ, и всякаго другого общественнаго строя“ [1]).

---

[1]) Русская Мысль 1882, № 3, стр. 193.

Надъ этою рознью всяческихъ интересовъ стояло дѣйствительно въ московскій періодъ духовное единство, но это было единство невѣжества, равенство въ невѣжествѣ.

Существенное содержаніе статьи И. И. Дитятина ясно и кратко выражено въ ея заключительныхъ строкахъ. Рознь существовала и до XVIII вѣка. „Въ этомъ XVIII столѣтіе не внесло ничего новаго; оно лишь возвело „въ перлъ созданія", если будетъ позволено такъ выразиться, то, что создано было предшествовавшими вѣками и главнымъ образомъ въ XVI и XVII вв. Въ положеніи крестьянъ, уже обезземеленныхъ, оно не произвело по существу никакихъ измѣненій: оно въ этомъ отношеніи лишь развивало дальше то, что завѣщало ему Московское государство.... До второй половины XVIII вѣка землевладѣльцы все еще несутъ обязательную государственную службу и ради нея владѣютъ крестьянами; со второй половины этого вѣка они свободны отъ обязательной, но несутъ добровольную службу и въ награду за нее получаютъ крестьянскія души сотнями, тысячами. Европа, съ ея тлетворными ученіями, здѣсь не при чемъ; не при чемъ она и относительно того, что положеніе дѣлъ въ государствѣ не улучшилось, а чуть ли не ухудшилось; не при чемъ она въ „кожедирательствѣ", какъ выражалась Екатерина II, чиновниковъ и администраторовъ; не при чемъ она и въ ихъ кругломъ невѣжествѣ относительно управляемой ими страны,—невѣжествѣ, констатированномъ самой императрицей" [1]..........

„Если гнилой Западъ нельзя винить въ тѣхъ невзгодахъ, которыя переживали наши предки въ XVIII столѣтіи и переживаемъ мы теперь, то его несомнѣнно можно и *должно* обвинить въ томъ, что съ этого Запада сталъ проникать къ намъ, и именно по преимуществу съ XVIII вѣка, тотъ свѣтъ, котораго, какъ мы видѣли, недоставало въ московскомъ государствѣ, и который внесъ въ каверны московской жизни нѣчто новое, вступившее въ борьбу съ такими основами ея, какъ „плеть и палка", и внушаемый ими *страхъ;* оттуда пришелъ свѣтъ, заставившій еще въ XVIII ст. заговорить, что рабство—гнуснѣйшее явленіе человѣческой жизни, что рабъ—человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію; оттуда пришелъ свѣтъ, *освѣтившій человѣка*, нашедшій и показавшій его всему міру—*въ холопѣ*. Подъ вліяніемъ этого свѣта начинаютъ измѣняться задачи государства. Постепенное развитіе этого свѣта, усиленіе его яркости, увеличеніе пространства, имъ освѣщаемаго, хотя медленно,

---

[1]) Русская Мысль 1882, № 3, стр. 245.

быть можетъ слишкомъ медленно, но всетаки ведетъ и въ концѣ концовъ приводитъ къ 19 февраля 1861 года“ [1]).

Въ приведенныхъ выше словахъ выражается одно изъ основныхъ воззрѣній И. И. Дитятина на русскую жизнь, выведенное послѣ глубокаго изученія ея исторіи. Способный, усердный и до мелочей добросовѣстный работникъ, И. И. Дитятинъ и въ своей преподавательской дѣятельности и въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ людьми отличался необыкновенной честностью, простотой и нѣсколько суровой откровенностью, которая создавала ему много симпатій со стороны его слушателей и сослуживцевъ, но создавала и враговъ. Въ этомъ отношеніи И. И. Дитятинъ представляетъ собою полную параллель другого виднаго ученаго дѣятеля русской науки и Харьковскаго университета въ частности, скончавшагося менѣе чѣмъ за годъ до его смерти—Александра Афанасьевича Потебни. Да послужитъ его жизнь, вся посвященная научному труду, плодотворнымъ примѣромъ для другихъ работниковъ на обширномъ полѣ науки. Горька и тяжка была его жизнь, но она навсегда оставила глубокій слѣдъ въ наукѣ и въ благодарныхъ воспоминаніяхъ ея дѣятелей.

Н. Куплеваскій.

Въ редакцію „Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета“ поступили слѣдующія изданія:

Д. И. Багалѣй. Къ исторіи ученій о бытѣ и нравахъ древнихъ славянъ. Кіевъ. 1892 г.

В. Мѣшаевъ. Ботаническая акклиматизаціонная выставка 1892 года въ Москвѣ. Критическій обзоръ. Москва. 1892.

---

[1]) Русская Мысль 1882, № 3, стр. 246.

КРАТКІЙ КУРСЪ
МЕДИЦИНСКОЙ ЗООЛОГІИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

I. Общая Морфологія и Физіологія.

1. Общія свойства организмовъ. Кристаллъ или вообще всякое неорганическое, безжизненное тѣло за все время своего существованія сохраняетъ химическое равновѣсіе составныхъ частей. Въ тѣлахъ органическихъ, живыхъ, напротивъ того, это равновѣсіе постоянно всюду нарушается и вновь возстанавливается. Процессъ неустаннаго частичнаго разрушенія и возстановленія, сопутствуемый выдѣленіемъ продуктовъ разложенія и принятіемъ изъ внѣшней среды новыхъ строительныхъ матеріаловъ составляетъ такъ называемый *обмѣнъ веществъ;* переработка этихъ матеріаловъ въ составныя части тѣла—*уподобленіе* или *ассимиляцію*. Приходъ и расходъ веществъ въ организмѣ обыкновенно уравновѣшиваются; при преобладаніи же перваго надъ вторымъ, говорятъ о ростѣ. Расти могутъ и неорганическія тѣла, напр. кристаллы, но ростъ послѣднихъ основанъ на *юкстаппозиціи*, т. е. на наслойкѣ новыхъ частицъ снаружи на прежнія, тогда какъ ростъ организмовъ основанъ на *интуссусцепціи*, т. е. вдвиганіи новыхъ частицъ между старыми. Наиболѣе характерными химическими составными частями организмовъ являются соединенія углерода, либо только съ кислородомъ и водородомъ (тройныя соединенія, какъ то: жиры, сахаръ, крахмалъ), либо также еще съ азотомъ (четверныя соединенія, въ томъ числѣ въ особенности бѣлковинныя). Изъ смѣси такихъ *органическихъ* соединеній въ водномъ растворѣ состоитъ основное, существеннѣйшее вещество организмовъ—*протоплазма* или *саркода*, къ которой пріурочены физіологическіе процессы, составляющіе въ совокупности *жизнь*, т. е. питаніе, размноженіе, движеніе и чувствованіе.

Жизненные процессы возможны только при наличности опредѣленныхъ внѣшнихъ условій, главнѣйшими изъ которыхъ являются: теплота, воздухъ, вода и пища. Не безразлична также количественная сторона этихъ условій жизни. Такъ, температура тѣла должна держаться въ извѣстныхъ границахъ, для однихъ организмовъ болѣе широкихъ (холоднокровныя животныя), для другихъ болѣе тѣсныхъ (теплокровныя животныя). Отъ чрезмѣрнаго и продолжительнаго вліянія низкой температуры понижается и температура тѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ жизненные процессы и, наконецъ, совершенно останавливаются. При паденіи температуры ниже нуля и замерзаніи протоплазмы и вообще жидкихъ составныхъ частей тѣла никакая жизнь уже не мыслима. Смертельно также и поднятіе внутренней температуры тѣла до предѣла створаживанія бѣлковыхъ соединеній, протоплазмы. — Кислородъ необходимъ организмамъ для поддержанія температуры тѣла и для всѣхъ вообще отправленій, связанныхъ съ окисленіемъ. Организмы заимствуютъ его готовымъ изъ атмосферы или воднаго раствора (всѣ животныя и большинство растеній) или же выдѣляютъ изъ углекислоты (тѣ-же растенія), а въ исключительныхъ случаяхъ (бактеріи анаэробы) и изъ болѣе сложныхъ химическихъ соединеній. — Вода, пропитывая всѣ части тѣла и содержа въ растворѣ всѣ вещества протоплазмы, является необходимѣйшею и количественно преобладающею составною частью организма: лишеніе организма притока воды и подавно его высушиваніе ведутъ къ прекращенію жизни (Corpora non vivunt nisi humida). Вслѣдъ за остановкой жизненныхъ процессовъ организмы обыкновенно подпадаютъ разложенію. Лишь въ замороженномъ и засушенномъ видѣ, а также при предохраненіи отъ гнилостныхъ микроорганизмовъ, они могутъ неопредѣленное время сохраняться въ цѣлости, мало того, въ иныхъ случаяхъ, по возстановленіи подходящихъ условій, вновь возвращаться къ жизни *(анабіозъ)*. Бактеріи и ихъ споры, плѣсневые грибки, мицеліи и склероціи высшихъ грибовъ, зародыши въ сѣменахъ явнобрачныхъ растеній (пшеничныя зерна египетскихъ пирамидъ) и пр., даже послѣ самаго продолжительнаго высушиванія или замораживанія, подъ вліяніемъ новаго притока влаги или тепла, могутъ вновь возвращаться къ жизни. Тоже справедливо для инфузорій, угрицъ, коловратокъ, яицъ извѣстныхъ ракообразныхъ (циклоповъ, дафнидъ, листоноговъ табл. I рис. 1, 2, 3), паучковъ-тихоходцевъ, обитающихъ даже въ желобахъ и во мху на крышахъ домовъ (рис. 4) и пр. Далѣе нѣкоторыя рыбы, лягушки и жабы, находящіяся въ замороженномъ видѣ, могутъ при оттаиваніи оживать. Явленія анабіоза играютъ большую роль въ природѣ, содѣйствуя первому заселенію голыхъ, то промерзающихъ,

то раскаляемыхъ солнцемъ скалъ, распространенію органической жизни въ самыя суровыя широты, на высокіе глетчеры и въ знойныя равнины тропиковъ [1]).

Какой бы ни казалась рѣзкой граница между тѣлами неорганическими и органическими, она не можетъ быть безусловной, неизгладимой. На самомъ дѣлѣ, органическія химическія соединенія, считавшіяся прежде исключительно продуктами жизнедѣятельности, въ настоящее время готовятся и въ лабораторіяхъ синтетическимъ путемъ; вырабатываемыя животными характерныя, состоящія изъ углекислой или фосфорнокислой извести въ соединеніи съ бѣлковымъ веществомъ кокколиты, склериты, жемчужины и пр. могутъ быть получаемы въ любомъ растворѣ бѣлка или клея въ моментъ осажденія въ немъ углекислой или фосфорнокислой извести при двойной реакціи между соотвѣтствующими солями *(Гартингъ)*. Органическому росту интуссусепціей подражаетъ оболочка „искусственныхъ клѣточекъ“ *Траубе*, движенію зооспоръ водорослей безхлорофильнымъ полюсомъ впередъ удачно научилъ подражать ботаникъ *Конъ*, заставлявшій плавать въ слабой соляной кислотѣ мѣловые челночки съ одного изъ концовъ защищенные отъ кислоты лакомъ; а химикъ *Бонсдорфъ* показалъ, что капля раствора гидрата хлористаго аллюминія, опущенная въ растворъ ѣдкаго кали, совершаетъ какъ бы амебообразныя движенія.

2. Отличія животныхъ отъ растеній. Растенія имѣютъ раскидистую форму; ихъ органы питанія, корни и листья, устроены по принципу *выпяченія*, т. е. представляютъ внѣшніе отростки, расчитанные на громадную поверхность взаимодѣйствія организма съ внѣшней средой. Тончайшими корешками растеніе всасываетъ діасмотически изъ почвы воду и растворенныя въ ней минеральныя составныя части, а листьями, путемъ диффузіи, углекислоту воздуха, ради усвоенія углерода. Животныя, напротивъ того, имѣютъ компактную, сосредоточенную форму съ небольшою, сравнительно съ объемомъ, внѣшнею поверхностію. Ихъ органы питанія (обмѣна веществъ съ внѣшнимъ міромъ) устроены по принципу *впяченія*. Будучи спрятаны во внутрь тѣла, они, не смотря на то, что относительно болѣе развиты, нежели у растеній, не бросаются въ глаза. Пища вводится животными во внутрь тѣла чрезъ ро-

---

[1]) Явленіями мѣстнаго и частичнаго анабіоза, интересными для медика, могутъ считаться: возвращеніе къ жизни отмороженныхъ ушей, носовъ, пальцевъ, мерзлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, яицъ и живчиковъ лягушки (*Шенкъ*), подвергшихся тепловому окоченѣнію мускуловъ лягушки при послѣдующей обработкѣ ихъ растворомъ хлористаго натрія (опытъ *Прейера*) и возстановленіе раздражительности нервовъ послѣ временнаго ихъ высушиванія (*Келликеръ*).

товое отверстіе. Въ зеленыхъ частяхъ растеній при посредствѣ листовой зелени (хлорофилла) происходитъ раскисленіе углекислоты воздуха: кислородъ его выдѣляется обратно, а углеродъ вступаетъ въ соединеніе съ водою и минеральными составными частями, воспринятыми корнями: образуются сложныя органическія соединенія (бѣлки, крахмалъ, сахаръ, жиры). Животныя не обладаютъ способностью раскисленія и питанія на счетъ воздуха, воды и минеральныхъ веществъ, а перерабатываютъ лишь готовыя органическія соединенія, кои заимствуютъ у растеній или непосредственно, или чрезъ другихъ животныхъ. Въ противоположность растеніямъ, животныя не прикрѣплены неподвижно къ почвѣ, а совершаютъ движенія и обладаютъ способностью ощущенія и проявленія сознанія и воли.

На повѣрку ни одинъ изъ упомянутыхъ отличительныхъ признаковъ типичныхъ животныхъ и растеній не можетъ считаться безусловнымъ. Такъ примѣрами органовъ питанія, основанныхъ на принципѣ выпяченія, являются жабры (см. рис. кольчатаго червя), ротовые корни паразитныхъ ракообразныхъ Rhizocephala (рис. 5). Способности ассимилировать неорганическія вещества лишены не только животныя, но и безхлорофильныя растенія (за исключеніемъ, впрочемъ, нитрификаціонныхъ бактерій, *Виноградскій*); готовыми органическими соединеніями пользуются также насѣкомоядныя растенія (Drosera, Dionea). Подобно животнымъ, и растенія дышутъ кислородомъ при выдѣленіи углекислоты; но этотъ процессъ происходитъ у нихъ лишь на столько слабо, что на свѣту маскируется обратнымъ, ассимиляціоннымъ газообмѣномъ. Основнымъ жизнедѣятельнымъ веществомъ и у растеній, и у животныхъ является протоплазма, распредѣленная по клѣточкамъ, одинаково подвижная и раздражительная и у тѣхъ, и у другихъ. Нѣкоторыя растенія совершаютъ движенія цѣлыми органами (Mimosa). Многія животныя, подобно растеніямъ, приращены къ подводнымъ предметамъ, обладая лишь незначительною подвижностью частей. Подвижность (сократительность) и раздражительность (чувствованіе) свойствены и низшимъ несомнѣннымъ растеніямъ и ихъ зародышамъ. Множество низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ (протисты) съ одинаковымъ правомъ могутъ быть относимы къ царствамъ какъ животныхъ, такъ и растеній.

3. Одноклѣтныя и многоклѣтныя животныя. Низшіе представители животнаго царства, т. наз. Protozoa, всецѣло состоятъ изъ одной только клѣточки, къ протоплазмѣ и ядру которой пріурочены всѣ основныя отправленія организма: питаніе, размноженіе, движеніе и ощущеніе. Въ иныхъ, правда, случаяхъ, въ особенности у инфузорій, происходитъ обособленіе частей протоплазмы, возникаютъ элементарные органы,

въ большей или меньшей степени раздѣляющіе между собою физіологическій трудъ; но такою дифференцировкой протоплазмы ни сколько не нарушается одноклѣточный составъ всего протозоона. Вся остальная совокупность животнаго царства представлена организмами многоклѣтными (Metazoa). Впрочемъ, на самой первой ступени своего существованія и метазоонъ состоитъ изъ одной только клѣточки, именуемой яйцевою. Лишь размножаясь, подобно простѣйшему животному, дѣленіемъ (сегментація), яйцевая клѣточка ведетъ къ многоклѣточной ступени развитія. При отсутствіи строгихъ методовъ счисленія клѣточекъ, нижеслѣдующій примѣрный расчетъ можетъ дать нѣкоторое представленіе о томъ, во сколько разъ осложняется организмъ при своемъ развитіи противъ первоначальной единичной клѣточки. Окольными путями вычислено, что въ кубическомъ миллиметрѣ человѣческой крови содержится около 5,000,000 клѣточекъ (кровяныхъ шариковъ). Помножая это число на количество крови взрослаго человѣка, выраженное въ кубическихъ миллиметрахъ, мы получаемъ общій итогъ клѣточекъ въ крови, а именно, около 22,000,000,000,000. Допуская, что и во всѣхъ остальныхъ составныхъ частяхъ тѣла на кубическій миллиметръ приходится по пяти милліоновъ клѣточекъ, мы помножаемъ только что выведенное число на 13, т. к. кровь составляетъ $^1/_{13}$ часть всего тѣла, и получаемъ 286,000,000,000,000 клѣточекъ. Такого количества клѣточекъ, будь онѣ яйцевыя, было бы достаточно для созданія суммы индивидуумовъ почти въ 200,000 разъ превосходящей народонаселеніе земного шара ($1^1/_2$ милліарда).

Низшіе животные организмы, представляющіе собою скучиваніе однообразныхъ клѣточекъ (напр. каталакты, рис. 6), могутъ быть разсматриваемы одновременно и какъ колоніальные Protozoa и какъ низшія ступени, ведущія въ Metazoa. Для настоящихъ-же Metazoa характерно расположеніе клѣточекъ по крайней мѣрѣ въ два первичныхъ слоя (зародышевые листки) и бóльшая или меньшая дифференцировка клѣточекъ съ образованіемъ многоклѣтныхъ органовъ, въ томъ числѣ прежде всего первичнаго пищеварительнаго органа (Archenteron, см. ниже). Нѣкоторые авторы *(Э. ванъ-Бенеденъ)* устанавливаютъ еще группу промежуточную между Protozoa и Metazoa—*Mesozoa*.

4. Ткани. Клѣточки, входящія въ составъ многоклѣточнаго организма, обладаютъ различною степенью самостоятельности и отклоненія отъ родоначальной, яйцевой клѣточки. Такъ нѣкоторыя остаются сходными во всемъ съ яйцевой клѣточкой и ея ближайшими потомками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ амебой. Таковы половыя клѣточки. Таковы также т. наз. странствующія клѣточки (лимфатическія или безцвѣтныя кровяныя тѣльца), играющія между прочимъ роль *фагоцитовъ (Мечниковъ)*, т. к. при

случаѣ пожираютъ и перевариваютъ другія, отжившія клѣточки и ихъ обломки, тѣмъ самымъ содѣйствуя, какъ полагаютъ, перестройкѣ организма при его ростѣ и превращеніи, а также служатъ внутренними, природными дезинфекторами, ибо уничтожаютъ проникающія въ тѣло бактеріи и плѣсневые грибки. Свободными и передвижными остаются также свойственныя высшимъ червямъ и позвоночнымъ животнымъ красныя кровяныя тѣльца, активная подвижность которыхъ, впрочемъ, въ особенности у птицъ и млекопитающихъ, сильно понижена. Осѣдлыя клѣточки въ большинствѣ случаевъ сплочены между собою, образуя многослойныя или однослойныя скопленія, *ткани*. Въ иныхъ случаяхъ протоплазма всѣхъ этихъ клѣточекъ представляется слитной (синцицій, пласмодій), въ другихъ клѣточки лишь анастомозируютъ при помощи псевдоподій или же вполнѣ обособлены. Различаютъ ткани: *эпителіальную*, *соединительную*, *мускульную* и *нервную*. Уже общность источника тканей (индифферентная или зародышевая эпителіальная ткань) свидѣтельствуетъ объ искусственности этихъ категорій и существующихъ между ними переходахъ (см. кишечнополостныхъ животныхъ и круглыхъ червей).

5. Органы. Хотя все тѣло животнаго и составляетъ нѣчто цѣлостное, тѣмъ не менѣе въ немъ въ большинствѣ случаевъ можно различать большее или меньшее число отдѣловъ, форменныхъ единицъ, пріуроченныхъ къ тому или другому отправленію, т. е. раздѣлившихъ между собою физіологическую работу организма. Они называются органами. Принято различать:

I. Органы и отправленія органической, растительной или вегетативной жизни:	питанія:	пищеваренія. кровообращенія. дыханія. выдѣленія.
	размноженія.	
II. Органы и отправленія животной жизни:	движенія и опоры. чувствованія и мышленія.	

Противопоставляя размноженіе всѣмъ остальнымъ функціяхъ, можно установить также другія двѣ главныя категоріи органовъ и отправленій, а именно: *индивидуальной* и *видовой жизни*.

Своего рода органы, именуемые элементарными, встрѣчаются, какъ уже сказано выше, еще у Protozoa, какъ обособившіяся и приспособленныя къ тѣмъ или другимъ отправленіямъ части ихъ одноклѣточнаго тѣла (см. въ особенности инфузоріи). Органы Metazoa состоятъ по крайней мѣрѣ изъ одной клѣточки (одноклѣтныя железы или такъ называемыя бокаловидныя клѣточки, стрекательные органы кишечнополостныхъ и водоворотниковъ, простѣйшіе органы чувствъ); въ громадномъ же большин-

ствѣ случаевъ въ составъ ихъ входятъ не только многочисленныя клѣточки, но и по нѣсколько тканей, происшедшихъ изъ двухъ или трехъ зародышевыхъ листковъ.

Сличеніе между собою органовъ у различныхъ животныхъ зачастую обнаруживаетъ между ними морфологическое или физіологическое соотвѣтствіе. Органы, соотвѣтствующіе одинъ другому физіологически, получили названіе *аналогичныхъ*, морфологически (и генетически)—*гомологичныхъ*. Вообще же при соотвѣтствіи органовъ могутъ имѣть мѣсто три случая: 1) они представляются только аналогичными (жабры рыбъ и легкія млекопитающихъ, крылья бабочки и крылья птицы), 2) они только гомологичны (жабры рыбъ и зародышевыя шейныя или висцеральныя дуги млекопитающихъ, крылья птицы и наши руки) и 3) они одновременно и гомологичны, и аналогичны (жабры рыбъ и головастиковъ, грудные плавники рыбъ и переднія конечности китовъ).

6. Антимеры и метамеры. Большинство Metazoa двусторонне-симметрическаго строенія: тѣло ихъ можетъ быть разсѣчено по продольной оси, только въ опредѣленной (медіальной) плоскости на правую и лѣвую половины. Эти половины называются *антимерами*, имѣютъ одинаковый видъ, величину и устройство; но стереометрически не совмѣстимы, ибо обладаютъ обратнымъ расположеніемъ частей, относясь между собою такъ, какъ зеркальное изображеніе относится къ самому предмету [1]). Двусторонней симметріи противопоставляется симметрія многосторонняя или лучистая, свойственная кишечнополостнымъ и иглокожимъ животнымъ. Ихъ тѣло состоитъ изъ нѣсколькихъ или многихъ антимеръ, сгруппированныхъ вокругъ продольной, иногда сильно укороченной оси, и можетъ быть разсѣчено на симметричныя половины въ столькихъ плоскостяхъ, сколько у него лучей. У многихъ лучистыхъ животныхъ замѣчается переходъ къ двусторонней, а у двусторонне-симметричныхъ къ лучистой симметріи (хвостъ позвоночныхъ животныхъ). Личинки иглокожихъ двусторонне-симметричны. Животныя двусторонне-симметричныя часто состоятъ так-

---

[1]) Всѣ уклоненія отъ строгой симметріи болѣе поздняго, зародышеваго или послѣзародышеваго происхожденія. Таковъ, напр., перекошенный, вооруженный однимъ лишь громаднымъ бивнемъ черепъ морского единорога, перекрещивающіяся челюсти клеста, кривые носы нѣкоторыхъ людей, одностороннее, связанное съ искривленіемъ черепа положеніе глазъ у взрослыхъ камбалъ. Сердце, желудокъ, селезенка придерживаются первоначально строго медіальной плоскости, и лишь потомъ смѣщаются; одностороннее же положеніе дуги аорты объясняется облитераціей ея пары. Слегка преобладающее развитіе у человѣка и млекопитающихъ правой половины тѣла надъ лѣвою обусловлено временнымъ положеніемъ зародыша на лѣвомъ боку и искривленіемъ его влѣво (вѣроятное исключеніе—лѣвши).

же изъ ряда повторяющихся по длинѣ тѣла члениковъ, сегментовъ или поясовъ, именуемыхъ *метамерами*. Однообразная метамерія съ явнымъ повтореніемъ по членикамъ тѣхъ же ножныхъ бугровъ, мускуловъ, выдѣлительныхъ трубочекъ, нервныхъ узловъ отчетливѣе всего выражена у кольчатыхъ червей. Вполнѣ явственную метамерію, но съ значительнымъ преобразованіемъ и отчасти сліяніемъ метамеръ, мы видимъ, напр., у насѣкомыхъ. У позвоночныхъ животныхъ хорошо выраженная первоначальная зародышевая метамерія впослѣдствіи становится скрытой, но тѣмъ не менѣе узнается по позвонкамъ, межребернымъ мышцамъ, спинномозговымъ нервнымъ парамъ и пр.

7. Индивидуумы. Подъ индивидуумомъ, недѣлимымъ или особью мы разумѣемъ морфологическую и физіологическую единицу, отъ которой ничего не можетъ быть отнято и къ которой ничего не можетъ быть прибавлено. Однако, точности этого и тому подобныхъ опредѣленій противорѣчитъ множество фактовъ, доказывающихъ условность и шаткость самаго понятія о животномъ индивидуумѣ. Такъ при нѣкоторыхъ пластическихъ операціяхъ и при животной прививкѣ *(Поль Бэръ)* къ индивидууму пріобщаются части и цѣлые органы другого индивидуума; особи амебообразныхъ корненожекъ могутъ сливаться по двѣ и болѣе въ общій пласмодій. Недостача частей, врожденная ими вслѣдствіе ампутаціи, не уничтожаетъ индивидуума, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ дефекты возстанавливаются собственною силою организма (регенерація утраченныхъ хвостовъ и ногъ у тритоновъ и рѣчныхъ раковъ, лучей у морскихъ звѣздъ, кишечника у голотурій). Нѣкоторыя морскія звѣзды сами собою разрываются на антимеры при послѣдовательномъ возстановленіи изъ каждаго отрѣзка цѣлой новой особи. Сюда же относится естественное и искусственное размноженіе дѣленіемъ гидръ, нѣкоторыхъ медузъ, инфузорій и т. д. Каждый обрывокъ амебы проявляетъ жизнедѣятельность цѣлаго организма. Путемъ почкованія и неполнаго дѣленія взрослая особь, личинка, зародышъ или яйцо иногда даютъ начало колоніи особей не строго разграниченныхъ, имѣющихъ общія части и общее питаніе; таковы полипняки, колоніи простѣйшихъ, гидроидовъ, трубчатниковъ[1]). Образовавшаяся путемъ почкованія колонія гидръ изъ нѣсколькихъ поколѣній можетъ, при недостаткѣ пищи, подвергнуться обратному развитію при возстановленіи единичной родоначальной особи (*Клейненбергъ*).—На основаніи различныхъ степеней осложненія мож-

[1]) Сюда-же, по способу происхожденія, относятся сросшіеся уроды-двойни, весьма разнообразные по мѣсту и протяженію сращенія и по отношенію общихъ частей тѣла.

но признавать нижеслѣдующія категоріи индивидуальности: 1) Клѣточки или элементарные организмы. Имъ соотвѣтствуютъ всѣ одиночные Protozoa, и также всѣ Metazoa на ихъ первоначальной, яйцевой ступени. 2) Органы. Что весь индивидуумъ можетъ соотвѣтствовать одному лишь органу, примѣромъ тому служатъ: Gastrula, многоформенныя (полиморфныя) недѣлимыя трубчатниковъ, низведенныя до степени либо органа движенія, либо хватанія, либо пищеваренія, либо полового и т. д., спороцисты сосальщиковъ, представляющія собою почти всецѣло органъ воспроизведенія потомства. 3) Лица, т. е. особи въ обычномъ для высшихъ животныхъ смыслѣ слова—соединеніе суммы многоклѣтныхъ органовъ различныхъ по отправленію. 4) Колоніи, сочетанія индивидуумовъ или лицъ не вполнѣ отдѣлившихся. Индивидуумы, входящіе въ составъ колоніи, могутъ сами стоять на одноклѣтной ступени индивидуальности (колоніальныя инфузоріи), на степени какъ бы органовъ или болѣе или менѣе недоразвитыхъ „лицъ“ (трубчатники) или же „лицъ“ типично развитыхъ (полипняки). Въ этой іерархіи индивидуумъ самыхъ высшихъ животныхъ занимаетъ не высшую изъ степеней; тѣмъ не менѣе не только вся совокупность его организаціи, но и всякій отдѣльный его органъ устроенъ сложнѣе цѣлой колоніи безпозвоночныхъ животныхъ.

8. Видъ, родъ, семейство и пр. Вся совокупность однообразныхъ животныхъ недѣлимыхъ, независимо отъ того, по какимъ пунктамъ земного шара они разбросаны, составляетъ собою *видъ* (species). При этомъ предполагается, что всѣ принадлежащіе къ нему индивидуумы находятся между собою въ несомнѣнной кровной связи, произошли отъ однихъ и тѣхъ же прародителей. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ особенности при ограниченномъ районѣ распространенія, совпаденіе всѣхъ существенныхъ признаковъ у отдѣльныхъ особей бываетъ полнымъ, въ большинствѣ же случаевъ въ рамкахъ вида можно различать обособившіяся по тѣмъ и другимъ признакамъ болѣе тѣсныя группы особей, *разновидности* (varietates). На практикѣ установка видовъ встрѣчаетъ большія затрудненія и ведетъ къ разногласіямъ между спеціалистами, причемъ одни устанавливаютъ самостоятельные виды по экземплярамъ, признаваемымъ другими лишь за представителей разновидностей. Такъ напр. *Л. Бремъ* описалъ подъ разными видовыми названіями двадцать, отчасти очень маловажныхъ разновидностей обыкновеннаго домашняго воробья. Критеріемъ принадлежности животныхъ къ двумъ различнымъ видамъ долгое время признавалась возможность плодовитаго между ними смѣшенія. Однако, извѣстно множество ублюдковъ между общепризнанными видами какъ домашнихъ, такъ и дикихъ животныхъ. Правда, зачастую эти ублюдки не способны къ размноженію; но многіе изъ нихъ размножаются

сами въ себѣ въ теченіе неограниченнаго числа поколѣній. Таковы помѣси между волкомъ и собакой, кроликомъ и зайцомъ (лепориды, léporide ou lapin-lièvre), козой и овцой, тетеревомъ и глухаремъ (Tetrao medius). Недавними многочисленными опытами ряда ученыхъ получены ублюдки между различными видами лягушекъ и жабъ; причемъ причиною отсутствія такихъ ублюдковъ въ открытой природѣ оказалось разновременное созрѣваніе яицъ и сѣмени у отдѣльныхъ видовъ. Особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что изъ числа названныхъ животныхъ козу и овцу принято относить къ разнымъ родамъ, а лягушекъ и жабъ даже къ различнымъ семействамъ.

Приведенными фактами доказывается условность, шаткость и искусственность самой категоріи, именуемой видомъ. Близкіе между собою виды со временъ отца систематики *Линне́* (умеръ лейбмедикомъ шведскаго короля въ 1778 г.) принято соединять въ еще болѣе условныя категоріи, въ *роды* (genera). Установкой родовъ выдвигается сродство близкихъ видовъ и упрощается номенклатура. Достаточно обозначать такіе виды однимъ и тѣмъ же родовымъ названіемъ, прибавляя для обозначенія вида тотъ или другой эпитетъ. По этой, предложенной *Линне́* и общепризнанной системѣ домашняя собака называется Canis familiaris, волкъ—C. lupus, лисица—C. vulpes, шакалъ—C. aureus, песецъ—C. lagopus и т. д. Ради болѣе легкаго обозрѣванія и описанія животнаго царства, признаются еще другія, болѣе обширныя и подавно искусственныя категоріи, а именно: *семейства* (familiae), какъ совокупности близкихъ родовъ, *отряды* или *порядки* (ordines), какъ совокупности семействъ, *классы* (classes), какъ совокупности отрядовъ, наконецъ, *типы* (typi), какъ совокупности сродныхъ классовъ. До недавняго времени типы разсматривались какъ строго разграниченные, замкнутые естественные отдѣлы, характеризующіеся самостоятельными основными планами организаціи. Въ настоящее время извѣстно немало переходныхъ формъ между типами, а Сравнительною анатоміею и Эмбріологіею раскрыты общія всѣмъ типамъ черты организаціи и развитія. Шаткость самаго понятія о типѣ проистекаетъ также изъ крупныхъ разногласій по отношенію къ числу долженствующихъ быть принятыми типовъ.

Въ настоящемъ учебникѣ принято всего 7 типовъ, а именно: *Простѣйшія* (Protozoa), *Кишечнополостныя* (Coelenterata), *Иглокожія* (Echinodermata), *Черви* (Vermes), *Членистоногія* (Arthropoda), *Мягкотѣлыя* (Mollusca) и *Позвоночныя* (Vertebrata). Низшему изъ этихъ типовъ, какъ объемлющему животныхъ одноклѣтныхъ, противопоставляется, подъ названіемъ Metazoa, вся совокупность остальныхъ типовъ, о чемъ упомянуто уже выше. Подраздѣленіе же всего царства животныхъ прежде всего

на Безпозвоночныхъ (Evertebrata) и Позвоночныхъ (Vertebrata) въ настоящее время утратило научное значеніе.

9. Сожительство животныхъ. Принудительному сожительству колоніальныхъ индивидуумовъ, происходящихъ, какъ уже сказано выше, путемъ неполнаго дѣленія или почкованія изъ одной первоначальной особи, противопоставляется самопроизвольная группировка въ общежитія животныхъ, морфологически самостоятельныхъ. Сюда относятся случаи сліянія или слипанія двухъ или болѣе особей простѣйшихъ животныхъ, отчасти мотивируемые половымъ сближеніемъ (цѣпи грегаринъ). Гораздо болѣе распространены тѣ формы общежитія, при которыхъ индивидуумы сохраняютъ свою морфологическую самостоятельность. Таковы временныя или постоянныя стаи птицъ и рыбъ, табуны и стада млекопитающихъ, человѣческія общежитія. Общность интересовъ и взаимная помощь при удовлетвореніи стремленія къ пищѣ и размноженію, отчасти и при оборонѣ, составляетъ основной мотивъ къ образованію такихъ сожительствъ. Болѣе тѣсное сожительство, какъ у людей и соціальныхъ насѣкомыхъ, ведетъ къ раздѣленію труда, который въ крайнихъ случаяхъ выражается въ *полиморфизмѣ* особей (пчелы, муравьи, термиты), аналогичному полиморфизму колоніальныхъ трубчатниковъ.

Сближеніе между особями, принадлежащими въ различнымъ видамъ, основано на разнообразныхъ причинахъ. Самая общая заключается въ стремленіи всѣхъ организмовъ, при безпредѣльномъ размноженіи, захватить все наличное пространство, не исключая и мѣстъ крайне неблагопріятныхъ для жизни, каковы: глетчеры, подземныя пещеры, мрачныя пучины океана. Тѣсня другъ друга, организмы селятся и на другихъ организмахъ, внѣдряются даже во внутрь ихъ. При этомъ сожительство ихъ можетъ имѣть чисто случайный характеръ. Такъ раковины улитокъ и устрицъ, скорлупки раковъ могутъ быть густо покрыты самыми разнообразными другими организмами, поселяющимися столь-же охотно и на безжизненныхъ подводныхъ предметахъ. Въ другихъ примѣрахъ сожительство, либо сохраняя случайный характеръ, либо становясь предумышленнымъ, оказывается въ томъ или другомъ отношеніи полезнымъ для одного или участниковъ. Такъ крабъ Inachus не только кормится гидроидами, случайно поселившимися на его скорлупѣ, но и разводитъ ихъ тутъ искусственно; муравьи содержатъ стада травяныхъ вшей, медовымъ сокомъ которыхъ лакомятся, а также муравьевъ болѣе мелкихъ видовъ, которыхъ заставляютъ работать какъ невольниковъ. Они не только терпятъ въ своемъ муравейникѣ нѣкоторыхъ жуковъ, какъ напримѣръ слѣпого Claviger, но и ходятъ за ними. Сожительство разнородныхъ организмовъ, сопряженное съ обоюдной выгодой контрагентовъ, обозначается

названіемъ *симбіозъ*. Особенно наглядный примѣръ его представляетъ собою сожительство раковъ-отшельниковъ съ актиніями (табл. I, рис. 7). Актинія, сидя на краю обитаемой ракомъ пустой раковины, принимаетъ своимъ широко раскрытымъ ртомъ взбаломучиваемую имъ воду съ содержащимися въ ней мелкими организмами и, быть можетъ, при случаѣ, пользуется также крупными отбросами его трапезы. Когда подрастающему раку, за тѣснотою раковины, приходится мѣнять ее на другую, болѣе просторную, онъ пересаживаетъ на нее клешнями сожительницу. Послѣдняя, быть можетъ, защищаетъ его своими крапивными органами. Заводящіеся въ рубцѣ жвачныхъ миріадами животные и растительные микроорганизмы, вызывая въ содержимомъ броженіе, переводятъ его, въ особенности клѣтчатку, въ удобоваримыя химическія соединенія, а въ сычугѣ и кишкахъ, вѣроятно, сами перевариваются. Химическому разложенію съѣдаемыхъ человѣкомъ неудобоваримыхъ веществъ въ желудкѣ и кишечникѣ точно также могутъ содѣйствовать связанные съ нимъ симбіозомъ микроорганизмы. Многія инфузоріи, гидры, бодяги, черви и т. д. обязаны своимъ зеленымъ или желтымъ цвѣтомъ живущимъ въ нихъ одноклѣтнымъ водорослямъ. Потребляя выдѣляемую тѣломъ животнаго углекислоту, водоросли снабжаютъ его кислородомъ. Симбіозъ нѣкоторыхъ низшихъ органовъ съ такими водорослями кажется явленіемъ постояннымъ, быть можетъ, даже необходимымъ для ихъ жизни. Особую форму симбіоза представляетъ обитаніе внутри женскаго организма карликовыхъ самцовъ, оплодотворяющихъ яйца, но самихъ питающихся на счетъ самки. Въ мочевомъ пузырѣ крысы водится самка круглаго червя Trichosomum crassicauda, въ маткѣ которой обитаютъ ея карликовые самцы въ числѣ обыкновенно отъ 2 до 3, рѣже до 5; а въ начальной кишкѣ самки Bonellia viridis держатся карликовые же самцы весьма упрощеннаго вида (рис. 8).

Форма сожительства, сопряженная съ пользою для одного только изъ контрагентовъ, а именно для болѣе слабаго и мелкаго, нашедшаго пріютъ и пищу у болѣе крупнаго, называется *паразитизмомъ*. При этомъ сожительствѣ животное, оказавшее недобровольный пріютъ другому, называется хозяиномъ, нашедшее его—паразитомъ. Послѣдній въ большинствѣ случаевъ наноситъ первому большій или меньшій вредъ. Между животными, обитающими у другого на правахъ симбіоза и паразитизма, въ иныхъ случаяхъ трудно провести строгую границу. Точно также стушевывается граница между паразитами и мелкими хищниками (блохи, клещи, пьявки). Говорятъ, далѣе, о случайныхъ паразитахъ (личинки мухъ въ язвахъ). Одни изъ паразитовъ являются таковыми только въ извѣстный періодъ своей жизни, другіе же постоянно. Впро-

чемъ, существованіе паразитовъ—такихъ-же равноправныхъ членовъ природы, какъ и всѣ остальныя животныя—можетъ быть только гарантировано переходомъ ихъ яицъ или зародышей въ другихъ хозяевъ, такъ какъ иначе, со смертью всѣхъ наличныхъ хозяевъ, одержимыхъ даннымъ видомъ паразита, все племя послѣдняго должно бы угаснуть. Нѣтъ такого животнаго или такого органа, въ которомъ не могли бы встрѣчаться паразиты. Отъ нихъ не свободны и простѣйшія животныя, и яйца многоклѣтныхъ. Существуютъ паразиты паразитовъ, которые въ свою очередь могутъ быть одержимы паразитами. Наиболѣе подвержены имъ поверхность тѣла и полости, сообщающіяся съ внѣшнимъ міромъ (пищеварительная, дыхательная). Паразиты либо активно вступаютъ въ сожительство съ хозяиномъ, либо заносятся въ него пассивно, по преимуществу вмѣстѣ съ пищею. Къ заносимымъ вмѣстѣ съ пищей (или питьемъ) принадлежатъ также паразиты, живущіе поочередно или въ различные возрасты въ различныхъ хозяевахъ. Большинство такихъ перекочевывающихъ паразитовъ достигаетъ половой зрѣлости лишь въ тѣлѣ опредѣленнаго рода животнаго, которое получаетъ названіе собственно хозяина, въ противоположность *промежуточному хозяину*, носителю незрѣлой формы. Иные изъ паразитовъ весьма не разборчивы на счетъ хозяевъ (трихина), другіе встрѣчаются въ разныхъ органахъ лишь опредѣленнаго хозяина или, наконецъ, пріурочены предпочтительно, или даже исключительно, къ одному изъ его органовъ. Различаютъ *экто-* и *энтопаразитовъ*, далѣе *постоянныхъ* (стаціонарныхъ, осѣдлыхъ) и *временныхъ;* но эти категоріи не строго разграничены.

Всѣ паразиты, какъ животныя болѣе простыя, низшія, произошли раньше своихъ хозяевъ и вели первоначально свободный образъ жизни. Это подтверждается съ одной стороны существованіемъ въ весьма тѣсныхъ группахъ какъ свободно живущихъ, такъ и паразитныхъ формъ, и, далѣе, исторіей развитія многихъ изъ паразитовъ. Извѣстны такіе паразиты, которые нисколько или лишь мало измѣнились противъ свободно живущихъ родичей; у другихъ же наблюдаются весьма коренныя преобразованія, каковы исчезновеніе пищеварительнаго аппарата, органовъ передвиженія, органовъ чувствъ. Утративъ лишніе для нихъ органы, многіе паразиты пріобрѣли особенно развитый половой аппаратъ. Послѣдній производитъ массу яицъ или зародышей, численностью которыхъ уравновѣшиваются плохіе шансы каждаго изъ зародышей найти новаго хозяина. Спеціальными приспособленіями къ паразитическому образу жизни являются аппараты для удерживанія на тѣлѣ или внутри тѣла хозяина, каковы крючья и присоски. Противъ свободно живущихъ формъ паразиты измѣняются иногда до неузнаваемо-

сти (паразитныя ракообразныя, пентастомиды).—Число найденныхъ до сихъ поръ у человѣка паразитовъ простирается приблизительно до сотни видовъ. Многіе изъ нихъ совершенно безвредны, другіе лишь въ большихъ количествахъ становятся пагубными. Вообще же вредъ, причиняемый паразитами, сводится къ присвоенію ими питательныхъ веществъ, обремененію хозяина своимъ объемомъ и вѣсомъ, къ давленію, раздраженію, пораненію и даже разрушенію его органовъ.

II. Общая исторія развитія.

А) Онтогенезъ.

1. Самопроизвольное зарожденіе (Generatio aequivoca, spontanea, Abiogenesis s. Archigonia). Естественный предѣлъ жизни животныхъ индивидуумовъ предполагаетъ постоянное происхожденіе новыхъ, для поддержанія органической жизни на нашей планетѣ. Изъ числа возможныхъ способовъ происхожденія новыхъ индивидуумовъ въ былыя времена широкій просторъ отводился зарожденію безъ участія родителей, изъ неоживленныхъ органическихъ или неорганическихъ веществъ. Такъ, *Аристотель* допускалъ самопроизвольное зарожденіе изъ ила даже угрей и лягушекъ. Научные корифеи XVII и XVIII вв., каковы *Гарвей*, *Спалланцани*, *Реди*, *Резель*, *Сваммердамъ*, опытами и наблюденіями значительно съузили кругъ животныхъ, для которыхъ могло быть допустимо самопроизвольное зарожденіе. Первому изъ названныхъ ученыхъ принадлежитъ извѣстное изреченіе „Omne vivum ex ovo“. Однако, еще въ настоящемъ столѣтіи казавшееся столь загадочнымъ появленіе глистъ внутри, даже не сообщающихся съ внѣшнимъ міромъ, органовъ и полостей тѣла считалось доказательствомъ происхожденія ихъ путемъ осажденія изъ соковъ хозяина или перерожденія его тканей. Позже къ самопроизвольному зарожденію прибѣгали для объясненія появленія низшей животной жизни въ сосудахъ съ водою и съ гніющими жидкостями, пока *Пастеромъ* не было доказано распространенія всюду въ воздухѣ жизнеспособныхъ организмовъ и ихъ зародышей, а также непоявленіе организмовъ въ тщательно стерилизованныхъ и предохраняемыхъ отъ загрязненія жидкостяхъ. Въ настоящее время нѣтъ ни одного положительнаго указанія на фактическое существованіе самопроизвольнаго зарожденія въ современную эпоху. Тѣмъ не менѣе этотъ способъ развитія простѣйшихъ организмовъ, хотя бы въ видѣ живой протоплазмы, долженъ былъ имѣть мѣсто въ тотъ періодъ, когда по охлаж-

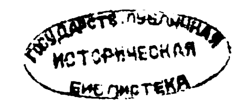
деніи первоначально расплавленнаго земного шара, на немъ появились первые зачатки органической жизни; а что было возможно тогда, надо полагать, возможно и теперь, если не въ открытой природѣ, то при искусственно созданныхъ условіяхъ.

2. Безполое размноженіе. При этой формѣ размноженія особенно наглядно оправдывается положеніе, что размноженіе сводится къ росту за предѣлы индивидуума. При безполомъ размноженіи участвуетъ одна только особь, которая можетъ быть названа материнской, и сама по себѣ можетъ представляться безполой, но также женской или даже мужской или гермафродитной. Безполое размноженіе подводится подъ два, не всегда строго разграниченныхъ типа: дѣленіе и почкованіе.—*Дѣленіе* характеризуется распаденіемъ или разрывомъ животнаго на двѣ, рѣже болѣе частей. Оно наблюдается по преимуществу у Protozoa, но иногда и у Metazoa (полипы). Распадаясь на дочерныя особи, материнская перестаетъ существовать, не умирая. Отсюда ученіе о „потенціальномъ безсмертіи" простѣйшихъ, одноклѣточныхъ и естественной смерти какъ болѣе поздняго біологическаго установленія (*Вейсманъ*). Дѣленіе у формъ съ явственною продольною осью тѣла совершается чаще всего поперекъ или вдоль, рѣдко наискось. При неполномъ дѣленіи происходятъ колоніи животныхъ (многіе простѣйшіе, полипы). Если, какъ у грегаринъ, дѣленіе идетъ быстро и послѣдовательно, при чемъ материнскій организмъ распадается на множество мелкихъ зачатковъ или споръ, тогда говорятъ о *спорованіи*.—*Почкованіе*, въ противоположность дѣленію, не сопряжено съ уничтоженіемъ индивидуальности „матери". На ней появляются лишь выросты, почки, какъ новообразованія, впослѣдствіи отдѣляющіяся (гидра, многіе полипы). Почки могутъ образоваться либо безразлично на той или другой части тѣла или же иногда, на спеціально предназначенномъ для того органѣ (сальпы). Почкованіе, подобно дѣленію, ведетъ нерѣдко къ образованію колоній. Образованіе верхушечной почки приближается къ дѣленію, и при томъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше разница въ объемѣ матери и почки. Немногія животныя обладаютъ одновременно какъ почкованіемъ, такъ и дѣленіемъ. Оба способа безполаго размноженія могутъ и комбинироваться (морскія звѣзды, нѣкоторые кольчецы), при чемъ на дочерномъ организмѣ, передъ или по окончаніи дѣленія, образуются вновь путемъ почкованія недостающія ему части.

3. Однополое размноженіе. Оно предполагаетъ или индифферентную въ половомъ отношеніи или женскую особь съ яйцевыми клѣточками, развивающимися въ зародышъ безъ предварительнаго оплодотворенія. Ясно, что однополое размноженіе мыслимо только у Metazoa, тѣмъ болѣе, что у Pro-

tozoa оно не могло бы быть отличимо отъ дѣленія и спорованія. Такъ какъ двуполый способъ размноженія, существуя уже у Protozoa, представляется весьма древнею формою, то многіе авторы склонны думать, что даже самые первоначальные, намъ не извѣстные Metazoa и подавно уже обладали имъ. И дѣйствительно, мы затрудняемся указать на такіе Metazoa, у которыхъ однополый способъ размноженія могъ бы считаться несомнѣнно первоначальнымъ. Однако, индифферентная въ половомъ отношеніи первоначальная ступень развитія зародыша Metazoa носитъ характеръ женскій, а первоначальныя половыя клѣточки характеръ клѣточекъ яйцевыхъ, а потому мы склоняемся теоретически въ пользу первоначальнаго однополаго размноженія, какъ предшествовавшаго двуполому. Засимъ указываемые обыкновенно примѣры однополаго или *дѣвственнаго размноженія* (Parthenogenesis) можно разсматривать какъ случаи упростившагося двуполаго размноженія, подводя ихъ подъ явленія атавизма, т. е. возврата къ первоначальному типу предковъ. У нѣкоторыхъ ракообразныхъ и насѣкомыхъ размноженіе совершается обыкновенно помощью неоплодотворенныхъ яицъ (дафниды, афиды), самцы же появляются лишь періодически; у иныхъ появленіе самцовъ составляетъ феноменальную рѣдкость, наблюдается лишь въ исключительные годы (Apus, рис. 1), или же самцы еще вовсе не были найдены (извѣстные ихневмониды). Пчелиная матка кладетъ въ перемежку способныя къ развитію какъ оплодотворенныя, такъ и неоплодотворенныя яйца. Наблюдающееся у нѣкоторыхъ червей и насѣкомыхъ партеногенетическое размноженіе недоразвитыхъ, юношескихъ формъ получило названіе *дѣтскаго размноженія* (Paedogenesis). Сюда относится рожденіе личинками комаровъ-цецидомій Miastor (рис. 9) въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній подобныхъ имъ личинокъ.

4. Двуполое размноженіе. Оно сопряжено съ *оплодотвореніемъ*, т. е. съ соединеніемъ двоякаго рода клѣточекъ, яйцевой и сѣменной, при полномъ активномъ сліяніи амебоидно двигающихся ядеръ, яйцевого и сѣменного. Процессъ оплодотворенія выработался изъ наблюдаемыхъ уже у Protozoa копуляціи и конъюгаціи. Явленія партеногенеза, въ особенности случайнаго, а также возможность прохожденія неоплодотворенными яйцами всякаго рода животныхъ первоначальныхъ ступеней развитія, умаляютъ принципіальное значеніе оплодотворенія. Половыя клѣточки представляютъ собою наиболѣе прямолинейные, наименѣе уклонившіеся потомки первоначальной (яйцевой) клѣточки, изъ которой развился сложный организмъ. Это справедливо не только для женскихъ половыхъ клѣточекъ, но и для мужскихъ, представляющихъ лишь дальнѣйшее, видоизмѣненное потомство первыхъ („Перво-



УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1893 годъ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

(Императорскаго Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ)

въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) — оффиціальную (протоколы, отчеты и т. п.) и 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержа-

нія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1893 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ,** а съ пересылкой **семь рублей.** Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій,** при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородніе могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

Объявленіе отъ редакціи

„ВАРШАВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ“.

Варшавскія Университетскія Извѣстія выходятъ девять разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца). Составъ выпусковъ: I) оффиціальный отдѣлъ (протоколы засѣданій Совѣта, отчеты, инструкціи, отзывы и т. п.); II) неоффиціальный отдѣлъ (оригинальныя сочиненія гг. профессоровъ и прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ Университету, справочныя свѣдѣнія и т. п.).

Подписная цѣна—5 рублей съ пересылкою.

Подписныя деньги должны быть высылаемы въ Правленіе Императорскаго Варшавскаго Университета.

Редакторъ проф. *С. М. Лукьяновъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

Условія подписки:	**На годъ.**	**По полугодіямъ.**		**По четвертямъ года.**			
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей . . .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается **безъ повышенія годовой цѣны подписки.** Книгопродавцамъ уступка въ 50 к. съ годового экземпляра.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: *въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9*, и въ отдѣленіяхъ Конторы; въ *Москвѣ* въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени* и *Н. П. Карбасникова.*

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1892 г. ВЪ „СѢВ. ВѢСТН.“ БЫЛО, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, НАПЕЧАТАНО:

„Золото“, ром. *Д. Мамина-Сибиряка;* **Жена**, пов. *А. Чехова;* **Севилья**, миражи, впечатлѣнія, легенды *В. Немировича-Данченко;* **Законныя жены**, очерки *Ольги Шапиръ;* **Трупъ**, разск. *П. Боборыкина;* **Vae victis**, отрывокъ неоконч. романа *Софьи Ковалевской;* **Петербургскій случай**, пов. *К. Баранцевича;* **Грани жизни**, ром. *А. Луговаго;* **Общество грамотности**, посмертный разск. *Каронина;* **Передъ чѣмъ-то**, *П. Боборыкина;* **Обида**, пов. *А. Шеллера* (Михайлова); **Дневникъ Маріи Башкирцевой**, пер. съ франц.; **Алія**, ром. *Леффлеръ ди-Кайянелло*, перев. со шведскаго; **Софья Ковалевская** (Что я пережила съ нею и что она разсказывала мнѣ о себѣ), *Лефферъ ди-Кайянелло,* перев. со шведской рукописи *М. Лучицкой,* Статьи: **Неурожаи въ Россіи и ихъ причины**, *Л. Весина;* **Открытое письмо Генри Джорджа къ Папѣ Льву XIII**, проф. *И. Янжула;* **Право и справедливость**, проф. *С. Муромцева;* **Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка**, проф. *Ѳ. Леонтовича;* **Криминальная антропологія**, проф. *В. Чижа;* **Наканунѣ новаго столѣтія**, проф. *Алексѣя Веселовскаго;* **Объ усталости**, *М. Манасѣиной;* **Двадцатипятилѣтіе передвижниковъ**, **Вѣнская музыкально-театральная выставка** и др., *В. Стасова;* **Кавалеры и круглоголовые**, проф. *Максима Ковалевскаго;* **Врагъ съ Востока**, *Влад. Соловьева;* **Борьба растеній съ засухой**, проф. *К. Тимирязева;* **Генрихъ Ибсенъ и его пьесы**, *Н. Минскаго;* **Судебная фотографія**, *П. Щеговитова*, и друг. Стихотворенія: *А. Жемчужникова, Н. Минскаго, Влад. Соловьева* и друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) **Областной отдѣлъ**, 2) **Земскій отдѣлъ**, *И. Бѣлоконскаго,* 3) **Провинціальная печать**, 4) **Новыя книги**, 5) **Письма изъ Америки**, *В. Макъ-Гаханъ;* **Письма изъ Парижа**, *Роберъ де Серизи*, **Письма изъ Италіи**, *Л. Рускина*, 6) **Внутреннее обозрѣніе**, 7) **Политическая лѣтопись**, проф. *А. Трачевскаго* и 8) **Литературныя замѣтки**, *А. Волынскаго.*

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ слѣдующія лица:

М. Н. Альбовъ, А. Л. Волынскій, Л. Я. Гуревичъ, Л. А. Полонскій, А. П. Субботинъ и А. С. Трачевскій.

Издательница ***Л. Я. Гуревичъ.*** Редакторъ ***М. Н. Альбовъ.***

За объявленія, требующія особаго прибавленія—по соглашенію съ конторой. За разсылку при газетѣ объявленій взимается восемь руб. съ тысячи экземпляровъ.

Казенныя объявленія принимаются по установленной таксѣ.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи, а также въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петербургскія линіи).

Доставляемыя статьи должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставленныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными и поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. Редакція возвращаетъ статьи безъ всякихъ объясненій. Мелкія замѣтки уничтожаются. Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію.

Контора для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ и отъ 6-ти до 8-ми часовъ вечера.

Редакція открыта для личныхъ объясненій отъ 11-ти до 12-ти часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“
на 1893 годъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Передовыя статьи, по вопросамъ о внутренней и внѣшней политикѣ. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Внутреннія извѣстія. 10) Внѣшнія извѣстія. 11) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 12) Библіографическія замѣтки. 13) Смѣсь. 14) Справочный отдѣлъ.

Условія подписки и подписная цѣна обозначены въ заголовкѣ каждаго №. газеты.